

СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
КАПОШВАРСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

РОССИЙСКО-АВСТРИЙСКИЙ АЛЬМАНАХ: ИСТОРИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Выпуск VI

Ставрополь
2018

УДК 94.43 (082)
ББК 63.3(44) я43
Р 76

Рецензенты

доктор исторических наук, профессор **В. Ю. Апрыщенко**,
доктор исторических наук, профессор **С. С. Лазарян**

Редакционная коллегия

Колонтари А. (Капошварский университет),
Крючков И. В. – ответственный редактор (СКФУ),
Крючкова Н. Д. (СКФУ),
Мионов В. В. (Тамбовский государственный университет),
Павленко О. В. – ответственный редактор (РГГУ),
Стыкалин А. С. (Институт славяноведения РАН),
Шварц И. (Венский университет)

Р 76 Российско-австрийский альманах: исторические и культурные параллели. Вып. VI. – Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2018. – 186 с.

ISBN 978-5-9296-0923-7

Шестой выпуск «Российско-австрийского альманаха: исторические и культурные параллели» посвящен актуальным проблемам развития взаимоотношений империи Габсбургов с Россией, их участию в Первой мировой войне. Отдельное внимание в альманахе отводится формированию взаимных образов и представлений в России и империи Габсбургов, а также различным аспектам истории России (СССР) и Австрийской республики. В альманахе вошли материалы исследователей из разных городов России – Москвы, Ставрополя, Тамбова, Ростова на Дону. Кроме российских авторов, в альманахе представлены материалы зарубежных коллег из Австрии, Венгрии, Украины и Белоруссии.

Издание предназначено для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов гуманитарных специальностей ВУЗов, а также для всех интересующихся историей народов Средней Европы.

УДК 94.43 (082)
ББК 63.3(44) я43

ISBN 978-5-9296-0923-7

© Северо-Кавказский федеральный университет, 2018
© Российский государственный гуманитарный университет, 2018
© Капошварский университет, 2018
© Коллектив авторов, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I. Взаимоотношения России и империи Габсбургов в XVIII – начале XX вв.	
	5 Сироткина Е. В. Австрийско-российские отношения в начале 1870-х гг.: возрождение союза «Восточных монархий»
	13 Крючков И. В. Россия и Австро-Венгрия: политика сотрудничества и компромиссов на Балканах (1896–1908 гг.)
	26 Птицын А. Н. Переселение подданных Габсбургской монархии в Россию в XVIII – первой половине XIX века
Раздел II. Россия и Австро-Венгрия в Первой мировой войне	
	37 Ведерников М. В. Чешское общество в годы Первой мировой войны: историографические аспекты проблемы
	46 Безаров А. Т. Политика российской оккупационной администрации в отношении еврейского населения Буковины во время Первой мировой войны (1914–1917 гг.)
	61 Миронов В. В. Борьба с эпидемиями на Волыни во время австро-венгерской оккупации в ракурсе «культурной истории» Первой мировой войны
	65 Саваи Ф., Колонтари А. Однодневное государство в круговороте послевоенной разрухи. История Гейнценландской республики (6–7 декабря 1918 г.)
Раздел III. Россия и Австро-Венгрия: взаимные образы и представления	
	73 Тихонова Н. М. Балканский кризис 1908 г. на страницах журнала «Русская мысль»
	85 Котов Б. С. «Ложная Европа»: образ Австро-Венгрии в российской прессе накануне Первой мировой войны
	91 Романенко С. А. Образ революционной России в Австро-Венгерской империи между февралём и октябрём 1917 г.
	97 Павленко О. В. Советские исследования монархии Габсбургов и славянского вопроса во второй половине XIX – начале XX вв.

**Раздел IV. Россия и Австрия
на перекрестках европейской
истории**

- 106** **Ткаченко Д. С.** Политико-идеологические аспекты появления первых российских памятников в Закавказье в 30–40 гг. XIX в.
- 115** **Булыгина Т. А., Клопихина В. С.** Организация Истпарта как инструмента выработки советского конструкта исторической памяти: Региональный контекст
- 122** **Сальков А. П.** Югославно-австрийский противоречия в Южной Каринтии в формате советской внутриблоковой политики и международного урегулирования австрийского вопроса (май 1945 – февраль 1948 г.)

Раздел V. Документы

- 136** **Шварц И.** Газеты Фуггеров об окончании Ливонской войны
- 149** **Стыкалин А. С., Колин А. И.** «Пребывание наших войск в Германштадте и Кронштадте теперь более, чем когда-либо необходимо». Межэтнические распри в Трансильвании в условиях венгерской революции 1848–1849 гг. и российское военное присутствие в Дунайских княжествах

4

Раздел VI. Рецензии

- 179** **Constantin Ungureanu.** Sistemul de învățământ din Bucovina în perioada stăpânirii austriece (1774–1918). Chișinău, 2015. 456 p.
[Унгуряну Константин. Система образования Буковины в период австрийского господства (1774–1918). Кишинев, 2015. 456 стр.]

**Сведения
об авторах**

184

Раздел I

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РОССИИ И ИМПЕРИИ ГАБСБУРГОВ В XVIII – НАЧАЛЕ XX вв.

Е. В. Сироткина

АВСТРИЙСКО-РОССИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В НАЧАЛЕ 1870-х гг.: ВОЗРОЖДЕНИЕ СОЮЗА «ВОСТОЧНЫХ МОНАРХИЙ»

5

В последней трети XIX в. происходила смена целых эпох в истории международных отношений. На смену Венской системе с ее стремлением к согласию и коллективным действиям приходит «священный эгоизм» национальных государств. Однако возвращения к анархии конкурирующих между собой государств не произошло, поскольку система получила новую международно-правовую и фактическую основу в лице долгосрочных союзов, начало которым положил Бисмарк. Отныне внешнеполитическая деятельность государств основывалась на расчетах соотношения сил и концепции национальных интересов, так называемой «Realpolitik».

По словам американского политолога Г. Киссинджера в соответствии со всеми традициями «Realpolitik» в это время, скорее всего, должны были бы возникнуть европейские коалиции, готовые сдерживать растущие, потенциально преобладающие силы Германии. Находясь в центре континента, та ощущала себя в постоянной опасности того, что Бисмарк называл «le cauchmar des coalitions» – кошмаром враждебных, опоясывающих со всех сторон коалиций. Но если бы Германия попыталась защитить себя против коалиций соседей с запада и востока одновременно, она обязательно угрожала бы им каждому в отдельности, что лишь ускорило бы формирование этих коалиций¹.

¹ Киссинджер Г. Дипломатия / пер. с англ. М., 1997. С. 121.

Германия в высшей степени проявляла заинтересованность в сохранении Австро-Венгерской империи, ибо коллапс дуалистической монархии таил в себе риск всей бисмарковской политики в Германии. Немецкоязычные католики империи захотели бы тогда присоединиться к Германии, что поставило бы под угрозу преобладание протестантской Пруссии, за что Бисмарк так упорно боролся, а развал Австро-Венгерской империи лишил бы Германию единственного надежного союзника. С другой стороны, хотя Бисмарк и хотел сохранить Австрию, у него не было ни малейшего желания бросать вызов России. Эту головоломку он в течение нескольких десятилетий умело задвигал на второй план, но разрешить ее так и не смог.

Положение усугублялось еще и тем, что Османская империя находилась в состоянии глубокого кризиса, что порождало частые споры между великими державами по поводу дележа добычи. Бисмарк как-то сказал, что, когда собираются пятеро игроков, лучше всего играть на стороне троих². Однако к этому времени из числа пятерых великих держав: Англии, Франции, России, Австрии и Германии – Франция стала враждебной, Англия – недоступной благодаря политике «блестящей изоляции», Россия – сомнительной из-за конфликта с Австрией. Чтобы создать дипломатический союз из троих, Германии нужен был альянс с Россией и Австрией одновременно.

² Цит. по: Киссинджер Г. Указ. соч. С. 122.

Возрождение в той или иной форме союза трех «восточных монархий» соответствовало как консервативным идеалам Бисмарка, так и его представлениям о соотношении сил в Европе: «Всю политику можно свести к формуле: постарайся держаться строем, пока ненадежным равновесием распоряжаются пять великих держав. Вот настоящая гарантия против коалиций»¹. Союз с Австро-Венгрией должен был, по мысли Бисмарка, продемонстрировать России угрозу политической изоляции и заставить ее обратиться к Берлину. К тому же в случае, если желаемую германским канцлером связь трех империй удалось бы воссоздать, Германия, чувствуя за собой поддержку своего австрийского союзника, уже не играла бы внутри этой связи роль младшего партнера России.

Образование в 1867 г. дуалистической Австро-Венгерской монархии имело важные международно-правовые аспекты. Бисмарк был заинтересован в укреплении и усилении позиции Венгрии в дуалистическом союзе, как единственного фактора, способного удержать военную партию при венском дворе от новых авантюр. Граф Дьюла Андраши – занимавший с 17 февраля 1867 г. пост министра-президента Транслейтании и возглавлявший министерство народной обороны – со своей стороны надеялся не допустить выступления Австро-Венгерской империи против Пруссии на стороне Франции. Для него победа была так же нежелательна, как и поражение, которое могло бы стать началом распада Австро-Венгрии, чего он тоже хотел бы избежать. В конце концов, на основе осознанной общности интересов сложился весьма прочный, продолжительный и эффективно действовавший тандем. Так Бисмарк дал решительный отпор планам румынского короля Карла Гогенцоллерна в 1868 г., когда в Бухаресте зародились идеи отторжения от Венгрии Трансильвании, грозя разрывом дипломатических отношений и полной поддержкой Будапешту. Со своей стороны Андраши, когда началась Франко-прусская война, на двух решающих совещаниях в Вене в июле и в августе 1870 г. употребил все свое красноречие и влияние, чтобы провалить предложение министра

иностранных дел Ф. Ф. фон Бойста и военной партии о вступлении в войну на стороне Франции. Он сумел добиться сохранения Австро-Венгрией нейтралитета в этой войне. Блок Андраши – Бисмарка действовал безотказно.

Через год возникла новая, столь же серьезная угроза дуалистической системе на этот раз со стороны чешских и австрийских деятелей. Они убедили императора подписать так называемые Фундаментальные статьи, которые превращали дуализм в триализм – в качестве полноправного партнера к Австрии и Венгрии должна была присоединиться Чехия. Андраши, опираясь на Бисмарка, сумел убедить Франца Иосифа в необходимости дезавуировать самого себя. Тот не только дал себя уговорить, но тотчас же отправил в отставку премьера австрийского кабинета, а заодно и министра иностранных дел.

Большой сенсацией стала неожиданная отставка Бойста и назначение 13 ноября 1871 г. Андраши министром иностранных дел. Венгры чрезвычайно гордились тем, что впервые с момента существования Монархии из их среды был призван руководитель внешней политики *«История Андраши как министра иностранных дел в период с 1871 по 1879 гг. одновременно является историей Бисмарка»*, – подчеркивал биограф Андраши Э. Вертхаймер (курсив автора)².

С назначением Андраши на пост министра иностранных дел Австро-Венгрии принцип дуализма стал осуществляться и в сфере внешней политики. Впервые Венгрия начала оказывать непосредственное и прямое влияние на разработку внешнеполитической концепции, принятие решений по международным вопросам и на их реализацию в масштабах империи.

Проводя параллель между своей политикой и политикой Бойста и, признавая известную преемственность между ними, Андраши подчеркивал, что Бойст видел путь к успеху в сохранении свободных рук, тогда как он предпочитает сложный путь взаимобязывающих соглашений³. Андраши отмежевывался от приверженности к традиционности и

¹ Цит. по: Медяков А. С. История международных отношений в Новое время. М., 2007. С. 348.

² Wertheimer E. v. Graf Julius Andrassy. Sein Leben und seine Zeit. Nach ungedruckten Quellen. Bd. 1. Bis zur Ernennung zum Minister des Aussern. Stuttgart, 1910. S. XVIII.

³ АВПРИ. Канцелярия. 1872 г. Д. 107. Л. 3–4.

ориентации на так называемый европейский правовой порядок, которыми нередко Бойст пытался обосновывать свой внешнеполитический курс. «Никакая политика, – заявлял Андраши, – не должна определяться традициями, а должна обеспечивать шансы на успех с помощью эффективных комбинаций: правильна только такая внешняя политика, которая правильна и стратегически»¹.

Вектор австрийско-венгерской политики при Андраши окончательно смещается на Балканы. «Австрия, выдворенная из Италии и Германии, обращается к Востоку, где ее интересы нам особенно враждебны», – констатировал руководитель внешней политики Российской империи князь А. М. Горчаков².

Андраши занимает пост министра иностранных дел Австро-Венгрии в условиях политической стабильности, но растущих экономических трудностей. Биржевой кризис 1873 г., совпав с началом общей экономической депрессии в Европе, оказывал влияние на экономическую жизнь империи вплоть до 1880-х гг. Экономический подъем конца 1860-х гг. завершился и наступило десятилетие бюджетного дефицита. Эти трудности нашли отклик в усилиях правительства по развитию австро-венгерской торговли с балканскими государствами, заинтересованности в строительстве и улучшении сухопутных и морских путей в направлении к Османской империи и в решимости любыми средствами препятствовать утверждению господства потенциально враждебной державы – России – над Боснией, Герцеговиной и санджаком Новибазар – воротами к рынкам Македонии и Салоник.

Россия оставалась основным конкурентом Австро-Венгрии на Балканах, оказавшихся в центре всех внешнеполитических планов Габсбургской империи. В панславянской практике России и вовсе усматривалась угроза целостности Двуетной монархии. Согласие Турции на изменения в Парижском договоре 1856 г. улучшило русско-турецкие отношения, благодаря чему перед Россией открывались новые возможности на Востоке. Успех России на Лондонской конференции по Черноморскому вопросу и усиление ее международных позиций после

Франко-прусской войны оказывали заметное влияние на настроение Андраши. С одной стороны, это заставляло считаться с Россией, с другой – внушало усиленную тревогу за австрийские интересы в зонах столкновений с интересами России. А так как балканские планы Андраши заходили столь далеко, что не допускали примирения с русским влиянием в этом районе, он пришел на Балльхаусплац, с уже сформировавшейся мыслью о необходимости превентивной войны против России. «Если вопрос с Россией будет решен, – говорил Андраши, – тогда вопрос с Востоком решится сам собой»³. Он был далек от самонадеянной уверенности в способности Австро-Венгрии решить эту задачу самостоятельно – силы были слишком неравны. Речь шла о создании для этой цели европейской коалиции, возможной, поскольку, как он полагал, в защите от русской экспансии была заинтересована вся Европа. Именно поэтому, утверждал Андраши, «пока Австрия является оплотом против России, ее существование будет оставаться европейской необходимостью»⁴.

Андраши не оставлял также мысли об антирусском союзе с Германией, хотя еще в ноябре 1870 г. услышал от посла Германской империи в Австро-Венгрии Швайница, что если Германии придется выбирать между Австро-Венгрией и Россией, она встанет на сторону России⁵. Тогда Андраши несколько обнадежило то обстоятельство, что, продолжая разговор, Швайниц вроде согласился с его мнением о существовании русской угрозы для германских интересов и, таким образом, признавал возможность ухудшения русско-германских отношений в будущем. Более серьезное впечатление на него произвели возражения Бисмарка во время зальцбургской встречи против придания австро-германскому сближению антирусской направленности. Заняв место министра иностранных дел Андраши, несомненно, должен был ознакомиться с донесениями австрийского посла в Берлине. Вимпфен же писал Бойсту 3 апреля 1871 г. следующее: «Граф

³ Lutz H. Op. cit. S. 469.

⁴ Diószegi J. Einige Bemerkungen zum Frage der österreichisch-ungarische Ostpolitik // Österreich-Ungarn in der Weltpolitik. 1900-1918. Berlin, 1965. S. 231.

⁵ Шнейерсон Л. М. На перепутье европейской политики: австро-русско-германские отношения, 1871–1875 гг. Мниск, 1984. С. 86.

¹ Lutz H. Österreich-Ungarn und die Gründung des Deutschen Reiches. Europäische Entscheidung 1867–1871. Frankfurt a. M.-Wien, 1979. S. 471.

² АВПРИ. Отчеты. 1872 г. Л. 195.

Бисмарк более русский, чем когда-либо, поэтому мы не должны питать никаких иллюзий»¹. Все это Андраши знал, но ему казалось, что, в конце концов, в Берлине должны убедиться в неизбежности русско-германского столкновения на Востоке, где интересы Германии как великой державы будут непрерывно возрастать, и там поймут, сколь важно заблаговременно сплотить вокруг себя всех тех, кто мог бы стать союзником Германии в этом столкновении.

В феврале 1872 г. в Вене под председательством императора Франца Иосифа состоялся ряд совещаний австро-венгерских министров, на которых определялись основные направления внешней политики Монархии. Излагая стратегические цели и военно-политические задачи империи в свете новой международной обстановки, сложившейся в результате создания Германской империи и объединения Италии, министр иностранных дел в центр своей программы поставил вопрос об отношениях с Россией. Суть изложенной им концепции сводилась к идее создания благоприятных внутри- и внешнеполитических предпосылок для войны против России, прежде чем она попытается использовать к своей выгоде «принцип национальностей на Востоке».

По расчетам Андраши австро-русский вооруженный конфликт мог случиться в течение двух ближайших лет. За это время, как полагал министр, следовало заручиться благожелательным нейтралитетом Германской империи, завлечь русских в ловушку, предложив им занять Дунайские княжества, и втянуть их, таким образом, в войну с Османской империей. Сама же Австро-Венгрия должна была выступить против России лишь после начала военных действий последней с Турцией.

Коснувшись проблемы Боснии и Герцеговины, Андраши в принципе высказался за их аннексию, но подчеркнул при этом, что «способ, которым до сих пор хотели приобрести их, никогда не был правильным». Прямое вторжение в провинции он отклонил, как средство негодное, способное повлечь за собой совместное выступление против Монархии Сербии, Черногории, Турции, а также России. В случае участия Сербии в войне на

стороне России Андраши предлагал немедленно оккупировать ее вместе с турецкой армией.

План войны против России не вызвал восторга у военных, отлично понимавших бесперспективность таковой без участия Германии, на которое можно было рассчитывать лишь в том случае, если бы Монархия согласилась гарантировать аннексию Эльзаса и Лотарингии. Но это было бы слишком большой уступкой Германии, несоизмеримой которой понимал и сам император. Тем не менее, он высказался за то, чтобы отныне все военные приготовления и крупные маневры планировались и проводились с прицелом не предстоящую войну.

Планы Андраши не встретили безоговорочной поддержки и у австрийских консерваторов. С Андраши резко спорил, пользовавшийся большим влиянием при дворе, эрцгерцог Альбрехт. Он считал, что после того, как отпала надежда на Францию, только дружба с Россией дает шанс Австрии в будущем противостоять давлению со стороны Германской империи.

Андраши предпринял попытку найти общий язык против России с Англией. Едва приступив к своим обязанностям, он поручил своему предшественнику Бойсту – назначенному послом в Лондон – добиться английских гарантий на случай конфликта с Россией из-за ближневосточных дел, пообещав взамен поддержку британского партнера в случае возникновения угрозы Индии со стороны России. Он предложил заключить англо-австрийское соглашение типа консультативного пакта, если воспользоваться современной терминологией для его характеристики. Речь шла об обязательстве предварительной консультации по важнейшим международным вопросам. В перспективных планах Андраши австро-английское соглашение должно было положить начало формированию коалиции с участием Германии и Италии, направленной против России и Франции, и предотвратить русско-германский союз, который представлялся ему наибольшей опасностью. Но в Лондоне, несмотря на часто проявляемую враждебность к России, не выразили желаний связываться на этой почве с Габсбургской монархией, предпочитая сохранять свободу рук для гибкой тактики в отношениях с Россией. С другой сторо-

¹ Шнейерсон Л. М. На перелустье европейской политики: австро-русско-германские отношения, 1871–1875 гг. Мнинск, 1984. С. 86.

ны, в Англии несколько притупилось внимание к тем внешнеполитическим проблемам, которые волновали Австро-Венгрию. Английские интересы в начале 1870-х гг. все больше связывались со Средней Азией и британское правительство У. Гладстона не хотело без крайней необходимости втягиваться в активную борьбу с Россией на Балканах из опасения раздробить свои силы. К тому же в Англии не сомневались, что и без этого соглашения Австро-Венгрия в нужный момент будет на стороне Британии в ее спорах с Россией¹.

После провала попытки создать анти-русскую коалиции ряд признаков теперь свидетельствовал о желании Вены расчищать дорогу к сближению с Россией. Франц Иосиф через австрийского военного атташе Бехтольсхейма обратился к царю с предложением разрешить австрийским офицерам присутствовать на русских маневрах с целью возродить военные традиции. Это предложение встретило положительный отклик у Александра II².

Интересными сведениями могли вооружить нового руководителя внешнеполитического ведомства донесения посла в Санкт-Петербурге Б. Хотека, сумевшего завязать довольно широкие связи в русском обществе. Главный вывод посла заключался в том, что, хотя в России и существует сильное недовольство Австрией, она все же будет избегать всего, что могло бы привести к войне. Хотек высказывал убеждение, что новая ориентация панславистов, связанная с переменами, вызванными войной 1870–1871 гг., не может стать правительственной программой России. Панслависты призывают к наступлению на Балканах, уничтожению Габсбургской и Турецкой империй, к союзу с Францией с целью разгрома Германии. Но Горчаков хорошо понимал, что Франция бессильна, и поэтому ничего нельзя предпринять против Германии и на Востоке. Как полагал Хотек, даже так называемая Московская партия, глашатаем которой выступал М. Н. Катков, откладывала «восточные дела», выдвигая на передний план внутренние проблемы. Эти данные позволяли Андраши предполагать, что в настоящий

момент Россия также не заинтересована в обострении отношений и протянутая ей австрийская рука не повиснет в воздухе.

В 1870-х гг. еще никто не знал, что война Бисмарка 1870 г. окажется последней и в консервативных кругах австрийского двора еще были живы воспоминания об образе действий Бисмарка в 1860-х гг. и вели к опасениям о возможности покушения Пруссии на немецкие коронные земли Австрии. Даже в 1878 г. военные советники императора указывали на угрозу германского нападения в качестве причины, почему необходимо избегать войны с Россией, и Андраши признавался Горчакову, что Австрия в случае необходимости защиты от экспансионистских планов Германии, желала бы установить хорошие связи с Россией³.

Во многом недоверие по отношению к Германии привело к тому, что австрийско-русские отношения стали улучшаться после того как Андраши признал, что его первоначальный план создания блока из четырех держав, направленный против России – нереалистичен.

Некоторые обстоятельства подсказывали российскому правительству желательность сбалансировать свои отношения с Веней. Поддержание хороших отношений с Австро-Венгрией в условиях, когда Франция уже не могла быть противовесом Германии в Европе, являлось, пожалуй, единственным средством ослабления зависимости России от германской поддержки и возможного давления Германии на русскую политику.

В Петербурге не могли не учитывать также того, что германская дипломатия, не скупившаяся порой на демонстрацию своей солидарности с Россией по другим вопросам, проявляла заметную сдержанность, когда речь заходила об отношениях к политике Австро-Венгрии на Балканах. Можно было предположить, что в случае серьезных русско-австрийских осложнений на этой почве позиция Германии вряд ли будет особенно благоприятна для России, хотя Горчаков и не допускал, чтобы Германия могла зайти очень далеко в поддержке односторонних

¹ История дипломатии: [сб.] / сост. А. Лактионов. М., 2009. С. 580.

² Е. П. Новиков – А. М. Горчакову. 2 (14) февраля 1872 г. АВПРИ. Канцелярия. 1872 г. Д. 106. Л. 82–83.

³ Die Habsburgermonarchie, 1848–1918. Im Auftrag der Kommission für die Geschichte der österreichisch-ungarische Monarchie (1848–1918)/Hgg. von A. Wandruzka und P. Urbanitsch. Bd. VI. Die Habsburgermonarchie im System der internationalen Beziehungen. Wien, 1989. S. 247.

австрийских интересов. «Мы не можем не заметить в позиции Германии, – писал он Н. П. Игнатьеву¹, – желание сохранить некоторое равновесие между нашими интересами и интересами Австро-Венгрии...»². Нельзя было упускать из виду и того, что Австро-Венгрия могла принять сторону Англии в случае острого англо-русского конфликта. Сближение с Веной снимало или, по крайней мере, ослабляло и эту угрозу.

Петербуржскому двору по душе пришлось замена Б. Хотека генералом Фердинандом Лангенау, придерживавшего взглядов крайнего консерватизма и являвшего сторонником меттерниховских взглядов на австро-русское согласие как доминирующий элемент Священного союза. Обрадовало Горчакова и заявление барона Лангенау, что сердце его шефа лежит к сохранению добрых отношений между Россией и Австро-Венгрией³. Александр II также доброжелательно принял посланника. От русского императора Лангенау услышал, что тот рассматривает как необходимость в интересах Европы сохранять целостное состояние Австро-Венгрии⁴. Барон Лангенау был обрадован дружескими настроениями, которые он встречал повсюду. «С момента моего прибытия в Петербург из всех состоявшихся разговоров, – писал он Андраши, – я вынес впечатление, что возобновление добрых отношений между обеими империями и достижение понимания по всем без исключения вопросам и даже по Востоку – возможно и не столько уж трудно, к чему здесь явно склоны»⁵.

В свою очередь венская газета «Фреденблатт», орган австрийских консерваторов, уверяла, что многие обстоятельства должны заставить Россию и Австрию придерживаться возможно лучших отношений⁶. Привлекла внимание Петербурга и статья в «Нойефрайе прессе», в которой говорилось,

что «ни Австрия, ни Германия не заинтересованы оберегать британские колониальные владения или британские интересы в Азии против России»⁷. Конечно, это звучало обнадеживающе для ушей российских политиков. «Московские новости» приветствовали эту статью как признак возможного поворота в позиции Австрии, «которая до сих пор во всех делах, касающихся не только ближайшего, но и отдаленного Востока, рабски следовала на буксире английской политики»⁸.

В сентябре 1872 г. в Берлине состоялась первая за двенадцать лет встреча трех монархов, положившая начало их сближению. Включение России в берлинские переговоры разрушало интересы тех политических групп Австро-Венгрии, которые питали надежду на создание австрийско-германского союза, направленного против России. Некоторые из венгерских газет национальной партии Деака выражали опасение, что «дружба Австрии и России» будет стимулировать автономистские стремления славян, создаст опасность для системы австро-венгерского дуализма⁹. Между тем в славянских кругах наоборот, это сближение воспринималось как утрата возможности рассчитывать на активную помощь правительства России. Из других соображений участие царя в берлинской встрече обеспокоило настроенного в пользу сближения с Россией эрцгерцога Альбрехта, он выразил в специальной записке адресованной Андраши опасения, что запугивая Александра II угрозой революции в Австрии и Франции, Бисмарк прочно привяжет его к себе и овладеет контролем над австро-русскими отношениями. Эрцгерцог Альбрехт даже попытался отсоветовать Андраши участвовать в берлинской встрече¹⁰. Свидание трех императоров почти совпало с началом англо-русского конфликта из-за Хивы. Континентальным союзником Англии против России в это время могла быть только Австрия: Франция была разбита Германией, а Германия пока еще нуждалась в России. Ввиду этого сближение с Австрией представлялось для России весьма заманчивым. В свою очередь и Андраши добивался от Горчакова некоторых гарантий на Балканах.

¹ Граф Николай Павлович Игнатьев (1832–1908 гг.) – российский государственный деятель, дипломат-панславист; генерал от инфантерии (16 апреля 1878), граф (12 декабря 1877), генерал-адъютант.

² Шнейерсон Л. М. Указ. соч.

³ Langenaus an Andrassy. 27/15. November 1871. K. u. k. Ministerium des Aeußern // Wertheamer E. v. Bd. 2. S. 29-30.

⁴ Langenaus an Andrassy. 3. Dezember / 21. November 1871. K. u. k. Ministerium des Aeußern // Ibidem.

⁵ Langenaus an Andrassy. 9. Dezember / 27. November 1871. K. u. k. Ministerium des Aeußern // Ibidem.

⁶ АВПРИ. Канцелярия. 1872 г. Д. 227. Л. 15.

⁷ АВПРИ. 2-я газетная экспедиция. Д. 226. Л. 24.

⁸ Московские ведомости. 1872. 2 (14) сентября.

⁹ Голос. 1872. 1 (13) августа; Московские ведомости. 1872. 1 (13) сентября.

¹⁰ Шнейерсон Л. М. Указ. соч. С. 103.

Разговор Горчакова с Андраши, имевший большое значение для уточнения позиций сторон и выработки согласованной платформы, состоялся 8 сентября. Андраши начал с вопроса, не думает ли Горчаков, что отношения России и Австрии, соседствующих государств, должны быть не только нормальными, но и хорошими, тем более что в настоящий момент ни у одной из сторон нет никаких оснований для серьезных жалоб, способных этому помешать¹. Дуализм, в силу которого значительно отличающиеся интересы двух частей империи как бы служат противовесом друг другу, по словам Андраши, превратил Австро-Венгрию в «оборонительное государство», которое, в особенности Венгрия, не может думать о каких-либо территориальных приобретениях. Существуют только два вопроса, по которым важно было бы договориться обеим державам: Галиция и Восток. Хотя при ее конституционном режиме, заявил Андраши, в польском вопросе Австрия не располагает такой свободой действия, как Россия, «но наши уступки ни в коем случае не выйдут за пределы мер, которые нами предложены в последнее время». Если поляки не удовлетворятся этим «они не получают ничего больше»². Что касается Галиции, то политика в ней определяется только административными потребностями, заверял австрийский министр, и лишена всяких враждебных России побуждений. Но, конечно, когда Россия адресует ему дипломатическую ноту, требуя отчета о том, что австрийское правительство делает в Галиции, он вынужден расценивать ее как вмешательство во внутренние дела Австрии.

Перейдя к делам Востока, Андраши попытался убедить своего собеседника в отсутствии у Австрии желания захватить Боснию и Герцеговину. Андраши утверждал, что Венгрия насыщена и не может перенести новых приобретений («венгерская ладья пойдет немедленно ко дну от малейшей перегрузки, будь то золото или грязь» – так метафорически выразил он эту мысль еще в начале разговора), а попытка Австрии присоединить к себе эти области вызвала бы противодействие венгров, т. к. они не могут допустить усиления Австрии в ущерб существующему в империи равновесию. «Мы

хотели бы сохранить Турцию такой, как она есть, и если должны свершиться перемены, мы предпочитаем, чтобы они развивались естественным образом», – так представил общую позицию своего правительства в Восточном вопросе Андраши³.

Андраши указал также на то, что великосербское движение противоречит интересам Австро-Венгрии. Ведь часть подданных империи принадлежит к сербской нации и могла проникнуться освободительными настроениями. Горчаков заверил Андраши, что Россия и не думает поддерживать великосербскую пропаганду и вполне удовлетворена status quo на Балканах⁴.

Между обоими министрами была достигнута устная договоренность. Они условились, что Россия и Австро-Венгрия будут придерживаться сохранения status quo на Балканах и принципа «невмешательства» в балканские дела, если помимо их воли status quo на полуострове не будет все-таки нарушен.

В июне 1873 г. Александр II в сопровождении Горчакова отправился в Вену. Это был первый визит русского царя в австрийскую столицу после Крымской войны. Таким образом, поездка приобретала демонстративное политическое значение. Россия как бы заявила о забвении той «неблагодарности», которой Австрия «удивила мир» в 1853–1856 гг.

Царь и Горчаков попытались склонить австрийское правительство примкнуть к русско-германской конвенции от 24 апреля (6 мая) 1873 г., но австрийцы отказались. Вместо военной конвенции австрийцы предложили России иное соглашение. Оно было подписано 25 мая (6 июня) 1873 г. в Шёнбрунне под Веной. Документ имел форму договора между монархами и под ним стояли только их подписи. Оба императора обязывались договариваться в случае возникновения разногласий в конкретных вопросах, дабы эти разногласия «не возобладали над соображениями более высокого порядка». В случае угрозы нападения со стороны третьей державы оба монарха обязывались условиться друг с другом «о совместной линии поведения». Если бы в результате этого соглашения потребовались военные действия,

¹ Доклад А. М. Горчакова Александру II. АВПРИ. Канцелярия. 1872 г. Д. 30-а. Л. 147–154.

² Там же. Л. 148.

³ Там же. Л. 149–150.

⁴ Там же.

характер их должна была бы определить специальная военная конвенция¹. 11 (23) октября, по приезде в Австрию, германский император Вильгельм I присоединился к Шёнбруннскому соглашению. Оно-то и получило неточное наименование «Союза трех императоров».

В отчете МИД Горчаков написал: «Именно согласие, установившееся между тремя дворами, дает действительную гарантию как для избегания осложнений на Востоке, так и для предотвращения европейской конфронтации». А в отношениях с Веной «вызывающее раздражение забыто», «фантомы панславизма, пангерманизма и полонизма венгеро-дунайской державы повергнуты на полагающееся им место»².

Часто в отечественной историографии подчеркивалось, что Союз трех императоров являлся «детисцем» германского канцлера О. фон Бисмарка и был заключен исключительно в интересах Германии³. Вряд ли с этим можно безоговорочно согласиться.

Конечно, позицию Австро-Венгрии внутри комбинации из трех империй можно было считать наиболее тяжелой из-за относительной военной слабости Габсбургской монархии, политического прошлого, питающего недоверие к ней (поведение во время Крымской войны, во время Лондонской конференции по черноморскому вопросу и т. д.). Но вместе с тем, как наиболее слабая из трех держав, она была менее опасной соперницей для каждой из двух остальных империй и становилась опасной для третьей, сближаясь с какой-нибудь из них.

В этом была выгода австрийского положения. В прессе отмечалось, что вопреки ожиданиям ситуация в ходе берлинских переговоров позволила австрийцам избежать оттеснения их на задний план⁴.

Соглашением с Австро-Венгрией Россия приобщала Габсбургскую империю к балканской политике, признавая ее причастность к балканским делам – это был минус с точки зрения России, но ведь это была по существу лишь констатация реальности, сложившейся независимо от России. Зато Петербург получил возможность (пусть минимальную) оказывать некоторое давление на Австро-Венгрию – прямое или через Германию как партнер по «Союзу трех императоров» и в определенной мере страховался от австро-английского сближения, что было очень весомо.

Несмотря на то, что немцы в октябре присоединились к конвенции и всячески поддерживали Союз трех императоров с подчеркнутым монархическим единством, однако язык ведущих австрийских и русских политиков красноречиво свидетельствовал об их неослабевающем неприятии новой Германской империи. Бисмарк, со своей стороны, всячески избегал споров с Австро-Венгрией и Россией и вследствие этого всячески уклонялся от участия в обсуждении любых возможных взрывоопасных вопросов по Востоку. Это также указывает, что Союз трех императоров оставался в своем практическом воплощении австро-венгеро-русским инструментом.

¹ Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М., 1952.

² АВПРИ. Ф. Отчеты. 1874. Л. 47, 153; Шнеерсон Л. М. Указ. соч. С. 125.

³ Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII – начало XX в. М., 1978. Шнеерсон Л. М. Указ. соч.; История внешней политики России. Вторая половина XIX века (от Парижского мира 1856 г. до русско-французского союза). М., 1999; История дипломатии: [сб.] / сост. А. Лактионов. М., 2009 и др.

⁴ Kölnische Zeitung. 1872. 15 September.

И. В. Крючков

РОССИЯ И АВСТРО-ВЕНГРИЯ: ПОЛИТИКА СОТРУДНИЧЕСТВА И КОМПРОМИССОВ НА БАЛКАНАХ (1896–1908 гг.)

13

В 70-е гг. XIX в. отношения России и Австро-Венгрии окончательно ухудшаются. В Санкт-Петербурге были разочарованы позицией, занятой Веней во время Берлинского конгресса, который стал еще одним шагом на пути оформления союза Австро-Венгрии и Германии¹. Авторитету России решениями конгресса и оккупацией империей Габсбургов Боснии-Герцеговины в глазах российской общественности и зарубежных славян наносится серьезный урон, и правящая элита страны это прекрасно осознавала. Следующим ударом по отношениям двух империй явилось заключение 7 октября 1879 г. Австро-Венгрией соглашения с Германией о союзе. Новый виток напряженности приходится на болгарский кризис 1885–1886 гг., в результате чего Россия потерпела очередное дипломатическое поражение, а на болгарский престол в июле 1887 г. избирается протеже Австро-Венгрии Фердинанд Саксен-Кобургский. В разгар кризиса в ноябре 1886 г. министр иностранных дел Австро-Венгрии Г. Кальноки подверг жесткой критике балканскую политику России². В российском обществе отмечается всплеск антиавстрийских настроений³. После этих событий Россия отказалась от продления «Союза трех императоров» и в 1887 г. заключила с Германией, отдельный «перестраховочный договор», тем самым выделив Австро-Венгрию в список особых врагов России. Однако долго так события не могли развиваться, ситуация на Балканах требовала от двух империй нахождения компромиссов для избегания дальнейших столкновений. Во время

критического кризиса 1896–1897 гг. и последовавшей за этим греко-турецкой войны Австро-Венгрия и Россия проявили склонность к координации действий друг с другом и с другими европейскими державами⁴.

Сближению двух империй способствовали серьезные изменения, произошедшие в Вене и Санкт-Петербурге. В 1895 г. вместо Г. Кальноки министром иностранных дел становится А. Голуховский, богатый польский аристократ из Галиции, сторонник компромиссов с Россией. Данный факт сыграл определенную роль при его назначении на столь высокую должность, так как Франц-Иосиф I понимал необходимость поиска точек соприкосновения интересов двух империй⁵. В январе 1895 г. министром иностранных дел России становится князь А. Б. Лобанов-Ростовский, с 1882 г. занимавший должность посла России в Вене. За это время А. Б. Лобанов-Ростовский очень хорошо изучил империю Габсбургов, наладив сотрудничество с представителями правящей элиты в Вене.

В 1894 г. умирает император Александр III и на трон вступает еще не искушенный в вопросах внешней политики Николай II, но поддерживавший план по улучшению отношений с Дунайской империей. На коронации нового монарха присутствовал наследник австро-венгерского престола эрцгерцог Франц-Фердинанд. Впервые эрцгерцог посетил Россию в 1891 г., его поразила пышность императорского двора России. Франц-Фердинанд мечтал о восстановлении «Союза трех императоров» и укреплении добрососедских отношений между Россией и Австро-Венгрией⁶.

¹ Гере А. Австро-Венгерская монархия в международной политике / Судьба двух империй. Российская и Австро-Венгерская монархии в историческом развитии от расцвета до крушения. М., 2006. С. 227.

² Ламздорф В. Н. Дневник 1894–1896. М., 1991. С. 114.

³ Глушков Х. События на Балканах 1885–1886 годов и Европа // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. Вып. 12. 2007. С. 75.

⁴ Соколовская О. В. Россия в миротворческой акции европейских держав на Крите // Восточный архив. 2007. №6. С. 29–30.

⁵ Шимов Я. Австро-Венгерская империя. М., 2003. С. 344.

⁶ Чернин О. В дни мировой войны. Мемуары. М.-Пг., 1923. С. 63; Шарый А., Шимов Я. Корни и корона: Очерки об Австро-Венгрии: судьба империи. М., 2011. С. 282.

В апреле 1895 г. в Вену назначается новый посол граф П. А. Капнист, он должен был провести предварительные переговоры о возможности улучшения отношений между Россией и Австро-Венгрией. В декабре 1895 г. П. А. Капнист имел разговор с министром иностранных дел Австро-Венгрии А. Голуховским, где пошла речь о необходимости совместных действий обеих империй в Болгарии и Османской империи¹. А. Голуховский направил депешу послу Австро-Венгрии в Санкт-Петербурге князю Ф. Лихтенштейну с просьбой подтвердить серьезность предложений П. А. Капниста. Князь не был до конца уверен в желании России нормализовать отношения с империей Габсбургов. Следует отметить особую роль Ф. Лихтенштейна в улучшении отношений между двумя империями, для чего дипломат прилагал значительные усилия².

27 августа 1896 г. Николай II и Александра Федоровна прибывают в Вену, где им был организован замечательный прием. В прессе и в обществе заговорили о попытках Франца-Иосифа возродить «Союз трех императоров»³. Во время переговоров императоры подтвердили желание найти компромисс по балканским делам. Данный визит сопровождали яркие символические жесты, свидетельствующие о нормализации отношений между двумя империями. В августе 1896 г. российский посол по поручению Николая II передал Будапештскому национальному музею саблю национального героя Венгрии князя Ракоши II, хранившуюся до этого в России⁴.

Во время визита российского императора в Вену А. Б. Лобанов-Ростовский переводит в практическую плоскость идею нормализации отношений между Австро-Венгрией и Россией⁵. 27 августа 1896 г. состоялась

его беседа с А. Голуховским. В ходе переговоров российский министр, стремился привести доводу, объяснявшие желание России нормализовать отношения с империей Габсбургов. Он подчеркнул стратегическую значимость Дальнего Востока для России и озабоченность по поводу полного контроля Великобританией над Суэцким каналом, что ставило под угрозу конвенцию 1888 г. о свободе мореходства через канал. Россия добивалась нейтрализации зоны Суэцкого канала и рассчитывала на помощь Австро-Венгрии в решении этого вопроса⁶. Данную тему А. Б. Лобанов-Ростовский развил в беседе с германским послом в Вене 28 августа, пытаясь заручиться поддержкой Германии на случай конфликта России с Британской империей⁷. Министр иностранных дел Великобритании лорд Р. Солсбери через несколько дней после визита российской делегации встретился в Вене с А. Голуховским. Министр иностранных дел Австро-Венгрии заверил своего британского коллегу, что его беседа с А. Б. Лобановым-Ростовским касалась только проблемы сохранения статус-кво в Османской империи⁸. Россия изменила свое отношение к Турции, и Австро-Венгрия решила поддержать данное предложение России. Великобритания опасалась начала переговоров между Санкт-Петербургом и Веной по широкому кругу международных проблем, в том числе, затрагивавших интересы Великобритании, но А. Голуховский развеял эти страхи.

Следовательно, инициатива нормализации отношений исходила от российской стороны. Позиция Санкт-Петербурга объяснялась сменой внешнеполитической ориентации страны. Все изменения на Балканах несли большие риски, борьба за проливы сулила начало войны и не только с Османской империей. А. Б. Лобанов-Ростовский твердо взял курс на оттягивание распада Османской империи, сохраняя статус-кво, установившийся после 1885–1886 гг.⁹. По его мнению, Россия не была готова к разделу Османской империи и в случае ее распада

¹ Ламздорф В. Н. Дневник 1894–1896. М., 1991. С. 368.

² Шварц И. Австро-российские дипломатические отношения на протяжении веков / Средняя Европа: Проблемы международных и межнациональных отношений. XII–XX вв. М., 2009. С. 48.

³ Низалова Е. В. Конец династической дипломатии России: заграничные поездки императора Николая II в 1896–1909 гг. (по материалам российской и европейской прессы). Автореф. нас соиск уч. степе. К.и.н. СПб., 2007. С. 20.

⁴ АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 579. Л. 25.

⁵ Исламов Т. М. Российская империя и монархия Габсбургов: основные тенденции во взаимоотношениях (конец XVIII–XIX вв.) / Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика. М., 1997. С. 260.

⁶ Ламздорф В. Н. Дневник 1894–1896. М., 1991. С. 380.

⁷ Исламов Т. М. Российская империя и монархия Габсбургов: основные тенденции во взаимоотношениях (конец XVIII–XIX вв.) / Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика. М., 1997. С. 261.

⁸ Ламздорф В. Н. Дневник 1894–1896. М., 1991. С. 391.

⁹ Там же. С. 382.

больше всех выигрывала Великобритания. Как это произошло в случае ее захвата Кипра в 1878–1882 гг.¹ Поэтому балканское направление считалось бесперспективным в ближайшей годы. В сложившейся ситуации Россия берет курс на укрепление собственных позиций на Дальнем Востоке. Захват Кореи и расширение зоны влияния в Китае становятся новыми внешнеполитическими приоритетами России².

Кроме этого большую озабоченность в России вызывало резкое ухудшение отношений с Великобританией³. Интересы двух стран сталкиваются в Афганистане, Персии, Тибете и на Дальнем Востоке. В России знали о поддержке Лондоном Японии и его подстрекательских действиях. В условиях войны с Японией или дальнейшего обострения конфликта с Великобританией, России требовалась стабильность на Балканах и нейтралитет Австро-Венгрии.

В империи Габсбургов также растет заинтересованность в налаживании отношений с Россией и стабилизации ситуации на Балканах. У Австро-Венгрии накопилось немало собственных проблем, требовавших немедленного решения⁴. Конфликт между чехами и австро-немцами достиг особого накала, осложнялись отношения между австрийской и венгерской половинами империи, возникли серьезные противоречия между правительством и национальными меньшинствами внутри Венгрии и т.д. Более того, сложившаяся ситуация на Балканах в целом устраивала Вену. В Сербии правила лояльная ей династия Обреновичей. Франц-Иосиф был спокоен за Сербию. Болгария и Румыния в целом сохраняли хорошие отношения с Австро-Венгрией⁵. Дунайская империя становится крупнейшим внешнеэкономическим партнером почти всех балканских государств⁶. В Вене и Будапеште росло

осознание невозможности укрепления политических позиций в регионе без усиления экономического присутствия в нем империи Габсбургов. Война из-за очередной «балканской глупости» не входила в планы Австро-Венгрии в конце XIX в. На рубеже XIX–XX вв. Франц-Иосиф не хотел войны на Балканах, понимая какими непредсказуемыми последствиями для его империи она чревата⁷.

В начале 1897 г. Австро-Венгрия высказывает предложение о возможности заключения с Россией отдельного рамочного договора⁸. Империи Габсбургов не удалось в это время перезаключить договор с Италией и Великобританией о безопасности в Восточном Средиземноморье (Средиземноморская Антанта), а Германия не спешила давать четкие гарантии военной помощи в случае войны Австро-Венгрии с Россией. Данная позиция со всей очевидностью проявилась в 1902 г. при перезаключении договора о Тройственном союзе. Правящие круги Германии не хотели потакать внешнеполитическим авантюрам Австро-Венгрии. Секретарь министерства иностранных дел, а затем канцлер Германии Б. Бюлов писал: «Я давно уже понимал, что, обладая германской поддержкой, Вена стала бы хозяйничать на Балканском полуострове еще более успешно и бесцеремонно»⁹. Великобритания не собиралась продлевать договор о Средиземноморской Антанте, не желая обещать военную помощь Австро-Венгрии в случае вооруженного конфликта с Россией и для сохранения свободы действий на международной арене, в том числе в противостоянии с Германией¹⁰.

Договор должен был четко закрепить политику сотрудничества Австро-Венгрии и России на Балканах. 15 апреля 1897 г. в Санкт-Петербург прибывает император Франц-Иосиф. Во время встречи двух императоров и министров иностранных дел¹¹, обе стороны подтвердили необходимость

¹ Luke H. C. Cyprus under the Turks. 1517–1878. Oxford, 1921. P. 264–267.

² История внешней политики России. Конец XIX – начало XX вв. (от франко-русского союза до Октябрьской революции). М., 1997. С. 48–49.

³ Виноградов В. Н. Черноморские проливы, конце XIX в.: взгляд из Петербурга и из Лондона/ В «пороховом погребе Европы» 1878–1914. М., 2003. С. 119.

⁴ Яси О. Распад Габсбургской монархии. М., 2011. С. 358.

⁵ Бюлов Б. Воспоминания. М.-Л., 1935. С. 75.

⁶ Евреинов Б. Мясной экспорт из Сербии (донесение 2-го секретаря миссии в Белграде)/Сборник консульских донесений за 1902. Вып. II. СПб., 1902. С. 102–112.

⁷ Бюлов Б. Воспоминания. М.-Л., 1935. С. 92.

⁸ История внешней политики России. Конец XIX – начало XX вв. (от франко-русского союза до Октябрьской революции). М., 1997. С. 110.

⁹ Бюлов Б. Воспоминания. М.-Л., 1935. С. 232.

¹⁰ Popadopoulos G. S England and the Near East. 1896–1898. Thssaloniki, 1969. P.62-63.

¹¹ После скоропостижной смерти А. Б. Лобанова – Ростовского 30 августа 1896 г. МИД России представлял М. Н. Муравьев.

поддержания на Балканах стабильности, а в случае невозможности этого, воздержаться от территориальных захватов. Вопрос о статусе черноморских проливов выводился за скобки, поскольку он мог решаться на заседании общеевропейской конференции, так как он затрагивал не только интересы России и Австро-Венгрии¹.

В мае 1897 г. в переписке министров иностранных дел оформляется русско-австрийский договор. 8 мая 1897 г. А.Голуховский в письме послу Австро-Венгрии князю Ф. Лихтенштейну отметил основные положения соглашения между Россией и Австро-Венгрией: 1) стороны договорились о поддержании статус-кво на Балканах; 2) в случае невозможности сохранения статус-кво стороны отказывались от территориальных захватов; 3) вопросы о Константинополе и черноморских проливах выносились за пределы договора, как проблема, имевшая общеевропейское значение; 4) все территориальные изменения на Балканах не должны были вестись в пользу одного из балканских государств в ущерб другим, чтобы сохранить равновесие сил; 5) Россия не ставила под сомнение присутствие Австро-Венгрии в Боснии-Герцеговине и Новопазарском санджаке; 6) стороны договорились о поддержании мирного и стабильного развития балканских государств; 7) стороны допустили возможность создания независимой Албании². В письме М. Н. Муравьева князю Ф. Лихтенштейну подтверждались данные принципы. Однако в нем подчеркивалось, что изменение статуса Боснии-Герцеговины возможно только на основе дополнительного соглашения, а границы Новопазарского санджака требовалось четко определить. Кроме этого российская сторона сомневалась в целесообразности создания независимой Албании. В любом случае стороны отказывались от односторонних действий на Балканах и не стали акцентировать внимание на расхождениях в позициях³.

¹ Очерки истории внешней политики России. В 3-х т. Т. 3. М., 1960. С. 214.

² Секретное письмо министра иностранных дел Австро-Венгрии Голуховского послу Австро-Венгрии в Санкт-Петербурге Лихтенштейну от 8 мая 1897 г. / Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917 гг. М., 1952. С. 304–305.

³ Нота министра иностранных дел Муравьева полсу Австро-Венгрии в Санкт-Петербурге князю Лихтенштейну от 17 мая 1897 г. / Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917 гг. М., 1952. С. 307–308.

В августе 1897 г. во время встречи со статс-секретарем по иностранным делам Германии с Б. Бюловым, М. Н. Муравьев заверил германскую сторону в искренности действий России по отношению к Австро-Венгрии. Кроме Балкан союз Австро-Венгрии и России был нацелен на борьбу с революционной анархией и самое главное, на сохранение статус-кво в польском вопросе. По мнению М. Н. Муравьева, Вена должна была прекратить любые заигрывания с поляками в России⁴.

6 января 1901 г. министром иностранных дел России становится В. Н. Ламздорф, опытный дипломат, консерватор, сдержанно, относившийся к чрезмерному сближению с Францией и Великобританией и выступавший за улучшение отношений с Австро-Венгрией и Германией⁵. Новый министр пользовался большим уважением и доверием у Франца-Иосифа и А.Голуховского, в свою очередь В. Н. Ламздорф высоко оценивал деловые качества министра иностранных дел Австро-Венгрии⁶.

Император Австро-Венгрии и А. Голуховский на всех уровнях подчеркивали значимость союза России и Австро-Венгрии для двух империй и Европы в целом, тем самым парируя выпады оппонентов соглашения 1897 г. В апреле 1902 г. в своей тронной речи император Франц-Иосиф подчеркнул: «Наше неизменное дружеское соглашение с Российской империей относительно положения дел на европейском востоке значительно способствует сохранению спокойствия и порядка в странах Балканского полуострова»⁷. Практически одновременно А. Голуховский на заседании бюджетной комиссии австрийского парламента заявил: «Улучшение этих отношений (России и Австро-Венгрии – прим. И. К.) представляет собой одно из самых отрадных явлений, наблюдаемых в последнее время в политической области»⁸. В закулисных беседах также подчеркивалась приверженность Австро-Венгрии союзу с Россией. Осенью 1903 г. в беседе с Б. Бюловым А. Голуховский отметил: «Покуда русская политика идет по мирному пути... Австрия должна и будет направлять свою политику соответственно политике русского

⁴ Бюлов Б. Воспоминания. М.-Л., 1935. С. 75.

⁵ Извольский А. П. Воспоминания. Пг.-М., 1924. С. 99.

⁶ Бюлов Б. Воспоминания. М.-Л., 1935. С. 257.

⁷ АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 577. Л. 68.

⁸ АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 577. Л. 71.

правительства»¹. Он отстаивал соблюдение статус-кво на Балканах, выступая против их раздела между Россией и Австро-Венгрией, создания «Великой Сербии» и господства России в зоне черноморских проливов. А. Голуховский ратовал за постепенную ликвидацию турецкого господства на Балканах, путем создания в территориальном отношении большой Греции и Болгарии, сильной Румынии, относительно слабой Сербии, маленькой Черногории и независимой Албании².

Потепление в двухсторонних отношениях способствовало развитию контактов представителей правящей элиты России с венгерской половиной империи. В России понимали, что без поддержки венгров невозможно будет говорить о долгосрочном укреплении связей России с Австро-Венгрией. В Санкт-Петербурге были уверены в возрастании роли Будапешта в выработке общих конкурсов внешней политики Дунайской империи, что началось еще при Д. Андраши, на протяжении 1871–1979 гг. занимавшего пост министра иностранных дел. В июне 1901 г. великий князь Михаил Николаевич совершил визит в Будапешт³. Это был первый визит представителя дома Романовых после заключения дуалистического соглашения. Венгрия очень доброжелательно отнеслась к визиту великого князя. В мае 1902 г. венгерская делегация поддержала выступление А. Голуховского по поводу необходимости развития добрососедских отношений с Россией к большому удовлетворению российской стороны⁴.

В начале 1902 г. эрцгерцог Франц-Фердинанд посетил Россию, где провел ряд важных встреч, обсуждая перспективы развития двухсторонних отношений. Правда эта поездка привела к скандалу внутри Австро-Венгрии, так как наследника престола не сопровождал «венгерский кавалер», что в Будапеште расценили как проявление антивенгерских настроений в окружении эрцгерцога. Российская сторона дистанцировалась от данного конфликта⁵.

Первым серьезным испытанием для австро-российского соглашения становятся события в Македонии. Ситуация в провин-

ции постепенно выходила из под контроля османской администрации. Осень 1902 г. в ряде районов Македонии вспыхнуло восстание, оно довольно быстро подавляется Портой⁶. В декабре 1902 г. В. Н. Ламздорф прибывает с визитом в Вену, где он договорился с А. Голуховским о совместных действиях в Македонии, о чем они уведомили своих послов в Константинополе⁷. Под давлением европейских государств, в том числе России и Австро-Венгрии султан пообещал провести в Македонии реформы. В феврале 1903 г. послы России и Австро-Венгрии в Константинополе передали султану перечень реформ, согласованный европейскими державами «Венский проект». Он предполагал допуск христиан в полицию и в жандармерию, политическую амнистию, назначение сельских стражников в христианских селах из числа христиан, замену десятины земельным налогом и назначение в Македонии генерального инспектора. В июле 1903 г. в Македонии вспыхнуло новое восстание, подавленное жестоким образом.

30 сентября – 2 октября 1903 г. во время визита Николая II в Вену в замке Мюрцштетг проходят переговоры между двумя императорами и министрами иностранных дел (А. Голуховский и В. Н. Ламздорф), в результате достигается соглашение о расширении реформ в Македонии под контролем обеих империй, так называемое Мюрцштетское соглашение. Россия и Австро-Венгрия, с одной стороны признавали право Порты бороться с вооруженными бандами, но с другой стороны Вена и Санкт-Петербург призывали не допускать необоснованной жестокости по отношению к мирному населению⁸. Итоги встречи двух императоров вызвали положительные отклики ведущих периодических изданий Австро-Венгрии⁹.

Россия и Австро-Венгрия вводили должности гражданских агентов, которые назначались при генеральном инспекторе в Македонии Хильми-паше. Им следовало проводить мониторинг и указывать турецким

⁶ Ямбаев И. М. Македония в 1878–1912 гг. / В «пороховом погребе Европы» 1878–1914. М., 2003. С. 309.

⁷ Очерки истории внешней политики России. В 3-х т. Т. 3. С. 215.

⁸ Текст телеграммы министра иностранных дел России Ламздорфа послу в Константинополе Зиновьеву от 3 октября 1903 г. / Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917 гг. М., 1952. С. 329–330.

⁹ АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 579. Л. 191.

¹ Бюлов Б. Воспоминания. М.-Л., 1935. С. 253.

² Там же. С. 253–254.

³ АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 576. Л. 246.

⁴ АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 577. Л. 66.

⁵ АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 577. Л. 6.

властям на наиболее значимые проблемы в жизни христианского населения провинции. Агенты получали широкие полномочия, включая право на свободное перемещение по территории Македонии и свободного общения с местным населением. Срок работы агентов ограничивался двумя годами¹. Предполагалась реформа турецкой жандармерии в Македонии, ее должен был возглавить один из европейских офицеров, европейцы должны были занять ряд офицерских и унтер-офицерских должностей. В Македонии также следовало: провести административную реформу для устранения несправедливостей по отношению к христианам в данном вопросе, реорганизовать судебные и административные инстанции для удовлетворения ими нужд христианского населения, на местах создавались комиссии из выборных представителей из числа мусульманского и христианского населения для рассмотрения конфликтов, возникающих во время «смыты», в работе комиссий должны были принимать участие дипломаты Австро-Венгрии и России. Особо Вена и Санкт-Петербург оговаривали необходимость финансовой помощи христианам, пострадавшим во время ведения боевых действий, им причитались выплаты на восстановление жилищ, хозяйства, школ, храмов. Христианские селения, полностью уничтоженные в ходе боевых действий на год освобождались от уплаты налогов. Все финансовые выплаты осуществлялись под контролем России и Австро-Венгрии. Части башибузуков и редифа 2 разряда, допустившие наибольшие жестокости по отношению к гражданскому населению подлежали роспуску².

План реформ в принципе был способен существенным образом улучшить положение христианского населения в Македонии. Однако с его реализацией на практике возникли большие осложнения. Против него выступила мусульманская часть населения Македонии и прежде всего албанцы, Порты также не собиралась его проводить в жизнь, избрав излюбленную тактику проведения полумер, не решавших проблемы, но создававших видимость действий, радикальная часть христианских повстанцев также про-

игнорировала план реформ. В результате из октябрьского плана только малая часть реформ выполняется на практике. Поэтому с самого начала Мюрцшгетское соглашение подверглось критике со стороны Великобритании за его половинчатость и отсутствие реальных механизмов воздействия на Османскую империю³. Внутри России оно также вызвало разноречивые отклики, многие политические силы его критиковали и осуждали. В то же время, Мюрцшгетское соглашение показало способность Вены и Санкт-Петербурга совместно решать сложные международные проблемы.

Вторым фактором, способным расстроить русско-австрийские отношения становится переворот в Сербии. В Белграде давно зрело недовольство по поводу политики короля Александра Обреновича. На территории Австро-Венгрии Вена и Будапешт стремились пресечь деятельность противников короля, но они не имели возможности проделать тоже самое в Сербии⁴. В России также внимательно отслеживали развитие ситуации в Белграде. Нормализация отношений с Австро-Венгрией не остановило Россию от попыток укрепления собственных позиций в Сербии⁵. Одновременно Санкт-Петербург стремился избегать резких действий, способных ухудшить контакты с Дунайской империей. В начале 1902 г. один из поданных России, прикрываясь мнимыми связями в верхах российского общества, попытался продать в Сербию 20 тыс. винтовок. Россия и Австро-Венгрия провели совместную полицейскую операцию, разгромив преступную сеть⁶.

В ночь на 11 мая 1903 г. группа заговорщиков убивает короля Александра, королеву Драгу и еще несколько человек из их окружения. К власти заговорщики привели Петра Карагеоргиевича, оказавшегося в первые годы под сильным влиянием верхушки армии, выступавшей за проведение активной политики на Балканах и расширение сотрудничества с Россией. В Австро-Венгрии события в Сербии вызвали большую обес-

¹ Правительственное сообщение от 23 октября 1903 г. // Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917 гг. М., 1952. С. 331.

² Там же. С. 332.

³ Агансон О. И. Болгария в «балканской политике» Великобритании в начале XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2011. №2. С. 76.

⁴ АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 577. Л. 15.

⁵ Курчатова О. М. «Сербский вопрос» в общественном мнении России (конец XIX – начало XX вв.) // Власть. 2008. С. 66.

⁶ АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 577. Л. 30.

покоенность. Вена опасалась возможной переориентации внешней политики Белграда, до этого находившегося под контролем империи Габсбургов. В России приветствовали свержение Александра Обреновича. С такой оценкой были согласны как консерваторы¹, так и либералы².

Новый монарх и сербское правительство пытались заверить Австро-Венгрию в дружеских намерениях. Первоначально казалось, что ни что не повлияет на позиции Австро-Венгрии в Сербии. Однако заключение между Сербией и Болгарией в 1905 г. таможенного соглашения, ослаблявшего зависимость Сербии от внешней торговли с Австро-Венгрией, привел к бурной реакции в Вене. Империя Габсбургов решила нанести удар по Сербии, начав таможенную войну, получившую название «свиная война». В результате экспорт Сербии в Австро-Венгрию сокращается с 64,7 млн франков в 1905 г. до 30 млн франков в 1906 г., импорт Сербии из Австро-Венгрии с 33,3 млн франков до 22,2 млн франков³.

Россия не имела экономических ресурсов для поддержки Сербии. В 1906 г. объем взаимной торговли России и Сербии достиг всего 1,3 млн франков. Поэтому Белград заручается экономической помощью Франции и Великобритании, с их помощью переориентировав часть экспорта в другие страны, в том числе в Италию, Францию, Великобританию, Египет. Россия сочувствовала Сербии, но она не могла оказать ей эффективной помощи, в том числе ввиду соглашения с Австро-Венгрией. К большому недовольству Вены, ее проблемами в Сербии смогла в полной мере воспользоваться Германия, увеличившая вывоз товаров в Сербию с 6,2 млн франков в 1905 г. до 9,7 млн франков в 1906 г. и ввоз продукции из Сербии с 2,1 млн франков до 19 млн франков⁴. В тоже время новые сербские власти стремились использовать дипломатический авторитет России для ослабления политической зависимости от Австро-Венгрии⁵.

¹ Русский вестник. 1903. №6. С. 325.

² Там же. С. 770–771.

³ Обнорский Н. Внешняя торговля Сербии (Донесения 2-го секретаря миссии в Белграде)/Сборник консульских донесений за 1908. Вып. I. СПб., 1908. С. 175.

⁴ Там же.

⁵ Курчатова О. М. «Сербский вопрос» в общественном мнении России (конец XIX – начало XX вв.)/Власть. 2008. С. 67.

Во время конфликта с Сербией Австро-Венгрия стремилась привлечь Россию для оказания давления на Белград. Однако Санкт-Петербург демонстрировал нейтралитет, хотя симпатии общественности и большинства представителей правящих кругов страны находилось на стороне Сербии. Россия попыталась выступить в качестве посредника для налаживания диалога между конфликтующими сторонами⁶.

После начала русско-японская войны события на международной арене для Санкт-Петербурга начинают приобретать непредсказуемый характер. Россия увязла в войне на Дальнем Востоке и перспективы ее успешного завершения становились иллюзорными. Россия хотела еще раз заручиться поддержкой Австро-Венгрии на Балканах и обезопасить себя в данном регионе, опасаясь возможного активного проникновения одной из европейских стран в регион, включая саму Дунайскую империю. Вена поддержала данный проект, который лег в основу «Декларации о взаимном нейтралитете». 15 октября 1904 г. в Санкт-Петербурге В. Н. Ламздорф и посол Австро-Венгрии в России А. Эренталь подписали данный документ. Обе стороны признали положительной совместную деятельность по стабилизации положения на Балканах. Согласно декларации, если одна из сторон подвергалась агрессии, то вторая сторона обязалась сохранять доброжелательный нейтралитет⁷.

В самой Австро-Венгрии вступление России в войну с Японией вызвало противоречивые оценки, большинство австро-немецких и венгерских газет первоначально активно выражало сочувствие Японии. Славянские, румынские, итальянские издания не скрывали симпатий к России⁸. Военные поражения российской армии полностью изменили тональность публикаций, они либо проявляли сочувствие к России или занимали нейтральную позицию. В Австро-Венгрии успех Японии привел к дискуссии о ценности России как союзника, о ее военном потенциале. Премьер-министр Венгрии И. Тиса

⁶ Игнатъев А. В. Внешняя политика России в 1905–1907 гг. М., 1986. С. 232–233.

⁷ Декларация России и Австро-Венгрии о взаимном нейтралитете от 15 октября 1904 г. / Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917 гг. М., 1952. С. 333–334.

⁸ АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 579. Л. 14.

даже выступил со специальным заявлением, отражая официальную позицию империи Габсбургов. Он подчеркнул, что не удаче России ни в кое случае не поколебали ее могущество и важность как союзника для Вены и Будапешта в поддержании стабильности на Балканах¹. Ряд политиков заговорили о выгоде соглашения 1897 г. прежде всего для России, поскольку она готовилась к войне на Дальнем Востоке. На, что А. Голуховский парировал тем, что вне зависимости от войны на Дальнем Востоке от соглашения 1897 г. равноценно выиграли обе империи, так как они обеспечили мир на Балканах². Российские дипломаты внимательно отслеживали любую информацию о возможном размещении Японией военных заказов в Австро-Венгрии, но такая информация не нашла подтверждения³.

В начале XX в. в Вене и Санкт-Петербурге вновь периодически всплывали разговоры о важности восстановления «Союза трех императоров» для укрепления системы европейской безопасности и дальнейшего развития добрососедских отношений между Россией и Австро-Венгрией. К этой идеи сочувственно относились Франц-Иосиф и Николай II. Однако большинство политиков и представителей общественности империй скептически или даже враждебно относились к этой идее. Россия опасалась, что костяк данного союза составит тандем Берлин-Вена, который попытается использовать ее в своих интересах. Периодически в Санкт-Петербурге появлялись «проверенные» сведения о непрочности Тройственного союза, но они довольно быстро опровергались российскими дипломатами⁴.

В той же мере как в России опасались Тройственного договора, в Австро-Венгрии с недоверием относились к франко-русскому союзу. В империи Габсбургов боялись французского реваншизма, способного втянуть в большую войну Францию, Россию, Австро-Венгрию и Германию. После заключения соглашения 1897 г. в Вене и Будапеште надеялись на положительное воздействие России на Францию с целью не допущения развязывания конфликта в Европе⁵.

Следует подчеркнуть, что, несмотря на потепление отношений с 1897 г. между Австро-Венгрией и Россией по-прежнему царил взаимное недоверие. По свидетельству С. Д. Сазонова после Крымской войны в России ожидали в любой момент получить вероломный удар в спину со стороны Австро-Венгрии⁶. Эту же мысль повторил в беседе с Б. Бюловым М. Н. Муравьев: «В его словах (М. Н. Муравьева – *прим. И. К.*) звучало традиционное недоверие, которое русский императорский дом питал к Австрии из-за поведения Габсбургов во время Крымской войны»⁷. Либералы и часть представителей государственного аппарата говорили о засилье германофилов при императорском дворе и в правительстве, вредившим интересам своей страны. Подтверждением этого становится деятельность государственного контролера в 1907–1908 гг. П. Х. Шванебаха, передававшего А. Эренталю информацию о внутренней и внешней политике России⁸.

В Австро-Венгрии постоянно подозревали Россию в ведении двойной игры. Правящие круги в Вене не сомневались в попытках панславистских организаций России использовать для проведения экспансионистской политики на Балканах местные славянофильские силы. По их мнению, партию войны и панславистское лобби в Санкт-Петербурге возглавлял великий князь Николай Николаевич⁹.

В России и Австро-Венгрии постоянно звучала примерно одинаковая критика австро-русского соглашения. Его оппоненты в обеих империях выступали против данного соглашения, подчеркивая, что после 1897 г. они потеряли возможность проведения самостоятельной внешней политики на Балканах¹⁰.

В 1903 г. заканчивалось действие торгового договора, заключенного Россией и Австро-Венгрией 18 мая 1894 г. Переговоры с австро-венгерской стороной по поводу перезаключения договора вело министерство финансов России, отчитываясь по данному поводу перед императором и председателем Совета министров. Оно постоянно получало консультативную помощь от министерства

¹ АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 579. Л. 81.

² АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 579. Л. 64.

³ АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 1507. Л. 6–8.

⁴ АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 576. Л. 2.

⁵ АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 576. Л. 38.

⁶ Сазонов С. Д. Воспоминания. М., 1991. С. 35.

⁷ Бюлов Б. Воспоминания. М.-Л., 1935. С. 78.

⁸ Извольский А. П. Воспоминания. Пг.-М., 1924. С. 69; Витте С. Ю. Воспоминания. М.-Л., 1935. С. 410.

⁹ Чернин О. В дни войны. М.-Пг., 1923. С. 13.

¹⁰ АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 577. Л. 201.

иностранных дел. Перед началом переговоров с Австро-Венгрией министерство финансов согласовало свои действия с В. Н. Ламздорфом¹.

В ноябре 1905 г. в Вене проходит совещание представителей России и Австро-Венгрии, где российскую сторону возглавлял товарищ (заместитель) министра финансов В. И. Тимирязев². Камнем преткновения на переговорах явились требования Австро-Венгрии о понижении таможенных тарифов на ввоз в Россию металла, леса и минеральной воды. После долгих переговоров стороны пришли к компромиссу и согласовали текст нового соглашения. Это открыло дорогу для заключения 15 февраля 1906 г. очередного торгового договора между Австро-Венгрией и Россией. Он отменял действие предыдущих соглашений 1860 и 1894 гг., сохраняя режим «наибольшего благоприятствования» во взаимной торговле. К договору прилагался обширный протокол согласования таможенных пошлин³.

В Вене с тревогой наблюдали за развитием связей России с балканскими государствами в начале XX в. В 1905 г. Россия заключает торговое соглашение с Болгарией, в начале 1906 г. с Румынией, а в феврале 1907 г. с Сербией. Одновременно Россия повышает ранг своего дипломатического представителя в Софии. Болгарии и России начали переговоры о возможном налаживании сотрудничества в военной сфере⁴.

В 1906 г. происходят изменения в правящих кругах России и Австро-Венгрии. Председателем Совета министров России 8 июля 1906 г. становится П. А. Столыпин, принципиальный противник проведения авантюрной внешней политики, в том числе на Балканах, несмотря на некоторую симпатию к славянофильским идеям⁵. Он стремился полностью сосредоточиться на внутренних реформах. Поэтому П. А. Столыпин поддерживал австро-русский союз. 11 мая 1906 г. новым министром иностранных дел назначается А. П. Извольский, активный сторонник франко-русского союза и сближения

России с Великобританией. Возможность сближения России и Великобритании настораживала Австро-Венгрию и Германию. В 1907 г. А. П. Извольский добился заключения англо-русского соглашения. В разговорах с послом Великобритании в Санкт-Петербурге П. Никольсоном А. П. Извольский допускал возможность разрыва союза с Австро-Венгрией, ради дальнейшего сближения с Великобританией и Францией⁶.

В сентябре 1906 г. А. Голуховский соглашается на разработку нового варианта проведения судебной реформы в Македонии, стремясь опередить Великобританию и возможный союз Лондона и Санкт-Петербурга по данному поводу, но это был последний дипломатический ход министра иностранных дел Австро-Венгрии.

22 октября 1906 г. под давлением венгерской половины империи А. Голуховский уходит в отставку и на его место приходит А. Эренталь. Казалось, что более удачной кандидатуры для развития добрососедских отношений Австро-Венгрии и России трудно было найти. А. Эренталь с 1888 по 1894 гг. работал первым советником посольства Австро-Венгрии в России, с 1899 по 1906 гг. он занимал должность посла в Санкт-Петербурге. Он сумел выучить русский язык, что позволило ему установить тесные связи со многими российскими политиками и общественными деятелями, включая императора Николая II. А. Эренталь слыл в империи Габсбургов большим знатоком России и механизмов принятия решений в Санкт-Петербурге. Более того в Вене за ним утвердилась слава политика активно настаивавшего на укреплении связей Австро-Венгрии с Россией⁷. До 1908 г. А. Эренталь поддерживал договор с Россией, мечтая о восстановлении «Союза трех императоров» под эгидой Вены⁸. Более того, новый министр критиковал своего предшественника за недостаточное внимание к австро-русскому союзу.

⁶ Bridge F.K. From Sadovo to Sarajevo / The Foreign Politic of Austria-Hungary 1866–1914. London-Boston, 1982. P. 298.

⁷ Сироткина Е. В. «Не остается ничего другого как надеяться на Бога и выполнять свои обязанности»: А фон Эренталь и развитие российско-австрийских отношений в начале XX века // Известия Саратовского университета. Новая серия. История. Международные отношения. 2015. Т.15. Вып. 2. С. 83–84.

⁸ Carlgren W. Iswolsky und Aehrenthal vor der bosniscen Annexionskrise. Uppsala, 1955. S. 103–104.

¹ АВПРИ. Ф. 155. Оп. 408. Д. 1. Л. 1.

² АВПРИ. Ф. 155. Оп. 408. Д. 1. Л. 267.

³ АВПРИ. Ф. 155. Оп. 408. Д. 1. Л. 321–331.

⁴ Мартыненко А. К. Русско-болгарские отношения накануне и в период первой русской революции 1905–1907 гг. Киев, 1974. С. 97–99.

⁵ Извольский А. П. Воспоминания. Пг.-М., 1924. С. 72.

В годы Первой русской революции Австро-Венгрия проявляла лояльность к России. Когда Санкт-Петербург в апреле 1906 г. разместил в Европе государственный заем, австрийские банки приняли участие в его реализации. По требованию России Вена усилила контроль на совместной границе для недопущения свободного передвижения революционеров и оружия. Император Франц-Иосиф в октябре 1906 г. направляет Николаю II сочувственную телеграмму, где он его поддерживает в борьбе революционной анархией¹.

Первая русская революция сыграла определенную роль в ухудшении отношений России с Австро-Венгрией. Свобода печати, создание парламента привели к активизации критики австро-русского соглашения на страницах ведущих периодических изданий и во время парламентских дискуссий. Русские либералы, считавшиеся ведущими специалистами в вопросах внешней политики, как правило, выражали сочувствие южным и западным славянам, осуждая политику Австро-Венгрии и призывая Россию к проведению наступательной политики на Балканах².

Однако на официальном уровне Австро-Венгрия и Россия подчеркивали приверженность соглашению 1897 г. Весной 1907 г. премьер-министр Венгрии Ш. Веккерле, отвечая на депутатский запрос, заявил о полном совпадении интересов двух империй в деле сохранения статус-кво на Балканах³. Об этом в Государственной думе говорил А. П. Извольский.

Одновременно уже в 1907 г. начинают проявляться первые серьезные расхождения между Австро-Венгрией и Россией на Балканах. С февраля 1907 г. по инициативе А. Эренталя в Вене начинается проработка проекта строительства на Балканах железных дорог, центральное место из них занимала Митровицкая железная дорога, открывавшая Дунайской империи выход к Эгейскому морю, укреплявшая ее позиции в

Македонии и отрезывавшая Сербию от Черногории.

А. Эренталь осознавал необходимость реализации железнодорожного проекта. Кроме военно-политических преимуществ, от него империя получала большие экономические дивиденды. Австро-Венгрия в начале XX в. начинает сдавать позиции во внешней торговле Сербии, Османской империи, Болгарии, Румынии и Греции. Строительство железных дорог позволяло вернуть утраченные позиции и расширить экономические связи Австро-Венгрии с Балканами. Поэтому этот проект полностью поддержал общеперский министр финансов И. фон Буриан, слышавший большим специалистом по балканским делам. Торгово-промышленные круги империи постоянно требовали принятия решительных мер по стимулированию внешней торговли Австро-Венгрии, в том числе с государствами Балканского полуострова⁴. Австро-Венгерский капитал инвестировал за пределы империи более 500 млн крон, в основном в государства Балканского полуострова и в Османскую империю⁵.

К тому же в Австро-Венгрии понимали, что без упрочения экономического влияния на Балканах невозможно вести речь о расширении политической мощи. В начале 1908 г. Австро-Венгрия добивается согласия Османской империи признания исключительного права империи Габсбургов на получение концессий в Салоникском и Косовском вилайетах. В мае 1908 г. стороны заключили по данному поводу секретное соглашение⁶. Правда, российским дипломатам удалось своевременно получить текст данного соглашения.

С лета 1907 г. проект строительства железных дорог начинает активно обсуждаться в прессе и парламентах Цислайтании и Венгрии. 27 января 1908 г. выступая перед делегациями Австрии и Венгрии, А. Эренталь предложил построить железную дорогу

¹ Игнатъев А. В. Австро-венгерская монархия во внешней политике России на рубеже XIX–XX вв. / Судьба двух империй. Российская и Австро-Венгерская монархии в историческом развитии: от расцвета до крушения. М., 2006. С. 239.

² Струве П. Великая Россия. Или размышления о проблеме русского могущества. Посвящается Николаю Николаевичу Львову // Русская мысль. 1908. №1. С. 144.

³ АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 581. Л. 52.

⁴ Кудрявцев А. Отзыв пражского торгово-промышленного съезда о состоянии австрийской промышленности (Донесение генерального консула в Вене)/Сборник консульских донесений за 1898 г. Вып. IV. СПб., 1898. С. 302–303.

⁵ Sándor V. Der Charakter der Abhängigkeit Ungarns im Zeitalter des Dualismus // Studien zur Geschichte der Österreichisch-Ungarischen Monarchie. Budapest, 1961. S. 322.

⁶ Шпильков В. И. Младотурецкая революция. М., 1977. С. 90.

из Боснии-Герцеговины к Салоникам. Речь А. Эрненталя вызвала большой резонанс в России, в правительстве и в Думе заговорили о начале австро-венгерской экспансии на Балканах¹. 4 февраля 1908 г. А. П. Извольский пригласил посла Австро-Венгрии Л. фон Берхтольда и выразил ему официальный протест. Таким образом, поступила и Великобритания. После встречи с послом А. П. Извольский в узком кругу приближенных заявил о том, что Мюрцштегское соглашение мертво². В октябре 1907 г. А. Эрненталь признал недееспособность австро-русского союза, по крайней мере, в том виде, в каком он существовал с 1897 г. С февраля 1908 г. Россия начинает поддерживать сербский проект строительства Дунайско-Адриатической железной дороги. Так, Россия стремилась нейтрализовать австро-венгерский проект³.

Второе разногласие Веней и Санкт-Петербургом возникает по поводу судебной реформы в Македонии. Россия склоняется в пользу поддержки британского проекта, который не устраивал Османскую империю, Германию и Австро-Венгрию, они опасались усиления влияния в регионе России и Великобритании, а самое главное султан никогда не согласился добровольно на реализацию данного проекта. Осенью 1907 г. в Константинополе прошла конференция послов, где российский представитель официально поддержал британский план. В Вене этот шаг расценили как нарушение предыдущих соглашений с Россией. В начале 1908 г., когда стороны пришли к компромиссному варианту соглашения, Австро-Венгрия отказалась его поддержать. Империя Габсбургов выступала за осуществление контроля над существовавшей турецкой судебной системой, Россия требовала ее значительного реформирования⁴. С февраля 1908 г. Россия вступает в переговоры с Великобританией по поводу проведения судебной реформы в Македонии.

А. Эрненталь и А. П. Извольский – сторонники решительных действий, тяготились

условиями соглашения 1897 г., желая его реформирования, тем самым отойдя от курса А. Голуховского-В. Н. Ламздорфа. В начале 1908 г. на совещании под председательством П. А. Столыпина, А. П. Извольский призвал отказаться от политики сохранения статус-кво на Балканах и приступить к наступательным действиям. Министра иностранных дел не поддержали П. А. Столыпин, министр финансов В. Н. Коковцов и военные, заявившие о неготовности армии России к новой войне⁵. В апреле 1908 г., выступая в Государственной думе, вновь А. П. Извольский подтвердил приверженность соглашению 1897 г.⁶.

В сложившейся ситуации А. Эрненталь решил взять инициативу в свои руки, стремясь, особо не осложняя отношения с Россией, добиться укрепления геополитических позиций Австро-Венгрии на Балканах⁷. В апреле 1908 г. А. Эрненталь в письме А. П. Извольскому признает необходимость реформирования соглашения 1897 г. и нахождения компромисса по поводу балканских железных дорог и судебной реформы в Македонии⁸. 27–28 мая 1908 г. в Ревеле состоялась встреча Николая II с британским монархом Эдуардом VII. На ней стороны договорились об активизации реформ в Македонии, включая назначение генерал-губернатора из числа христиан, финансовый контроль над Македонией и проведение судебной реформы. Эта встреча двух монархов вызвала отрицательную реакцию в Австро-Венгрии, Германии и Османской империи. В Вене осознавали, что Россия все больше попадает в орбиту внешней политики Великобритании, в том числе на Балканах, что также заставляло А. Эрненталя спешить. Одновременно в России распространяется мнение о контроле Германией внешней политики Австро-Венгрии, хотя П. Н. Милюков и ряд других либеральных политиков признавали самостоятельность балканской политики империи Габсбургов⁹.

⁵ Там же.

⁶ Кострикова Е. Г. Боснийское фиаско А. П. Извольского и русская общественность // Труды Института российской истории. Вып. 9. СПб.-Тула, 2010. С. 427.

⁷ Fellner F. Vom Dreibund zum Volkerbund. München, 1994. S. 64–65.

⁸ Виноградов В. К. Боснийский кризис – пролог первой мировой войны. Л., 1964. С. 71.

⁹ Милюков П. Н. Воспоминания. М., 1991. С. 304.

¹ Милюков П. Н. Воспоминания. М., 1991. С. 302.

² История внешней политики России. Конец XIX – начало XX вв. (от франко-русского союза до Октябрьской революции). М., 1997. С. 224.

³ Милюков П. Н. Воспоминания. М., 1991. С. 302.

⁴ История внешней политики России. Конец XIX – начало XX вв. (от франко-русского союза до Октябрьской революции). М., 1997. С. 224.

В июне 1908 г. А. Эренталь и А. П. Извольский согласились пойти на пересмотр совместной балканской политики, что включало возможность оккупации Дунайской империей Боснии-Герцеговины, Новапазарского санджака, строительство Митровицкой железной дороги, Дунайско-Адриатической железной дороги и пересмотр статуса черноморских проливов.

3 июля 1908 г. в Османской империи начинается младотурецкая революция. Новое правительство отказывается выполнять майское соглашение с Австро-Венгрией о ее правах в Салоникском и Косовском вилайетах. В Вене возникает опасение, что Османская империя может поставить под сомнение статус Боснии-Герцеговины, которая юридически являлись ее территорией. 19 августа 1908 г. А. Эренталь заявляет о необходимости аннексии Боснии-Герцеговины, обещая договориться с Россией по данному поводу. Следует подчеркнуть, что до осени 1908 г. обе стороны рассчитывали прийти к компромиссу по ключевым вопросам будущего Балкан.

15–16 сентября 1908 г. в замке Бухлау состоялась знаменитая встреча А. П. Извольского с А. Эренталем, где российский министр дал согласие на аннексию Боснии-Герцеговины, получив взамен обещание Дунайской империи о поддержке требований России по пересмотру режима черноморских проливов. Одновременно министры договорились о возможном провозглашении независимости Болгарии, передачи порта Антивари Черногории и передачи Новапазарского санджака Османской империи¹. А. П. Извольский допустил большую дипломатическую ошибку, не согласовав с А. Эренталем предположительную дату объявления аннексии. О данных переговорах не знали ни П. А. Столыпин, ни остальные министры².

А. П. Извольский не видел ничего предосудительного в данном соглашении, поскольку Австро-Венгрия в любом случае владела Боснией-Герцеговиной, не собираясь ее ни кому отдавать. Изменение юридического статуса ни чего не меняло де факто, тем бо-

лее оно не затрагивало стратегические интересы России, к тому же Санкт-Петербург был не готов воевать с Австро-Венгрией и Германией из-за Боснии-Герцеговины. Более того, А. П. Извольский признавал ряд преимуществ, получаемых Россией от аннексии Боснии-Герцеговины. Во-первых, после аннексии увеличивалось количество славян в империи Габсбургов, тем самым она делала еще один шаг на пути славянизации. Во-вторых, аннексия вела к росту антиавстрийских настроений в Сербии, Черногории, а возможно и в других балканских государствах, что позволяла в перспективе создать Балканский союз под эгидой России. В-третьих, в случае начала европейской конференции Россия могла выступить в качестве защитника интересов славян, допуская умеренную критику аннексии³. Когда П. А. Столыпин и В. Н. Коковцов узнали о сделке в Бухлау, они потребовали немедленно от нее отказаться, предвидя непредсказуемые последствия для России, но было уже поздно.

А. Эренталь переиграл А. П. Извольского и не стоит в данной ситуации считать российского министра пострадавшей стороной. Шла тонкая дипломатическая игра, где обе стороны не собирались щепетильно относиться к интересам друг друга, используя ошибку противоположной стороны в своих интересах. Правда, в России устойчиво закрепилось мнение об А. Эрентале, как о «дипломатическом мошеннике»⁴. Действия А. Эренталья вызывали критику и в самой Австро-Венгрии. О. Чернин отмечал: «Политика Эренталья, противоположная той, которую до него привыкли наблюдать в нашем министерстве иностранных дел, преследовала империалистические цели...и тем самым усилила общее недоверие к нам»⁵.

8 октября 1908 г. Австро-Венгрия объявила об аннексии Боснии-Герцеговины, что привел к серьезному политическом конфликту – Балканскому кризису 1908–1909 гг. В Сербии, Черногории, России действия империи Габсбургов вызвали резкое осуждение. Вся история с переговорами в Бухлау сильно ударила по репутации России и лично А. П. Извольского, так как в Вене произо-

¹ История внешней политики России. Конец XIX – начало XX вв. (от франко-русского союза до Октябрьской революции). М., 1997. С. 234.

² Кострикова Е. Г. Боснийское фиаско А. П. Извольского и русская общественность // Труды Института российской истории. Вып. 9. СПб.-Тула, 2010. С. 428.

³ Письмо Извольского – Чарыкову от 16 сентября 1908 г. // Исторический архив. 1962. № 5. С. 123.

⁴ Сазонов С. Д. Воспоминания. М., 1991. С. 12.

⁵ Чернин О. В дни мировой войны. Мемуары. М.-Пг., 1923. С. 20.

шла утечка информации и секретные переговоры стали достоянием общественности. В результате 27 сентября 1910 г. А. П. Извольский смещается с должности министра и направляется послом в Париж. А. Эренталь умирает в 1912 г. после тяжелой болезни. Крах австро-русского соглашения полностью дестабилизирует ситуацию на Балканском полуострове, результатом чего стали две Балканские войны в 1912–1913 гг.

Соглашение 1897 г. России и Австро-Венгрии обеспечило период относительной стабильности на Балканском полуострове с 1897 по 1908 гг. Две империи показали способность находить компромиссы по сложным проблемам, раздирающим Балканы на рубеже XIX–XX вв. К сожалению, соглашение не смогло перейти в разряд долгосрочной внешнеполитической стратегии Австро-Венгрии и России. С одной стороны, общественность обеих империй требовала проведения активной балканской политики, что разрушало принципы, заложенные в 1897 г., особенно это обстоятельство проявилось в России после ее поражения в русско-японской войне. Либеральные издания и не только пестрили призывами о необхо-

димости возвращения России на Балканы. В самой империи Габсбургов представители военного, промышленного и аграрного лобби также подталкивали Вену к проведению более решительных действий на Юго-Востоке Европы. С другой стороны, в Вене и в Санкт-Петербурге большинство представителей правящей элиты не верило в жизнеспособность соглашения 1897 г., взаимное недоверие по-прежнему доминировало в выстраивании взаимоотношений Австро-Венгрии и России. Разрушение союза двух империй во многом объяснялся кадровыми перестановками в министерствах иностранных дел, связанными с приходом к власти А. П. Извольского и А. Эренталя, сторонников реформирования договора 1897 г. Более того, союз обрекался на крах общим развитием международной ситуации в Европе. Россия все больше связывала свое будущее с Францией и Великобританией, отказываясь от чрезмерного сближения с Берлином, а Австро-Венгрия укрепляла военно-политический союз с Германией. Отказ от соглашения 1897 г. имел самые роковые последствия для России и Австро-Венгрии, открыв путь к Первой мировой войне, завершившейся развалом обеих империй.

А. Н. Птицын

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ПОДДАННЫХ ГАБСБУРГСКОЙ МОНАРХИИ В РОССИЮ В XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Первые политические, экономические и культурные контакты между русскими землями и странами Центральной и Юго-Восточной Европы восходят к временам Древней Руси. Одним из первых внешнеполитических партнеров молодого русского государства стали венгры – вначале как союз кочевых племен, а потом как Венгерское королевство. С ними древнерусские князья вначале вели войны, а затем заключили военно-политический союз, подкрепленный династическими связями¹.

Позднее Древнерусское государство установило дипломатические и торговые связи со Священной Римской империей и Чешским государством. Благодаря развитию политических и экономических связей зарождается миграционный обмен между странами, включавший поездки послов и торговцев, привлечение на службу иностранных наемников, переселение ремесленников и т.п.²

После монгольского завоевания связи русских земель с европейскими странами надолго оказались нарушенными. В числе первых европейских держав, с которыми в конце XV в. установило дипломатические, а затем и союзные отношения Российское государство, была Священная Римская империя, возглавляемая Габсбургской династией³.

В XVI–XVII вв., наряду с дипломатическими отношениями, между Россией и габсбургскими землями стали развиваться торгово-экономические и культурные связи. Это способствовало зарождению миграционного обмена, основными формами которого были поездки дипломатов и сопровождающих их

лиц⁴, путешествия купцов и торговцев, переезд в Россию приглашенных на царскую службу специалистов из «цесарских земель» (офицеров и солдат, врачей, музыкантов, мастеров-ремесленников и др.). Впрочем, масштабы иммиграции были весьма незначительными, поскольку в допетровские времена доступ иностранцам в Россию был закрыт, за исключением их отдельных категорий – дипломатов, купцов и специально приглашенных специалистов⁵.

Самым известным переселенцем данного периода являлся выдающийся ученый-энциклопедист, хорват по национальности Юрий Крижанич (1617–1683 гг.). Он был приглашен на царскую службу русским послом в Вене, но вскоре после прибытия в Москву из-за религиозных разногласий был сослан в Сибирь, где провел полтора десятка лет и написал свои основные труды, и только в конце жизни смог выехать за границу⁶.

В XVIII столетии отношения между Россией и Габсбургской монархией значительно активизировались. В 1726 г. в Вене был заключен союзный договор между двумя империями, приведший к формированию одного из самых прочных и длительных альянсов эпохи Нового времени. Российско-австрийский союз просуществовал больше столетия, до середины XIX в., что свидетельствует о его взаимовыгодном характере⁷.

Будучи союзниками, Российская и Габсбургская империи успешно решали свои внешнеполитические задачи и вели совмест-

⁴ Следует отметить, что записки габсбургских дипломатов являются ценными источниками по истории Российского государства в XVI–XVII вв.

⁵ Об иностранцах в России. Сборник узаконений, трактатов и конвенций с относящимися к ним правилами и судебными разъяснениями. СПб., 1888. С. VII.

⁶ См.: Пушкирев Л. Н. Юрий Крижанич. Очерк жизни и творчества. М., 1984.

⁷ История внешней политики России. XVIII век. М., 1998. С. 68.

¹ История внешней политики России. Конец XV–XVII век. М., 1999. С. 28, 42, 46–47; Контлер Л. История Венгрии. М., 2006. С. 73, 90–91.

² Пристер Е. Краткая история Австрии. М., 1952. С. 13–14; Краткая история Чехословакии. С древнейших времен до наших дней. М., 1988. С. 28, 32.

³ История внешней политики России. Конец XV–XVII век. С. 121–123.

ные военные кампании против Османской империи, Пруссии и Франции. Примечательно, что вплоть до Первой мировой войны они ни разу не воевали друг с другом, если не считать вынужденного участия австрийского вспомогательного корпуса в наполеоновском походе в Россию. Такой характер двухсторонних отношений был достаточно редким в эпоху Нового времени. Союзные отношения, установившиеся между Россией и Габсбургской монархией, способствовали развитию миграционного обмена.

Миграционное взаимодействие России и Габсбургской монархии во многом определялось законодательством двух стран. Начиная с петровских времен, российские власти стали проводить курс на поощрение иммиграции, активно привлекая переселенцев и создавая для них выгодные условия. Важную роль здесь сыграл петровский манифест 1702 г. о приглашении на русскую службу иностранных специалистов (военных, купцов, мастеров, художников и др.), который впервые открыл иностранцам широкий доступ в нашу страну и установил для них благоприятный правовой статус. Поощрительные меры в отношении иммиграции были расширены при Екатерине II, когда в Россию, помимо иностранных специалистов, стали активно приглашать колонистов, для мотивирования которых была разработана целая система льгот и привилегий¹.

Однако сдерживающим фактором в миграционном взаимодействии России и Габсбургской монархии выступала политика австрийского правительства, которое всячески стремилось ограничить эмиграцию своих подданных, чтобы не лишаться налогоплательщиков, рабочих рук и рекрутов. В первой половине XVIII столетия на австрийской территории был введен разрешительный порядок эмиграции. В 1725 г. император Священной Римской империи Карл VI специальным указом запретил своим подданным покидать территорию страны без заблаговременного уведомления властей и получения соответствующего разрешения. В 1744 г. процедура получения разрешения на выезд была значительно усложнена².

На протяжении первой половине XVIII в. переселение из габсбургских земель в Рос-

сию постепенно усиливалось, приобретая в середине столетия заметные масштабы. К индивидуальным миграциям прежнего времени добавились групповые и организованные переселения. Их участниками стали, главным образом, военные и гражданские специалисты, приглашенные на российскую службу – офицеры и солдаты, педагоги, музыканты, врачи и др. По своей численности среди переселенцев доминировали военные. Российские дипломаты, аккредитованные в Вене, содействовали организации их переезда, апеллируя к союзническим отношениям двух держав³. В миграционном движении габсбургских подданных также были задействованы крестьяне-колонисты, торговцы, ремесленники и др., но их количество было невелико.

В 1763 г. императрица Мария Терезия предприняла чрезвычайные меры, издав указ о полном запрете эмиграции своих подданных и установила при этом строгие наказания в виде каторжных работ за попытки нелегального выезда. Это решение стало реакцией на изданный годом ранее манифест Екатерины II с призывом европейским колонистам переселяться в Россию, вызвавший заметные отклики в европейских странах⁴. Вследствие этого указа приток габсбургских подданных в Россию почти полностью прекратился.

В 1784 г. император Иосиф II подписал Эмиграционный патент, который вновь разрешил габсбургским подданным выезд за рубеж при условии получения разрешения высших властей страны и наличия соответствующего паспорта. Таким образом, был восстановлен разрешительный порядок эмиграции⁵. После этого миграционное движение из австрийских земель на российскую территорию также начало постепенно восстанавливаться.

В первой половине XIX в. Российская и Австрийская империя продолжали выступать в качестве союзников, и их сотрудничество во многом определяло международную обстановку в Европе. Они вышли победите-

³ Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. Документы. М., 1984. С. 144, 176.

⁴ Плева И. Р. Немецкие колонии на Волге во второй половине XVIII века. М., 2008. С. 56; Костяшов Ю. В. Сербы в Австрийской монархии в XVIII в. С. 43.

⁵ International Migrations. Vol. 1. New York, 1929. P. 585.

¹ Об иностранцах в России. С. VII–X.

² Костяшов Ю. В. Сербы в Австрийской монархии в XVIII в. Калининград, 1997. С. 40–41.

лями в борьбе с наполеоновской Францией и являлись ключевыми участниками «Священного союза» европейских монархов. В период революции 1848–1849 гг. только российская военная помощь предотвратила распад Габсбургской империи. Однако позиция «враждебного нейтралитета», занятая австрийским правительством в годы Крымской войны, привела к фактическому прекращению союзных отношений между двумя империями.

С конца XVIII в., после совместных разделов Польши, Российская и Габсбургская империи получили общую границу между собой, что способствовало развитию экономических связей и трансграничных миграций.

В конце XVIII в. и первой половине XIX в. иммиграционная политика российских властей отличалась двойственностью, когда прежние поощрительные меры стали сочетаться с ограничительными установками. Последние были вызваны стремлением не допустить проникновения из Европы в Россию носителей революционных и либеральных идей. В то же время, потребности развития страны диктовали необходимость в привлечении зарубежных специалистов и иностранных колонистов. При этом в годы правления Александра I доминировало либеральное отношение к приезду иностранцев, а при Николае I иммиграционные правила были ужесточены¹.

В то же время произошла некоторая либерализация австрийского эмиграционного законодательства. В 1816 г. император Франц II издал указ, согласно которому разрешения на выезд за границу для женщин могли выдавать местные власти, но для мужчин по-прежнему требовалось разрешение центрального правительства, что было связано с опасениями потерять призывной контингент. Наконец, в 1832 г. был принят Эмиграционный патент Франца II, согласно которому право выдавать разрешения на выезд из страны получили власти отдельных провинций, которым вменялось в обязанность следить за тем, чтобы паспорта не выдавались мужчинам, не отбывшим воинскую повинность².

Система австрийско-российского миграционного обмена в первой половине XIX в.

приобрела новые черты. Значительно возросли масштабы краткосрочных миграций, к которым относятся, главным образом, поездки в Россию торговцев из габсбургских земель. Изменилась и социальная база иммиграционного движения. Военная иммиграция из Габсбургской монархии в Россию после наполеоновских войн почти прекратилась, зато приток гражданских специалистов (педагогов, музыкантов и др.) заметно возрос. Увеличилось и число крестьян-колонистов, ремесленников и торговцев, переселившихся на российскую территорию. Среди иммигрантов также появились фабриканты и другие предприниматели. Однако вплоть до середины XIX в. переселения продолжали носить разрозненный характер.

Рассмотрим подробнее состав участников переселенческого движения габсбургских подданных на российскую территорию в XVIII – первой половине XIX в.

Самую значительную группу иммигрантов XVIII столетия составили военные – офицеры и солдаты из числа габсбургских подданных, бывшие по происхождению сербами и представителями других балканских народов. Их привлечение на российскую службу началось при Петре I и продолжилось при его преемниках. Было организовано несколько кампаний по вербовке сербских и иных добровольцев в русскую армию – в 1711 г., в 1723 г., в 1733–1735 гг., в 1751–1752 гг. и др. Для этого был издан ряд императорских указов и универсалов, а также налажена деятельность вербовщиков в австрийских землях, в качестве которых выступали русские офицеры сербского происхождения, а иногда и российские дипломаты. Добровольцев привлекали денежным и продовольственным жалованием, предоставлением земель для поселения на территории Новороссии, а также различными льготами³.

Приоритет при приглашении на русскую службу отдавался австрийским сербам-границарам, служившим ранее в австрийской армии, однако на практике большинство среди добровольцев составили валахи (румыны/молдаване). Это было связано с тем, что австрийское правительство препятствовало своим военным переходить на русскую

³ См.: Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. Документы. М., 1984; Лещиловская И. И. Сербский народ и Россия в XVIII веке. СПб., 2006.

¹ Об иностранцах в России. С. XI–XIII.

² International Migrations. Vol. 1. P. 585.

службу, поэтому вербовка и отправка добровольцев в габсбургских землях шла трудно¹.

В числе принятых в русскую армию офицеров и солдат, помимо сербов и валахов, были черногорцы, венгры, хорваты, македонцы, болгары и другие. Габсбургскими подданными среди добровольцев была большая часть сербов, меньшая часть черногорцев и валахов, а также венгры, хорваты и венгерские немцы. Балканские добровольцы зачислялись, главным образом, в гусарские полки русской армии, в том числе в специально сформированные Сербский и Венгерский гусарские полки².

Численность военных иммигрантов XVIII столетия можно определить только приблизительно из-за их разновременного приглашения и разнородного состава. Во время Прутского похода (1711 г.) в составе русской конницы служило около 500 сербов, примерно столько же их насчитывалось в Сербском гусарском полку в 1727 г. К концу 1730-х гг. количество сербов в этой части было доведено до 800. В отличие от участников Прутского похода, часть военных переселенцев 1720–1730-х гг. прибыли в Россию вместе со своими семьями, которые были поселены в малороссийских губерниях³.

Самая массовая кампания по приглашению военных специалистов имела место в начале 1750-х гг., в период правления Елизаветы Петровны. Из балканских переселенцев были сформированы 4 полка (два гусарских и два пехотных – т. н. пандурских). Их офицеры и солдаты вместе с семьями были поротно расселены в Новороссию для охраны границ, образовав два района военных поселений – Новую Сербию и Славяносерию. Состав полков был смешанным, с заметным преобладанием валашского элемента. Сербы в общем составе переселенцев занимали второе место, но почти все офицеры новых полков принадлежали к этой национальности. В 1754 г., на начальном этапе заселения, мужское население Новой Сербии состояло из 2225 человек: 1676 валахов, 257 сербов, 124 македонцев, 79 венгров, 57 болгар и 32 венгерских нем-

цев (женское население этого района насчитывало 1694 человека)⁴.

Новая Сербия и Славяносербия в качестве особых административных образований просуществовали до 1764 г., после чего их территории были включены в общую имперскую структуру. За счет притока новых поселенцев их население постепенно росло. В 1764 г. на территории Новой Сербии насчитывалось 12,2 тыс. иностранных переселенцев, в том числе 9,3 тыс. валахов, 1,9 тыс. сербов и 1 тыс. прочих (венгров, немцев, македонцев, болгар и др.)⁵. Для Славяносербии источники дают только численность иностранных переселенцев-мужчин. В 1763 г. их насчитывалось 3,1 тыс. человек, в том числе 2,6 тыс. валахов, 378 сербов и 84 прочих (венгров и др.)⁶. Выходцами из габсбургских земель были почти все жившие в этих районах сербы, некоторые валахи и часть представителей других народов. Военные переселенцы вместе со своими семьями занимались сельским хозяйством, торговлей, ремеслами, поэтому их можно рассматривать и в качестве иностранных колонистов, имевших особый статус. В дальнейшем иностранное население Новой Сербии и Славяносербии постепенно ассимилировалось.

Военные специалисты из числа сербов и других балканских иммигрантов, а также их потомки прекрасно зарекомендовали себя в многочисленных войнах Российской империи. В русской армии в XVIII в. насчитывалось 27 генералов и около 120 штаб-офицеров, имевших сербское происхождение⁷. Переселенцы, получившие офицерские чины, влились в состав российского дворянства.

В российскую армию при Петре I и его преемниках австрийские офицеры приглашались и в индивидуальном порядке. Некоторые из них смогли достичь высокого положения. Так, например, австрийский немец И. Б. Вейсбах стал генерал-аншефом и киевским генерал-губернатором⁸, чех Ф. Н. Клич-

¹ Костяшов Ю. В. Сербы в Австрийской монархии в XVIII в. С. 43.

² Лещиловская И. И. Сербский народ и Россия в XVIII веке. С. 255–260.

³ Там же.

⁴ Кабузан В. М. Заселение Новороссии (Екатеринославской и Херсонской губернии) в XVIII – первой половине XIX в. (1719–1858 гг.). М., 1976. С. 88.

⁵ Там же. С. 104.

⁶ Там же. С. 94.

⁷ Лещиловская И. И. Сербский народ и Россия в XVIII веке. С. 260.

⁸ Петрухинцев Н. Н. Путь иноземца в военную элиту России (петровский генерал И. Б. Вейсбах) // Война и оружие: Новые исследования и материалы. СПб., 2010. Ч. II. С. 210–228.

ка – генерал-майором и губернатором нескольких губерний (Новгородской, Иркутской и Орловской)¹.

В целом, иммиграция военных специалистов в нашу страну способствовала укреплению русской регулярной армии, организации и развитию ее гусарских полков, формированию офицерского корпуса. Появление военных поселений на границах Новороссии способствовало защите этой территории и ее хозяйственному освоению.

После массовой кампании середины XVIII столетия переходы австрийских военных на русскую службу приобрели индивидуальный характер и касались теперь почти исключительно офицеров. В последней трети этого столетия они были немногочисленны из-за запретов габсбургских властей, и вновь оживились в период наполеоновских войн, когда российская и австрийская армия вели совместные военные действия. Так, например, в 1797 г. в Лейб-гвардии гусарский полк был зачислен в чине поручика австрийский серб Георгий Арсеньевич Эммануэль (Эммануэль) (1775–1837), ставший впоследствии генералом от кавалерии, героем Отечественной войны 1812 г., начальником Кавказской области и командующим войсками на Кавказе². После окончания наполеоновских войн приглашения австрийских офицеров на российскую службу стали носить редкий характер.

Среди гражданских специалистов, прибывших в XVIII – первой половине XIX в. в Россию из Габсбургской монархии, наиболее заметную роль сыграли педагоги. Они способствовали формированию и развитию российской системы университетского и школьного образования, и действовали также в сфере домашнего образования.

Карпатский русин Иван Алексеевич Зейкан (1670–1739 гг.), принятый на русскую службу в 1698 г. в качестве переводчика Посольского приказа, затем стал учителем иностранного языка и наставником двоюродных братьев Петра I – А. Л. и И. Л. Нарышкиных. В 1724–1727 гг. И. А. Зейкан являлся воспитателем царского внука, будущего императо-

ра Петра II, и обучал его латинскому и французскому языкам³.

Ученые из габсбургских земель были широко представлены в составе профессорско-преподавательского корпуса первых российских университетов. Так, на службу в Московский университет в 1750–1770-х гг. были приняты 5 уроженцев Габсбургской монархии: юрист Ф. Г. Дильтей (первый профессор на юридическом факультете), философ и юрист И. М. Шаден (он также являлся первым ректором университетской гимназии), филолог и философ И. Г. Шварц (просветитель, соратник Н. И. Новикова), медики И. И. Вечь и Ф. Ф. Керестури (первый декан медицинского факультета). Первые четверо были по национальности немцами, а последний являлся венгром⁴.

В первой трети XIX в., в связи с открытием новых российских вузов, приток профессорских кадров из Габсбургской монархии заметно возрос. Всего их в этот период прибыло 17 человек, в том числе: в Харьковский университет – 8, в Санкт-Петербургский педагогический институт, позднее преобразованный в университет – 5, в Казанский университет – 2, в Московский университет – 1, в Медико-хирургическую академию – 1. Среди них было 6 медиков, 4 философа, 2 юриста, 2 физика и по одному филологу, математику и астроному. По национальной принадлежности они были немцами (6 человек), сербами (4 человека), карпатскими русинами (3 человека), евреями (2 человека), еще один профессор являлся чехом и один – итальянцем⁵.

Яркую карьеру сделал в России юрист Михаил Андреевич Балугьянский (Балудьянский) (1769–1847), карпатский русин по происхождению. Он стал первым ректором Санкт-Петербургского университета, преподавал юриспруденцию великим князьям Николаю (будущему императору) и Михаилу, занимал должность начальника Второго отде-

¹ Кишкин Л. С. Чешско-русские литературные и культурно-исторические контакты. М., 1983. С. 167.

² Матвеев О. В., Ракачев В. Н. Сербский след в истории Кубани // Мир славян Северного Кавказа. Вып. 3. Краснодар, 2008. С. 180.

³ Мольнар Л. Деятельность педагогов – выходцев из Венгрии в России (1703–1848 гг.) // *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*. Т. 49. 2004. № 3–4. С. 318–323.

⁴ Иностранцы профессора российских университетов (вторая половина XVIII – первая треть XIX в.). Биографический словарь. М., 2011. С. 52, 83, 94, 175–176, 181–182.

⁵ Подсчитано по: Иностранцы профессора российских университетов (вторая половина XVIII – первая треть XIX в.). Биографический словарь. М., 2011.

ления Императорской канцелярии, осуществлявшего кодификацию российского законодательства, и достиг чина тайного советника¹.

Другие педагоги из габсбургских земель также становились руководителями российских образовательных учреждений. Первым ректором Казанского университета стал австрийский немец, профессор медицины И. О. Браун². В Харьковском университете, где работало больше всего габсбургских выходцев, ректорскую должность занимали два австрийских серба – физик А. И. Стойкович и философ А. И. Дудрович³.

Уроженцы Габсбургской монархии руководили в первой четверти XIX в. деятельностью российских лицеев – Царскосельского (трансильванский немец филолог Ф. М. Гауеншильд), Нежинского (карпатские русины физик В. Г. Кукольник и медик И. С. Орлай) и Ришельевского в Одессе (медик И. С. Орлай)⁴.

Важную роль в развитии российского школьного образования сыграл венгерский серб Федор Иванович Янкович де Мириево (1741–1814 гг.). На родине он работал директором народных училищ в Банате и в 1782 г. был приглашен в Россию для разработки проекта школьной реформы по австрийскому образцу. В последующие годы его проект был успешно реализован, в результате чего в нашей стране впервые была создана система массового школьного образования, состоявшая из народных училищ разного уровня. Ф. И. Янкович де Мириево активно участвовал в проведении преобразований, будучи экспертом и членом правительственной Комиссии народных училищ, директором народных училищ и педагогической семинарии в Петербурге, автором множества учебников и учебных пособий⁵.

¹ См.: Косачевская Е. М. Михаил Андреевич Балугьянский и Петербургский университет первой четверти XIX в. Л., 1971.

² Биографический словарь профессоров и преподавателей Казанского Императорского университета. Ч. II. Казань, 1904. С. 143–145.

³ Багалея Д. И. Опыт истории Харьковского университета (по неизданным материалам). Т. 1. Харьков, 1898. С. 304–314, 508–509.

⁴ Кобеко Д. Ф. Императорский Царскосельский лицей: Наставники и питомцы: 1811–1843. СПб., 1911. С. 29–32, 68; Мольнар Л. Деятельность педагогов – выходцев из Венгрии в России. С. 317–318.

⁵ Лещиловская И. И. Русско-сербские связи в области педагогики во второй половине XIX в. (Ф. И. Янкович де Мириево) // Е. Р. Дашкова и эпоха просвещения. М., 2005. С. 95–104; Мольнар Л. Деятельность педагогов – выходцев из Венгрии в России. С. 323–326.

В первой половине XIX в. австрийские педагоги работали в российских средних учебных заведениях различных типов – мужских и женских гимназиях, кадетских корпусах, женских институтах и др. География их присутствия в российском образовательном пространстве была обширной, охватывая следующие города: Санкт-Петербург, Москва, Киев, Харьков, Одесса, Чернигов, Таганрог, Орел, Псков, Архангельск, Пермь и другие. В своем большинстве они преподавали немецкий и французский языки. Кроме того, учителя-иммигранты вели занятия по древним языкам, музыке и другим предметам, а также занимали должности воспитателей и надзирателей пансионов⁶.

Самым многочисленным представительство учителей австрийского происхождения было в Киевской губернской гимназии, что объясняется географическим фактором. В первой половине XIX в. в ней работало, в общей сложности, 8 габсбургских подданных, преподававших немецкий, французский, польский и латинский языки, музыку, а также служивших воспитателями в гимназическом пансионе. По происхождению они были русинами, немцами и итальянцами⁷.

Уроженцы австрийских земель были широко представлены также среди домашних учителей-иностранцев, которых немало работало в Российской империи. Некоторые учителя-иммигранты, хорошо зарекомендовавшие себя, впоследствии переходили на работу в российские вузы. Так, например, путь от домашнего учителя до вузовского профессора прошли в своей российской карьере австрийские немцы – филолог И. Г. Шварц (Московский университет) и философ А. А. Фишер (Санкт-Петербургский университет). Профессора Харьковского

⁶ Пятидесятилетие Петербургской Ларинской гимназии. 1836–1886. СПб., 1886. С. 5–6; Историческая записка 75-летия Санкт-Петербургской второй гимназии. Ч. 2. СПб., 1894. С. 329; Краткий исторический очерк пятидесятилетия Московской III гимназии. М., 1889. С. 200; Историческая записка пятидесятилетия Псковской губернской гимназии и состоящего при ней пансиона. СПб., 1884. С. 92, 96; Очерки из прошлого Таганрогской гимназии. По случаю столетнего юбилея гимназии. Таганрог, 1906. С. 10–11; Историческая записка Архангельской Ломоносовской гимназии (1811–1911). Архангельск, 1912. С. 71, 73; Старейшее учебное заведение г. Перми. К столетию Пермской мужской гимназии (1808–1908). Пермь, 1908. С. 217.

⁷ Столетие Киевской первой гимназии (1808–1811–1911). Т. 1. Киев, 1911. С. 53, 64, 67, 113, 119, 140, 147.

университета, австрийские сербы по происхождению, философ А. И. Дудрович и юрист К. П. Павлович, первоначально были учителями провинциальных российских гимназий¹.

Карпатский русин Ю. И. Венелин (Гуца), работавший в Москве домашним учителем и преподавателем в частных учебных заведениях и женских институтах, получил впоследствии признание в качестве одного из основателей такой научной дисциплины, как болгаристика².

Некоторым иностранцам удавалось открывать в нашей стране собственные частные учебные заведения. Так, например в 1770–1780-х гг. в Москве существовал домашний пансион профессора Московского университета австрийского немца И. М. Шадена, где учился Н. М. Карамзин³. В 1820–1840-х гг. в Москве действовал дворянский пансион чеха Л. И. Чермака, среди учеников которого были Ф. М. Достоевский и его братья⁴.

В XVIII в. берет свое начало учебная иммиграция габсбургских подданных в Россию. В Киево-Могилянскую академию для получения образования приезжали австрийские сербы и карпатские русины. Дети сербских и венгерских военных поселенцев поступали на учебу в кадетские корпуса. Некоторые иммигранты из габсбургских земель получали образование в Московском университете и медико-хирургических училищах⁵.

В первой половине XIX в. данная практика получила свое продолжение. Габсбургские иммигранты, главным образом из числа славян, учились в российских духовных академиях и семинариях, университетах и других учебных заведениях. Подавляющее большинство среди них составляли слушатели духовных учебных заведений.

Достаточно заметной профессиональной группой среди габсбургских иммигрантов были музыканты – в своем подавляющем большинстве, чехи. Они работали в придворных оркестрах и театрах, частных оркестрах русских вельмож, военных орке-

страх, выступали в качестве гастролирующих музыкантов, преподавали в учебных заведениях и давали частные уроки. Часть из них приезжала в Россию на время, другие оставались там навсегда⁶.

Значительно меньшей по численности группой, чем педагоги и музыканты, в составе специалистов – иммигрантов из Габсбургской монархии, были врачи. Некоторые из них играли довольно заметные роли, в частности, венгр Павел Дендеши – придворный медик Елизаветы Петровны и Екатерины II, венгр Христиан Пеккен – член и секретарь Медицинской коллегии, автор первого российского медицинского справочника («Домашний лечебник») и первого российского руководства для фармацевтов, карпатский русин Иван Семенович Орлай – гоф-хирург императорского двора при Александре I и ученый секретарь Медико-хирургической академии, чех Иосиф Груби – лейб-окулист императорского двора при Николае I, профессор Медико-хирургической академии и другие⁷.

Помимо переселения военных и гражданских специалистов, в конце XVIII – первой половине XIX в. постепенно стала набирать обороты трудовая и коммерческая иммиграция габсбургских подданных, ее участниками стали крестьяне-колонисты, торговцы, фабриканты, ремесленники и представители других социальных слоев.

До начала массовой чешской колонизации России в 1860-е гг. переселение колонистов из габсбургских земель в нашу страну носило фрагментарный характер. На российскую территорию прибывали, как правило, лишь отдельные группы, иногда даже отдельные семьи немецких и южнославянских колонистов. Они редко основывали собственные поселения, предпочитая селиться в уже существовавших немецких колониях и других населенных пунктах.

Как уже говорилось выше, в качестве колонистов, имевших особый статус, можно рассматривать сербов и других военных

¹ Иностранцы профессора российских университетов... С. 89, 121, 157–158, 181–182.

² Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь. М., 1979. С. 98.

³ Иностранцы профессора российских университетов... С. 176.

⁴ Гроссман Л. П. Достоевский. М., 1962. С. 14–16.

⁵ См.: Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. Документы. М., 1984.

⁶ См.: Schánilec J. Za slávou. Čtení o českých hudebnících v Rusku. Praha, 1961.

⁷ Мольнар Л. Венгры и русские в зеркале истории контактов (Уроки культурных контактов XVIII века) // Двенадцать столетий венгерско-русских отношений. Будапешт, 2005. С. 45; Крылов-Толстикевич А. Н. Русские врачи XIX – начала XX в. // <http://www.proza.ru/2017/06/11/309>.

поселенцев, размещенных в 1750-х гг. на территории Новороссии. При переселении их сопровождали представители других социальных слоев – прислуга, ремесленники, духовенство и пр. Так, в свите сербских офицеров, направлявшихся в 1752 г. в Славяносерию, насчитывалось от 10 до 40 человек, без учета членов семей. Например, подполковника И. Шевича сопровождало 38 человек, в том числе: капеллан, секретарь, дворецкий, камердинер, 4 пажа, лекарь, кузнец, 4 солдата, скороход, повар, дворник, 2 лакея, служанка, 2 кучера, 4 фурманщика, 4 погонщика, 8 конюхов¹. В 1764 г. в числе сербов, проживавших на территории Новой Сербии, насчитывалось (вместе с членами семей): купцов и ремесленников – 198 человек, крестьян – 101 человек, духовенства – 37 человек².

Участие подданных Габсбургской монархии в мощном немецком колонизационном движении в Россию, развернувшемся в последней трети XVIII в., было слабым. Главная причина этого – политика габсбургских властей, которые ограничивали или прямо запрещали выезд своих граждан за границу и одновременно поощряли внутреннюю колонизацию, направленную на освоение недавно присоединенных к империи южных регионов. Впрочем, несмотря на запреты, отдельные группы австрийцев были представлены в числе немецких колонистов, прибывших в данный период на российскую территорию³.

В 1772 г. по приглашению знаменитого российского полководца П. А. Румянцева группа австрийских меннонитов (члены т. н. «Гуттеровского братства»), поселившаяся незадолго перед тем в Валахии, переехала на жительство в его имение Вишенки в Черниговской губернии. В 1784 г. к ним присоединилось 16 семей их единоверцев из Венгрии и Богемии. В 1801 г. меннониты покинули имение Румянцевых и основали в Черниговской губернии колонию Радичев, в которой первоначально насчитывалось 44 семьи (202 человека). Со временем она разрослась и основала дочерние колонии –

одну в Черниговской и две – в Таврической губернии⁴.

В начале XIX в. переселение колонистов из габсбургских земель в Россию оживилось. Они оседали на недавно присоединенных территориях Новороссии и Бессарабии. В 1807–1809 гг. в Россию прибыло несколько групп переселенцев из Венгрии⁵. В 1810–1811 гг. получили разрешение селиться в России на правах иностранных колонистов дезертиры из австрийской армии⁶. В 1816 г. колонисты, прибывшие из австрийских и венгерских земель (немцы и южные славяне), были поселены на территории Бессарабии⁷. Тогда же в Бессарабию начинают активно переселяться русины из австрийской Буковины. В 1823 г. Комитет министров, в связи с усилившимся притоком переселенцев из Австрии принял решение выдавать им для легализации в России особые кордонные свидетельства⁸.

После вхождения в состав Российской империи Царства Польского (1815 г.) на российской территории оказались поселения чешских протестантов, которые переселились туда в XVIII столетии⁹.

Подавляющее большинство среди габсбургских подданных, приезжавших в Россию на краткий срок, составляли торговцы. Купцы разных национальностей из габсбургских земель, ведущие оптовую торговлю, регулярно посещали российские столицы, крупные города и ярмарки в западных регионах страны. После установления между двумя империями общей границы (1795 г.) начинает интенсивно развиваться приграничная торговля, которая почти полностью находилась в руках еврейских торговцев. С начала XIX в. австрийские торговые суда стали приходить в российские черноморские порты. Со второй четверти XIX в. в Россию стали приезжать словацкие торговцы, которые вели разносную и развозную торговлю на российских просторах, добираясь до северных и кавказских губерний¹⁰.

⁴ Бондарь С. Д. Секта меннонитов в России (в связи с немецкой колонизацией на юге России). Пт., 1916. С. 7–11.

⁵ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 383. Оп. 29. Д. 292. Л. 99.

⁶ РГИА. Ф. 1286. Оп. 54. Д. 101. Л. 21–23.

⁷ РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 102. Ст. 887–888.

⁸ РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 102. Ст. 1576.

⁹ Vaculik J. Češi v cizině 1850–1938. Brno, 2009. S. 69.

¹⁰ РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. Д. 203, Оп. 7. Д. 457, Оп. 8. Д. 376, Оп. 10. Д. 860; Ф. 1287. Оп. 6. Д. 432.

¹ Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. С. 161.

² Кабузан В. М. Заселение Новороссии... С. 104.

³ Плеве И. Р. Немецкие колонии на Волге во второй половине XVIII века. С. 82.

Некоторые купцы и торговцы из габсбургских земель оставались в России на постоянное место жительства, выполняя посреднические функции в торговых связях и организуя стационарную торговлю на новом месте. Австрийские подданные в первой половине XIX в. входили в состав купеческих гильдий в Петербурге, Москве, Одессе и других городах¹.

В первой половине XIX в. в Россию переселялись австрийские и чешские специалисты в сфере фабричного и ремесленного производства – предприниматели, инженеры и техники, квалифицированные рабочие и ремесленники.

Проектирование и строительство первой российской железной дороги – Царскосельской – было осуществлено в 1836–1837 гг. под руководством чешского инженера Франца Антона фон Герстнера (1796–1840 гг.). На этой стройке работали также другие чешские инженеры и техники².

Во второй четверти XIX в. австрийские подданные открыли в России несколько текстильных фабрик – в Москве (А. Шаловец), Петербурге (Михель), Лодзи и других городах³. Уникальным предприятием являлся открытый в 1822 г. в Царстве Польском стекольный завод чеха И. Гордлички – весь его персонал составили приехавшие из Богемии и Силезии чехи, отсюда же было ввезено оборудование⁴.

На некоторые российские предприятия приглашали мастеров и квалифицированных рабочих из габсбургских земель – ткачей, стеклодувов, оружейников, печатников и других. Среди переселенцев были также представлены ремесленники разных специальностей (портные, швеи, шляпники, экипажные мастера, кузнецы и т.д.). В первой половине XIX в. в России появились дротари – странствующие словацкие ремесленники-металлисты⁵.

¹ РГИА. Ф. 13. Оп. 2. Д. 1699; Ф. 18. Оп. 4. Д. 319.

² Dějiny česko-ruských vztahů 1770–1917. Praha, 1967. S. 125.

³ РГИА. Ф. 18. Оп. 2. Д. 616. Л. 35; Д. 782. Л. 26; Д. 1296. Л. 12; Янжул И. И. Очерк исторического развития фабрично-заводской промышленности в Царстве Польском. М., 1887. С. 46.

⁴ Указатель V Московской выставки русских мануфактурных произведений 1865 г. М., 1865. С. 153.

⁵ См.: Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М. Ф. Раевского. 40–80-е гг. XIX в. М., 1975; Juchňovová N. V. Slovenskí drotári v Petrohrade v druhej polovici 19. a na začiatku 20. storočia // Slovenský národopis. № 31. Bratislava, 1983.

Рассмотрим вопрос о количественных параметрах переселенческого движения габсбургских подданных на российскую территорию. Следует заметить, что точные данные о численности иностранцев, прибывших в Россию в XVIII в. и первой четверти XIX в., определить не представляется возможным, поскольку соответствующий учет в те времена не проводился. Впрочем, масштабы иммиграции из габсбургских земель в те времена были невелики, составляя, как правило, лишь десятки и сотни человек в год, остававшихся на постоянное жительство. Исключение здесь составляет небольшой временной отрезок 1750-х гг., когда миграционные показатели существенно возросли вследствие кампании по приглашению военных специалистов.

С 1828 г. таможенный департамент российского министерства финансов стал фиксировать численность пересекавших российские границы лиц и публиковать их в ежегодном издании «Обзор внешней торговли России по европейской и азиатской границе». Позднее эти данные были обобщены в фундаментальном научном издании «Международные миграции».

О количественных параметрах австрийской миграции в Российскую империю во второй четверти XIX в. свидетельствуют данные таблицы.

На основе данных таблицы можно сделать следующие выводы. В конце 1820-х гг. переселенческое движение из габсбургских земель в Россию было слабым. Ежегодно в нашу страну приезжали, в среднем, 3,7 тыс. австрийских подданных, из них оставались на жительство лишь 170 человек (5 % от количества приехавших).

В 1830-х гг. миграционные показатели существенно выросли благодаря развитию экономических и других связей между двумя странами, а также вследствие либерализации австрийского эмиграционного законодательства (издание Эмиграционного патента 1832 г.). Это десятилетие можно рассматривать как время второго масштабного всплеска иммиграции габсбургских подданных в Россию после периода 1750-х гг. В 1830-е гг. в Россию приезжали, в среднем, 10,6 тыс. австрийских подданных в год, из них оставались на жительство 1,1 тыс. человек (10 % от общего количества приехавших). В конце 1830-х гг. приток австрийцев в Россию сменился оттоком, и их миграционный баланс стал отрицательным.

Таблица

Миграция австрийских подданных в Россию во второй четверти XIX в.¹

Год	Въезд (человек)	Выезд (человек)	Баланс
1828	2.625	2.806	– 181
1829	4.000	3.615	+ 385
1830	4.568	4.259	+ 309
Всего за 1828–1830 гг.	11.193	10.680	+ 513
1831	5.126	3.044	+ 2.082
1832	7.432	7.301	+ 131
1833	10.095	7.192	+ 2.903
1834	9.494	8.957	+ 537
1835	10.043	7.899	+ 2.144
1836	10.940	9.993	+ 947
1837	15.645	13.081	+ 2.564
1838	15.691	13.106	+ 2.585
1839	13.575	15.571	– 1.996
1840	7.579	8.355	– 776
Всего за 1831–1840 гг.	105.620	94.499	+ 11.121
1841	10.367	10.102	+ 265
1842	10.661	10.527	+ 134
1843	10.827	10.820	+ 7
1844	11.600	11.061	+ 539
1845	11.758	11.165	+ 593
1846	11.678	9.297	+ 2.381
1847	12.067	12.630	– 563
1848	3.252	4.526	– 1.274
1849	735	1.651	– 916
1850	2.337	2.046	+ 291
Всего за 1841–1850 гг.	85.282	83.825	+ 1.457
Итого за 1828–1850 гг.	202.095	189.004	+ 13.091

В 1840-е гг. миграционные показатели значительно сократились по сравнению с предшествующим десятилетием, при этом основной спад пришелся на конец десятилетия и был вызван революционными событиями 1848–1849 гг. В эти годы произошло ужесточение российских эмиграционных правил в отношении венгров и других габсбургских подданных. В частности, в июне 1848 г. было принято решение установить над венгерскими переселенцами полицейский надзор и всех подозрительных высылать на родину².

В 1840-е гг. в Россию приезжали, в среднем, 8,5 тыс. габсбургских подданных ежегодно, что было на 20 % меньше, чем в предыдущее десятилетие. Оставалось же в нашей стране в это десятилетие лишь 146 человек в год (2 % от общего количества приехавших). В конце 1840-х гг. миграционный баланс австрийцев был отрицательным.

Всего во второй четверти XIX в. Россию посетили 202 тыс. габсбургских подданных (в среднем, 8,8 тыс. в год), из которых остались на жительство 13,1 тыс. человек (в среднем, 570 человек в год). Осело в нашей стране в тот период всего 7 % австрийцев из общего количества приехавших.

¹ International Migrations. Vol. 1. P. 798–804.

² РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. Д. 1192. Л. 4–7.

Рассмотрим место австрийской иммиграции в общей структуре иностранного переселения в Россию. По данным таможенной статистики, во второй четверти XIX в. нашу страну посетили 447 тыс. иностранцев, а осело в ней 68 тыс. из них (15 % от числа приехавших)¹. Доля габсбургских подданных среди приезжавших в нашу страну иностранцев составила в данный период 45 %, они занимали здесь первое место. Однако среди иностранцев, поселившихся в этот период в нашей стране, австрийцы занимали только 3-е место, составляя 19 % от их общего количества. Они уступали подданным германских государств (35 % при численности 24 тыс. человек) и подданным Персии (22 % при численности 15 тыс. человек)².

Таким образом, миграция австрийских подданных на российскую территорию являлась важной частью межгосударственных взаимоотношений России и Габсбургской монархии. Ее участниками были представители разных социальных слоев и групп, при этом заметное место занимали военные и гражданские специалисты. Иммигранты из габсбургских земель внесли свой вклад в развитие российских вооруженных сил, системы образования, экономики и других сфер. Переселение также способствовало установлению и развитию экономических, культурных и иных связей между народами двух стран.

¹ International Migrations Vol. 1. P. 802.

² Оболенский (Осинский) В. В. Международные и межконтинентальные миграции в довоенной России и СССР. М., 1928. С. 107, 110.

РАЗДЕЛ II РОССИЯ И АВСТРО-ВЕНГРИЯ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

М. В. Ведерников

ЧЕШСКОЕ ОБЩЕСТВО В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ

37

Сложно оценить во всей полноте влияние Первой мировой войны на судьбу человечества, на судьбу каждого жителя планеты. Если усердный историк решит составить рейтинг исторических событий, которые оказали значительное воздействие на формирование общества на протяжении всей истории, то, несомненно, данное событие будет занимать одну из центральных, передовых позиций в его списке. Если же говорить в частности о XX в., то здесь справедливо утверждение, что мировой конфликт стал путеводной звездой, которая задала магистральное направление развитию мирового сообщества навек вперед, включая и то время, в котором мы сейчас живем. Если Ф. М. Достоевский по поводу истоков русской литературы сказал, что «она вышла из гоголевской шинели», то с такой же уверенностью можно заявить, что весь современный мир, каким он представляется нам сейчас, «вышел из Первой мировой войны».

Именно в результате этих событий с политической карты мира исчезли три великие европейские империи – Австро-Венгерская, Германская и Российская. На их руинах возникли новые политические образования, которые до той поры не имели собственной государственности или обладали ей в далеком прошлом. Одним из таких молодых государств, которое начало осваивать преимущества независимого существования стала Чехословакия. Правда, этому событию предшествовали долгие годы кропотливого труда, на протяжении которых чешские об-

щественные деятели подготавливали народ к перспективе независимого существования. Всё это время чешское общество, проживая внутри неславянского государства, где австрийское правительство постоянно пыталось умалить достоинства незащищенных малых народов, было вынужденно подстраиваться под непростые условия, выработать собственную модель поведения. В результате этих стесненных, вынужденных обстоятельств был сформирован чешский вариант самосознания, который позволил в дальнейшем бескровно и мирно обрести независимость.

Несмотря на то, что чехи были страстными поборниками идеи предоставления Чешским землям особого статуса внутри австро-венгерской монархии по подобию земель венгерской короны, в критических условиях мировой войны они не могли занять определенной позиции по поводу собственного положения в империи. Если брать в качестве выразителя интересов общества политические партии, то они не были едины и распались на целый спектр воззрений и представлений о будущем положении внутри империи. Что касается «молчаливой массы», которая представляет в численном отношении большинство в любом социуме, то она тем более имела самые разные взгляды, начиная от австрофильских и заканчивая искренне русофильскими.

Принимая во внимание указанные факты, необходимо отметить, что проблема изучения чешского общества в годы Первой

мировой войны является злободневной и чрезвычайно актуальной. Во-первых, сегодня, когда в некоторых европейских странах существует возможность выделения их территорий в независимые политические образования (Шотландия, Каталония), изучение чешского общества может быть полезным. Оно точно также около 100 лет назад пребывало в подвешенном состоянии, выбирая между независимым статусом и дальнейшей перспективой нахождения в составе другого государства. Во-вторых, изучение ключевых аспектов существования чехов в годы войны позволяет выявить важные вехи формирования чешского национального самосознания на его последнем этапе развития. Это в свою очередь подводит черту под длительным процессом становления чешского менталитета, который вплоть до сегодняшнего дня, несмотря на все интеграционные процессы в Европе, разительно выделяется на общем фоне (стоит лишь вспомнить позицию чешского правительства относительно миграционного кризиса 2015 г.).

Чешское общество в том виде, в котором оно подошло к Первой мировой войне, начало формироваться в начале XIX в. Это движение было связано с деятельностью, т. н. «будителей», которые по крупицам восстанавливали чешский язык, возвращая его в обиход городских жителей, занимались просветительской деятельностью. Но в 1848 г. чехам был нанесен серьезный удар после жестокого подавления революционных выступлений в Праге. В связи с этим исследователи, в частности О. Павленко, говорят о том, что в общественном сознании сформировались особые механизмы, регулирующие и сдерживающие эмоциональные взрывы в кризисных ситуациях¹. Осознание того, что через бунт и революцию невозможно добиться уступок со стороны Вены привело к тому, что чешский просветитель К. Гавличек сформулировал основные положения чешской политики, которые должны были позитивно сказаться на диалоге между чехами и венским кабинетом. Её смысл должен был сводиться к установлению социальной гармонии национального сообщества, отказу от насильственных и революционных

¹ Павленко О. В. Концепция «нравственной политики» в чешском движении в XIX – начале XX вв. // Австро-Венгрия: интеграционные пробелы и национальная специфика. М., 1997. С. 55.

средств в борьбе за достижение чешских интересов. Вместо радикализма предлагался компромисс и примирение с властью, от которой чехи требовали бы «справедливости в национальном смысле и умеренности – в политическом»². Продолжателем дела Гавличка был Т. Г. Масарик, впоследствии первый президент Чехословакии. Выступая в Лондонском университете, он говорил, что «сила народа – в его духовном нравственном развитии... и только она поможет выработать принципы разрешения национальных противоречий»³. Подобная политика имела под собой определенную подоплеку, которая заключалась в осознанном создании образа национального сообщества, который при общении с «внешним миром» повышал шкалу собственной самооценки⁴. Но, как мы в дальнейшем увидим, в условиях войны подобное поведение для Т. Г. Масарика стало неприемлемым. Ему пришлось перестраиваться и вставать на путь революции. Впоследствии в своем труде «Мировая революция» он писал, что «революция (против Габсбургов) законна как необходимая защита... Революция оправдана, если обществу угрожает административный и политический хаос, как это было во время мировой войны; революция оправдана, если она ведет к реформам»⁵.

В связи с вышесказанным стоит обратиться к историографическому дискурсу, касающемуся жизнеспособности Австро-Венгрии, как государства, в контексте положения народов этой композитарной империи. Образ «тюрьмы народов», где жестоко пресекаются любые попытки свободного изъяснения демократических, свободлюбивых идей, начал культивироваться в европейском сознании ещё задолго до начала мирового конфликта. Особенно преуспели в разжигании антигабсбургских настроений английские журналисты, талантливые корреспонденты ведущих британских газет Генри Стэд и Роберт В. Ситон-Уотсон⁶. В унисон им вторили французские авторы Луи Эйзенман и Эрнест Дени. По словам Т. Исмаилова

² Там же. С. 56.

³ Masaryk T. G. *Mravní názory*. Praha, 1925. R. II. Sv. 1. Vyd. II. S. 73.

⁴ Павленко О. В. Указ. соч. С. 64.

⁵ Масарик Т. Г. *Философия-социология-политика*. М., 2003. С. 592.

⁶ Seton-Watson R. W. *The future of Austro-Hungary and the attitude of the great powers*. London, 1908; Steed H. W. *The Habsburg monarchy*. London, 1914.

ими был создан образ «обветшавшего царства», обреченного на гниение и распад¹. Российская предвоенная историография была солидарна со своими коллегами из стран «сердечного согласия» и также предвещала развал этой империи в ближайшем будущем. Особо яркая кампания по дискредитации дунайской монархии началась уже в годы самой войны, когда без стеснений говорили, что целью мирового конфликта является «гибель Австрии» и освобождение её «пленников»². После войны исследователи начинают изучать причины распада империи. Значительную лепту в развитии этого вопроса внёс венгерский историк О. Яси, мигрировавший после войны в США. Он видит главную причину развала страны в неспособности Габсбургов остановить «центробежные силы национального партикуляризма, которые в ходе ужасной войны раздробили некогда единое тело монархии на шесть независимых стран»³.

Однобокое восприятие Австро-Венгрии в зарубежной науке сохранялось вплоть до 50-60-х годов, что было обусловлено тем, что данная тема в межвоенное время не была особо популярна среди ученых. Те же, кто обращался к данной проблематике, формировали свои суждения на основе старых исследований, которые в мрачных, неприглядных тонах описывали империю. Между тем масса новых трудов по истории Габсбургов начинает возникать за океаном, в США – в регионе свободном от исторических предубеждений к этому политическому образованию. В появившихся работах была сделана попытка заменить упрощенный черно-белый образ монархии как «тюрьмы народов» на многомерное цветное изображение, где такие несомненно имевшие место явления, как экономическая эксплуатация, национальное угнетение уравнивались объективными историческими процессами консолидации на основе бурного экономического развития, укрепления социальных связей, урбанизации и культурной интеграции⁴.

¹ Исмаилов Т. Конец средневековой империи. Размышления относительно места и роли империи Габсбургов в европейской истории // Австро-Венгрия: опыт многонационального государства. М., 1995. С. 28.

² Аристов Ф. Ф. Россия и чешский вопрос. М., 1914.

³ Яси О. Распад Габсбургской монархии. М., 2011. С. 19; Jaszi O. The dissolution of the Habsburg monarchy. Chicago, 1929.

⁴ Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика. М., 1997. С. 4.

Благодаря трудам таких историков как Артур Мей, Роберт Канн, Иво Ледер, Чарльз Желавич⁵ была сделана попытка изобразить монархию «в качестве модели наднациональной организации полиэтнического исторического пространства»⁶.

Говоря о современных тенденциях в зарубежной историографии, мы можем отметить, что, благодаря появлению монографий, которые позитивно оценивали достижения Габсбургов, современная палитра исследований предлагает самые различные точки зрения. Так, чешский исследователь И. Коржалка говорит о том, что «австрийское государство предоставило не доминантным этническим группам лучшие, чем где-либо в Европе, условия для всестороннего подъема... консолидация национального общества происходила не вопреки, а благодаря австрийской государственной структуре»⁷.

Что касается отечественных исторических исследований, то после продолжительного периода застоя и однолинейности в оценке империи ввиду существования ленинско-марксистской идеологии, российские авторы с опорой на зарубежные авторитеты принялись заново открывать для себя Габсбургов. Девизом исследователя, вставшего на путь изучения дунайской монархии, по мнению В. И. Фрейдзона, должна была стать фраза – «не увлекаться крайностями»⁸. Так, концентрация внимания на позитивных сторонах взаимодействия народов Дунайской монархии прослеживается в работах И. Крючкова. Автор отмечает, что существование единых социально-экономических, политических и духовных институтов способствовало формированию идеи центральной европейской общности. Более того, он отмечает, что для жителей Австро-Венгрии

⁵ May A. J. The Habsburg monarchy (1867–1914). Cambridge, Mass., 1951; Kann R. A. The multinational empire: nationalism and national reform in the Habsburg monarchy (1848–1918). 2 vol. New York, 1950; Mamatey V., Jelavich J. The Habsburg Empire in European affairs (1814–1918). Chicago, 1969.

⁶ Исмаилов Т. Конец средневековой империи. Размышления относительно места и роли империи Габсбургов в европейской истории // Австро-Венгрия: опыт многонационального государства. М., 1995. С. 28.

⁷ Kofalka J. Czechoslovakia (Historiography of the countries of Eastern Europe) // The American Historical review. Vol. 97. № 4. 1992. P. 1039.

⁸ Фрейдзон В. Не увлекаться крайностями // Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика. М., 1997. С. 11.

было характерно двойное самосознание, когда, с одной стороны, человек осознавал свою этническую идентичность, а с другой, своей родиной считал империю Габсбургов¹.

Прорывным трудом стала монография Я. Шимова «Австро-Венгерская империя»². В своей книге автор попытался решить следующую задачу: создать очерк истории Центральной Европы в XVI–XX вв., сделав главными героями Габсбургов и их народы, взаимоотношения между которыми не только определили облик региона, но и в значительной степени отразились на ходе мировой истории. Центробежные движения, набиравшие обороты, среди народов империи автор объясняет тем, что Австро-Венгрия из-за своей консервативности не желала удовлетворять запросы малых народностей в их стремлении заполучить самостоятельность. Я. Шимов утверждает (и с ним стоит согласиться), что единственным решением возникших перед двуединой монархией проблем было превращение национально-культурной автономии в подлинную федерацию³.

Вышеприведенный историографический дискурс очень важен для изучения чешского общества во время Первой мировой войны, поскольку Чешские земли играли одну из важнейших ролей в экономическом и политическом секторах внутренней политики государства Габсбургов. Выше мы увидели, что большинство специалистов сходятся во мнении о существовании заметного кризиса внутри монархии. Именно в таком положении она подошла к войне – с неразрешенными внутренними проблемами, которые были готовы вспыхнуть при появлении удобного повода.

28 июня 1914 г. в Сараево прозвучали выстрелы, которые эхом пронесли по всем уголкам Европы и мира, извещая о приближающейся войне. Был застрелен Франц-Фердинанд, наследник австро-вен-

герского престола. В первые дни после убийства единицы могли предположить о превращении данного печального события в конфликт международного масштаба. По городам империи прошли официальные траурные мероприятия, на которых не было замечено ярких проявлений горечи со стороны местного населения. Что касается чехов, то исследователи расходятся во мнении о том было ли чешское общество обеспокоено смертью наследника или же вздохнуло с облегчением узнав о его кончине. К. Шевченко пишет, что в сожалениях чехов в связи с гибелью Франца Фердинанда угадывались нотки разочарования по поводу нереализованных выгод. Так, «постоянное нахождение наследника в Чехии рождало предположение о его привязанности к Чешскому королевству и поддержке его исторических прав»⁴. В свою очередь чешский историк Я. Кржен имеет противоположное мнение на этот счёт. Он исходит из того, что главным намерением наследника после вступления на трон было обновление империи, наращивание её военной мощи. А это было возможным только при «наведении моста с немцами», что неизбежно привело бы к конфликту с чехами. В подтверждение своих слов он говорит, что в окружении эрцгерцога не было замечено ни одного чеха⁵.

Пристальное внимание исследователей привлекает проблема восприятия чешским населением вступления империи в мировую войну. В работах межвоенного времени, которые выходили в свет по горячим следам после обретения независимости, можно проследить тенденцию описания чехов как отчаянных борцов с габсбургским режимом, которые только и ждали благоприятного момента, чтобы распрощаться с империей. Заметную роль в распространении подобных взглядов сыграла фундаментальная работа Милады Пауловой «Чешская Мафия»⁶. Концепция автора слишком тенденциозна и требует тщательной проработки и сопоставления с другими исследованиями. По этой причине многие современные исследовате-

¹ Крючков И. В. Венгрия и славянский мир в последней трети XIX – начале XX вв. Ставрополь, 2001; Крючков И. «Чешский вопрос» на страницах альманаха «Русская мысль» в конце XIX – начале XX вв. // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2013. № 1. С. 141–148; Крючков И. Славяне и проблема альтернатив развития дуалистической Австрии // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2013. № 6. С. 118–123.

² Шимов Я. Австро-Венгерская империя. М., 2003.

³ Там же. С. 6.

⁴ Шевченко К. «Убили нашего Фердинанда...». Пражское эхо Сараевского убийства // Родина. № 8. 2014. С. 28.

⁵ Křten J. Konfliktní společenství. Češi a Němci (1780–1918). Praha, 1988. S. 332.

⁶ Paulová M. Dějiny Maffie: odboj česků a jihoslovanů za světové války (1914–1918). Díl I: Ve znaku perzekuce. Praha, 1937.

ли критически относятся к данному произведению и отмечают, что М. Паулова предприняла попытку поставить памятник чешскому движению сопротивления, зачастую не описывая его, а создавая.

Перед современными историками, которые начали изучать чешское общество после «бархатной революции» в Чехословакии и отказа от марксистской идеологии, встала сложная задача. С одной стороны, им нужно было избавиться от мифов и идеологических нагромождений предшествующих эпох, с другой, они должны были воспользоваться позитивными наработками, которые были сделаны их предшественниками.

Исследователи сходятся во мнении, что, несмотря на мобилизацию, которая прошла без особых происшествий и выступлений со стороны призывников, среди чехов отсутствовало то чувство эйфории и восторга, которое было присуще немцам, видевшим в войне, возможность для усиления престижа своей страны. Но говорить о том, что чехи были настроены против государства, желали создания независимого государства не стоит. М. Шуста основание для подобного поведения видит в том, что из всех ненемецких народов чехи были меньше всего заинтересованы в войне: поляки имели свои счета с Россией, южные славяне с Италией¹. Помимо прочего, Я. Кржен указывает на то, что среди чешской политической репрезентации не было группы лиц, которая бы из-за национальных мотивов стала симпатизировать монархии². И. Шедивы говорит, что несмотря на свойственные многим политическим силам антиавстрийские взгляды, главной чертой политической линии большинства партий было стремление к сохранению национальных и социальных завоеваний, сделанных в довоенное время³. Заслуживает внимания точка зрения В. Миронова, который приводит сведения о том, что в самом начале войны призывались молодые люди 1892–1893-го годов рождения, для которых до конца не было понятно, что из себя представляет настоящая война, с её смертями, увечьями

и страданиями. Исследователь приходит к заключению, что людьми двигала, бравшая свои корни в социально-психологической атмосфере тех дней жажда новизны и приключений⁴. Таким образом, можно говорить, что на начальном этапе войны, в первые её мгновения, когда люди свыкались с мыслью о неизбежности кровопролития, никто даже и не мыслил о разрушении империи.

Но, несмотря на сохранение формальных признаков лояльного отношения к государству, венские власти с недоверием относились к чешскому народу. Так Либор Недорост замечает, что в отчетах военного командования, в немецкоязычной прессе вырисовывался образ чеха, который не вовлечен в общее дело и враждебно настроен по отношению к империи⁵. По мнению В. Миронова, причины подобного поведения можно узнать с помощью культурно-исторического подхода к проблеме. Анализ вооруженного конфликта и индивида, «загнанного в эти условия», позволяют «расшифровать» социо-культурный «код» общества военной поры, выяснить его самоидентификацию и представления о «других», враждебных социумах⁶. Немецкая исследовательница М. Винклер, прибегая к схожей методологии, пришла к следующему заключению. Она пишет, что «пассивность чехов в экстремальной ситуации объясняется одной типичной чертой чешского поведения: трезвостью и недостатком пафоса. У чешского обывателя отсутствовало то, что эта война требовала больше всего от человека: пафоса, восторга для создания силы, пренебрежения к смерти и героизма. Это шло вразрез с представлением о самих себе как о прагматичном, трезво расценивающим ситуацию народе, для которого радость от мелочей намного важнее кардинальных перемен»⁷.

Представители власти предвидели нелояльное поведение подданных, поэтому уже в первые дни войны были введены «Законы о чрезвычайном положении», которые значительно расширяли полномочия военного

¹ Šusta M. Osudy rakušanské orientace v Národní straně svobodomyšlné od začátku první světové války do května 1917. Příspěvek k dějinám české politiky během první světové války. Diplomová práce FFUK. Praha, 1995.

² Křen J. Op. cit. S. 386.

³ Šedivý I. Češi, české země a velká válka (1914–1918). Praha, 2001. S. 166.

⁴ Миронов В. В. Австро-венгерская армия в Первой мировой войне. Разрушение оплота Габсбургской монархии. Тамбов, 2011. С. 22.

⁵ Nedorost L. Češi v 1. světové válce. 1. díl. Mým národům. Praha, 2006. S. 175.

⁶ Миронов В. Указ. соч. С. 118.

⁷ Winklerová M. Karel Kramář: představa o sobě samých, vnímání druhých a modernizace v pojetí českého politika. Praha, 2011. S. 197.

командования на территории Цислейтании. Большинство исследователей сходятся во мнении, что данный шаг сказался негативно на взаимоотношениях между чехами и венским кабинетом. Т. Заградничек высказал мнение, что подобный режим, который просуществовал вплоть до 1917 г., сделал австрийское государство чуждым чешскому народу¹. В большинстве своем подобной позиции придерживаются специалисты, которые ориентируются на изучение внутренней политики. Военные историки говорят о том, что ограничение основных прав и свобод граждан в чрезвычайных условиях обосновывается посылком об оправданном праве государства на самозащиту². Но, несмотря на благие намерения, которые стояли за введением особого положения, подобный инструмент в руках австрийских военных стал сильнейшим орудием воздействия на чешское общество. В. Миронов пишет, что «карательные органы руководствовались зачастую сложившимися задолго до военного конфликта национальными предубеждениями и значительно преувеличивали враждебность (чехов) по отношению к монархии»³. Итогом подобной политики, по мнению Я. Шимова, стало то, что к началу 1917 г. внутри империи был взращён и поставлен на ноги внутренний противник, который смотрел на государство со страхом, неприязнью и враждебностью. Подобное обстоятельство в конце концов толкнуло миллионы чехов под знамена национально-освободительной акции⁴.

Особое место в историографии уделено проблеме чешского движения сопротивления. Дискурс распадается на следующие составляющие. Во-первых, поднимается и тщательно изучается вопрос о намерениях участников – были ли они настроены радикально и готовы биться, применяя силу с представителями австрийского режима, или же исповедовали более демократические методы, не позволяющие использовать вооруженную силу для достижения намеченных результатов. Во-вторых, историки пытаются определить характер этого движения, узнать

насколько оно было массовым и степень вовлеченности в него чехов.

М. Паулова пишет, что с самого начала чехи были пропитаны духом национализма и радикализма. В момент объявления войны они ждали появления национального лидера, предводителя, который бы их повел вперед. Но им пришлось сказать нет подобной линии поведения ввиду того, что политические партии отказались решительно выступить против империи и заявить о своих исторических правах⁵. Между тем, М. Шуста не соглашается с приведенным мнением и указывает на то, что «в вооруженный отпор в Чешских землях верили только те, кто был неправильно информирован и воспитан с ненавистью ко всему чешскому народу». В свою очередь В. Марьина говорит, что организаторы внутреннего движения сопротивления в Чешских землях, проводя свою политику, исповедовали особую идеологию, которую можно обозначить как «чешский гуманизм», где главными ценностями был отказ от насилия и жестокости.

В вопросе о том, насколько активно народные массы были вовлечены в процесс сопротивления Габсбургам, историки также придерживаются противоположных точек зрения. Исследователи межвоенного времени разделяют мнение о том, что чехи в едином порыве с первых дней войны начали вести работу по расшатыванию основ монархии. Они участвовали в саботаже работы органов самоуправления на местах, уклонялись от службы в армии и др. Причину «неудачи» революции в первые мгновения мирового конфликта, историки видели в том, что народ был эмоционально подавлен и занял позицию фаталистического ожидания ввиду пассивности политических элит. Современные исследователи не спешат соглашаться с вышесказанным и отмечают, что чехи постепенно приходили к осознанию необходимости отпора. На начальном этапе войны, несмотря на существование достаточного количества правонарушений со стороны отдельных личностей, нельзя говорить об осознанных мероприятиях, направленных на свержение власти. И. Шедивы подчеркивает, что вплоть до середины 1918 г. движение сопротивления было явлением, которое находилось на стадии своего становления

¹ Zahradniček T. Jak výhrat cizí válku. Češi, poláci a ukrajináci (1914–1918). Praha, 2000. S. 63.

² См.: Hasiba D. Gernot. Das Notverordnungsrecht in Österreich (1848–1917). Notwendigkeit und Missbrauch eines „Staatserhaltenden Instrumentes“. Wien, 1985.

³ Миронов В. Указ. соч. С. 49.

⁴ Шимов Я. Указ. соч. С. 517.

⁵ Paulová M. Dějiny... S. 85.

и обретения внутренних форм. В море народных шуток, призывах помогать славянским братьям требования государственной независимости, вооруженного отпора династии Габсбургов отсутствовали¹. Таким образом, мы видим, что в изучении этого аспекта присутствует такая особенность, что привлечение в наше время более широкого круга источников помогло избавиться от тенденциозного рассмотрения чехов как народа, испытывающего чувство неприязни и отстраненности к монархии Габсбургов. Это позволило уйти от идеологических установок, которые были сгенерированы в чешском обществе сразу же после обретения независимости. На тот момент это было продиктовано объективными причинами, значение которых в наши дни отпало.

В глазах немцев славянское происхождение чехов бросало на последних тень недоверия. Как уже говорилось выше, венское правительство видело в них потенциальных предателей, готовых перевернуться на сторону противника при любом удачном стечении обстоятельств. В этой связи в историографии возникла дискуссия, касающаяся определения степени популярности русофильских взглядов среди чешского населения. Историки, занимавшиеся этой проблематикой в межвоенное время, были склонны отрицать существование широко распространенного в среде чешского народа русофильства. В свою очередь они писали, что «в Богемии никогда не было кого-либо, кто бы этой взаимности, за исключением взаимности культурной, придавал значение». Что касается политиков, которые занимались подпольной деятельностью, то М. Паулова пишет, что они разделились на два лагеря. Одни делали ставку на Россию, видя в ней спасительницу чешского народа, другие говорили о возможности решения чешских проблем только при участии западных стран-участниц Антанты. Лидер «русифилов», глава партии младочехов, видный чешский и австрийский политик К. Крамарж определял мировую войну как «столкновение германства со славянством». С ним не соглашался Т. Г. Масарик, который обозначал мировой конфликт как борьбу европейских держав, стремящихся захватить первенство в экономическом и политическом

смыслах². Для современной историографии подобный подход к рассмотрению этой проблемы не свойственен. Е. Серапионова указывает на то, что даже ярый западник Масарик на определенном этапе войны, делал ставку на Россию³. Автор пытается объяснить эту позицию успехами русского оружия на Восточном фронте, которые вселяли в сердца политиков надежду на ближайшее освобождение. Правда, стоит отдать должное Т. Г. Масарику, оценить его талант, умение предвидеть события. В нужный момент это позволило ему осознать необходимость отказа от восточного направления и полностью заняться западным вектором чешской политики.

Таким образом, историки приходят к заключению, что политика, т. н. «западников», была более решительной и активной в отличие от того курса, который был занят «русифилами». По замечанию И. Шедивы, Т. Г. Масарик своими действиями решительно и бесповоротно сжигал мосты, соединяющие его с монархией⁴, в то время как К. Крамарж и его единомышленники проводили дни в ожидании прихода русских войск, отказываясь распространять свою деятельность в направлении Англии и Франции. Таким образом, можно заключить, что в данном историографическом дискурсе, современные авторы приходят к заключению, что позиция Т. Г. Масарика была более приемлемой для чешской политики.

Одним из решений Т. Г. Масарика, которое было претворено в жизнь после осознания того, что домашнее движение сопротивления не будет иметь успеха из-за отпора со стороны официальных властей, был перенос его центра за границу. Сам Т. Г. Масарик покинул пределы Австро-Венгрии в декабре 1914 г. и вернулся в Прагу спустя четыре года уже в качестве избранного президента. В связи с этим историческое сообщество задается вопросом о соотношении этих двух движений сопротивления. В рамках непрекращающейся дискуссии были подняты следующие проблемы: насколько активность внутри Чешских земель влияла на положение заграничного движения и наоборот; можно ли было говорить о нахождении

² Paulová M. Dějiny... S. 161.

³ Подробнее об этом: Серапионова Е. П. Указ. соч. С. 224–242.

⁴ Šedivý I. Češi, české země... S. 166.

¹ Šedivý I. Češi, české země... S. 195.

домашнего движения сопротивления в тени происходивших за рубежом событий.

Плеяда чешских историков межвоенного времени во главе с М. Пауловой склонны считать, что после отъезда профессора Т. Г. Масарика оба движения начинают поступательно развиваться в одинаковом темпе, где прогресс одного незамедлительно сказывался на успехах другого. Таким образом, вырисовывалась картина гармоничного симбиоза, где оба движения находились в одинаковом равноправном положении¹. М. Шуста только отчасти соглашается с мнением маститого ученого и указывает на то, что в глазах Т. Г. Масарика и его товарищей заметно стремление предать огласке события внутри Чешских земель для активизации в странах Антанты борьбы с габсбургским режимом. Таким громким поводом стал арест деятеля домашнего движения сопротивления К. Крамаржа. Заключение под стражу столь знаменитого человека, имя которого было на слуху в Европе, значительно ударило по престижу венского правительства, которое в лице европейского сообщества выставило себя угнетателем демократических ценностей. По словам М. Шусты, Т. Г. Масарик, который «не мог ни о чём другом мечтать, как об аресте такого известного чешского политика»², начал активно использовать этот повод для пропаганды независимого чешского государства. Таким образом, в политике Масарика можно обозначить стремление сделать домашнее движение сопротивления вспомогательным инструментом для решения задач, вставших перед его заграничной деятельностью. В свою очередь Я. Шимов пишет, что влияние Заграничного комитета до поры до времени не было слишком значительным на внутренние дела, так как многие антигабсбургски настроенные деятели были арестованы и не могли вести деятельность по расшатыванию устоев монархии. Более категорически настроен Т. Заградничек, который говорит, что, несмотря на существование двух центров, ни тот не другой не оказывали должного сопротивления в деле разрушения основ империи. На фоне грандиозных событий, которые происходили на фронтах мировой войны и за кулисами межправительственной дипломатии, попыт-

ки погубить Вену несколькими десятками идеалистов выглядели нереалистичными. Что же касается «чешской Мафии», секретном объединении чехов, то основной целью организации был сбор информации и её обмен между представителями домашнего и заграничного движения сопротивления. Участие в ней было своего рода площадкой для обсуждения насущных проблем, но, никак нельзя утверждать, что встречи небольшого количества интеллектуалов каким-либо образом оказывали влияние на состоянии общественных настроений, сохранявшими свой пассивный характер. В связи с этим активизация борьбы чехов в 1917–1918 гг. объясняется деятельностью стран Антанты, которые увидели в нагнетании националистических настроений самое мощное оружие, способное разрушить многовековой уклад Австро-Венгрии³.

Историки пытаются выделить основные даты в истории чешского общества, которые привели к его кардинальной трансформации. Существует необходимость понять, когда произошел тот надрыв, который заставил чехов отказаться от пассивного соглашения и перейти к решительным действиям. Е. Серапионова в череде событий обращается к внутреннеполитической истории Австро-Венгрии и указывает на кончину в ноябре 1916 г. императора Франца-Фердинанда как на переломный момент в истории всей Первой мировой войны. Именно последовавшее за этим вступление на престол нового представителя Габсбургов – Карла I – привело к смене курса домашней политики, ослаблению влияния военных кругов на принятие решений на территории империи. Далее она акцентирует внимание на открытии в мае 1917 г. рейхсрата, деятельность которого была приостановлена в начале войны. Настроения, царившие в те дни среди чешских депутатов, указывали на то, что они были готовы напрямую обратиться к правительству с требованием преобразования Австро-Венгрии с целью удовлетворения притязаний малых народов⁴. К. Пихлик и Т. Заградничек уделяют внимание событиям, которые были вызваны действиями иностранных правительств и затем громким эхом пронесли по

¹ Paulová M. Dějiny... S. 165.

² Šusta M. Osudy rakušanské orientace... S. 53.

³ Zahradniček T. Jak výhrat... S. 76.

⁴ Чехия и Словакия в XX веке. Очерки истории. Кн. 1. М., 2005. С. 50.

территории империи. Среди таких дат они выделяют 10 января 1917 г., день когда державы Согласия отправили ноту президенту США В. Вильсону, в которой разъяснились цели войны. Среди них было названо требование «освобождения чехов и словаков от иностранного господства». Также они указывают на более раннее событие, а именно 25 декабря 1916 г., когда русский царь Николай II заявил о намерении добиваться аннексии польских земель Австро-Венгрии и Германии с их последующим объединением с Царством Польским на правах широкой автономии в составе империи Романовых. Как отмечает Т. Заградничек, эти документы стали предвестниками нового этапа войны, когда «чешская проблема» переросла в разряд открытого международного вопроса¹.

Непреложным фактом является то обстоятельство, что история не терпит сослагательного наклонения. Но при этом любой исследователь обязательно пытается ответить на вопрос: «А что, если бы...?». Наша тема также не была оставлена без внимания. Многие пытались спрогнозировать возможное развитие событий в случае, если бы не была развязана мировая война, если бы страны Антанты потерпели поражение, если бы в России не произошла революция и т.п. Для нашей работы главный вопрос можно сформулировать следующим образом – в каком виде продолжила бы свое существование Австро-Венгрия и её национальные компоненты? В этой дискуссии научное сообщество разделяется на две группы. Представители первой склонны считать, что к началу мирового конфликта Австро-Венгрия исчерпала возможности реформирования дуалистической системы. С. Вэнк, приверженец подобных взглядов, указывает, что «жизнестойкость» полиэтничного общества блокировалось архаичной имперской политикой, изъедаемой изнутри национальными противоречиями. Свои выводы ученый основывает на теории, что империя – это особая форма политической структуры, в которую заложен механизм распада². Концепция

С. Вэнка вызывает ряд возражений у отечественных исследователей Т. Исламова и А. Г. Айрапетова. Касаясь тезиса представителей первой группы о роли национального фактора в дезинтеграции Габсбургской монархии, они заявляют, что «сохранение Австро-Венгрии при наличии двух сильных соседей на западных и восточных границах... было для подавляющего большинства населения её народов вопросом жизни и смерти»³. Вышеназванных историков объединяет осознание того, что империя требовала немедленной реорганизации дуалистической монархии на федеративных началах. Поэтому можно говорить, что данный дискурс сводится к пониманию того, что вне зависимости от итогов войны, Чешские земли ожидали бы значительные перемены.

Как видно из историографического обзора, тема изучения чешского общества в годы Первой мировой войны многогранна. Каждое использованное исследование показывает, что история взаимоотношения между чехами и венским правительством на протяжении всех четырех лет была наполнена событиями, которые не могут трактоваться однобоко. Политическая обстановка и конъюнктура XX в. накладывала на историка обязанность вести работу в строго определенном ключе. Подчас это вредило работе, сталкивая исследователя с пути объективного восприятия прошедших событий, загоняя его, в рамки идеологических конструкций и нагромождений. Только после падения социалистических режимов можно говорить о появлении трудов, в которых предпринимаются попытки рассмотреть прошедшие события объективно. Главной задачей современного богемиста, решившего заняться изучением истории региона в начале XX в., является «не увлекаться крайностями» при соприкосновении с историей Австро-Венгрии.

¹ Zahradniček T. Jak výhrat... S. 76–77; См.: Pichlík K. Bez legend: zahraniční odboj 1914–1918. Praha, 1991.

² Вэнк С. Династическая империя или многонациональное государство: размышления о наследии империи Габсбургов в национальном вопросе // Австро-Венгрия: опыт многонационального государства. М., 1995. С. 16–17.

³ Исмаилов Т. Конец средневековой империи. Размышления относительно места и роли империи Габсбургов в европейской истории // Австро-Венгрия: опыт многонационального государства. М., 1995. С. 30. См.: Исмаилов Т. Империя Габсбургов. Становление и развитие. XVI–XIX вв. // Новая и новейшая история. 2001. №2; он же. Австро-Венгрия в Первой мировой войне // Там же. 2001. №5; Айрапетов А. Историческая судьба Австро-Венгрии // Вопросы истории. 1999. № 1; он же. От империи Габсбургов к идее Дунайской конфедерации // Там же. 2004.

А. Т. Безаров

ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ОККУПАЦИОННОЙ АДМИНИСТРАЦИИ В ОТНОШЕНИИ ЕВРЕЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ БУКОВИНЫ ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914–1917 гг.)

46

Первая мировая война, как известно, изменила не только характер политической истории европейских народов, оказалась финальным аккордом в агонии некогда могущественных империй, но и была годами роковых испытаний в судьбе восточноевропейского еврейства. Территории густонаселенные как «русскими», так и «австрийскими» евреями, стали зонами активных боевых действий и не раз переходили из рук в руки неприятелей. В разные периоды оккупации и освобождения, местное еврейское население оказывалось невольным заложником (в прямом и переносном смысле) сложившейся военно-политической ситуации на фронтах, а также непосредственным объектом, а иногда и участником политики военной и гражданской администрации воюющих государств.

По мнению большинства современных ученых¹, а также очевидцев тех событий², отношение военной и гражданской администрации Российской империи к еврейскому населению прифронтовой зоны военных действий было крайне негативным и выра-

жалось: в массовых депортациях евреев, установлении «института еврейских заложников» на оккупированных российскими войсками территориях, организации еврейских погромов и наложении контрибуции на местные еврейские общины. Среди причин, которые приводили к столь печальным явлениям в жизни местных евреев, исследователи отмечают: предвоенный характер общественно-политического антисемитизма в самой Российской империи, военно-политические обстоятельства, которые складывались на театре военных действий, а также стремление оккупационной администрации завоевать лояльность различных групп населения в прифронтовой зоне.

Так, канадский исследователь Г. З. Иоффе, который проанализировал отношение центральных российских властей к проблеме еврейских беженцев в 1915 г., выдвинул, на наш взгляд, весьма любопытное предположение о том, что уже в конце 1914 г. Российская империя «как бы разделилась на две части, в одной из которых власть по-прежнему оставалась в руках правительства и его органов, а в другой – безраздельно передавалась военным, а конкретно – Верховному главнокомандующему (веп. кн. Николаю Николаевичу), его начальнику штаба, командованию фронтов и армий»³, что, естественно, создавало хаос и неопределённость в управлении процессами на местах. Тем не менее, как отмечает Г. З. Иоффе, «политикой» занимался начальник штаба Верховного главнокомандующего, небезызвестный генерал Н. Н. Янушкевич, который, по сути, и стал автором печальной традиции в русской армии оправдывать собственные военные неудачи откровенным антисемитизмом⁴. Это нашло своё подтверждение в исследовании,

¹ Гольдин С. Русское командование и евреи во время Первой мировой войны: причины формирования негативного стереотипа // Мировой кризис 1914–1920 годов и судьба восточноевропейского еврейства / отв. ред. О. В. Будницкий. М., 2005. С. 29–46; Пивоварчик С. А. Трагедии Мировой войны: «евреи-шпионы» (по материалам Национального исторического архива Беларуси в Гродно) // Там же. С. 71–83; Єврейське населення та розвиток єврейського національного руху на Буковині в останній чверті XVIII – на початку XX ст.: Збірник документів та матеріалів / Упор. О. В. Добржанський, М. П. Кушнір, М. Д. Никирса. Чернівці: Наші книги, 2007. 464 с.; Зелінські К. Галиційські євреї в 1914–1918 гг. // Народы Габсбургской монархии в 1914–1920 гг.: от национальных движений к созданию национальных государств: Т. 1 / отв. ред. М. Волос, Г. Д. Шкундин. М., 2012. С. 249–266.

² Рид Дж. Вдоль фронта / пер. с англ. И. В. Саблина и В. Ф. Корш, с предисловием А. Строганова. М., Л.: Земля и фабрика, 1928. 324 с.; Вебер Ю. Російська окупація Чернівців / Упорядкування, переклад з німецької С. Осачука; післямова та коментарі В. Запаловського. Чернівці: Книги – XXI, 2016. 136 с.

³ Иоффе Г. З. Выселение евреев из прифронтовой полосы в 1915 году // Вопросы истории. 2001. №9. С. 86.

⁴ Там же. С. 88–94.

проведенного украинским автором С. В. Адамовичем, который сделал вывод о том, что «дискриминация евреев Восточной Галиции российскими оккупационными властями была продолжением традиционной антисемитской политики Российской империи»¹.

Годы войны стали трудным испытанием и для мирного еврейского населения Буковины, которая была трижды оккупирована российской армией. Накануне войны на Буковине проживало 97 150 евреев (12,2 % от всего населения края). Наибольшими «еврейскими» городами были Садгора и Вижница, в которых еврейское население составляло относительное большинство. В Черновцах, Радауцах, Сучаве, Серете, Гура-Гуморе, Сторожинце и Новоселице евреев было чуть менее половины, а в остальных городах и местечках не более четверти всех жителей².

Приказом Верховного главнокомандующего от 29 августа 1914 г. было создано Военное генерал-губернаторство Галиции с центром во Львове, в состав которого входили Львовская, Тарнопольская, Черновицкая, а с апреля 1915 г., Перемышльская губернии. Поскольку губернии создавались не по границам коронных краёв Австро-Венгрии, то в составе Черновицкой губернии оказались разные, по своему этнографическому расположению, уезды.

Перед началом первой оккупации Буковины, которая продлилась со 2 сентября по 20 октября 1914 г., местное население было охвачено паническими настроениями из-за слухов о приближающейся со стороны австрийской Новоселицы русской армии, а из Черновиц стали массово выезжать еврейские семьи, преимущественно в сторону Карпат³. Некоторые исследователи отмечают, что всего лишь за неделю до вступления русской армии в Черновцы, город покинули около 10 тыс. евреев⁴, что, на наш взгляд,

является некоторым преувеличением, поскольку официальной статистики не велось, а среди тех, кто явно не желал встречи с русскими, были не только евреи. Однако поток еврейских беженцев вглубь Австрии и Румынии стремительно нарастал особенно в межоккупационные периоды. Так, из 28 613 черновицких евреев, что составляло 32,8 % всех жителей города накануне войны⁵, в начале 1917 г., если верить статистике того времени, в городе оставалось не более половины⁶. Из четырёхтысячного довоенного еврейского населения Садгоры, в последний период российской оккупации осталось всего 74 еврея, а в таких густонаселенных еврейских местечках, какими были, например, Бояны или Новоселица, вообще не оказалось ни одного еврея. Из небольшой Рогизны, что на окраине Черновиц, за годы войны выехало более тысячи евреев⁷. Австрийская администрация предоставляла посильную помощь беженцам независимо от их национальности и конфессии. С началом войны и до августа 1915 г. на нужды переселенцев из Буковины и Галиции австрийское правительство выделило 250 млн крон, которые направлялись в основном на организацию специальных лагерей для беженцев⁸.

Тем не менее, несмотря на панику среди оставшихся евреев, вызванную вступлением русской армии в Черновцы, назначенный 13 сентября 1914 г. Черновицким гражданским губернатором камер-юнкер Двора Его Императорского Величества С. Д. Евреинов, служивший до этого вице-губернатором Бессарабской губернии, довольно оптимистично оценивал задачи русской администрации на Буковине. В частности, он был убеждён, что политика российских властей должна выражаться «во внушении, с одной

¹ Цит. по электронной версии: Адамович С. Антисемитизм в діяльності російської окупаційної влади в Східній Галичині (1914–1917 рр.). С. 6. URL: http://www.irbis.nbuv.gov.ua/.../cgiirbis_64.exe?

² См.: Етнографічна карта Буковини // Буковина: її минуле і сучасне / Під ред.. Д. Квітковського, Т. Бринзала, А. Жуковського. Париж, Філадельфія, Детройт: Видавництво «Зелена Буковина», 1956. 956 с.

³ Заполовський В. М. Буковина в останній війні Австро-Угорщині 1914–1918. Чернівці, 2003. С. 25–26.

⁴ Ботушанський В. Чернівці у роки Першої світової війни // Перша світова війна та проблеми державотворення у Центральній та Східній Європі (до 90-річчя закінчення Першої світової війни): матеріали міжн. наук. конф. (Чернівці, 29–30 жовтня 2008 р.). Чернівці, 2009. С. 284.

⁵ Буковина: її минуле і сучасне / Під ред.. Д. Квітковського, Т. Бринзала, А. Жуковського. Париж, Філадельфія, Детройт, 1956. С. 900.

⁶ Державний архів Чернівецької області (ДАЧО). Управление начальника черновицкого уезда города Черновцы. Сведения о численности и национальном составе населения сёл Черновицкого уезда за 1916 год. 19 декабря 1916 г. – 19 февраля 1917 г. Ф. 505. Оп. 1. Д. 41. Л. 222.

⁷ ДАЧО. Управление начальника черновицкого уезда города Черновцы. Сведения о численности и национальном составе населения сёл Черновицкого уезда за 1916 год. 19 декабря 1916 г. – 19 февраля 1917 г. Ф. 505. Оп. 1. Д. 41. Л. 220.

⁸ Заполовський В. М. Буковина в останній війні Австро-Угорщині 1914–1918. Чернівці, 2003. С. 43–44.

стороны, мирному населению убеждения в том, что русские безвозвратно укрепились в этом крае и всецело будут покровительствовать своим братьям по вере и крови, а с другой – к изъятию тех вредных элементов, кои оставлены там австрийской властью и усиленно поддерживающихся евреями¹. Не исключено, что политика администрации С. Д. Евреинова в отношении евреев во многом определялась планами общественно-политических организаций москвофилов, которые активизировались как в самой Буковине, так и за её пределами, особенно накануне войны². Так, лидер «Русского народного совета» В. Ф. Дудикевич предлагал вообще не рассматривать местных евреев в качестве будущих российских поданных, а их земельные владения разделить между украинскими крестьянами³. Следует заметить, что москвофилы, за свою довольно долгую историю на Буковине, никогда не скрывали собственного антисемитизма. Ещё в конце XIX в. на страницах черновицких москвофильских изданий евреи объявлялись, чуть ли не врагами «православных автохтонных народов» Буковины, так как, по мнению москвофилов, они в своей местной политике всегда защищали интересы «немецких либералов и поляков»⁴.

Таким образом позиция Черновицкого губернатора в еврейском вопросе не сильно отличалась от взглядов москвофилов, а опасения буковинских евреев по поводу возможных репрессий со стороны новых властей не заставили себя долго ждать. Уже на следующий день после вступления российских войск в Черновцы, по приказу военного коменданта генерал-майора А. Павлова, полиция арестовала группу местных евреев и удерживала их в качестве заложников личной безопасности генерала и как своеобразную гарантию выплаты городом контрибуции в 300 тыс. рублей, от которой, однако, российское командование благо-

родно отказалось⁵. После вмешательства бургомистра Черновиц С. Вайссельбергера, все 23 еврейских заложника вскоре были отпущены, что, впрочем, не спасло от ареста самого С. Вайссельбергера, который вместе с другими известными общественными и политическими деятелями края 16 сентября 1914 г. оказался в числе заложников по доносу известных москвофилов братьев Георгия и Алексея Геровских⁶.

Внезапный арест с последующей ссылкой по этапу в Сибирь еврейского бургомистра вызвал международный резонанс и хаотичность в действиях российских властей. Так, в телеграмме С. Д. Евреинова на имя Военного генерал-губернатора Галиции графа Г. А. Бобринского от 3 октября 1914 г. отмечалось, что высланные им «как вредные для Черновцов лица в общем политическом отношении значения не имеют»⁷. Однако, уже в марте следующего года посольство США в Российской империи обратилось к российскому правительству с просьбой о предоставлении ему сведений «о настоящем пребывании и положении австрийских поданных» арестованных в Черновцах 17 сентября 1914 года⁸. В своём ответе на просьбу Г. А. Бобринского уточнить место их пребывания, С. Д. Евреинов заметил, что они, якобы, высланы по распоряжению штаба Верховного главнокомандующего в Сибирь, однако куда именно, ему не известно⁹. Более того, весной 1915 г., то есть тогда, когда российские власти уже были эвакуированы из Черновиц, в местной прессе появились противоречивые сообщения о том, что «москали за поимку Вайссельбергера и Спинолу пообещали вознаграждение», но они всё же

¹ ДАЧО. Канцелярия Черновицкого губернатора. Переписка с военным генерал-губернатором Галиции по военным, административным и религиозным вопросам. 13 сентября – 30 декабря 1914 г. Ф. 283. Оп. 1. Д. 23. Л. 58.

² Гайсенюк В. Початок кінця. Москвофіли у Великій війні (1914–1918). Чернівці, 2017. С. 96–97.

³ Там же. С. 99.

⁴ Жиды и автохтоны // Буковинские ведомости. 1896. 13 (25) октября. С. 1–2.

⁵ Ботушанський В. Чернівці у роки Першої світової війни // Перша світова війна та проблеми державотворення у Центральній та Східній Європі (до 90-річчя закінчення Першої світової війни): матеріали міжн. наук. конф. (Чернівці, 29–30 жовтня 2008 р.). Чернівці, 2009. С. 284.

⁶ Гайсенюк В. Початок кінця. Москвофіли у Великій війні (1914–1918). Чернівці, 2017. С. 146–149.

⁷ ДАЧО. Канцелярия Черновицкого губернатора. Переписка с военным генерал-губернатором Галиции по военным, административным и религиозным вопросам. 13 сентября – 30 декабря 1914 г. Ф. 283. Оп. 1. Д. 23. Л. 30.

⁸ ДАЧО. Канцелярия Черновицкого губернатора. Списки лиц, подлежащих высылке вглубь России и переписка с Киевским губернатором по этому вопросу. 1915 г. Ф. 283. Оп. 1. Д. 405. Л. 8.

⁹ ДАЧО. Канцелярия Черновицкого губернатора. Списки лиц, подлежащих высылке вглубь России и переписка с Киевским губернатором по этому вопросу. 1915 г. Ф. 283. Оп. 1. Д. 405. Л. 11.

«возвращаются из Томской губернии»¹. Однако по дороге домой их снова арестовали в Киеве и отправили назад в Сибирь².

Наконец, 17 ноября 1915 г. С. Вайссельбергер вместе с редактором «Czernowitzer Allgemeine Zeitung», известным буковинским сионистом Ф. Менцелем, членом краевого управления Б. фон Дузинкевичем и депутатом Буковинского краевого сейма Н. Спинолом, оказался в Вене, где их «торжественно встречали представители государственной власти и поздравляли с чудесным освобождением из русского плена»³. В своём выступлении перед немецкой и еврейской общественностью австрийской столицы, С. Вайссельбергер рассказал о «своём одиннадцатимесячном пребывании в российской тюрьме и сибирской ссылке», о «вероломстве русских властей» и о той помощи, которую ему оказали украинские общественные деятели, особенно депутат австрийского рейхсрата Н. Василько, который лично знал многих влиятельных политиков Австро-Венгрии, в том числе и самого императора⁴, в деле его освобождения из «русского плена»⁵.

Черновицких заложников австрийское правительство обменяло на российских пленных⁶, среди которых, как нам кажется, было немало и местных «русофилов», арестованных австрийцами ещё накануне российской оккупации Буковины⁷. Не исключено, что в переговорном процессе относительно освобождения С. Вайссельбергера и его спутников фигурировала и семья «старшего чиновника по особо важным поручениям» при

Черновицком губернаторе А. Ю. Геровского, оказавшаяся, в свою очередь, в заложниках у австрийцев⁸. Важность предоставленных услуг братьями Геровских российским властям заключалась не только в подготовке ими картографического анализа Черновицкой губернии в новых границах⁹, но и в их помощи по выявлению в крае «особо вредного для российских властей элемента»¹⁰. По мнению самого С. Д. Евреинова, посредническую роль в обмене заложников должны были взять на себя румынские власти¹¹. Очевидно, что арест Черновицкого бургомистра планировался российской администрацией не только из-за доносов местных москвофилов, но и в связи с аналогичными арестами бургомистра Львова Т. Рутовского и митрополита А. Шептицкого в сентябре 1914 г., с целью ослабить позиции местных элит на оккупированных Россией территориях, которые оставались лояльными Габсбургам. И тем не менее, обер-прокурор Св. Синода Российской империи В. К. Саблер не возражал против освобождения С. Вайссельбергера, Т. Рутовского и А. Шептицкого, так как, по его мнению, арест таких влиятельных фигур создает ненужный ореол мученичества вокруг их имени¹².

Политика российских властей в отношении местного еврейского населения становилась всё более очевидной после ожесточенных боёв в конце октября – начале ноября 1914 г., когда Черновцы впервые подверглись артобстрелу, а в некоторых местечках были зафиксированы первые случаи военных погромов¹³. Граф Г. А. Бобринский

¹ Народный голос. 1915. 17 квітня. С. 7.

² Спинол М. У російській неволі // Добржанський О. В. Бажаємо до України! Одеса, 2008. С. 603–604.

³ Стаття «Звільнення чернівецьких заручників» «Czernowitzer Allgemeine Zeitung» // Єврейське населення та розвиток єврейського національного руху на Буковині в останній чверті XVIII – на початку XX ст.: Збірник документів та матеріалів / Упор. О. В. Добржанський, М. П. Кушнір, М. Д. Никирса. Чернівці, 2007. С. 385–386.

⁴ Добржанський О. В. Українські депутати від Буковини в австрійському парламенті (1861–1918) // Історико-політичні проблеми сучасного світу: Зб. наук. статей. Т. 8. Чернівці, 2001. С. 186–187.

⁵ З. К. Виклад д-ра Вайссельбергера // Вістник Союзу визволення України (видає і редагує О. Бачинський). 1915. 19 грудня. С. 11.

⁶ Спинол М. У російській неволі // Добржанський О. В. Бажаємо до України! Одеса, 2008. С. 604.

⁷ Кисіль-Кисилівський Д. [Телергофські спомини] // Добржанський О. В. Бажаємо до України! Одеса, 2008. С. 625.

⁸ Там же. С. 621.

⁹ ДАЧО. Канцелярія Черновицького губернатора. Переписка с военным генерал-губернатором Галиции по военным, административным и религиозным вопросам. 13 сентября – 30 декабря 1914 г. Ф. 283. Оп. 1. Д. 23. Л. 91.

¹⁰ Гайсенюк В. Початок кінця. Москвофіли у Великій війні (1914–1918). Чернівці, 2017. С. 147–148.

¹¹ ДАЧО. Канцелярія Черновицького губернатора. Переписка с военным генерал-губернатором Галиции по военным, административным и религиозным вопросам. 13 сентября – 30 декабря 1914 г. Ф. 283. Оп. 1. Д. 23. Л. 31.

¹² З. К. Виклад д-ра Вайссельбергера // Вістник Союзу визволення України (видає і редагує О. Бачинський). 1915. 19 грудня. С. 9.

¹³ Заполовський В. Проблема дотримання Росією ІV Гаазької конвенції 1907 р. «Про закони і звичаї сухопутної війни» на тимчасово зайнятих територіях Буковини і Галичини (1914–1917) // Перша світова війна та проблеми державотворення у Центральній та Східній Європі (до 90-річчя закінчення Першої світової війни): матеріали міжн. наук. конф. (Чернівці, 29–30 жовтня 2008 р.). Чернівці, 2009. С. 301.

отреагировал на многочисленные жалобы пострадавших во время казачьих погромов евреев «Оповещением Военного генерал-губернатора Галиции», в котором он сообщал о создании специальной комиссии для расследования фактов грабежей мирного населения и возмещения им убытков¹. К сожалению, это «Оповещение», по-видимому, так и осталось декларацией российских властей о намерениях.

Начало второй российской оккупации Буковины, которая длилась с 27 ноября 1914 г. по 17 февраля 1915 г., ознаменовалась ужесточением политики в отношении неполяльного к России населения. На улицах Львова появились объявления с угрозами в адрес евреев Буковины, Галиции и Польши, а в январе 1915 г. Верховный главнокомандующий российской армии издал приказ, в котором евреи вообще признавались «ненадёжными союзниками России»². С. Д. Евреинов был убеждён в том, что задачей российской власти на Буковине должна стать политика освобождения славянского и румынского населения края от «еврейского угнетения», и что «с приходом русских будет и земля и правда...». «Ничто так не привлекло бы к нам деревню, как раздача еврейских земель (платно и бесплатно) крестьянам...»³. Кроме того, по мнению Черновицкого губернатора, «евреи запугивают местных, которые доброжелательно относятся к русским властям», что, несомненно, усложняет «нашу политику сближения с местным населением»⁴. Такие политические задачи были сформулированы С. Д. Евреиновым после посещения Буковины, осенью 1914 г., старшего секретаря Дипломатической канцелярии штаба Верховного главнокомандующего В. Н. Муравьёва, по личному приказу Николая II, «для содействия налаживания отношений между нашими военными властями и местным населением, а также румынскими военными начальни-

ми, если бы таковые явились в Буковину»⁵. В. Н. Муравьёв предлагал создать румынскую милицию на оккупированной российскими войсками «румынской» части Буковины, которая в будущем станет опорой для гражданской администрации «в пределах той части Буковины, которую желательно присоединить к России»⁶. В том случае, размышлял он, если российским войскам удастся закрепиться на всей территории Буковины, румынская милиция смогла бы помочь России продвинуться далее в пределах Венгрии. В противном случае можно было бы сыграть на патриотических чувствах буковинских румын и вызвать у них антиавстрийские настроения, что неминуемо подтолкнуло бы Румынию к вступлению в войну на стороне Антанты. В любом случае, Россия была заинтересована в лояльности к себе румынского населения, а собственно южная и северная части австрийской Буковины оказались бы в сфере политических интересов Российской империи и Королевства Румынии. Тем не менее, план Муравьёва по созданию пророссийских организаций из местных румын был неосуществим не только по причине геополитических противоречий, которые неминуемо бы возникли в российско-румынских отношениях, но и вследствие проавстрийской позиции преобладающего в городах Буковины еврейского населения. Следовательно, заметил С. Д. Евреинов в своём письме на имя Г. А. Бобринского, после ухода российских войск отряды румын будут разоружены и выданы местными евреями австрийцам, как шпионы, что, естественно, вызовет нежелательные антироссийские настроения в Румынии⁷.

Таким образом, из всего этнического многообразия Буковины только украинцы и румыны были признаны российскими властями в качестве «эквивалентно-автохтонных народов», исторические права на проживание которых, отвечали российским военно-политическим интересам в австрий-

¹ ДАЧО. Канцелярия Черновицкого губернатора. Переписка с комендантом города Черновцы о прошениях жителей о возмещении им материальных убытков, причинённых войной. 7 сентября – 4 декабря 1914 г. Ф. 283. Фп. 1. Д. 60. Л. 18.

² Миндлин А. Б. Государственная дума Российской империи и еврейский вопрос. СПб., 2014. С. 382.

³ ДАЧО. Канцелярия Черновицкого губернатора. Переписка с военным генерал-губернатором Галиции по военным, административным и религиозным вопросам. 13 сентября – 30 декабря 1914 г. Ф. 283. Оп. 1. Д. 23. Л. 59.

⁴ Там же. Л. 81.

⁵ Там же. Л. 103.

⁶ ДАЧО. Канцелярия Черновицкого губернатора. Телеграммы и переписка с директором дипломатической канцелярии при штабе Верховного главнокомандующего об организации гражданского управления на территории Южной Буковины. 1914–1915. Ф. 283. Оп. 1. Д. 24. Л. 5.

⁷ Там же. Л. 12.

ской Буковине¹, которая, к тому же, с лёгкой руки генерал-лейтенанта Ф. М. Вебеля, по случаю празднования (19 декабря 1914 г.) имени Николая II в Черновцах, была торжественно провозглашена составной частью Российской империи². Было очевидным, что еврейское население края оказывалось заложником в «политике населения» (обеспечение лояльности различных групп населения)³, реализацией которой были заняты российские власти на Буковине. «Евреи, – отмечал С. Д. Евреинов, – настолько резко высказывали свою к нам враждебность, настолько явно стремятся к подавлению всего христианского населения (и достигали этого) в моменты австрийского управления и промежуточные до введения русской администрации, что необходимо изменить несколько отношение к ним со стороны войска и прямо подавить их попытки остаться господами положения»⁴.

Для большей эффективности подобная политика сопровождалась соответствующей пропагандистской кампанией, за организацию которой, отвечал А. Ю. Геровский с ежемесячным окладом в 125 рублей⁵. В своих летучих листках «К буковинским православным людям», кроме разоблачения «предательской сущности» «мазепинской» партии и «кукурузников» (украинских

ополченцев в австрийской армии), он разразился ругательствами в адрес австрийского императора, который «продался жидам» в то время, когда русский православный царь пришёл как избавитель от «еврейского ига» с тем, чтобы разделить между крестьянами земли помещиков и евреев⁶. Следует заметить, что А. Ю. Геровский давно вынашивал планы подавить местную «иудеократию» в лице её главы – Б. Штраухера⁷, а с началом российской оккупации Буковины такие планы москвофилов обретали конкретные очертания. Так, по сообщениям Начальника Коломыйского уезда Черновицкой губернии К. А. Лобанова-Ростовского, благодаря агентурной деятельности «вполне русских людей» в Коломые удалось арестовать пятерых еврейских активистов, которые «распускают самые нелепые слухи о торжестве австрийского оружия»⁸.

Австрийские власти, в свою очередь, умело использовали настроения еврейского населения и не жалели средств для антироссийской пропаганды, главным тезисом которой, было освещение бесправного положения евреев в Российской империи. Война с Россией воспринималась еврейской общественностью Буковины как борьба «цивилизованной Австрии» с «азиатским деспотизмом», со «страной погромов». Об этом красноречиво свидетельствовал текст обращения Еврейской национальной партии Буковины, которую возглавлял депутат Буковинского сейма и австрийского рейхсрата, президент еврейской общины Черновиц Б. Штраухер, оказавшийся в числе её первых беженцев⁹. Б. Штраухер в частности заявил: «Мы, австрийские евреи, которые пользуемся под скипетром великодушного и справедливого цесаря всеми гражданскими и политическими правами и свободами, с воодушевлением идём на войну с целью защи-

¹ Гакман С. Бессарабія та Буковина на перехресті національних та геополітичних інтересів Першої світової війни та післявоєнного врегулювання (1916–1920 рр.) // Буркуц І. Гакман Культурні маршрути / Відбір статей. Cluj-Napoca 2009, Editura Qual Media. С. 58–59; Піддубний І. Питання Буковини у російсько-румунських стосунках 1914–1916 рр. // Міжнародний Науковий Конгрес «Українська історична наука на порозі XXI століття». Чернівці, 16–18 травня 2000 р. Доповіді та повідомлення / Українське історичне товариство, Чернівецький національний університет імені Юрія Федьковича / Відповідальні редактори: Л. Винар, Ю. Макар. Т. 1. Чернівці, 2001. С. 187.

² Історія розвитку органів влади на території Чернівецької області: монографія / За заг. ред. Добржанського О. В., Круглашова А. М., Ярмистого М. В. Чернівці, 2014. С. 272.

³ Гольдин С. Русское командование и евреи во время Первой мировой войны: причины формирования негативного стереотипа // Мировой кризис 1914–1920 годов и судьба восточноевропейского еврейства / отв. ред. О. В. Будницкий. М., 2005. С. 35.

⁴ ДАЧО. Канцелярия Черновицкого губернатора. Телеграммы и переписка с директором дипломатической канцелярии при штабе Верховного главнокомандующего об организации гражданского управления на территории Южной Буковины. 1914–1915. Ф. 283. Оп. 1. Д. 24. Л. 13.

⁵ Гайсенюк В. Початок кінця. Москвофіли у Великій війні (1914–1918). Чернівці, 2017. С. 147.

⁶ Д-р Зенон Кузеля. Галицькі «емігранти» в Росії // Вістник Союзу визволення України (видає і редагує О. Бачинський). 1915. 26 вересня. С. 8.

⁷ Юдеоокрація в Черновцах // Буковинские ведомости. Орган политического общества «Народна Рада» в Черновцах. Черновцы, 24 марта (5 апреля) 1896 г. С. 3.

⁸ ДАЧО. Канцелярия Черновицкого губернатора. Переписка с военным генерал-губернатором Галиции по военным, административным и религиозным вопросам. 13 сентября – 30 декабря 1914 г. Ф. 283. Оп. 1. Д. 23. Л. 116.

⁹ Вебер Ю. Російська окупація Чернівців / Упорядкування та переклад з нім. С. Осачука, післямова та коментар В. Заполовського. Чернівці, 2016. С. 76.

щать нашу дорогую Отчизну. В этой борьбе и мы, евреи, боремся за плоды тысячелетнего культурного труда, в котором наши предки на Западе и Юге Европы брали активное участие, и мы, евреи, боремся с азиатским деспотизмом, закабалением народов»¹.

В ответ на это обращение группы политических беженцев С. Д. Евреинов 5 декабря 1914 г. пригласил еврейских общественных деятелей Черновиц в магистрат и заявил буквально следующее: «Еврейское население! У меня есть сведения, что евреи при отступлении русских войск из Черновиц праздновали, сжигали русские флаги, насмехались над русскими учреждениями; у меня есть сведения, что все евреи являются шпионами, что они находятся на службе в австрийской армии. Из-за еврейских шпионов русские солдаты были вынуждены пять недель страдать от сурового холода и большой нужды, русских солдат обстреливали из пушек и мучили. За это я отомщу евреям, которые здесь живут. В качестве штрафа я обязываю еврейскую общину выплатить контрибуцию в сумме 50 тыс. рублей и объявляю всё имущество еврейской общины и Еврейский народный дом конфискованными»². Сразу же на месте были арестованы шесть евреев в качестве заложников для выплаты контрибуции.

Однако собранных средств оказалось недостаточно, так как в городе оставались самые бедные евреи. Губернатор приказал схватить на улице первых попавшихся евреев и провести их колонной по улицам города как преступников, после чего отпустить. При этом он ещё раз напомнил представителям еврейской общественности, которые призвали С. Д. Евреинова отменить своё решение об уплате контрибуции, что евреи будут мучиться до тех пор, пока не избавятся от своего австрийского патриотизма и не станут добропорядочными русскими, чтобы, следуя примеру российских евреев, наслаждаться всеми правами, которые те уже имеют³. Тем не менее, С. Д. Евреинову всё же пришлось ограничиться конфискацией Еврейского на-

родного дома общей стоимостью в 200 тыс. рублей⁴.

Однако аресты евреев не прекращались и принимали всё более стихийный характер. По подозрению в шпионаже в пользу Австрии был арестован известный адвокат и один из лидеров сионизма на Буковине М. Эбнер, который подлежал депортации в Россию. С. Д. Евреинов лично руководил операцией по задержанию М. Эбнера, который, после неудачной попытки нелегально пересечь румынскую границу⁵, всё же оказался в далекой Сибири, где он провёл два долгих года своей ссылки⁶. Не редкими были случаи принудительного выселения из Черновицкой губернии менее известных евреев, но, которые, по мнению российских властей, подозревались в военном шпионаже. Так, студента Черновицкого университета М. Эльгиссера, который в совершенстве овладел русским, французским, немецким, румынским, итальянским языками, а также общался на идиш и иврит, арестовали и отправили во внутренние российские губернии только за то, что он был «популярным среди евреев русской Новоселицы и поддерживал отношения с местностями находящимися в австрийских владениях»⁷. Всего за период второй оккупации Буковины, российскими властями было депортировано в Российскую империю, по нашим подсчётам, около сотни местных евреев, большинство из которых, по-видимому, оказались в Киевской губернской тюрьме, причём многие из них, как подчёркивал прокурор Киевского окружного суда, были арестованы незаконно⁸.

⁴ ДАЧО. Канцелярия Черновицкого губернатора. Переписка с военным генерал-губернатором Галиции по военным, административным и религиозным вопросам. 13 сентября – 30 декабря 1914 г. Ф. 283. Оп. 1. Д. 23. Л. 32.

⁵ ДАЧО. Канцелярия Черновицкого губернатора. Протоколы допроса и постановление о высылке в Томскую губернию Эбнера Меера, подозреваемого в шпионаже в пользу Австрии. 28 ноября 1914 – 15 августа 1915 г. Ф. 283. Оп. 2. Д. 5. Л. 10–11.

⁶ Ebner M. Ein Jüdisches Leben / Von Dr. Manfred Reifer. Tel-Aviv. S. 63–73.

⁷ ДАЧО. Канцелярия Черновицкого губернатора. Протокол допроса и постановление о высылке во внутренние губернии России австрийско-подданного Эльгиссера Мозеса, подозреваемого в шпионаже в пользу Австрии. 2 ноября 1914 г. Ф. 283. Оп. 2. Д. 6. Л. 5.

⁸ ДАЧО. Канцелярия Черновицкого губернатора. Справки лиц, подлежащих высылке вглубь России и переписка с Киевским губернатором по этому вопросу. 1915 г. Ф. 283. Оп. 1. Д. 405. 44 л.

¹ Цит. по электронной версии: Монолатій І. Євреї в імперії Габсбургів. С. 114. URL: <http://www.judaicacenter.kiev.ua/wp-content/uploads/2011/06/Монолатій.pdf>

² Вебер Ю. Російська окупація Чернівців / Упорядкування, переклад з німецької С. Осачука; післямова та коментарі В. Заполовського. Чернівці, 2016. С. 91.

³ Там же. С. 93.

Черновицкая полиция, для которой евреи превращались в дополнительный заработок, могла остановить любого прилично одетого еврейского жителя, выяснить его личность и арестовать, но только для того, чтобы вечером отпустить за 50 или 100 рублей выкупа¹. Например, местных евреев Е. Бухбиндера и М. Вайнера черновицкие жандармы арестовали за то, что у тех не оказалось пропуска на проезд из Сторожинца в Садгору. Однако трёхрублёвая взятка еврейских правонарушителей с лихвой компенсировала всю тяжесть их «преступления» перед российским властями². Очевидцами тех событий приводятся вопиющие примеры антигуманного отношения к евреям, когда Черновицким губернатором был якобы издан приказ³ запрещающий кормить голодных евреев в организованных городскими властями пунктах бесплатного питания⁴. Впрочем, действия полицейских не всегда отличались откровенным цинизмом и жестокостью. Так, в декабре 1914 г. в Боянах российскими военными были задержаны несколько садгорских евреев, которые воровали спирт на местной винокурне. После безуспешной попытки пойманных с поличным евреев откупиться, их отправили в черновицкую полицию, которая, тем не менее, деньги конфисковала, но «еврейских преступников» освободила⁵. Вскоре из под стражи в Черновцах были освобождены ещё несколько десятков местных евреев⁶. Поскольку в Черновицкой губернии действовало распоряжение С. Д. Евреина запрещающее производство спирта, то большинство правонарушений со стороны евреев отмечалось именно в этой сфере. Максимальным наказанием за незаконное винокурение, как правило, был штраф в раз-

мере трёх тысяч рублей с предварительным заключением под стражу нарушителя до момента возмещения указанной суммы. Евреям также запрещалось торговать на рынках и работать в полиции.

Ужесточение политикой отношения еврейского населения на местах было санкционировано высшим командованием российской армии. Так, в шифр-телеграмме Н. Н. Янушкевича на имя Г. А. Бобринского от 28 декабря 1914 г. начальник штаба Верховного главнокомандующего выражал своё удовлетворение организованными репрессиями против евреев, которые, по его мнению, дисциплинируют еврейское население, вынуждают его ощутить твёрдость русской власти. «Поэтому наказания за нарушения евреев должны быть адекватными наказаниям за нарушения, которые допустили славяне. Последние меры вызовут желаемое массовое выселение евреев за рубеж»⁷.

Оставляя без комментариев известный антисемитизм Н. Н. Янушкевича, который, по хлесткому выражению известного русского государственного деятеля А. В. Кривошеина, «был опаснее немецких корпусов»⁸, нельзя не отметить, однако, определённую логику в приведённых выше словах начальника штаба Верховного главнокомандующего. Ведь обвинения евреев со стороны российских властей не всегда были безосновательными, поскольку именно евреи помогали австрийским войскам, укрывали беглецов из русского плена и еврейских дезертиров из русской армии. Кроме того, евреи активно доносили австрийцам на румын и украинцев, которые сотрудничали с русскими оккупантами. Например, в феврале 1915 г. буквально через два дня после возвращения австрийских властей в Черновцы, местный еврейский коммерсант Н. Айдингер получил около трёх миллионов румынских лей от крупного немецкого финансиста Л. Розелиуса для организации антирусских настроений в Буковине⁹. Впрочем, евреи

¹ Вебер Ю. Російська окупація Чернівців / Упорядкування, переклад з німецької С. Осачука; післямова та коментарі В. Заполовського. Чернівці, 2016. С. 93.

² ДАЧО. Канцелярія Черновицького губернатора. Переписка с военным генерал-губернатором Галиции по военным, административным и религиозным вопросам. 13 сентября – 30 декабря 1914 г. Ф. 283. оп. 1. Д. 23. Л. 107.

³ В архиве канцелярии Черновицкого губернатора данный документ нам обнаружить не удалось.

⁴ Вебер Ю. Російська окупація Чернівців / Упорядкування, переклад з німецької С. Осачука; післямова та коментарі В. Заполовського. Чернівці, 2016. С. 92.

⁵ ДАЧО. Канцелярія Черновицького губернатора. Статистические сведения, прошения, списки и переписка об освобождении лиц, находящихся под стражей в Черновицкой тюрьме. – 4 сентября – 30 декабря 1914 года. Ф. 283. Оп. 1. Д. 53. Л. 135–136.

⁶ Там же. Л. 141.

⁷ Цит. по электронной версии: Адамович С. Антисемитизм в діяльності російської окупаційної влади в Східній Галичині (1914–1917 рр.). С. 2. URL: http://www.irbis.nbuv.gov.ua/.../cgjirbis_64.exe?

⁸ Миндлин А. Б. Государственная дума Российской империи и еврейский вопрос. СПб., 2014. С. 383.

⁹ Пиддубный И. А. Румыны Буковины: от черно-жёлтого лоялизма к «великому объединению» // Народы Габсбургской монархии в 1914–1920 гг.: от национальных движений к созданию национальных государств: Т. 1. / Отв. ред. М. Волос, Г. Д. Шкундин. М., 2012. С. 289.

Галиции или Буковины и без всякой пропаганды были хорошо осведомлены о нелегкой судьбе своих единоверцев в Российской империи, особенно о еврейских погромах, которые происходили на оккупированных русскими войсками территориях. Поэтому вряд ли их можно упрекнуть в излишней подозрительности к русским, ибо только таким образом «евреи противостояли репрессиям и выражали надежду на скорейшее освобождение из под российского ига»¹.

Однако действия австрийских властей на освобожденных территориях по своей жестокости были сопоставимыми с подобной практикой российской оккупационной администрации, а в определенном смысле и мотивировали её. 13 сентября 1914 г. австрийское командование издало «Объявление», согласно которому военные коменданты могли казнить на месте всех, кого заподозрят в дезертирстве или в откровенно враждебном отношении к австрийским властям². Соответствующее распоряжение подписал в Дорна-Ватре и Буковинский краевой президент Р. фон Меран, что стало формальным поводом для ужесточения репрессий со стороны австрийской администрации. Так, в конце октября 1914 г., после отступления русских частей, в буковинском местечке Глубокое в результате доносов местных евреев и немецких колонистов, по подозрению в сочувствии к русским войскам были арестованы 150 украинских крестьян, пятерых из которых австрийцы повесили на фонарных столбах местной железнодорожной станции³. Драматизм ситуации заключался в том, что непосредственное участие в массовых казнях местных крестьян Глубокой принимал их же односельчанин еврей, унтер-офицер австрийской армии Л. Энгель⁴. В соседних с Глубокой Тарашанах ав-

стрийские жандармы во главе с полковником Э. Фишером, который на Буковине признавал только «три нации: немцев, евреев и предателей»⁵, повесили председателя комитета благотворительной организации «Школьная помощь», члена местного сельского правления В. Гандюка, у которого сын служил в русской армии⁶. Репрессии против украинского населения отмечались и в Вижницком уезде, где австрийцы, при активном участии местных евреев, устроили показательные казни тех, кто особенно проявлял свои пророссийские чувства⁷. «Крестьяне боятся возвращения австрийцев, и этот страх поддерживается евреями, которые даже подстрекают их против церкви, называя православных священников брехунами»⁸. Подобных примеров достаточно, чтобы оценить масштабы политики откровенного террора, развязанного австрийскими властями не только в отношении украинской части населения Буковины, но и местного румынского населения⁹, а самого Э. Фишера, который впоследствии получил генеральский чин за свои карательные рейды, вполне можно рассматривать, как военного преступника¹⁰.

Австрийцами, как известно, уже в начале войны были созданы первые концентрационные лагеря для военнопленных в Терезине и Талергофе, куда были сосланы

крестьян, за донос австрийцам на лиц сочувствовавших относительно русских войск. 25 января 1915 – 8 апреля 1915. Ф. 283. Оп. 1. Д. 75.

⁵ Пиддубный И. А. Румыны Буковины: от черно-жёлтого лоялизма к «великому объединению» // Народы Габсбургской монархии в 1914–1920 гг.: от национальных движений к созданию национальных государств: Т. 1 / отв. ред. М. Волос, Г. Д. Шкундин. М., 2012. С. 289.

⁶ ДАЧО. Канцелярия Черновицкого губернатора. Протоколы показаний жителей Черновицкой губернии о злодеяниях австрийских властей при отступлении. 1914 г. Ф. 283. Оп. 1. Д. 4. Л. 17.

⁷ Там же. 1915 г. Ф. 283. Оп. 1. Д. 5. Л. 10–11.

⁸ ДАЧО. Канцелярия Черновицкого губернатора. Протоколы, рапорты и переписка об аресте жителей с. Буденицы Рейтера Янкеля, Нахманова Мойши и Осиаса, Дермера Шмиля и др. за распространение тревожных слухов среди населения и о секвестровании винокуренного завода в с. Нижние Толстовцы Сторожинецкого уезда. 1915 г. Ф. 283. Оп. 1. Д. 76. Л. 7.

⁹ Пиддубный И. А. Румыны Буковины: от черно-жёлтого лоялизма к «великому объединению» // Народы Габсбургской монархии в 1914–1920 гг.: от национальных движений к созданию национальных государств: Т. 1 / отв. ред. М. Волос, Г. Д. Шкундин. М., 2012. С. 290.

¹⁰ Карбулицкий И. И. Мої спомини [Уривок про жандармський терор в 1914–1918 рр.] // Добржанський О. В. Бажаємо до України! Одеса, 2008. С. 634–650.

¹ Цит. по электронной версии: Адамович С. Антисемітизм в діяльності російської окупаційної влади в Східній Галичині (1914–1917 рр.). С. 4. URL: http://www.irbis.nbuv.gov.ua/.../cgjirbis_64.exe

² Буковина: її минуле і сучасне / Під ред. Д. Квітковського, Т. Бринзала, А. Жуковського. Париж, Філадельфія, Детройт, 1956. С. 298.

³ ДАЧО. Канцелярия Черновицкого губернатора. Протоколы показаний жителей Черновицкой губернии о злодеяниях австрийских властей при отступлении. 1914 г. Ф. 283. Оп. 1. Д. 4. Л. 15–16.

⁴ ДАЧО. Канцелярия Черновицкого губернатора. Определение военно-полевого суда Менделя Зимера за участие в избиении крестьян с. Глубокое, за издевательства над трупами казненных австрийскими жандармами

тысячи украинских «русофилов», из которых в одном только Талергофе погибли из-за болезни и голода около трёх тысяч галичан и буковинцев¹. Особенной жесткостью на Буковине отличались мадьяры. Члену Комитета Юго-Западного фронта Всероссийского союза городов Д. Дорошенко в 1916 г. в архиве австрийского жандармского управления в Черновцах удалось обнаружить фотографии, на которых венгерские каратели позировали на фоне виселиц в украинских сёлах². За весь период войны на территории Буковины австрийцами было казнено 46 мирных украинцев³. Безусловно, что приведенные факты не могут служить оправданием для репрессий в отношении местного еврейского и определённой части украинского населения, которые были характерны и для политики российских властей, особенно в 1915 году. Однако, как нам кажется, в оценках такой политики следует придерживаться более взвешенного подхода, учитывая условия военного времени⁴, тем более, когда речь идёт об организации массового террора на оккупированных территориях. Например, утверждения современных авторов о том, что казни 11 евреев в Кицманском уезде в сентябре 1914 г., были актом мести москвофилов за прошлые гонения⁵, а в антисемитских заявлениях особенно рьяных буковинских москвофилов «прозвучали призывы к этническим чисткам»⁶, на наш взгляд, требуют своего документального подтверждения, либо дополнительных авторских комментариев.

¹ Клопова М. Э. Терезин и Талергоф: трагедия «тирольцев Востока» // Народы Габсбургской монархии в 1914–1920 гг.: от национальных движений к созданию национальных государств: Т. 1 / отв. ред. М. Волос, Г. Д. Шкундин. М., 2012. С. 215.

² Дорошенко Д. Мої спомини про недавнє минуле (1914–1918). Ч. I. Галицька Руїна 1914–1917 років. Львів, 1923. С. 28.

³ Святольд. Буковина [Терор в 1914 р.] // Добржанський О. В. Бажаємо до України! Одеса, 2008. С. 629–630.

⁴ Известно, например, что в русской армии в начале войны отсутствовала фронтовая контрразведка, что иногда приводило к довольно серьезным стратегическим потерям. Так, местным крестьянам, завербованным австрийским командованием, без особой конспирации удалось взорвать мост через Днестр в Залещиках. См.: Драгинда Є. Спомини буковинця Усусуса // Добржанський О. В. Бажаємо до України! Одеса, 2008. С. 527.

⁵ Гайсенюк В. Початок кінця. Москвофіли у Великій війні (1914–1918). Чернівці, 2017. С. 145.

⁶ Там же. С. 148.

24 января 1915 г. в Черновцы прибыл Военный генерал-губернатор Галиции Г. А. Бобринский, который выступил перед жителями города с речью, в которой он выразил надежду, что весной война закончится, поскольку «Австрии больше не существует», а земли Религиозного фонда и буковинских евреев раздадут всем крестьянам края⁷. Очевидно, что в планах Г. А. Бобринского была и административная реформа, которая предусматривала создание в составе Бессарабской губернии Буковинского уезда с центром в Черновцах⁸. Определённые политические решения новые власти также хотели реализовать и в сфере религиозной жизни. В частности, рассматривалась возможность назначения новым митрополитом Буковины старообрядческого (Белокриницкого) митрополита Макария (Лобова), освобожденного из австрийского плена, а Черновицким раввином назначить бывшего Ананьевского раввина Д. М. Бондарева⁹. Однако реализации этих планов помешало зимнее контрнаступление австро-венгерских и немецких войск по всему фронту, в результате которого Буковина снова стала австрийской.

Наиболее ожесточенные бои произошли весной 1915 г. в Прикарпатье и в Галиции, а линией фронта снова стала р. Прут. Российские войска охватила паника. «Мы отступаем, как черти, – жаловались в окопах под Черновцами русские офицеры, – но главным образом потому, что у нас не хватает военного снаряжения, а в верхах процветает взяточничество и дезорганизация»¹⁰. Хаос на фронтах подстёгивал антисемитизм властей и погромные настроения в армии. Высшее армейское командование Российской империи вообще не знало, что делать с евреями на оккупированных территориях. Так, в те-

⁷ Вебер Ю. Російська окупація Чернівців / Упорядкування, переклад з німецької С. Осачука; післямова та коментарі В. Заповольського. Чернівці, 2016. С. 101.

⁸ Ботушанський В. Чернівці у роки Першої світової війни // Перша світова війна та проблеми державотворення у Центральній та Східній Європі (до 90-річчя закінчення Першої світової війни): матеріали міжн. наук. конф. (Чернівці, 29–30 жовтня 2008 р.). Чернівці, 2009. С. 286.

⁹ ДАЧО. Канцелярія Черновицького губернатора. Послужные списки, рапорты, прошения и переписка о назначении на службу лиц в учреждениях, подведомственные Черновицкому губернатору. 3 января 1915 – 28 сентября 1915 г. Ф. 283. Оп. 1. Д. 106. Л. 5.

¹⁰ Рид Дж. Вдоль фронта / пер. с англ. И. В. Саблина и В. Ф. Корш, с предисловием А. Строганова. М., Л., 1928. С. 120.

леграмме главного начальника снабжений армий Юго-Западного фронта А. А. Маврина на имя Г. А. Бобринского от 14 марта 1915 г. отмечалось, что выселение евреев из Галиции в пределы России недопустимо, поскольку, по мнению А. А. Маврина, «их и без того слишком много»; «было приказано гнать их вперёд за австрийцами, а в занятых русской армией местностях, брать наиболее зажиточных и влиятельных евреев в заложники и выселять в Россию, в черту оседлости, а имущество секвестрировать»¹. Ещё в январе аналогичный приказ получил и С. Д. Евреинов, который депортировал из Черновиц и Серета 30 еврейских заложников². В первой половине марта российское командование погнало на австрийские позиции севернее Надворного (Галиция) полуторты тысячную толпу местных евреев, а в начале июня подобная «тактика» была использована на линии огня возле сёл Дубовцы и Шипинцы на Буковине³. Из Садгоры было депортировано 70 евреев⁴. Только 7 июля 1915 г. А. А. Маврин сообщил об отмене позорного приказа⁵.

Впервые под подозрение попали местные хасиды. Вероятно, этому способствовали донесения агентов российской контрразведки, аналогичные тем, которые выявлены в белорусских архивах. В частности, как сообщалось в донесении некоего И. Персица в Гродненское жандармское управление, хасидские цадика Садгоры, Гусятина, Чертова, Косова и других городов Буковины и Галиции «показывали русским хасидам, как их собратьям хорошо живётся в Австрии и Германии», а «немецкие и австрийские власти сумели превратить это чисто религиоз-

ное движение в политическую пропаганду против России»⁶. В Садгоре, в которой в период первой оккупации компактно проживало полуторты тысячное еврейское население, преимущественно хасидов, российские власти попытались задержать Садгорского бургомистра Руфеса, которому, к счастью, удалось сбежать. Но в конце 1914 г. был арестован по подозрению «во враждебности к русским властям» бывший осведомитель австрийской полиции Я. Ликварник, который организовал в Садгоре, во время отступления российских войск, настоящий погром русских купцов и местных крестьян. Более того, как свидетельствуют материалы следствия, Я. Ликварнику удалось вооружить полсотни местных евреев, которые оказали упорное сопротивление российским частям, атаковавшим Садгору в конце октября 1914 года. Тем не менее, в ходатайстве С. Д. Евреинова о высылке Я. Ликварника в Сибирь Г. А. Бобринский отказал за отсутствием доказательств в его причастности к организации вооруженного сопротивления евреев русским войскам⁷. Решение Военного генерал-губернатора Галиции, как нам кажется, оказалось довольно странным, если учитывать подозрительное отношение российских властей к местным евреям вообще, и серьёзность конкретного обвинения, в частности. Во всяком случае, в списках этапированных в Россию евреев его нет. Мы не исключаем того, что Я. Ликварника попросту шантажировали освобождением из-под стражи в обмен на информацию о «несметных сокровищах» Ружинского цадика И. Фридмана в Садгоре, которой он, возможно, и поделился с властями, поскольку сразу же после его ареста в синагоге и во дворце Фридманов был проведён тщательный обыск, в результате которого было выявлено небольшое количество недорогих предметов ритуального характера.

¹ Цит. по электронной версии: Адамович С. Антисемітизм в діяльності російської окупаційної влади в Східній Галичині (1914–1917 рр.). С. 4. URL: http://www.irbis.nbuv.gov.ua/.../cgjirbis_64.exe

² ДАЧО. Канцелярия Черновицкого губернатора. Списки лиц, подлежащих высылке вглубь России и переписка с Киевским губернатором по этому вопросу. 1915 г. ф. 283. Оп. 1. Д. 405. Л. 30.

³ Народный голос. 1915. 29 мая. С. 3–4.

⁴ Народный голос. 1915. 5 червня. С. 8.

⁵ Запаловський В. Проблема дотримання Росією IV Гаазької конвенції 1907 р. «Про закони і звичаї сухопутної війни» на тимчасово зайнятих територіях Буковини і Галичини (1914–1917) // Перша світова війна та проблеми державотворення у Центральній та Східній Європі (до 90-річчя закінчення Першої світової війни): матеріали міжн. наук. конф. (Чернівці, 29–30 жовтня 2008 р.). Чернівці, 2009. С. 302–303.

⁶ Пивоварчик С. А. Трагедии Мировой войны: «еврей-шпионы» (по материалам Национального исторического архива Беларуси в Гродно) // Мировой кризис 1914–1920 годов и судьба восточноевропейского еврейства / отв. ред. О. В. Будницкий. М., 2005. С. 80.

⁷ ДАЧО. Канцелярия Черновицкого губернатора. Ходатайство Черновицкого губернатора перед Военным генерал-губернатором Галиции о высылке в Томскую губернию Кужнярского Людовика принадлежавшего к партии соколов и о передаче военно-полевому суду бывшего агента полиции Ликварника Янкеля и кузнеца Богдлановского за якобы проявленную особую враждебность к русским войскам. 1914 г. ф. 283. Оп. 1. Д. 1. Л. 3–14.

Тем временем, антисемитская риторика и шпиономания, которые охватили высшее командование российской армии летом 1915 г., стали поводом для общественной критики бездарного командования вел. кн. Николая Николаевича и особенно начальника его штаба Н. Н. Янушкевича, который уверял министра финансов Российской империи П. Л. Барка в том, что влиятельные лица в Петрограде окружены шпионами¹. Депутат от кадетской партии Н. М. Фридман в своем выступлении в Государственной думе 20 июля 1915 г. заявил о небывалом в истории цивилизованного мира явлении, когда заложников брали не из врагов, а из своих сограждан – евреев, которые должны были отвечать за преступления, которые только могли совершиться². Было очевидно, что в стране назревает политический кризис. В этих условиях Николай II берёт командование армией в свои руки, Н. Н. Янушкевича увольняют с поста начальника штаба Верховного главнокомандующего, а черту оседлости для евреев упрощают специальным циркуляром МВД от 15 августа 1915 года³.

Обвинения евреев в помощи австро-венгерским войскам создавали предпосылки для роста антисемитских настроений в российской армии, которая пыталась удерживать занятые позиции в Галиции и на Буковине во второй половине 1915 года. Кроме того, война усиливала экономический кризис и падение жизненного уровня. Поскольку торговцами были в большинстве своём евреи, то именно они становились объектом всеобщего раздражения. Отмечались отдельные столкновения между российскими солдатами и офицерами и местными евреями, которые иногда перерастали в откровенные погромы, одним из которых стал военный погром в Залещиках (Галиция), по-видимому, с использованием еврейских женщин и детей как живого щита на поле боя⁴. Впрочем, в условиях всеобщего хаоса, который

господствовал тогда в прифронтовой зоне, отделить реальность от слухов было непросто. Так, румынская пресса сообщала в мае 1915 г. о вспыхнувшем в приграничном Хотине еврейском погроме, который, якобы, организовали российские власти. Однако, как оказалось, громили не евреев, а представителей российской администрации, которая сгоняла местных жителей на оборону города от возможного нападения австрийцев⁵.

Остается открытым, как нам кажется, вопрос о количестве депортированных в 1915 г. евреев во время отступления российских войск с территории Буковины. Современными авторами приводятся цифры в несколько тысяч человек, из которых, однако, не все были евреями⁶. Также не известно, какие последствия имел для Буковины приказ Военного генерал-губернатора Галиции от 2 июня 1915 г., согласно которому всё мужское население, кроме евреев, в возрасте от 18 до 50 лет вместе со своими семьями и имуществом выселялось в Волынскую губернию, а также в отдаленные российские губернии⁷. Согласно современным исследованиям, на Волыни в конце 1915 г. находилось почти 350 тыс. беженцев из Галиции и Буковины, но сколько из них было евреев, и были ли они все беженцами, неизвестно. Впрочем, в Курской области, куда также направлялись вынужденные переселенцы из прифронтовой зоны Галиции и Буковины, велась более точная статистика, согласно которой из 10 тыс. беженцев, осенью 1916 г., евреев насчитывалось чуть более 5 %, остальные оказались украинцами, русскими и поляками⁸. Можно однако с большей уверенностью предположить, что всех депортированных из Галиции и Буковины (а это около 80 тыс. человек) российские власти направляли в Киев, где они разделялись по трём категориям: собственно беженцы, «высланные в ад-

¹ Гольдин С. Русское командование и евреи во время Первой мировой войны: причины формирования негативного стереотипа // Мировой кризис 1914–1920 годов и судьба восточноевропейского еврейства / отв. ред. О. В. Будницкий. М., 2005. С.33.

² Миндлин А. Б. Государственная дума Российской империи и еврейский вопрос. СПб., 2014. С. 395.

³ Там же. С. 386.

⁴ Рид Дж. Вдоль фронта / пер. с англ. И. В. Саблина и В. Ф. Корш, с предисловием А. Строганова. М., Л., 1928. С. 145.

⁵ Народный голос. 1915. 8 мая. С. 7.

⁶ Запововський В. Проблема дотримування Росією ІV Гаазької конвенції 1907 р. «Про закони і звичаї сухопутної війни» на тимчасово зайнятих територіях Буковини і Галичини (1914–1917) // Перша світова війна та проблеми державотворення у Центральній та Східній Європі (до 90-річчя закінчення Першої світової війни): матеріали міжн. наук. конф. (Чернівці, 29–30 жовтня 2008 р.). Чернівці, 2009. С. 304.

⁷ Адамович С. Антисемітизм в діяльності російської окупаційної влади в Східній Галичині (1914–1917 рр.). URL: http://www.irbis.nbuv.gov.ua/.../cgiirbis_64.exe?

⁸ Курцев А. Н. Беженцы Первой мировой войны в России (1914–1917) URL: <http://www.interstroy-omsk.ru>

министративном порядке по этапу» и заложники. По-видимому, две последние касались именно евреев¹.

После успешного «Брусиловского прорыва» 1916 г., часть Галиции и почти вся Буковина вновь оказались в зоне российской оккупации.

Это был последний, но самый продолжительный (18 июня 1916 г. – 3 августа 1917 г.) период пребывания российской администрации на Буковине. К собственно девяти буковинским уездам Черновиц, Кицманя, Вижницы, Сторожинца, Сирета, Сучавы, Радауц, Гура-Гуморулуй, Кимполунга, присоединили ещё четыре галицийских – Снятин, Косов, Коломыя и Городенка. Новым Черновицким губернатором стал В. В. Лигин, в политике которого практически отсутствовала воинственная риторика, а ограничения носили исключительный характер (например, в хедерах было запрещено преподавать талмуд-тору²). Однако конфликты наблюдались после того, как в начале июля 1916 г. Черновицкий магистрат обязал всех владельцев магазинов торговать в обычном режиме в целях проведения реквизиций для нужд российской армии. Поскольку многие черновицкие магазины были закрыты, так как их собственники (преимущественно евреи) бежали в Австрию, то российское командование разрешило вскрывать их самостоятельно, что иногда приводило к откровенному грабежу местного еврейства³. Несмотря на приказ нового начальника штаба Верховного главнокомандующего генерал-адъютанта М. В. Алексеева от 12-13 июля 1916 г. об ответственности российского командования за попытки мародёрства со стороны российских войск, отдельные вспышки военных погромов всё же наблюдались в местечках Жадова, Сергия, Виженка и Сторожинец⁴.

¹ Д-р Зенон Кузеля. Галицькі «емігранти» в Росії // Вістник Союзу визволення України (видає і редагує О. Бачинський). 1915. – 14 падолиста. С. 11.

² Історія розвитку органів влади на території Чернівецької області: монографія / За заг. ред. Добржанського О. В., Круглашова А. М., Ярмистого М. В. Чернівці, 2014. С. 288.

³ ДАЧО. Канцелярія Черновицького губернатора. О выссылке из района военных действий разных лиц административным порядком. 2 августа 1916 г. – 11 февраля 1917 г. Ф. 283. Оп. 1. Д. 410. Л. 114–296.

⁴ Заполовський В. Проблема дотримування Росією IV Гаазької конвенції 1907 р. «Про закони і звичаї сухопутної війни» на тимчасово зайнятих територіях Буковини і Галичини (1914–1917) // Перша світова війна та пробле-

В целом, наученные горьким опытом осени 1914 г., местные евреи с ещё большим недоверием отнеслись к возвращению русских на Буковину⁵. Стараясь не проявлять своих откровенных патриотических чувств к Австрии, они, тем не менее, попытались наладить отношения с новой российской администрацией, особенно в вопросах хозяйственной и коммерческой жизни края. Многим даже удавалось с помощью взятки в условиях военного времени и голода, который наблюдался во многих районах Буковины в связи с ранними заморозками, поправить своё материальное положение за счёт спекуляции продуктами питания. Так, во время проведения государственных закупок хлеба и мяса для нужд армии в октябре 1916 г., черновицкие чиновники столкнулись с ситуацией, когда еврей-спекулянты в уездах Серета, Радауц, Кимполунга и Гура-Гуморулуй закупали скот у крестьян, что дало основания для задержания спекулянтов, а купленный ими скот передать на нужды армии⁶. Оживление торговли наблюдалось и в Вижницком уезде, куда стали не только возвращаться местные евреи, но и приезжать российские еврейские коммерсанты, которые продавали столь необходимые во время войны мыло, спички и табак⁷.

В конце 1916 г. Черновицкий магистрат, запланировал очередную эмиссию «городских денег» на сумму в 1 млн крон. Однако новый Военный генерал-губернатор «областей Австро-Венгрии, занятых по праву войны в составе Тарнопольской и Черновицкой губерний», Ф. Ф. Трепов запретил печатать новые «деньги», а вместо этого выдал городу 20 тыс. руб., что позволило частично выплатить аванс чиновникам, а также установил новый обменный курс валюты: 1 крона – 5 копеек. Тем не менее, население Буковины упорно не признавало навязанного курса и

ми державотворення у Центральній та Східній Європі (до 90-річчя закінчення Першої світової війни): матеріали міжн. наук. конф. (Чернівці, 29–30 жовтня 2008 р.). Чернівці, 2009. С. 305.

⁵ Вебер Ю. Російська окупація Чернівців / Упорядкування, переклад з німецької С. Осачука; післямова та коментарі В. Заполовського. Чернівці, 2016. С. 118–119.

⁶ Історія розвитку органів влади на території Чернівецької області: монографія / За заг. ред. Добржанського О. В., Круглашова А. М., Ярмистого М. В. Чернівці, 2014. С. 309.

⁷ Бажанський І. Війна. Щоденник-хроніка (1914–1921 рр.) // Добржанський О. В. Бажаємо до України! Одеса, 2008. С. 166.

совершало обмен по своему: 1 руб. – 2 кроны 70 галеров, что, естественно раздражало местные власти. Несмотря на глубокий экономический кризис в крае и сложную военно-политическую ситуацию на фронтах, оккупационные власти всё же не допустили массовых репрессий против еврейского населения Буковины, что, во-первых, свидетельствовало о некоторой либерализации в политике российского самодержавия в еврейском вопросе после упразднения черты оседлости для евреев Российской империи, а, во-вторых, об изменившейся геополитической ситуации в крае, связанной со вступлением Румынии в войну на стороне Антанты.

17 августа 1916 г. в результате длительных переговоров между странами Антанты и Румынией был подписан, довольно выгодный для последней, международный договор, согласно которому устанавливалась новая российско-румынская граница, которая проходила от Новоселицы до границ Галиции «в том месте, где Черемош впадает в Прут и далее до границы Венгрии и Галиции», при этом на российской стороне «оставалось исконно русское население северной части Буковины со всеми окрестностями Черновиц»¹. Однако, с падением российского самодержавия и окончательным развалом российско-австрийского фронта в 1917 г., геополитическая конфигурация Буковины стала совершенно иной, как, впрочем, и остальной Восточной Европы, которая, соответственно, изменила и характер всех этнополитических процессов в этом регионе.

Для еврейского населения Буковины последствия войны оказались трагическими. По данным современных исследователей, точное количество евреев, оказавшихся во время войны за пределами своей малой родины установить сложно. Однако если учесть, что из 120 тысяч депортированных в Россию жителей Галиции и Буковины²,

а также из 60 тыс. буковинцев оказавшихся в Австрии и Чехии³, большая часть, очевидно, были евреями, то даже относительное количество еврейских беженцев и «выселенцев» из Буковины впечатляет. Например, известно, что только в Вену за годы войны направилось около 36 тыс. еврейских беженцев из Галиции и Буковины⁴.

Мальчик еврей из Галиции рассказывал известному русско-еврейскому драматургу С. А. Ан-скому, как выселили всё местечко Подволочиск, где он жил, как их гнали в Киев, потом в Пензу. Как им разрешили вернуться, но когда их ссадили с поезда в Подволочиске, им не позволили оставаться в городе больше часа, как бросившиеся к своим домам и найдя их разоренными, подняли вопль; как потом всех погнали пешком за 80 вёрст в Скалат, как по дороге умерли от голода и усталости старики⁵. Не исключено, что подобные печальные картины можно было наблюдать кое-где и на Буковине.

Тем не менее, ни одной из воюющих сторон на Буковине не удалось разрушить традиционную в этом крае межэтническую толерантность и посеять межнациональную рознь. Например, Дж. Рид, который попал в 1915 г. в российскую Новоселицу, довольно живописно передал тревожное, но всё таки мирное настроение этого местечка на границе трёх государств: «Среди огромного разнообразия жителей Новоселицы, где встречались все от молдавских крестьян, русских попов до донских казаков и рябых татар, везде сновали евреи – согбенные, тощие, в ржавых картузах и замусоленных длинных лапсердаках, с жидкими бородами, с хитрыми и запуганными взглядами – они боязливо отворачивались от полиции, солдат и попов и грызались на крестьян: они стали как затравленные звери, благодаря безжалостной конкуренции в зловонных переполненных городах черты оседлости... Евреями был насыщен весь город, сам воздух пах еврея-

¹ Гакман С. Бессарабія та Буковина на перехресті національних та геополітичних інтерсів Першої світової війни та післявоєнного врегулювання (1916–1920 рр.) // Буркуц І. Гакман С. Культурні маршрути / Відбір статей. Слїд-Нароса, 2009. С. 59.

² Заполовський В. Проблема дотримання Росією IV Гаазької конвенції 1907 р. «Про закони і звичаї сухопутної війни» на тимчасово зайнятих територіях Буковини і Галичини (1914–1917) // Перша світова війна та проблеми державотворення у Центральній та Східній Європі (до 90-річчя закінчення Першої світової війни): матеріали міжн. наук. конф. (Чернівці, 29–30 жовтня 2008 р.). Чернівці, 2009. С. 307.

³ Історія розвитку органів влади на території Чернівецької області: монографія / За заг. ред. Добржанського О. В., Круглашова А. М., Ярмистого М. В. Чернівці, 2014. С. 333.

⁴ Монолатій І. Євреї в імперії Габсбургів. С. 114. URL: <http://www.judaicacenter.kiev.ua/wp-content/uploads/2011/06/Монолатій.pdf>

⁵ Ан-ський С. А. Разрушение Галиции / Публ., вступ. ст. и коммент. И. А. Сергеевой // Архив еврейской истории / Международный исследовательский центр российского и восточноевропейского еврейства. Т. 3. М., 2006. С. 13.

ми...»¹. Вероятно, что потрясающая нищета евреев, вынужденных укрываться на время войны в своих полуразрушенных домах, выделяла их на общем фоне этнического многообразия Буковины. Как писала жена одного из еврейских заложников, даже в Черновцах остались только бедные евреи, а богатые давно уже удрали в Вену².

Трагичной была судьба не только евреев, но, очевидно, и многих других восточноевропейских народов, которые оказались втянутыми в эту кровавую бойню мировой войны. С. А. Ан-ский, удивительно точно, как нам кажется, запечатлел драматургию войны в своём знаменитом очерке, когда в начале 1917 г. оказался в разрушенной войной Садгоре: «Перешли мы в синагогу. Стены голые, с довольно примитивными орнаментами, традиционными львами, орлами и музыкальными инструментами. Но вот взглянул я на восточную стену, где помещается кивот для свитков, – и положительно оторопел. То, что я увидел, было так неожиданно по своей дикости и нелепости, что я, выдавший уже достаточно дикого и нелепого, не мог опомниться. Увидел я следующее: кивот со всей резьбой, со скрижалями наверху совершенно уцелел. Но в середине, в четырехугольном шкафу,

где хранятся свитки Торы, вделана огромная икона божьей матери с младенцем. Сразу не мог отдать себе отчёта даже. Сознательно, нарочитого кощунства тут как-будто и нет. А между тем здесь двойное кощунство, дикое насилие над обеими религиями, чисто военная расправа над Богом. Почти эмблема войны»³.

Таким образом, политика российской оккупационной администрации в отношении евреев Буковины во время Первой мировой войны, в целом, соответствовала известным негативным тенденциям, которые наблюдались и на других участках прифронтовой зоны. Однако такая политика, к счастью, не привела, как нам кажется, к организованному антиеврейскому насилию, которое, к сожалению, происходило в оккупированной Галиции. Вероятно, это можно объяснить сравнительно небольшим количеством оставшихся евреев на Буковине, которые оказались в нищенском положении, кратковременным пребыванием российской администрации на оккупированных территориях, а также определённой либерализацией в политике российских властей в отношении местного населения Буковины, особенно в последний период её оккупации.

¹ Рид Дж. Вдоль фронта / пер. с англ. И. В. Саблина и В. Ф. Корш, с предисловием А. Строганова. М., Л., 1928. С. 128.

² ДАЧО. Канцелярия Черновицкого губернатора. Дело о взятии заложников от еврейского населения города Черновцы в связи с враждебным отношением их к русскому правительству и войскам. 1914–1915 г. Ф. 283. Оп. 1. Д. 9. Л. 8.

³ Ан-ский С. А. Разрушение Галиции / Публ., вступ. ст. и коммент. И. А. Сергеевой // Архив еврейской истории / Международный исследовательский центр российского и восточноевропейского еврейства. Т. 3. М., 2006. С. 28.

БОРЬБА С ЭПИДЕМИЯМИ НА ВОЛЫНИ ВО ВРЕМЯ АВСТРО-ВЕНГЕРСКОЙ ОККУПАЦИИ В РАКУРСЕ «КУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ» ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В культурной памяти Восточной Европы географическое название «Воынь» устойчиво ассоциируется с рядом драматических событий первой половины XX века: успешным наступлением российской армии летом 1916 г. в ходе так называемого «Луцкого (Брусилловского) прорыва»; депортацией воыльских немцев в 1915 г. и последующим возвращением части из них на историческую родину¹; «воыльской резней» – уничтожением польского населения в 1943–1944 гг. украинскими националистами.

Между тем на периферии исторической памяти и историографии продолжает оставаться период пребывания края под оккупацией войск Центральных держав в годы Первой мировой войны. Он интересен в первую очередь с точки зрения трансфера научных знаний в области гигиены и эпидемиологии, вытесненного из социокультурной памяти в советский период истории Украины. Современные зарубежные исследователи склонны подчеркивать модернизационный потенциал военных конфликтов, транслировавшийся через проводившуюся оккупационными режимами политику в области здравоохранения².

Опыт борьбы с эпидемиями холеры и оспы в Австро-Венгрии осенью 1914 г. укрепил убеждение медицинских кругов в их «восточном происхождении». Типичны в этом отношении суждения директора детской клиники при Венском университете, члена Высшего Санитарного Совета, Клеменса фон Пирке (1874–1929), опубликованные в марте 1915 г. на страницах ведущего медицинского периодического издания «Wiener Medizinische Wochenschrift»: «Наше полуазиатское соседнее государство мобилизовало против нас

не только своих солдат, но и микробов... Из грязных углов Востока против нас пущены в ход эпидемии, от которых мы постепенно освободились за долгие годы мирного развития, прогрессирующего гигиенического просвещения. Русские принесли нам помимо легко уничтожаемых насекомых бактерии холеры, сыпного тифа и оспы...»³. Так, оккупации российскими войсками Галиции в 1914–1915 гг. необоснованно приписывалось увеличение эпидемической заболеваемости, констатированное медиками Австро-Венгрии после восстановления юрисдикции Вены над восточной частью провинции⁴. Санация населенных пунктов Восточной Галиции и осуществление мер эпидемиологического контроля над их населением, продиктованные необходимостью защиты военных от возможных эпидемий, изображались в австро-венгерской пропаганде как «мирная, цивилизаторская работа» вооруженных сил, традиции которой были заложены в середине 80-х гг. XIX в. во время «умиротворения» Боснии-Герцеговины⁵.

Западная часть Воыльской губернии с уездными городами Владимир-Воыльск, Ковель, Дубно и Луцк была занята частями австро-венгерской армии летом-осенью 1915 г. в результате так называемого «черно-желтого» наступления⁶. В отличие от соседнего Царства Польского на оккупированной и поделенной между собой союзниками

³ Wesen und Wert der Schutzimpfung gegen Blattern // Wiener Medizinische Wochenschrift. 6.03.1915. S. 1.

⁴ Denkschrift über die von der k.k. Regierung aus Anlass des Krieges getroffenen Massnahmen. Zweiter Teil. Juli bis December 1915. Wien, 1916. S. 225, 228.

⁵ Zach F. Galizien und Bukowina. Wanderungen über Schlachtfelder und Schilderung von Land und Leute. Klagenfurt, 1917. S. 161; Rappoport O. Über die Bekämpfung der Cholera // Der Militärarzt. 01.07.1916. S. 342.

⁶ Rauchensteiner M. The First World War and the End of the Habsburg Monarchy. Wien; Köln: Weimar, 2014. P. 452–460.

¹ Oltmer J. Migration und Politik in der Weimarer Republik. Göttingen, 2005. S. 185.

² Karge H. Sozialfürsorge und Gesundheit in Ost- und Südosteuropa im langen 20. Jahrhundert // Südosteuropäische Hefte. 2012. 1(2). S. 94.

территории Волынской губернии не было создано австро-венгерского генерал-губернаторства, и функции гражданского управления осуществлялись военной администрацией во главе с командующим 4-ой армией генерал-полковника эрцгерцогом Иосифом Фердинандом¹. В находившихся за «чертой оседлости» уездных волыньских городах была значительная доля евреев, составлявшая во Владимир-Волыньске – 60 %; в Луцке – 80 %; в Ковеле – 38 %; Дубно – 50 %².

Расширение влияния гигиены и эпидемиологии на западноевропейское общество в годы Первой мировой войны обусловило феномен этнизации такого опасного эпидемического заболевания, как сыпной тиф. Так, медики Болгарии связывали его распространение исключительно с образом жизни турок, оставшихся в стране после Освобождения³. Медицинские светила Германии и Австро-Венгрии считали «восточное еврейство», упорно сопротивлявшееся стрижке и купанию в силу религиозной традиции, главным переносчиком сыпного тифа на оккупированной территории⁴.

В отзывах оккупантов о местном населении сквозило нескрываемое культурное превосходство, граничившее с расизмом. Так, Миклош Козма (1884–1941)⁵, служивший во время Первой мировой войны офицером 10-го гусарского полка и наблюдавший поздней осенью 1915 г. унылую повседневность затерянных в волыньских степях деревень, отмечал в своих мемуарах, что «здешние люди, за исключением немецких колонистов, живут как звери»⁶. Рассказывая о волыньском периоде своей военной службы в годы Пер-

вой мировой войны, автор не скрывал своего пренебрежения к сельскому населению оккупированной территории: «Подобный народ, как здешний, не пригоден для того, чтобы привести эту дикость в порядок. Это ленивый и инертный народ, ведущий примитивную жизнь как дикарь. Ковельский священник рассказывал, что крестьяне пашут только тогда, когда им велит духовное лицо. В распоряжениях здесь ежегодно определялось, что должно сеяться. Без подобных мер никто ничего бы не делал. В Захаровке страшно удивились, когда по распоряжению коменданта села население должно было его убирать, заготовливать дрова и приводить в порядок дороги. Оно заявило, что не понимает, почему так много должно работать. Оно потому было таким высоким и сильным, что не работало»⁷.

Зимой 1915 – весной 1916 г. в Луцке несмотря на профилактические меры оккупантов вспыхнула эпидемия сыпного тифа, унесшая много жертв⁸. По распоряжению начальника военно-санитарной службы оккупированной территории штаб-врача В. Германна в городе проводилась дезинфекция зараженных жилищ, а их обитатели подвергались процедуре уничтожения вшей. Во время обхода домовладений и квартир он заразился сыпным тифом и вскоре скончался. Пропагандистки заостренным в этой связи было упоминание в газетной статье о многочисленных жителях Луцка, собравшихся вместе с представителями высшего офицерства, чтобы достойно проводить в последний путь человека, пытавшегося остановить распространение эпидемии⁹.

Борьба с эпидемиями на оккупированной территории преподносилась населению Дунайской монархии с помощью печатной и визуальной пропаганды как составная часть «цивилизаторского проекта» Центральных держав на Востоке¹⁰. В этом русле следует рассматривать публицистическое произведение, принадлежавшее А. Гелберу, видному австрийскому литературоведу

¹ Організація зайнятих українських земель // Макар Ю., Горний М., Макар В. Від депортації до депортації. Суспільно-політичне життя холмсько-підляських українців (1915–1947). Дослідження. Спогади. Документи. Т. 2. Чернівці, 2014. С. 681.

² Rudnycky S. Wolhynien // *Streffleur's Militärblatt*. 5.02.1916. S. 5.

³ Promitzer C. Typhus, Turks and Roma: Hygiene and the Ethnic Difference in Bulgaria, 1912–1944 // *Health, Hygiene and Eugenics in Southeastern Europe to 1945* / Ed. by Promitzer C, Trubeta, S. Turda M. Budapest, 2011. P. 101.

⁴ Eckart W.U. *Medizin und Krieg. Deutschland 1914–1924*. Paderborn, 2014. S.178–191; His W. *Front der Ärzte. Bielefeld und Leipzig, 1931*. S. 39; Weindling P. *Epidemics and Genocide in Eastern Europe, 1890–1945*. Oxford, 2000. P. 104.

⁵ Будущий хортистский политик и военный преступник, причастный к холокосту.

⁶ Kozma von M. *Mackensens ungarische Husaren*. Berlin, 1933. S. 251.

⁷ Там же. S. 292.

⁸ Orłowicz M. *Ilustrowany Przewodnik po Wolyniu*. Luck, 1929. P. 105.

⁹ Weiteres zum Tode unseres I.U.H. Schmelz // *Kriegszeitung der A.T.V. Graz*. 21.04.1916. S. 1.

¹⁰ Лейдингер Х. Визуализация Восточного фронта в австро-венгерской пропаганде Первой Мировой войны // *Quaestio Rossica*. 2014. № 1. С.117.

– знатоку У. Шекспира и редактору венской газеты «Neues Wiener Tagblatt». В 1914 г. он добровольно поступил на военную службу и в конце 1914 – начале 1915 г. участвовал в боях с русской армией. Тогда же Гелбер был вынужден оставить армию из-за болезни. Летом 1917 г. он объехал Галицию, Русскую Польшу и Волынь и подготовил к печати книгу с описанием своих путевых впечатлений, опубликованную из-за трудностей военного времени уже после распада монархии. Важное место в указанном произведении занимали зарисовки о проведении санитарно-гигиенических мероприятий в населенных пунктах оккупированной Волыни, сделанные как на основе собственных наблюдений, так и сведений, полученных от представителей австро-венгерской администрации. Красной нитью через серию очерков А. Гелбера проходила идея цивилизаторской миссии Австро-Венгрии, одной из задач которой являлись гигиеническое просвещение населения оккупированных территорий и борьба с эпидемиями. Автор подчеркивал особое значение военного принуждения как средства решения указанной задачи. Характеризуя мероприятия оккупационной администрации, проводившиеся во Владимир-Волынской, А. Гелбер отмечал следующее: «Первое, что он (начальник полиции поручик Мозер – *прим. В. М.*) предпринял, была борьба против нечистоплотности. Жителей города заставляли вставать в шесть утра, приводить в порядок жилища и проветривать их, сообщать об инфекционных заболеваниях, и прежде всего, мыться раз в неделю. Становиться понятным, что означали эти меры, когда слышат о том, что в одном доме тайно был дан приют заболевшей холерой женщине, которая – об исходе можно догадываться – держала своих трех детей в постели с собой. И тогда вспоминают, благодаря чему в свое время сыпной тиф смог стать одной из страшных эпидемий человечества, и благодаря каким средствам удалось его искоренить. Этими средствами были купание, дезинфекция и иные относящиеся к ней меры»¹.

Венскому публицисту вторил профессор и президент врачебной палаты Э. Фингер, утверждавший, что «в борьбе с эпидемиями

на помощь работе врачей пришло обстоятельство, которое не следовало недооценивать – военное принуждение. Все распоряжения которые до того осуществлялись недостаточно и наполовину, были проведены военными надлежащим образом. В качестве лучшего доказательства важности этого обстоятельства можно привести тот факт, что Галиция, являвшаяся до того одним из самых опасных очагов эпидемий, сегодня – самый здоровый край, и во всей Галиции за последние месяцы заболело оспой меньше людей, чем в Вене за одну неделю»².

Опасность распространения эпидемических заболеваний среди гражданского населения оккупированных территорий на Востоке связывалась австро-венгерскими медиками с маргинальным значением личной гигиены в образе жизни крестьян и «восточных евреев». Возникновению очагов эпидемий способствовало помимо невероятной скученности в еврейских кварталах недоверчивое отношение указанных категорий населения к медицинским нововведениям, объяснявшееся как неизжитыми суевериями, так и уходившим своими корнями в историю холерных эпидемий в России страхом перед дезинфекцией принадлежавших им вещей³. Не предвидя активного сопротивления имплементации противозидемических мероприятий на Востоке, военные власти Австро-Венгрии обоснованно опасались разного рода уловок местного населения, имевших целью любыми средствами избежать встречи с медиками: подлежавшие помещению в карантин люди бесследно исчезали и продолжали служить источником заражения, а предназначенные для дезинфекции личные вещи заболевших пересылались родственникам в других населенных пунктах, расширяя тем самым географию эпидемий⁴.

По мере сокращения контролируемой австро-венгерской военной администрацией территории Волыни в результате летних боев 1916 г. и обострением проблемы скученности гражданского населения проис-

² Die Ärzte im Kriege. Äusserungen des Präsidenten der Ärztekammer Hofrat Professor Dr. Finger // Österreichische Land – Zeitung. 13.07.1917. S. 3.

³ Müller-Deham A. Das Fleckfieber als Kriegsseuche. Nach Erfahrungen in der österreichisch-ungarischen Armee // Volksgesundheit im Krieg/ Hsg. von C. Pirquet. Wien, 1926. II Teil. S. 88–89.

⁴ Ibid. S. 90.

¹ Gelber A. Auf der polnischer Erde. Der Sommer 1917 im Osten. Wien, 1919. S. 202–203.

ходило ужесточение подходов оккупантов в профилактике эпидемий. Недостаточный уровень гигиенической культуры населения Волыни преподносился в австрийской печати как чрезвычайно стеснявшее положение чиновников оккупационной администрации обстоятельство¹. Эффективным средством противоэпидемического контроля становилась «борьба за чистоту», предполагавшая регулярное посещение гражданским населением банно-дезинфекционных центров. Наблюдавшийся при этом энтузиазм обывателей имел простое объяснение: без соответствующей отметки в «банной карточке» невозможно было получить талон на хлеб, введенный при оккупационном режиме². С приближением холодного времени года и характерного для него увеличения заболеваемости сыпным тифом на смену медицинско-просветительской стратегии борьбы с эпидемиями пришла репрессивная линия. Так, в распоряжении правительственного комиссариата г. Ковеля от 20 ноября 1916 г. все жители города, достигшие возраста десяти лет, обязывались каждые три недели избавляться от вшей в банно-дезинфекционном центре и постоянно иметь при себе соответствующий документ. Лицам, считавшим свое тело и жилище свободными от паразитов, надлежало подать соответствующее ходатайство оккупационным властям, в ведении которых находилась выдача освобождения от процедуры уничтожения вшей после медицинского осмотра заявителя и его жилья. Нарушителям данного распоряжения грозило наложение денежного штрафа размером до 500 крон или отбывание ареста сроком до двух месяцев. Троекратное нарушение указанного распоряжения влекло за собой принудительную эвакуацию и заключение в концлагерь, которые мотивировались возникновением угрозы общественному благополучию. Усиливался контроль над санитарным состоянием жилищ, регулярный обход которых поручался эпидемическим

комиссиям. Неудовлетворительное гигиеническое состояние жилища, констатированное комиссией, налагало на его обитателей обязательство устранить в двухнедельный срок все выявленные нарушения санитарных норм, до истечения которого на дом наносился особый знак, предупреждавший окружающих об антисанитарии. В противном случае его жителям запрещалось посещение общественных мест, особенно молитвенных домов. Если в течение месяца не устранялись все недостатки, то жителям угрожала эвакуация. В случае неэффективности профилактических мер и возникновения эпидемии сыпного тифа подлежали закрытию все молитвенные дома, трактиры и пивные, а население целых городских кварталов – выселению³.

Таким образом, период пребывания Волынской губернии под австро-венгерским военным управлением и связанная с ним попытка насильственного привития гигиенических навыков населению надолго оказалась в отечественной историографии в числе забытых тем. Объяснение тому следует искать в последовавших за окончанием Первой мировой войны масштабных эпидемиях, охвативших страны Восточной Европы, в том числе Советскую Россию. По экспертной оценке А. Мюллера-Дехама, следствием эвакуации австро-венгерских войск осенью 1918 г. с территории Восточной Галиции и России стала полная дезорганизация эпидемиологического контроля, которая привела к массовой вспышке инфекционных заболеваний среди гражданского населения⁴. Для самих «цивилизаторов» важность опыта насильственного приобщения «аборигенов» к западным достижениям в санитарно-гигиенической области подчеркивалась стремлением укрепить с помощью медицинских знаний давние предрассудки в отношении «восточных евреев» и узаконить тем самым государственное вмешательство в их образ жизни.

¹ Das österreichische Wolhynien // Fremdenblatt. 6.10.1916.

² Gelber A. Op.cit. S. 203.

³ K.u.k. Regierungskommissariat in Kowel, Kundmachung von 20.11.1916 <http://www.bildarchivaustria.at/Preview/14265384.jpg> (дата обращения: 24.04.1917).

⁴ Müller-Deham A. Op. cit. S. 91.

Ф. Саваи, А. Колонтари

ОДНОДНЕВНОЕ ГОСУДАРСТВО В КРУГОВОРОТЕ ПОСЛЕВОЕННОЙ РАЗРУХИ. ИСТОРИЯ ГЕЙНЦЕНЛАНДСКОЙ РЕСПУБЛИКИ (6–7 ДЕКАБРЯ 1918 г.)

В венгерской историографии отдельную главу представляет изучение истории попыток создания новых государственных объединений на территории Австро-Венгрии в самом конце и после Первой мировой войны. Многие из этих попыток оказались неудачными по причине отсутствия международной поддержки, из-за недостаточной подготовленности или по тому, что в сети противоположных интересов стремление к независимости оказалось иллюзорным. Наши знания об этих феноменах даже сегодня часто отрывочные, порой неточные в деталях. Например, в случае изученной нами в настоящей статье Гейнценландской республики историки долгое время полагали, что она была провозглашена 22-24 ноября 1918 г., хотя на самом деле это случилось с 6-го на 7-ое декабря.

На территории Австро-Венгрии в процессе ее распада-расчленения мы встречаем несколько начинаний, направленных на создание самостоятельного государства. Окончательные государственные рамки были установлены только в мирных договорах. Эти договоры урегулировали передачи территорий, государственного имущества, и связанные с этим обязанности, международное признание государственных и территориальных изменений. Несмотря на неудачи большинства локальных попыток, историкам все же не бесполезно изучать, какие мотивы пробудили то или иное местное общество на этнических или территориальных началах к декларации своей самостоятельности, государственной независимости, и почему эти стремления не увенчались успехом. В конце войны поражение на фронтах, социальные, экономические и национальные катаклизмы привели к новому, ранее немыслимому явлению, к фрагментации государственного пространства, к рождению целого ряда так

называемых мини-государств в Карпатском бассейне.

По сей день на территории Венгерского королевства нам известно о семи временных государственных объединениях краткого существования, которые мы можем отнести к категории мини- или карликовых государств: Банатская республика (от 1 по 25 ноября 1918 г.); Гейнценландская республика (6–7 декабря 1918 г.); Республика Прекмурье (или Мурская республика, с 29 мая по 6 июня 1919 г.); Словацкая советская республика (с 16 июня по 7 июля 1919 г.); Свободный город Фиуме (с 12 ноября 1920 г. по 26 марта 1924 г.); Сербско-Венгерская республика Баранья-Байя (с 14 по 21 августа 1921 г.) и Лайтанбаншаг (с 4 октября по 5 ноября 1921 г.). Появление и существование этих государств вписывалось в исторический процесс борьбы за государственное пространство между народами, национальностями Средней Европы. Опыт показывает, что данные попытки происходили по сходному сценарию. Они чаще всего были инсценированы извне, но организаторы старались придать им форму местной инициативы, и, как правило, ссылались на право наций на самоопределение. Провозглашенная независимость обычно рассматривалась, как временная стадия, после чего следовало бы присоединение к тому государству, которое стояло за этой акцией. Поддержка извне, как правило, была негласная, она осуществлялась через частных лиц и «общественные организации». Политическое руководство страны-инициатора, которое должно было считаться с позицией международного сообщества и великих держав-победительниц, проявило больше осторожности, оно официально отмежевалось от подобных предприятий и отрицало свою причастность к «авантюре». После Первой мировой войны каждая нация обладала столько территорией, сколько она

успела завоевать для себя¹. Провозглашение временных мини-государств было одно из средств увеличения территорий.

К осени 1918 г. Австро-Венгрия была истощена войной. В этой зыбкой ситуации, (возвращение солдат с фронтов с оружием в руках, острая нехватка продовольствия и топлива, всеобщее недовольство, крушение местной администрации) территориальный и национальный вопросы приобрели перво-степенное значение. В Западной Венгрии в значительном количестве жили этнические немцы, с которыми новое австрийское государство считалось как с союзниками в борьбе за государственное пространство. Теория права на национальное самоопределение, создание «самостоятельного государства» в этом, в военном отношении ослабленном регионе могли стать важным фактором при определении новых границ. Поэтому провозглашение Гейнценландской республики было связано с вопросом формирования нового австрийского государства. Уже современники задавались вопросом о жизнеспособности страны, территориально урезанной, лишенной экономически важных регионов бывшей империи, выхода к морю и т.д. Последующие события показали, что подобные опасения были преувеличенными, Австрия не только пережила послевоенный кризис и потерю статуса имперского центра, но стала самой развитой страной в этой части Европы. Не исключено, что возникновение самостоятельной Австрии могло служить примером и стимулом для некоторых кругов немецкого населения в западной части Венгрии создать свое государство.

Процесс распада Австро-Венгрии

После переговоров, которые длились больше чем 50 часов 3 ноября 1918 г. Австро-Венгрия в городе Падуя подписала акт о перемирии с державами Антанты. Стороны договорились о немедленном прекращении военных действий, о демобилизации армии Монархии за исключением 20 дивизий с составом мирного времени, об очищении всех оккупированных территорий, об отводе войск до перевала Бреннер. Державы Антанты получили право на свободное передвижение на территории всей страны и на оккупацию

любой части Австро-Венгрии². На данном этапе победители были заинтересованы во временном сохранении территориальной целостности государства во избежание всеобщего хаоса и для успешного выполнения требований акта о перемирии.

В 1914 г. Австро-Венгрия вступила в войну при невыгодных, неблагоприятных условиях. Среди главных проблем можно перечислить национальный вопрос, отсталую политическую структуру и слабый в международном сравнении экономический потенциал. Со временем эти трудности усугублялись. В начале 1917 г. в Имперском совете славянские представители требовали преобразования конституционного строя государства, создания субъектов на национальной основе, но, не оспаривая само существование государства Габсбургов и монархический строй. К этому времени эмигрантские круги национальностей уже ратовали за расчленение Австро-Венгрии, так что на короткое время эти две группы национальных элит занимали разные позиции в вопросе государственного устройства имперского пространства.

В 1917 г. союзники декларировали, что среди их устремлений важное место занимает «освобождение» славян, итальянцев, румын, проживших на территории Австро-Венгрии, но пока без конкретного плана действия. И реализация этого стремления в целом зависела от исхода войны. 6 января 1918 г. чешские представители Имперского совета присоединились к платформе эмиграции и заявили, что «чехословацкая нация отныне свободна от всех обязанностей в отношении двуединой монархии и династии». Представители южнославянских народов, постепенно тоже стали на схожую позицию. Союзники признали чехословацкие вооруженные отряды, перешедшие на их сторону воюющей стороной, а Национальный совет чехословацким правительством в эмиграции. 20 октября 1918 г. в ответ на просьбу о перемирии от 4 октября союзники, изменив свою прежнюю точку зрения, уже требовали расчленения Австро-Венгрии. В результате крушения фронтов это становилось политической реальностью. Параллельно с военным поражением и с процессом внутреннего развала в октябре 1918 г. политические

¹ Nagy M. M. Magyarország hadtörténeti földrajza (A magyar hadtörténelem földrajzi alapjai) PhD disszertáció. Pécs, 2004. S. 221.

² Ormos M. Padovátóltrianoning, 1918–1920. Budapest, 1984. S. 59–60.

элиты народов одна за другим отмежевывались от двуединой монархии. В Праге Чешский национальный совет практически взял на себя функции правительства. 6 октября в Загребе создается Национальный совет словенцев, хорватов и сербов. На следующий день в Варшаве провозглашается независимое Польское государство. В городе Лемберг (Львов) 19 октября создается Украинский национальный совет. 21 октября австрийские немцы учредили свою Временную национальную ассамблею.

17 октября 1918 г. был обнародован императорский манифест Карла I об изменении конституционного строя страны. Согласно манифесту Австрия была бы преобразована в федеративное государство, в котором каждая нация имела бы свое государственно-территориальную единицу. Юридическая сила манифеста не распространилась на земли «Святой венгерской короны», т. е. на восточную половину Монархии. Но этот документ уже не мог спасти империю Габсбургов. На его месте был создан целый ряд государств: Чехословакия (28 октября), немецкая Австрия (30 октября), Польша (11 ноября), Королевство СХС (начало декабря – с 1929 г. Югославия), в Венгрии 16 октября провозгласили народную республику. Но поскольку между новорожденными государствами не были проведены четкие государственные границы, а территориальные требования и претензии часто шли вразрез с теми же стремлениями со стороны других наций, все это не могло не привести к острым вооруженным конфликтам в борьбе за государственное пространство между разными народами и нациями.

В течение ноября имперские органы власти практически прекратили свое существование. Имперское правительство на территории немецкой Австрии передало свои полномочия немецко-австрийскому правительству. 11 ноября Карл издал манифест, в котором заранее признал решение немецкой Австрии о своем будущем государственном строе. Это означало отречение от престола, так как в тот же день Государственный совет немецкой Австрии принял решение о преобразовании страны в демократическую республику¹.

¹ Brauneder W. Österreichische Verfassungsgeschichte. Wien, 1998. S.168–169.

В австрийской юридической мысли немецкая Австрия явилась новой государственной формацией, она не считалась правопреемником Австро-Венгрии, несмотря на частичное совпадение государственного пространства и последовательность во времени².

На территории Австро-Венгрии было сформировано три государства, Австрийская республика, Венгерское королевство и Чехословацкая республика. Бывшие австрийские провинции Далмация, Словения и Босния-Герцеговина попали в состав южнославянского государства. К этой стране присоединились также Хорватия, Воеводство и Черногория. Румынии отдали наибольшие территории в этом регионе, в первую очередь Трансильванию с Парциумом, и часть Буковины из австрийской половины империи. Польское государство получило Галицию и часть Буковины, Италия Южный Тироль, Истрийский полуостров, Горицу и Градишку³.

Гейнценландская республика (Republik Heizenland) 6–7 декабря 1918 г.

Гейнцы представляли собой часть немецкоязычного населения Западной Венгрии в комитетах Ваш, Шопрон и Мошон. По оценочным данным их численность составляла около 300 тысяч, из которых 125 тысяч проживали на территории комитата Ваш, главным образом в районах Кёсег, Фелшээр (ныне Оберварт в Австрии), Кёрменд и Сентготхард⁴.

Идея присоединения Западной Венгрии к Австрии родилась в Вене еще до Первой мировой войны. В 1906 г. Йозеф Патри составил меморандум по этому вопросу и основал Общество для реализации этой цели. Под заглавием «Западную Венгрию к немецкой Австрии!» он опубликовал статью в «Аллдойче Тагблатт». В этой статье он предложил Венгрии обмен территориями. Он просил от Венгрии передачу территории в 11,2 тысяч кв. километров с населением 878 582 человека в обмен на Далмацию и Боснию-Герцеговину. Патри из названия этнической группы «гейнцы» (в местном диалекте встречаются еще варианты «гоанцы» или

² Ibid. S. 189.

³ Berend T., Pánki I. Közép-Kelet-Európa gazdasági fejlődése a 19 20. Század ban 2. kiadás. Budapest, 1976. S. 255–258.

⁴ Brenner V. A hiénc néptörzs egykor és ma. Vasi Szemle, 1998. LII. évfolyam 5. szám. I. rész.

«геанцы») придумал название новой немецко-австрийской провинции: Гейнценланд¹. Кроме так называемого Гейнценланда Патри заявил претензию Австрии на Дьер, Комаром и значительные части Малой венгерской низменности. Так, как эти города и края были заселены в подавляющем большинстве венгерским населением, вместо этнического аргумента он выдвинул целый ряд экономических, аграрных, оборонных и т.п. соображений, почему эти территории должны были перейти к Австрии. И хотя этот конфликт, который задел самую чувствительную точку мышления тогдашней венгерской политической элиты, неприкосновенность структуру дуализма и территориальную целостность государства Иштвана Святого, был улажен королем-императором Францем Иосифом, но с этого момента в австрийской общественности активно дискутировалась возможность присоединения четырех Западно-венгерских комитатов к Австрии. Более того, оно стало составной частью программы наследника престола, эрцгерцога Франца Фердинанда, планировавшего серьезные структурные изменения в империи Габсбургов².

Так, что когда к концу 1918 г. в связи с поражением в войне вопрос о территориальном переустройстве встал на повестку дня, австрийская политическая элита уже обладала четко выработанной программой и аргументацией по этому поводу. Государственный совет Австрии во главе с Карлом Реннером 17 ноября 1918 г., и Временная национальная ассамблея немецкой Австрии 22 ноября официально заявили о претензии Австрии на Западную Венгрию, заселенную немцами. Свои решения они мотивировали тем, что эти земли в течении веков этнически и экономически были тесно связаны с немецкой Австрией, и эти территории необходимы были для снабжения Вены продовольствием.

К этому времени в результате военной конвенции, подписанной 13 ноября в Белграде правительством графа Михая Каройи, Венгрия уже была выделена из состава Австро-Венгрии и считалась самостоятельным

государством, хотя ее статус – в отсутствии международного признания, четко проведенных государственных границ – был весьма неопределенным. Австрийское правительство, ссылаясь на 14 пунктов президента В. Вильсона, хотело провести референдум на упомянутых территориях. Для обработки местного населения оно начало интенсивную пропаганду, а Временная национальная ассамблея подготовила законопроект о присоединении сопредельных западно-венгерских территорий к австрийскому государству³.

Австрийский ирредентизм не ограничивался требованием трех Западно-венгерских комитатов (Мошон, Шопрон, Ваш), он распространил свои претензии на часть комитатов Зала и Пожонь. Еще до публичного заявления о претензиях на венгерские территории, в Вене была создана Западно-венгерская канцелярия (*Westungarische Kanzlei*). В ее задачи входили организация вольных вооруженных отрядов с целью оккупации Западно-венгерских территорий, подготовка к взятию этой территории под австрийский контроль и заложение основ административных органов в этом регионе. Военным руководителем данного проекта был назначен капитан Арнолд Вейгерт, который планировал налет на Неметуйвар (ныне Гюссинг в Австрии), чтобы, овладев им, там провозгласить Гейнценскую республику, которая со временем заявила бы о своем присоединении к Австрии. Но потом было решено сосредоточить вооруженные отряды против Шопрона, так как этот город был предназначен для роли центра будущей австрийской провинции⁴.

В последние дни ноября в казармах на территории Нижней Австрии офицеры, заранее уволенные из рядов армии под командованием лейтенанта Алберта Риттера, начали собирать оружие для ополченцев. Утром 5 декабря стали его переправлять на грузовиках в Венгрию. Австрийцы хотели передать оружие плохо вооруженным местным ополченцам, местной гражданской охране, и на базе этих отрядов создать народную армию в регионе. Они взяли с собой листовки с воззванием к местному населению, в котором говорилось о провозглашении Гейнцен-

¹ Brauneder W. *Österreichische Verfassungsgeschichte*. Wien, 1998. LII. évfolyam 6. szám. II. Rész; Kolnhofer V. *A gradistyei horvátok és a magyar-osztrák határkijelölés*. PhD disszertáció. Pécs, 2008. S. 4.

² Boltik J. *Nyugat-Magyarország sorsa 1918–1921*. Magyar Nyugat Könyvkiadó, Vasszilvagy, 2012. S. 11–12.

³ Boltik J. *Nyugat-Magyarország sorsa 1918–1921*. Magyar Nyugat Könyvkiadó, Vasszilvagy, 2012. S. 11–12, 18–19.

⁴ *Ibid.* S. 22–23.

ланда. Составители документа ссылались на право народов на самоопределение, на пункты программы В. Вильсона, упомянули о 2 млн этнических немцев в Венгрии и о 309 немецких деревнях в Западной Венгрии, которым грозила опасность быть огражденными от других немецких территорий. Во многих населенных пунктах люди были бы готовы сотрудничать с австрийцами, но в тогдашних условиях они были плохо информированы и не получили конкретных указаний. Вооруженные отряды не захватили железнодорожные узлы, телефонные станции, таким образом, венгерские власти смогли прервать связь между разными населенными пунктами и принять необходимые контрмеры против ополченцев¹.

Транспорты с оружием за исключением одного не удалось доставить к месту назначения. У Лайтауфалу (ныне Нойфельд-андер-Лайта в Австрии) и Кирайхида (ныне Бруккнойддорф) они попали в руки венгерских властей, один транспорт был задержан еще австрийскими жандармами вблизи Шварценбаха. Самый крупный эшелон был направлен в направлении Шопрона. На пути в некоторых деревнях с грузовиков раздавали оружие, держались речи перед населением, поэтому эшелон только поздно добрался до Надьмартона (ныне Маттерсбург в Австрии). Оттуда были разосланы агитаторы в соседние деревни, вступление в Шопрон они планировали на 6 декабря. Из-за отсутствия телефонной связи они не знали о том, что в других местах операция уже провалилась².

Первоначально заговорщики планировали провозгласить Гейнценландскую республику в Шопроне, но потом в новых обстоятельствах они передумали и сделали это еще в Надьмартоне вечером 6 декабря. В декларации новое государство предъявило претензию на все 309 населенных пунктов на территории Западной Венгрии, было объявлено учреждение Временного гейнценландского республиканского правительства в городе Шопрон, документ предполагал проведение выборов в Национальную ассамблею Гейнценландской республики, и возможный аншлюс с Австрией, как о перспективе будущего. Но опять-таки из-за того,

что телефонные узлы остались в руках венгерских властей, во многих местах на территории нового государства об этих событиях не узнали³.

Венгерские контрмеры последовали немедленно. В Шопроне из военных, из членов национальной гвардии и охраны железнодорожного вокзала были сформированы отряды быстрого реагирования, которые в ту же ночь, 6 декабря под прикрытием бронепоезда отправились в Надьмартон. К утру населенный пункт был окружен венгерскими войсками. Увидев значительный перевес в силах, национальная охрана города, которая состоялась из местных этнических немцев с венгерским гражданством, сложила оружие без сопротивления. Австрийские офицеры сбежали, местные руководители были арестованы. Против них было выдвинуто обвинение в измене родине, но обвиняемые получили амнистию от правительства М. Каройи. У военной акции была одна жертва, австрийский лейтенант Франц Теммер получил ранение, вследствие чего через несколько недель после событий он скончался в городе Дьер. По нашим сведениям, он является единственной жертвой этой авантюры.

Австрийцы также планировали военное вторжение из Штирии в комитат Ваш, но действия «северного» и «южного» флангов не были согласованы по времени и после провала попытки провозглашения Гейнценландской республики в Надьмартоне, они решили отказаться от этого предприятия. Австрийский государственный совет официально отрицал свою причастность к данным событиям, к военному налету и провозглашению «Гейнценланда», квалифицировал их как непродуманную акцию безответственных частных элементов⁴. Однако венские газеты 7 декабря, по всей вероятности на основе полученных ими в предыдущий день материалов, уже сообщили о провозглашении Гейнценландской республики. Этот факт был использован венгерским правительством для выдвижения обвинений против Австрии. Оно заявило официальный протест Гансу Кноблаху, дипломатическому представителю Австрии в Будапеште. По

¹ Kolnhofer V. A gradistyei horvátokés a magyar-osztrák határkijelölés. PhD disszertáció. Pécs, 2008. S. 38–39.

² Ibid. S. 39.

³ Schlag G. Aus Trümmern geboren.... Burgenland 1918–1921. Eisenstadt, 2001. S. 136–139.

⁴ Botlik J. Nyugat-Magyarország sorsa 1918–1921. Magyar Nyugat Könyvkiadó, Vasszilvagy, 2012. S.11–12, 27–28.

мнению Отто Бауэра, план провалился из-за дилетантизма в его реализации, и скандал мог угрожать доставке продовольствия из Венгрии в Вену¹ (в те времена для бывшей имперской столицы снабжение продовольствием было жизненно важным, и оно могло осуществляться главным образом из Венгрии). Антон Офенбэк, мэр города Винер Нойштадт, от имени местных властей отмежевался от авантюры. Сам Йосиф Зухард, председатель Народного совета и командующий национальной гвардией в Надьмартоне арест участников венгерскими властями объяснил недоразумением.

До сих пор неизвестно от кого конкретно исходила идея провозглашения Гейнценландской республики. По некоторым версиям она родилась в австрийских националистических кругах. Конкретно упоминается имя Раймунда Найнтайфела, известного австрийского политического деятеля, члена христианско-социалистической партии, депутата временной Национальной ассамблеи независимого государства «Немецкая Австрия». Из разных организаций и учреждений в это дело были вовлечены – как об этом уже говорилось – Западно-венгерская канцелярия, члены Союза для поддержки немцев в Венгрии и нескольких социал-демократических организаций из Нижней Австрии². Позже они отрицали свою причастность к событиям и старались уничтожить доказательства. Несомненно, люди, придумавшие этот план, располагали очень мало достоверными сведениями об этом регионе, они скорее опирались на свои собственные желания и представления, без особого политического опыта.

После провала акции стало известно, что в событиях важную роль играли рабочий лидер Виктор Кефтер и братья социал-демократы Йосиф и Ганс Зухарды. Но – по венгерским данным – ключевой фигурой являлся капитан Арнольд Вейгерт, начальник военно-политического отдела Западно-венгер-

ской канцелярии. Со своим вольным отрядом он совершил налет из Фюрштенфельда против Неметуйвар с целью провозглашения там Гейнценландской республики и присоединения ее к Австрии. «Столицей» нового государства он представил себе город Шопрон и рассчитывал на поддержку местного немецкого населения³.

План заговорщиков, несомненно, отличался чрезмерным оптимизмом и бесконечной наивностью. Они считали, что этнические немцы Западной Венгрии только по причине их национальной принадлежности все поголовно будут поддерживать эту акцию, и ссылка на декларированный принцип права на самоопределение является достаточной для обеспечения международной поддержки данного предприятия. На этом, раннем этапе послевоенного кризиса венгерское правительство еще обладало достаточными силами против слабых и плохо вооруженных австрийских вольных отрядов, чтобы предотвратить эту авантюру. События показали, что австрийские aspirations представляют серьезный вызов и что во избежание нежелательных последствий венгерское правительство должно урегулировать юридический статус немецкого населения в стране⁴. 29 января 1919 г. был принят VI-й народный закон о предоставлении широких прав немецкому национальному меньшинству. Согласно закону, они имели право со-

³ Эти ожидания оказались ошибочными. О настроении местного населения мы можем судить на основе результата плебисцита 14–16 декабря 1921 г. Вследствие острого конфликта между Венгрией и Австрией в вопросе передачи Западной Венгрии (Бургенланда) Австрии, с помощью посредничества Италии был найден компромисс. Согласно ему большая часть Бургенланда передавалась Австрии, но в Шопроне и в семи окружающих деревнях был проведен референдум, где 65 % населения – несмотря на то, что среди него преобладали этнические немцы – голосовало за оставление данной территории в рамках венгерского государства. Это было одним из двух плебисцитов в процессе расчленения венгерского государства, где население имело возможность высказывать свое желание, в какой стране оно хочет жить. Второй плебисцит имел место в 1923 г. на новой Австрийско-венгерской границе, он охватил 10 деревень с хорватским этническим большинством, население и в этот раз высказывалось за оставление данной территории в составе Венгрии. За верность населения Шопрона венгерскому государству город получил титул «*civitas fidelissima*» (самый верный город). О подробностях см. Ormos M. *Civitas fidelissima*. Szekszárd, 1999. S. 87–156.

⁴ Kolnhofer V. A gradistyei horvátokés a magyar–osztrák határkijelölés. PhD disszertáció. Pécs, 2008. S. 139–145.

¹ Kolnhofer V. A gradistyei horvátokés a magyar–osztrák határkijelölés. PhD disszertáció. Pécs, 2008. S. 39–40.

² Зухард Ганс (1893–1968 гг.) – австрийский журналист, социал-демократ, политический деятель и профсоюзный лидер, депутат Бургенландского Областного Совета. Со своим братом Йосифом один из главных организаторов провозглашения Гейнценландской республики. После провала он был арестован, но уже 26 декабря 1918 г., до суда распоряжением правительства М. Каройи был амнистирован.

здать свои органы самоуправления, отдельную Национальную ассамблею; там, где они жили компактно, получили территориальную автономию, было решено учредить пост немецкого министра в составе венгерского правительства¹.

Но всеобщий послевоенный политический и социальный кризис, продолжение оккупации территории страны сербскими, румынскими и чешскими войсками с молчаливого согласия держав Антанты, неспособность правительства М. Каройи справиться ни с этими проблемами, ни с происками коммунистов, быстро положили конец венгерскому «демократическому эксперименту». Поэтому, к сожалению, мы не знаем, к какому результату привела бы национальная политика демократического режима. Одновременно с ухудшением положения в Венгрии открывшаяся в начале 1919 г. в Версале мирная конференция постепенно стала на позицию передачи Западной Венгрии Австрии. Западно-венгерский вопрос долго не фигурировал на повестке дня конференции, он был решен в пользу Австрии только к сентябрю месяца в Сен-Жерменском мирном договоре. Окончательно новая граница была установлена – как об этом уже говорилось выше – после двух плебисцитов в 1921 и 1923 гг.

Небезынтересно отметить, что в случае Шопрона венгерская сторона добилась плебисциту, применив почти те же самые методы, которые австрийцы использовали в 1918 г. при попытке «решении Западно-венгерского вопроса». Когда, после подписания и ратификации Трианонского договора, к августу 1921 г. встал вопрос о передаче этой территории Австрии, венгерское правительство официально вывело оттуда свою администрацию, армейские части, жандармерию и т.д. Но уже в середине августа в Будапеште создается Комитет национальной обороны, в составе которого мы находим видных политических, военных, общественных деятелей, бывших и будущих министров. В задачи Комитета входило руководство сопротивлением на территории Западной Венгрии с молчаливого согласия и поддержки правительства. Регулярные части армии и жандармерии были расформированы, во-

енные были заранее уволены из армии, но эти отряды в подавляющем большинстве оставались на месте под видом ополченцев всячески препятствовали передаче данной территории австрийским властям, в небольших столкновениях успели отбить атаки не особенно сильных подразделений противника. Одним из наиболее известных командиров вольных отрядов являлся подполковник кавалерии Пал Пронаи. Для российского читателя может представить интерес тот факт, что Пронаи через своего родственника, барона Григория Розена пытался привлечь на свою сторону солдат армии Врангеля, находившихся в Балканских странах на эмигрантском положении после эвакуации из Крыма. Попытка эта окончилась ничем, командование Русской Армии проявило большую осторожность, отклонило предложение Пронаи и не дало вовлечь русских военных в эту авантюру².

Австрия, конечно, жаловалась на поведение венгров державам-победительницам, но венгерское правительство на австрийские упреки разводило руками, подчеркнув, что оно выполнило свои обязанности, очистило Западную Венгрию от своей армии и администрации, и не его вина, если австрийцы не могут взять эту территорию под свой контроль. Конфликт был разрешен компромиссом с помощью итальянского посредничества на трехсторонней конференции в Венеции, с участием глав двух правительств. Спорная территория была разделена на зоны «А» и «Б». Венгерское правительство обязалось вынудить повстанцев покинуть зону «А» (большая часть территории) взамен за это оно получило обещание, что вопрос о территориальной принадлежности зоны «Б» (город Шопрон и 7 окружающих его деревней) будет решен путем плебисцита. Венгерские повстанцы, которые практически контролировали зону «А», были недовольны этим компромиссом и 4 октября они провозгласили независимое государство «Лайтабаншаг», во главе с упомянутым выше Палом Пронаи. Конечной целью ополченцев было удержание за Венгрией ее западных комитатов, то есть всей спорной территории.

¹ Tóth I. A nyugat-magyarországi kérdés 1922–1939 – Diplomácia és helyi politika a két világháború között. Doktori disszertáció. Sopron, 2006. S. 42–43.

² Об этом сюжете см. Алексей фон Лампе – военный агент барона Врангеля в Венгрии. Сборник документов (вступительная статья, составление, комментарии – Атила Колонтари). М., 2012. С.82–85.

Хотя очередное мини-государство просуществовало чуть больше, чем Гейнценландская республика, однако шанса на успех не имело. Венгерское правительство реально оценило международное положение и осознало, что большего оно добиться не может, и дальнейшая деятельность повстанцев угрожает провалом даже того компромисса, который был достигнут в Венеции. Поэтому оно оказало серьезное давление на Пронаи. На приеме у Миклоша Хорти в присутствии премьер-министра графа Иштвана Бетлена, министра иностранных дел, графа Миклоша Банффи регент Венгрии угрожал своему бывшему соратнику, что если он не покинет со своим отрядом подлежащую передаче Австрии территорию, то он, Хорти направит против них венгерскую армию. Наконец

Пронаи, этот беспокойный «кондотьер» согласился вывести свой отряд из западных комитатов до 5 ноября¹. Таким образом «государство Лайтабаншаг» прекратило свое существование, но деятельность повстанцев играла решающую роль в том, что Венгрия могла удержать город Шопрон.

История этих мини – и карликовых государств в отдельности более и менее обработана, в некоторых случаях она известна нам до самых детальных сюжетов, о других мы знаем меньше, но синтез, сопоставительный анализ, систематическое переосмысление роли этих временных государственных образований в территориальном переустройстве Дунайского бассейна еще ждет своего профессионального исследователя.

¹ О деталях событий см.: Ormos M. Civitas fidelissima. Szekszárd, 1999. S.102–118.

РАЗДЕЛ III

РОССИЯ И АВСТРО-ВЕНГРИЯ: ВЗАИМНЫЕ ОБРАЗЫ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

Н. М. Тихонова

БАЛКАНСКИЙ КРИЗИС 1908 г. НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «РУССКАЯ МЫСЛЬ»

73

В начале 1908 г. российская дипломатия не собиралась предпринимать на Балканском полуострове самостоятельных действий, тем более направленных на разрушение сложившегося статус-кво. МИД рассчитывал законсервировать ситуацию на полуострове до «лучших времен», и сохранить хорошие отношения с Австро-Венгрией, координируя с ней совместные действия на Балканах¹. В тоже время во время встречи А. П. Извольского с А. С. Сувориным в августе 1907 г., министр иностранных дел России обрисовал свои действия в будущем на Балканах. Он заявлял о поддержке Великобританией требований России о пересмотре статуса проливов, о союзе с Болгарией и разделе наследства Австрии в отдаленном будущем. По мнению министра России, нужна была победоносная война для поднятия ее престижа неважно с кем. А. С. Суворин скептически относился к чересчур оптимистичным словам А. П. Извольского². Однако, в 1908 г. события на Балканском полуострове начинают приобретать острый характер, перечеркивая принципы, предыдущей политики сохранения на полуострове статус-кво.

В начале 1908 г. министр иностранных дел Австро-Венгрии А. Эренталь выступая перед делегациями Австрии и Венгрии, заявил о желании Вены получить концессию на строительство железной дороги из Босни-

и-Герцеговины до Митровицы. В МИД России расценили эти действия, как нарушение всех договоренностей между Санкт-Петербургом и Венной³.

Данное событие сразу привлекло внимание европейской, в том числе российской прессы. Либеральный журнал «Русская мысль», тесно сотрудничавший с партией кадетов, и возглавляемый П. Б. Струве, в этих действиях империи Габсбургов видел желание получить доступ к порту Салоники и Эгейскому морю. Учитывая союзнические связи Вены и Берлина автоматически выход к Эгейскому морю получала Германия⁴. «Русская мысль» солидаризировалась с британской «Таймс», что в случае реализации данного проекта, Салоники станут австро-германским портом. Через Салоники Австро-Венгрия и Германия могли влиять на ситуацию в Восточном Средиземноморье, в том числе в Египте. Более того в перспективе среднеевропейские империи получали кратчайший доступ к Индии через Суэцкий канал. Кроме этого на Балканах возрастал политический авторитет Австро-Венгрии, и она получала мощные рычаги воздействия на государства полуострова. По мнению издания, данные события вели к отмене мюргетских соглашений⁵.

³ Письмо Николая II Францу-Иосифу от 18 декабря 1908 г. / Красный архив. 1925. Т.3. С. 48.

⁴ Котляревский С. Иностранная политика // Русская мысль. 1908. Февраль. С. 207.

⁵ Там же.

¹ Бестужев А. В. Борьба в России по вопросам внешней политики в 1906–1910 гг. М., 1961. С. 182.

² Суворин А. С. Дневник. М-Пг., 1923. С. 376.

Следует подчеркнуть, что в ряде газет прозвучало мнение о безобидности действий империи Габсбургов, которая не угрожала славянскому миру, в частности в России. На таких позициях стояла польская газета «Kraj», издававшаяся в Санкт-Петербурге. «Русская мысль» вступила в полемику с такими изданиями. Журнал напоминал, что первоначально и мюнхенское соглашение рассматривалось в качестве альтернативы притязаниям Германии на Балканы и на Ближний Восток¹. Однако после некоторого времени становится очевидным соответствие соглашения 1897 г. основному вектору германской внешней политики. Оно способствовало укреплению позиций Германии на Ближнем Востоке и прежде всего в Малой Азии.

«Русская мысль» не сомневалась в попытках Германии надавить на Османскую империю с целью получения ее согласия на предоставление Австро-Венгрии концессии на строительство железной дороги. Берлин мог для этого задействовать все свои политические механизмы в Стамбуле. О согласованности действий Австро-Венгрии и Германии косвенно свидетельствовали похвальные отзывы германской прессы о политике А. Эренталя².

Действия Австро-Венгрии, по мнению издания, окажут влияние на внутреннюю политику Порты, в том числе в Македонии. Султан, осознавая отсутствие единства среди ведущих государств Европы, вполне мог пойти на игнорирование реализации плана реформ в Македонии³. Это самым негативным образом скажется на положении христиан в провинции. Политика А. Эренталя представляла угрозу интересам Сербии и Болгарии на Балканах, включая Македонию. В России обратили внимание на тот факт, что после выдвижения проекта строительства железной дороги Австро-Венгрия, по сути, свернула проект проведения судебной реформы в Македонии⁴.

В ноябре 1908 г., возвращаясь к теме строительства железной дороги до Митровицы, «Русская мысль» уже видела в данном

проекте начальный этап большой антисербской кампании, организованной А. Эренталем. За, как казалось первоначально, частным заявлением А. Эренталя о строительстве железной дороги, скрывался стратегический разворот внешней политики Австро-Венгрии на Балканах, ознаменовавший отказ от политики сохранения на полуострове статус-кво и переход империи Габсбургов к наступательным действиям на Балканах⁵.

Появление железной дороги помимо того, что она отрезала Сербию от Черногории, ставило эти государства в полную экономическую зависимость от империи Габсбургов, так как в регионе Западных Балкан она являлась единственным железнодорожным путем. К тому же Австро-Венгрия получала возможность быстро и оперативно перебрасывать свои войска к границам Сербии и Черногории⁶.

Агрессивные действия Австро-Венгрии могли сыграть и на руку России. Сербия и Болгария, обеспокоенные политикой Вены и Берлина, могли предпринять усилия по укреплению связей с Санкт-Петербургом и даже по созданию Славянского союза на Балканах под эгидой России. Ни для кого не являлось секретом, нарастание антиавстрийских настроений в славянских государствах Балканского полуострова. Данный факт признавал даже император Франц-Иосиф⁷.

Славянским государствам при поддержке России, на взгляд издания, следовало реализовать собственный железнодорожный проект на Балканах, который на протяжении нескольких лет обсуждался, но из-за политических причин, оставался только на бумаге. Речь шла о строительстве железной дороги от болгарского порта Варна на Черном море до портового города Антивари на берегах Адриатики. Железная дорога Варна-Антивари являлась альтернативой австро-венгерскому железнодорожному проекту. К строительству железной дороги от Варны до Антивари проявляли интерес практически все балканские государства, в том числе Болгария, Сербия, Румыния и Черногория⁸.

¹ Котляревский С. Иностранная политика // Русская мысль. 1908. Февраль. С. 207.

² Там же.

³ Там же. С. 208.

⁴ Письмо Николая II Францу-Иосифу от 18 декабря 1908 г. / Красный архив. 1925. Т. 3. С. 48.

⁵ Гальберштадт Л. Иностранная политика // Русская мысль. 1908. Ноябрь. 174.

⁶ Там же. 173.

⁷ Письмо Франца-Иосифа Николаю II от 15/28 января 1909 г. / Красный архив. 1925. Т. 3. С. 51.

⁸ Котляревский С. Иностранная политика // Русская мысль. 1908. Февраль. С. 208.

В марте 1908 г. «Русская мысль» с удовлетворением отмечала усилия российской дипломатии в Стамбуле в деле продвижения проекта Дунайско-Адриатической железной дороги¹. Строительство данной железной дороги существенно разгружало порты Болгарии и Румынии, переводя часть грузов в Антивари. Сербия в этих условиях могла диверсифицировать свои морские перевозки, получив короткий и дешевый выход к морю. Большие выгоды от реализации проекта получала европейская торговля на Балканах, а больше всех выигрывала Италия. По мнению журнала, Рим мог выступить в качестве основного инвестора при строительстве железной дороги. Италия приобретала с ее помощью доступ не только к Балканам, но и к Малой Азии². В данном факте журнал не видел ничего опасного для России. Вырисовывался союз России-Франции-Великобритании и Италии в противовес гегемонистским устремлениям Австро-Венгрии и Германии на Балканах. Италия, будучи членом Тройственного союза, на Балканах и Ближнем Востоке в большей степени солидаризировалась с оппонентами Вены и Берлина, что расшатывало монолитность союза Германии, Австро-Венгрии и Италии.

Журнал отмечал, что Россия прямо не была заинтересована в строительстве железной дороги от Черного моря до Адриатики. За исключением возможного расширения экономических связей с Румынией, в случае нормализации с ней политических контактов³. Однако, это не совсем соответствовало действительности. Применительно к Румынии и Болгарии, издание признавало большие выгоды для этих стран, поскольку они переставали зависеть от контроля Османской империей черноморских проливов. То же самое можно с полной уверенностью сказать и о России, так как значительная часть ее внешнеэкономического оборота и прежде всего вывоза зерна из южных губерний, шла через Босфор и Дарданеллы⁴. «Русская мысль», вслед за «Таймс» исключала военное значение Дунайско-Адриати-

ческой железной дороги. Правда, Османская империя могла ее использовать для переброски войск в Албанию⁵. Реализация этого проекта, на взгляд издания, имело большое политическое значение. Она наносила удар по позициям Австро-Венгрии на Балканах, и поднимала авторитет России. Кроме этого Дунайско-Адриатическая железная дорога делала более независимой политику балканских государств от Австро-Венгрии, Германии и Османской империи⁶.

В тоже время, среди балканских государств отсутствовало полное единство в вопросе выбора маршрута строительства железной дороги. Румыния настаивала на ее строительстве из одного своих портов, Болгария начальный пункт видела в Варне. «Русская мысль» не сомневалась в предпочтительности болгарского проекта. С одной стороны, это объяснялось неопределенностью отношений России с Румынией, так как Бухарест заключил несколько союзнических соглашений с Австро-Венгрией и Германией⁷. С другой стороны, журнал, не сомневался в возможном возвращении Болгарии в орбиту внешней политики России. В ноябре 1908 г. возвращаясь к теме строительства Дунайско-Адриатической железной дороги, «Русская мысль» отмечала, что выдвижение Россией данного проекта, по сути, означало ее отход от соглашательского курса 1897 г.⁸

Дестабилизация ситуации на Балканах, по мнению «Русской мысли», могла негативно отразиться на положении дел на Кавказе и позициях России в Персии. Османская империя, получив свободу действий и избавившись от опеки Европы, была способна предпринять активные шаги по ослаблению позиций России на Кавказе и в Персии, используя для этого поддержку Германии⁹.

О кардинальных изменениях на Балканах, на взгляд «Русской мысли», свидетельствовала и речь британского премьер-министра Э. Грея по македонскому вопросу в

⁵ Котляревский С. Иностранная политика // Русская мысль. 1908. Март. С. 181.

⁶ Там же.

⁷ Ястребчук В. П. Феномен «Великой Румынии» и румынская дипломатия в годы Первой мировой войны/ Восточная политика Румынии в прошлом и настоящем (конец XIX – начало XX вв.). М., 2011. С. 22–23.

⁸ Гальберштадт Л. Иностранная политика // Русская мысль. 1908. Ноябрь. 174.

⁹ Котляревский С. Иностранная политика // Русская мысль. 1908. Февраль. С. 208.

¹ Котляревский С. Иностранная политика // Русская мысль. 1908. Март. С. 180.

² Там же. С. 181.

³ Там же.

⁴ Статистические сведения о внешней торговли России. СПб.: Типография и Литография Берман и К, 1896. С. 60.

парламенте страны. Журнал отмечал недовольство общественного мнения Великобритании пассивностью Лондона в проведении реформ в Македонии¹. Э. Грей подчеркнул, что попытки реализации железнодорожного проекта Австро-Венгрии сорвут план реформ в Македонии. Он, в очередной раз, заявил о необходимости назначения в провинции губернатора, независимого от Порты и контролируемого Европой, реального проведения судебной реформы и создания нового корпуса жандармов на ранее изложенных Форин-Офисом принципах и Великобритания была готова выступить с этой инициативой.

«Русская мысль» обратила внимание на негативную реакцию германской и австро-венгерской прессы на это заявление британского премьера². В качестве примера приводились высказывания «Neue Freie Presse», полагавшей, что реализация британского проекта в Македонии будет фактически означать ее отделение от Османской империи и на что султан никогда добровольно не пойдет. Кроме этого британский проект расколет единство действий европейских держав в македонском вопросе, так как Германия и Австро-Венгрия не согласятся с такими решительными действиями в Македонии³. «Русская мысль» с горечью констатировала ухудшение положения дел в Македонии на фоне бесконечных дискуссий между европейскими государствами. Хильми-паша, по мнению издания, занимался только борьбой с четниками, не предпринимая ни каких серьезных усилий для проведения реформ в Македонии⁴.

В марте 1908 г. исполнялось 30 лет со дня подписания Сан-Стефанского мирного договора. В России этот юбилей праздновался довольно скромно, так как он больше напоминал не об освобождении славян, а о последовавшем за ним дипломатическом поражении России на Берлинском конгрессе. Журнал обратил внимание на празднование юбилея в Болгарии, где помнили и чтити заслуги России.

В данной связи С. Котляревский обратил к анализу будущего Болгарии в балканских делах. По его мнению, Болгарию ждало славное будущее, страна поэтапно решала

свои национальные задачи, получив Восточную Румелию. На очереди находилась Македония, где как отмечал автор, доминировал болгарский элемент, а сербы и греки значительно уступали по численности и степени влияния на жизнь Македонии. С. Котляревский допускал раздел Македонии между Болгарией, Сербией и Грецией, но София в любом случае получала большую часть провинции. Автору импонировала тактика Болгарии в решении сложных политических проблем. Она занимала выжидательную позицию, воздерживаясь от необдуманных и авантюрных шагов⁵. В развернувшейся «железнодорожной войне» на Балканах Болгария вынашивала собственный проект. Она хотела построить железную дорогу от Кюстендила до Куманово, связывавшую железные дороги Болгарии с железнодорожной системой Македонии. В тоже время, С. Котляревский признавал невозможность реализации в ближайшей перспективе этого проекта. Порта прекрасно отдавала отчет в том, что проведение данной железной дороги еще больше усилит позиции Болгарии в Македонии⁶. Российские дипломаты не были столь радужны в оценке действий болгарского руководства, полагавшие, что князь Фердинанд полностью ориентируется на союз с Германией и Австро-Венгрией⁷.

В апреле 1908 г. «Русская мысль» констатировала дальнейшее ухудшение положения на Балканском полуострове, спровоцированного действиями Австро-Венгрии. На полуострове в конце XIX – начале XX вв. за внешней стабильностью, скопился огромный горючий материал, который мог вспыхнуть в любой момент. Самое ужасное, на взгляд «Русской мысли» заключалось в том, что события на Балканах могли взорвать всю систему стабильности в Европе и втянуть континент в серьезную войну⁸. Следует признать пророческий характер этих строк. Об этой угрозе в конце 1908 г. в своем письме к Францу-Иосифу писал и Николай II, призывая не допустить такого сценария развития событий в 1908–1909 гг. и в последующем⁹.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 184.

⁷ Штрандтман В. Балканские воспоминания. М., 2014. С. 37.

⁸ Котляревский С. Иностранная политика // Русская мысль. 1908. Апрель. С. 195.

⁹ Письмо Николая II Францу-Иосифу от 18 декабря 1908 г. / Красный архив. 1925. Т.3. С. 49.

¹ Котляревский С. Иностранная политика // Русская мысль. 1908. Март. С. 182.

² Там же. Апрель. С. 195.

³ Там же. Март. С. 182.

⁴ Там же. С. 183.

В России и за ее пределами много говорилось о личных качествах А. Эренталя, способствовавших изменению внешней политики Австро-Венгрии в сторону ее агрессивности¹. «Русская мысль» отчасти придерживалась данной точки зрения. В то же время, она отмечала, что изменение внешнеполитического курса в Вене вынашивали давно, призвав для его реализации, именно А. Эренталя². А. Эренталь был молод и энергичен, на протяжении ряда лет, возглавляя дипломатические представительства Австро-Венгрии в Румынии, а затем в России, он хорошо изучил специфику развития России и Балкан³. По мнению издания, А. Эренталь отличался крайней лицемерностью, умело скрывая истинные взгляды за различной политической фразеологией⁴. Данные обстоятельства позволили ему переиграть А. П. Извольского в большой политической игре⁵.

Журнал относил А. Эренталя к сторонникам пангерманизма, но специфического. Поскольку он являлся последовательным сторонником династии Габсбургов, поэтому министр поддерживал австрийский вариант пангерманизма или «австрийский империализм»⁶. Эти взгляды повлияли, по мнению издания, на отношение А. Эренталя к Тройственному союзу. Он, поддерживая союз с Германией, одновременно выступал за проведение Австро-Венгрией активной внешней политики. В агрессивной внешней политике А. Эренталя, «Русская мысль» видела проявление новой концепции развития империи Габсбургов: «Эренталь является, таким образом, представителем той «новой Австро-венгерской империи», которая введением все-

общего избирательного права в Австрии и решительной борьбой с мадьярским сепаратизмом поколебала традиционный тезис о «распадении империи Габсбургов. Переход к активной и даже агрессивной внешней политике на Балканах является с этой точки зрения дальнейшим этапом на пути развития австрийской государственной идеи»⁷.

Не раз, рассуждая по поводу славянизации Австро-Венгрии, «Русская мысль» в ноябре 1908 г. относила эти интеллектуальные конструкты к перспективам отдаленного будущего. В настоящий момент в империи Габсбургов победил пангерманизм с присущей ему антиславянским настроением, отсюда для издания продвижение Австро-Венгрии на Балканах в 1908 г. ознаменовало распространение пангерманизма на Восток, очередной удар пангерманизма по интересам славянства⁸.

Особо «Русская мысль» остановилась на анализе ситуации в Черногории, осложнившей ее отношения с Россией и Сербией. В октябре 1907 г. в стране раскрывается заговор, направленный против короля Николая⁹. В результате арестовываются многие оппозиционные лидеры, представлявшие в основном либеральную партию, являвшуюся последовательным оппонентом правящего консервативного кабинета министров¹⁰. По мнению издания, с самого начала не вызвала сомнения фальсификация фактов и ангажированность судебного процесса. Арестованные не могли рассчитывать на справедливый суд, все они обвинялись в связях с великосербскими политическими кругами, желавшими присоединить Черногорию к Сербии. Однако самое интересное во всем этом политическом спектакле заключалось в том, что его организатором стал австро-венгерский агент и провокатор, серб из Боснии-Герцеговины Г. Настич, который выполнял приказы А. Эренталя, действующим в интересах агрессивного курса Вены на Балканах¹¹.

⁷ Там же. С.175.

⁸ Там же.

⁹ Искандеров П. А. Черногория в 1903–1914 гг. / В «пороховом погребе Европы». 1878–1914 гг. М., 2003. С. 392.

¹⁰ Вишняков Я. В. Боснийский кризис 1908–1909 гг. и славянский вопрос // Вестник Московского государственного института международных отношений-университета. 2011. №1. С. 104–105.

¹¹ Гальберштадт Л. Иностранная политика // Русская мысль. 1908. Ноябрь. С.177.

¹ Письмо Николая II Францу-Иосифу от 18 декабря 1908 г. / Красный архив. 1925. Т. 3. С. 48.

² Гальберштадт Л. Иностранная политика // Русская мысль. 1908. Ноябрь. С. 174.

³ Сиротина Е. В. «Не остается ничего другого как надеется на бога и выполнять свои обязанности»: А. фон Эренталь и развитие австрийско-российских отношений в начале XX в. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. 2013. № 2. Т. 15. С. 84.

⁴ Гальберштадт Л. Иностранная политика // Русская мысль. 1908. Ноябрь. С.174.

⁵ Вишняков Я. В. Боснийский кризис 1908–1909 гг. и славянский вопрос // Вестник Московского государственного института международных отношений-университета. 2011. №1. С. 103.

⁶ Гальберштадт Л. Иностранная политика//Русская мысль. 1908. Ноябрь. С. 174.

Г. Настич стоял и за организованным погромом югославянских организаций в Хорватии, Боснии-Герцеговине. А. Эренталь, по мнению издания, стремился расколоть и поссорить между собой югославянские народы. На внешней арене Сербию, Болгарию и Черногорию, внутри Австро-Венгрии сербов с хорватами и мусульманами-боснийцами¹. Это открывало путь Австро-Венгрии для проведения агрессивной политики на Балканском полуострове.

Затем последовал митровицкий железнодорожный проект, соглашение Болгарии с Австро-Венгрией и как венец всего – аннексия Боснии и Герцеговины. По мнению «Русской мысли», российская дипломатия не смогла во время разгадать план Австро-Венгрии и своевременно принять адекватные превентивные меры. «Но, прежде всего, движение Австро-Венгрии на Балканы, на славян подготовилось нашей политикой, которая не видела того... что на Балканах скапливается гроза...», – заключало по данному поводу издание².

В октябре 1908 г. подводя итоги событий на Балканском полуострове, «Русская мысль» выделяла негативный внешнеполитический аспект данной проблемы. На первый взгляд, казалось, что на Балканах де-факто ничего не изменилось. Османская империя решала собственные внутривнутриполитические задачи. Австро-Венгрия, оккупировав Боснию-Герцеговину, закрепила юридически давно свершившийся факт. Болгария, провозгласив независимость, также ничего нового не привнесла, так как до 1908 г. она, по сути, являлась независимым государством, сохраняя декоративную зависимость от султана. Однако Европа вступала на опасный путь, поскольку «концерт европейских держав», на котором на протяжении более 20 лет, несмотря на все его несовершенство, держалась стабильность на Балканах, рухнул. Каждое государство получало возможность для проведения собственной политики без особой оглядки на мнение конкурентов, а это уже было чревато непредсказуемыми последствиями³. «Худой мир, на котором зиждилось все современное здание европейского политического

благополучия, оказалось фикцией, и здание сотряслось. Европа почувствовало возможность доброй ссоры...», – писал по данному поводу Л. Гальберштадт⁴. Одновременно, публицист отмечал, попытки здравомыслящих европейских политиков, восстановить «концерт», чтобы не ввергнуть Европу в пучину возможной войны. Следовательно, «Русская мысль» больше склонялась к проведению совместной политики европейских государств на Балканах и Ближнем Востоке.

В октябрьском номере «Русская мысль» на центральное место выносит, разгоревшийся конфликт между Болгарией и Османской империей. Сбывались мрачные прогнозы предыдущего номера по данному поводу. Все началось с уже упоминавшегося не приглашение дипломатического представителя Болгарии на званый ужин, устроенный министром иностранных дел Турции. После консультаций с правительством Болгарии болгарский дипломат покинул столицу Османской империи, что в Европе расценили как проявление решимости Болгарии в отстаивании своих прав. Поэтому журнал в качестве виновника разрыва отношений Софии с Стамбулом называло правительство младотурок⁵.

«Русская мысль» полагало, что все попытки младотурок доказать вассальную зависимость Болгарии от Турции были необоснованными и несоответствующими реалиям. В 1882 г. сама Османская империя подписала первые международные договора с Софией, правда не без давления со стороны ряда европейских государств, в том числе России. Болгарию великие державы допустили к участию во Второй гаагской конференции в 1907 г., ее представитель вошел в состав Международного суда, что демонстрировало признание Болгарии в качестве суверенного государства⁶. В Стамбуле это прекрасно осознавали, но младотурки начинают проводить агрессивную политику⁷. Журнал с пониманием отнесся к реакции Софии, расценившей данные действия младотурецкого правительства, как угрозу национальным интересам Болгарии. Особенно болгары опасались за судьбу Восточной Румелии, в 1885 г. вошедшей в состав Болга-

¹ Гальберштадт Л. Иностранная политика // Русская мысль. 1908. Ноябрь. С. 181–182.

² Там же.

³ Там же. Октябрь. С. 206.

⁴ Там же. С. 207.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 208.

⁷ Там же.

рии, в разрез интересов Турции, так как на Берлинском конгрессе Восточная Румелия признавалась частью Османской империи. Присоединение Восточной Румелии к Болгарии не санкционировалось международным правом, признававшим границы Болгарии, установленные на Берлинском конгрессе. Еще одним фактором раздражения оставалась Македония, так как София не оставляла надежд на ее поглощение¹.

В контексте рассуждений о набирающем силу болгаро-турецком конфликте, внимание «Русской мысли» привлекла одна из статей британской «Times». В статье сравнивался военный потенциал турецкой и болгарской армий. Несмотря на численное превосходство турецкой армии, английские журналисты отдавали пальму первенства болгарской армии. Она была хорошо организована, солдаты прошли военную подготовку, армия располагала современным оружием. Укрепления Османской империи в районе Эдирне и Стамбула находились в плачевном состоянии, боеспособность турецкой армии, не выдерживала никакой критики. Правда турецкие генералы заявляли, что им необходимо два года для возрождения армии, но возникал вопрос, готова ли была Болгария дать эти года Турции².

София не собиралась, по мнению издания, ждать момента, когда на нее нападет Османская империя и сама перешла к наступательным действиям, и первым объектом ее внимания становится участок Восточной железной дороги, принадлежавший Османской империи. От Эдирне до станции Белово железная дорога принадлежала Турции, включая участок, проходивший по территории Болгарии. Воспользовавшись забастовкой служащих на железной дороге, болгарские солдаты в начале сентября заняли железную дорогу и отказались ее передавать назад в ведение Общества Восточной железной дороги, которое арендовало дорогу у Турции. Журнал не сомневался в том, что это был открытый вызов, брошенный Болгарией Турции³. В данной связи журнал приводил важный прецедент, когда в 1894 г. Болгария также захватила участок железной дороги, принадлежавший Турции между

Беловой и Вакерелем. Тогда, несмотря на протесты Стамбула, великие державы заставили Османскую империю согласиться с этим захватом с получением финансовой компенсации. Данный факт, на взгляд издания, показывал, что европейские державы не всегда выступали в роли беспристрастного арбитра, не скрывая своих симпатий к Болгарии⁴.

В сентябре правительство младотурок выразило протест по данному поводу, сделав, по мнению «Русской мысли», правильный дипломатический ход, передав спор на рассмотрение великих держав. Европейская общественность в начале, не скрывавшая сочувствия Болгарии резко изменила тональность высказываний, встав на сторону Турции, и осудив агрессивные действия Софии⁵. Наиболее решительно протестовали Франция, Германия и Великобритания. По мнению издания, протесты Германии и Франции отчасти объяснялись экономическими связями данных государств с Обществом Восточных дорог. Неожиданно для журнала, протест не последовал со стороны Австро-Венгрии, ее пресса скупой и размытой писала по поводу очередного конфликта между Болгарией и Османской империей. В тоже время стоит отметить, что захват Болгарией Восточной железной дороги привело к серьезному дипломатическому конфликту Болгарии с Австро-Венгрией и началу сближения Софии с Санкт-Петербургом, что оказалось вне поля зрения журнала⁶.

В этом конфликте «Русская мысль» полностью поддержала позицию МИД России, предложившего рассмотреть железнодорожный спор на конференции держав, заключивших Берлинский трактат⁷. Российское предложение получило принципиальную поддержку со стороны ведущих государств Европы и участников конфликта.

В ноябре 1908 г. «Русская мысль» обратила внимание на проблемы, возникшие в ходе переговоров Софии с Портой. Болгарская оппозиция выступала против выплаты Османской империи любой денежной ком-

⁴ Там же. С. 212.

⁵ Там же.

⁶ Марков Г. Возникновение независимого Царства Болгария в ходе балканского кризиса 1908–1909 гг. // Славяноведение. 2009. № 3. С. 10.

⁷ Гальберштадт Л. Иностранная политика // Русская мысль. 1908. Октябрь. С. 214.

¹ Гальберштадт Л. Иностранная политика // Русская мысль. 1908. Октябрь. С. 210.

² Там же. С. 211.

³ Там же.

пенсации, которая непременно ляжет непосильным бременем на плечи болгарского народа. Царь Фердинанд дал принципиальное согласие на выплату компенсации. Издание не сомневалось в способности монарха продать свое решение, невзирая на мнение оппозиции¹. К тому же выяснилось, что Берлин откровенно подталкивал Османскую империю к боевым действиям против Болгарии. Болгарский царь являлся опытным политиком, и он понимал, что Германия будет всеми силами стремиться локализовать болгаро-турецкий конфликт.

Болгарские националисты также стремились к войне. После младотурецкой революции София провела быструю мобилизацию хорошо обученной и подготовленной армии. Она, по мнению издания, сознательно провоцировала Турцию на конфликт². Болгары рассчитывали внезапно захватить Эдирне и подойти к Стамбулу, а затем продиктовать свои условия мирного договора. Младотурки разгадали этот план, поэтому они согласились на мирные переговоры с Болгарией, используя время для укрепления позиций у Эдирне³.

Издание волновал вопрос, насколько Европе удалось локализовать и нейтрализовать конфликт между Болгарией и Османской империей? На взгляд «Русской мысли», Болгария никогда не откажется от войны с Портой, пока Македония находится в составе Османской империи⁴. Для Софии это была основа ее внешнеполитического курса, и она рано или поздно предпримет решительные шаги по освобождению Македонии. Любые финансовые поборы с Болгарии, предполагавшиеся за получение независимости, тяжелым бременем лягут на широкие слои населения и еще больше подогреют антитурецкие настроения в стране. Поэтому в ближайшей перспективе «Русская мысль» ожидала нового проявления болгаро-турецкого конфликта⁵.

Все споры по поводу железных дорог уходили на второй план на фоне серьезных политических событий, разворачивавшихся на Балканском полуострове. 20 сентября

1908 г. Франц-Иосиф I направил письмо в столицы ведущих государств, где он объявлял о грядущей аннексии Боснии-Герцеговины. 7 октября Австро-Венгрия аннексировала бывшие османские провинции. В качестве реверанса в адрес Османской империи Австро-Венгрия заявляла о выводе войск из Новопазарского санджака и его полном переходе под суверенитет Порты. 18 октября последовало провозглашение независимости Болгарии⁶. Свои действия София согласовала с Австро-Венгрией во время встречи князя Фердинанда с Францем-Иосифом в сентябре 1908 г. в Будапеште⁷.

По мнению «Русской мысли», действия Болгарии померкли на фоне вероломства Австро-Венгрии. Болгария никогда не принадлежала к числу ведущих государств Европы, действуя постоянно с оглядкой на их позицию. Другое дело, империя Габсбургов, гарантировавшая стабильность на Балканах. Журнал не сомневался, что действия Вены окончательно разрушили всю систему международных отношений, сложившуюся на Юго-Востоке Европы после заключения в 1878 г. Берлинского трактата, безрассудные действия империи Габсбургов ставили Европу на грань войны⁸. Австро-Венгрия нарушала все международные соглашения и формальный суверенитет Порты над Боснией и Герцеговиной.

«Русская мысль» обратилась к анализу содержания Венской декларации, где Вена попыталась изложить свою позицию в сложившейся ситуации. По мнению издания, она являлась смесью лжи, политического цинизма и лицемерия⁹. Восхищаясь, разумеется, лицемерно с точки зрения «Русской мысли», младотурецкой революцией и возрождением в Османской империи конституционализма, Вена объявляла о передаче ей Новопазарского санджака. Жертвуя малым, Австро-Венгрия, на взгляд журнала, стремилась получить максимум¹⁰.

Применительно к Боснии-Герцеговине, Вена заявила, что в условиях развития

¹ Гальберштадт Л. Иностранная политика // Русская мысль. 1908. Ноябрь. С. 184.

² Там же. Декабрь. С. 184.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Мартыненко А. К. Провозглашение независимости Болгарии в 1908 г. Киев, 1957. С. 4–5.

⁷ Марков Г. Возникновение независимого Царства Болгария в ходе балканского кризиса 1908–1909 гг. // Славяноведение. 2009. № 3. С. 7.

⁸ Гальберштадт Л. Иностранная политика // Русская мысль. 1908. Октябрь. С. 214–215.

⁹ Там же. С. 216.

¹⁰ Там же.

конституционализма в Османской империи росли надежды народов, проживавших в Боснии-Герцеговине на утверждение в провинции конституционного строя. В создавшейся ситуации Вене следовало, либо передать провинции Порте, где она уже создала собственный конституционный режим, либо ввести конституционализм в Боснии-Герцеговине, но уже под эгидой Австро-Венгрии. Барон А. Эренталь заявлял, что в условиях значительных затрат на модернизацию Боснии-Герцеговины, Австро-Венгрия не могла отказаться от провинций. Поэтому было принято решение об аннексии Боснии и Герцеговины, так как без изменения статуса провинции невозможно было говорить об успешном развитии в ней конституционализма¹.

В данной ситуации журнал ставил ряд вопросов, показывавших лицемерие Вены. Во-первых, почему Австро-Венгрия заранее не предупредила великие державы о грядущем изменении правового статуса провинции, по сути, поставив их перед свершившимся фактом? Во-вторых, почему аннексию выстроили в форме открытого вызова всей Европе²? Все заверения А. Эренталя о том, что он заранее согласовал свои действия с министром иностранных дел России А. П. Извольским во время встречи в Бухлау, не выдерживали, на взгляд издания, никакой критики. «Русская мысль» подчеркивала стремление А. П. Извольского изменить международный порядок на Балканах только во время проведения общеевропейской конференции. Другое дело, что российскому министру следовало, более решительно об этом сказать А. Эренталю. Возможно, по мнению издания, в этом крылась ошибка А. П. Извольского³. Однако в его оправдание Л. Гальберштадт приводил высказывания А. Эренталя, где речь шла всего лишь о намерениях Австро-Венгрии аннексировать Боснию-Герцеговину в будущем⁴. В переписке Франца-Иосифа с Николаем II, также обсуждалась эта тема. Император Австро-Венгрии полагал, что А. П. Извольский неправильно информировал правительство России о своих соглашениях с А. Эренталем⁵. Провал

переговоров с Австро-Венгрией привел к личным переживаниям А. П. Извольского, осознавшего крах своих надежд на «мирное переустройство» Балкан⁶.

Россия при поддержке Франции и Великобритании, заявила о необходимости созыва международной конференции (конгресса) для обсуждения ситуации на Балканском полуострове после аннексии Боснии и Герцеговины и провозглашения независимости Болгарии, являвшимися грубым нарушением Берлинского трактата. «Русская мысль» полностью поддерживала позицию России, основанную на нормах международного права. В данной ситуации издание в качестве оправданности таких действий приводило прецедент 1870 г., когда Россия во время франко-прусской войны заявила об отказе выполнять решения Берлинского конгресса в части, касавшейся нейтрализации Черного моря. Для санкционирования этого решения в 1871 г. буквально на один день созывается в Лондоне международная конференция. «Инициатива нашего министра иностранных дел по созыву конференции является, следовательно, последовательным и логичным применением этого основного принципа», — писала по данному поводу «Русская мысль»⁷.

Вслед за А. П. Извольским журнал подчеркивал, что Берлинский трактат с самого начала был направлен против России, Османской империи и других государств Балканского полуострова, но Россия его выполняла. Поэтому новая конференция должна была его либо отменить, либо существенным образом реформировать, все должно было проходить в правовом поле. В тоже время у журнала возникали сомнения, сможет ли Россия и лично А. П. Извольский, защитить славянские интересы на новой конференции⁸? В качестве идеальной ревизии Берлинского трактата, журнал рассматривал, восстановление основных положений Сан-Стефанского прелиминарного договора, в целом создававшего идеальные условия для развития славянских народов на Балканах⁹. Николай II полностью поддержал идею проведения такой конференции¹⁰.

¹ Гальберштадт Л. Иностранная политика // Русская мысль. 1908. Октябрь. С. 217.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Письмо Франца-Иосифа Николаю II от 15/28 января 1909 г. / Красный архив. 1925. Т. 3. С. 50.

⁶ Сазонов С. Д. Воспоминания. М., 1991. С. 12.

⁷ Гальберштадт Л. Иностранная политика // Русская мысль. 1908. Октябрь. С. 218.

⁸ Там же. С. 219.

⁹ Там же.

¹⁰ Письмо Николая II Францу-Иосифу от 18 декабря 1908 г. / Красный архив. 1925. Т. 3. С. 48.

Для России, на взгляд издания, на новой общеевропейской конференции, центральное место будет занимать вопрос о статусе черноморских проливов. Однако эту проблему невозможно было решить быстро, без политических издержек. При определении нового статуса черноморских проливов для журнала было много неясных обстоятельств. В случае проведения Россией активной наступательной политики в бассейне Черного моря, ей следовало отстаивать принцип свободного прохождения военных судов через проливы. При ориентации на оборонительный действия, России необходимо было поддерживать статус проливов, запрещающий свободный проход военных судов через проливы. Во время войны статус проливов полностью зависел от позиции, занятой Турцией, поэтому России, по мнению издания, важно было с ней договариваться¹. Следовательно, на конференции вопрос о статусе проливов не мог быть окончательно решен, на ней заинтересованные стороны могли только обозначить свои позиции. Журнал не сомневался, что вопрос о проливах мог эффективно решаться только на основе двусторонних переговоров России и Османской империи².

В октябре 1908 г. журналу не была понятна позиция Германии в сложившейся ситуации и насколько Австро-Венгрия координировала свои действия с союзниками по Тройственному договору. По свидетельству большинства европейских газет Берлин поддерживал действия Вены и «Русская мысль» придерживалась этой точки зрения. Следует признать, что действительно, Германия полностью поддержала Австро-Венгрию в Боснийском кризисе, но Берлин предостерегал Вену от начала большой войны на Балканах³. Согласие или несогласие Австро-Венгрии на проведение общеевропейской конференции также, по мнению журнала, зависела от позиции Германии⁴. Если предположения в адрес Германии подтвердились, то, на взгляд «Русской мысли», в Европе вырисовывались два блока Россия, Великобритания и Франция, им проти-

востоял союз Германии и Австро-Венгрии⁵. Италии следовало в ближайшее время окончательно определиться с вектором своей политики на Балканах и в Европе в целом. В случае срыва проведения общеевропейской конференции трудно было спрогнозировать дальнейшее развитие событий на полуострове. Сербия, сдавленная со всех сторон Австро-Венгрией, рвалась в бой, ее поддерживала Черногория. К решительным действиям готовилась Болгария, Крит объявил о полном присоединении к Греции. Журнал не без оснований опасался начала войны: «Огонь приближается всюду. Если Европа промедлит, пожар неизбежен. Такое положение создалось к началу октября»⁶. В российских дипломатических кругах с самого начала конфликта прекрасно понимали, что за действиями Австро-Венгрии стояла Германия, подталкивавшая Вену к решительным шагам на Балканах⁷.

Ноябрьский номер журнал обратил внимание на реакцию сербского и черногорского общества на аннексию Боснии-Герцеговины. По его мнению, в Сербии и Черногории весь народ вне зависимости от социального происхождения и политических взглядов, объединялся вокруг своих монархов, в Черногории из тюрем освобождаются все заключенные, обвиненные в организации велико-сербского заговора. Журнал полагал, что король Николай, наконец, понял, что он ловко попал в ловушку, созданную австро-венгерскими агентами⁸. Взрыв патриотизма привел к массовой записи добровольцев в армии Сербии и Черногории⁹. Сербь осознали возможность крупного поражения в геополитическом противостоянии на Балканах, так как Австро-Венгрии удалось ее отрезать от Адриатического моря¹⁰. Следует отметить, что 10 октября 1908 г. Скупщина Сербии высказалась за возможное начало войны с Австро-Венгрией¹¹.

⁵ Там же. С. 216.

⁶ Там же. С. 220.

⁷ Сазонов С. Д. Воспоминания. М., 1991. С. 12–13.

⁸ Гальберштадт Л. Иностранная политика // Русская мысль. 1908. Ноябрь. С. 182.

⁹ Шемякин А. Л. Николай Пашич: человек, политик, национальный лидер / Листая страницы сербской истории. М., 2014. С. 159.

¹⁰ Югославия в XX век: очерки политической истории / отв. ред. К. В. Никифоров. М., 2011. С. 80.

¹¹ Там же. С. 39.

¹ Гальберштадт Л. Иностранная политика // Русская мысль. 1908. Октябрь. С. 219.

² Там же.

³ Бюлов Б. Воспомятия. М.-Л., 1935. С. 339.

⁴ Гальберштадт Л. Иностранная политика // Русская мысль. 1908. Октябрь. С. 219.

В сложившейся ситуации сербское и черногорское общество ждало реакции от России, занятой организацией общеевропейской конференции. Однако сербы и черногорцы, на взгляд «Русской мысли», от России ждали не умиротворения агрессора и торга вокруг аннексии, а решительных действий, а при необходимости и вступления в боевые действия с Австро-Венгрией¹. Белград и Цетина верили, что Россия не поддержит аннексию. В конце октября 1908 г. сербский королевич Георгий и Н. Пашич посетили Санкт-Петербург, где они застали полный хаос в российской внешней политике, которая, по мнению издания, все больше склонялась к компромиссам с Австро-Венгрией и Германией, в частности согласившись на сепаратные переговоры Болгарии с Османской империей².

Подводя в ноябре первые итоги нового балканского конфликта, «Русская мысль» выражала глубокую озабоченность. К большому счастью война не началась, что вызвало прилив оптимизма в европейских столицах, но Россия не могла расслабляться, она воочию столкнулась с реальной опасностью. Российская общественность, по мнению издания, осознала несколько важных моментов. Во-первых, славянская проблематика не является предметом только интеллектуальных дискуссий, она принадлежит к числу стратегических задач внешней политики России, задевая, напрямую ее национальные интересы. Во-вторых, аннексия Боснии и Герцеговины не является отдельным частным фактом во внешней политике Австро-Венгрии, а есть составная часть широкой и продуманной программы агрессивной политики империи Габсбургов на Балканах, направленной, прежде всего, на экономическое и политическое подчинение Сербии и Черногории, что являлось большой опасностью для интересов России на Балканах³. В России осознали неизбежность борьбы славянства с германизмом, составной частью которого был австрийский империализм. Впервые с 70-х гг. XIX в. в России к глубокому удовлетворению издания осознали братскую близость с западными и южными славянами, пришло понимание того, что угроза германизма для зарубежных славян,

напрямую затрагивает и саму Россию: «Мы не только покровители западных славян, мы их братья и по крови и по историческим задачам»⁴. Поэтому внешняя политика России, на взгляд «Русской мысли», должна быть решительной и ориентированной на защиту зарубежных славян: «Русское общественное мнение высказывается так, как только и может высказываться общественное мнение великой страны, первенствующего славянского народа. Опасность есть – надо идти ей навстречу. Политика «слабости» – в лучшем случае политика страуса, прячущего голову в песок, чтобы не видеть опасности. Такая политика и близорука и недостойна России»⁵.

Несколько позже «Русская мысль» определяла перспективы отношения к южным славянам Австро-Венгрии и Османской империи. По мнению издания, Австро-Венгрия и Порты дополняли друг друга на Балканах. Обе империи боялись полного раскрепощения славянских народов. Для Порты особое звучание приобретало сохранение своих европейских владений и сдерживание Болгарии. Австро-Венгрия стремилась расширить собственную гегемонию на полуострове. Когда ослабевала Османская империя, в балканские дела активно вмешивалась Австро-Венгрия и наоборот. В случае распада Османской империи позиции Австро-Венгрии существенно ослабевали. Одновременно Турция не была заинтересована в распаде империи Габсбургов⁶.

Кроме этого, издание отмечало дальнейшее нарастание агрессивного и наступательного курса Австро-Венгрии. Она отказалась от политики компенсаций и компромиссов с ближайшими соседями за аннексию Боснии-Герцеговины, предприняв очередной виток экспансионистской политики, отказавшись от сотрудничества с Сербией, Черногорией и Османской империей. В чем, на взгляд издания, могли заключаться компромиссы империи Габсбургов с соседними государствами? Сербии и Черногории она могла обещать исправление проекта Дунайско-Адриатической железной дороги и, отмену контроля ею побережья Черногории, предоставление автономии Боснии-Герцеговины, что устроило большую часть сербского и черногорского общества. Османской империи можно было

¹ Гальберштадт Л. Иностранная политика // Русская мысль. 1908. Ноябрь. С. 182.

² Там же. С. 183.

³ Там же. С. 188.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 189.

⁶ Там же. Декабрь. С. 183.

списать часть ее долга и пообещать, что Вена выступит в качестве посредника на переговорах Порты с Болгарией. Конечно, издание понимало, что эти меры не погасят полностью конфликт на Балканах, но они были способны перевести его в русло мирных переговоров на общеевропейской конференции¹.

Агрессивную политику поддерживали правящие круги Австро-Венгрии, понимавшие неготовность Европы выступить единым фронтом против нее. Все разговоры о европейской солидарности оказались не состоятельными в условиях серьезного политического кризиса на Балканах. В Европе ходили слухи о поддержке наследником престола эрцгерцогом Францем-Фердинандом «нового курса» во внешней политике Австро-Венгрии. «Русская мысль» не сомневалась в правдоподобности данной информации².

Осенние события 1908 г., по мнению издания, существенно меняют расстановку политических сил в Европе. Если раньше у Австро-Венгрии не было явных врагов, то теперь Сербия, Черногория, Османская империя, Россия и Великобритания заняли по отношению к империи Габсбургов враждебную позицию. Франция, пытавшаяся заигрывать с Веной, все же координировала свои действия с Лондоном и Санкт-Петербургом. Но самое главное происходило внутри Тройственного союза. Италия, раздраженная односторонними действиями Австро-Венгрии на Балканах в купе с избиением итальянских студентов в Триесте, требовавших создания итальянского университета, готова была поддержать политику сдерживания Австро-Венгрии. Итальянская общественность охладела к союзу с Австро-Венгрией, допуская выход страны из данного военно-политического блока³.

Данное обстоятельство объясняло позицию Германии во время боснийского кризиса. Первоначально, Берлин, по мнению издания, полностью поддерживал агрессивные действия Австро-Венгрии, но с ноября Германия была встревожена политикой Вены. Поэтому она занимает более сдержанную позицию. С одной стороны, это объяснялось угрозой развала Тройственного союза из-за конфликта Австро-Венгрии с Италией. С другой стороны, озабоченно-

стью тем, что Австро-Венгрия своими «балканскими авантюрами» могла втянуть Германию в большую войну. Кроме этого, на взгляд издания, боснийский кризис показал своевременность заключения союза Великобританией с Россией и создавал платформу для расширения военно-политического сотрудничества России, Великобритании и Франции, что не входило в планы Германии⁴. Самое главное, издание допускало возможность начала войны Германии с Великобританией, поэтому они были заинтересованы в поддержке других европейских стран своих действий⁵. Подводя итоги 1908 г. С. Котляревский писал: «На первом плане стоит растущая конкуренция Германии и Англии – тот антагонизм, который не только в значительной степени определяет внешнюю политику современной Европы, но и сказывается во всех уголках мира»⁶.

Таким образом, новый балканский конфликт в 1908 г. стал полной неожиданностью для дипломатов и общественности. В начале 1908 г., несмотря на все предостережения «Русская мысль» также не предполагала, что конфликт вспыхнет с новой силой. Всю вину за дестабилизацию ситуации на Балканском полуострове журнал возлагал на Австро-Венгрию, взявшую курс на проведение на полуострове агрессивной политики. По мнению издания, Вена решилась на такие действия, стремясь стабилизировать внутриполитическую ситуацию и нанести удар по венгерскому сепаратизму. Кроме этого империя Габсбургов хотела укрепить собственные позиции на Балканах, нейтрализовав Россию и изолировав Сербию. При этом издание не сомневалось в поддержке Берлином своей союзницы по Тройственному союзу. «Русская мысль» в очередной раз подчеркнула несостоятельность разговоров о постепенной славянизации Австро-Венгрии, по крайней мере, в ближайшей перспективе, где окончательно победил пангерманизм, но в его австрийском варианте. Издание в целом поддерживало действия А. П. Извольского в сложившейся ситуации, призывая министра к более решительным действиям по защите интересов южных славян.

¹ Гальберштадт Л. Иностранная политика // Русская мысль. 1908. Декабрь. С.185.

² Там же. С. 188.

³ Там же. С. 191.

⁴ Там же. С. 192.

⁵ Там же. С. 193.

⁶ Там же. Январь. С. 219.

Б. С. Котов

«ЛОЖНАЯ ЕВРОПА»: ОБРАЗ АВСТРО-ВЕНГРИИ В РОССИЙСКОЙ ПРЕССЕ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Статья подготовлена при поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 15-18-30087 «Россия–Европа: вехи совместной истории в коллективной памяти. XIX–XX вв.»

В начале XX в. российская пресса особенно много внимания уделяла внешней и внутренней политике Австро-Венгрии – важного игрока на европейской политической сцене и серьезного конкурента России за влияние на Балканах. Посвященные Австро-Венгрии публикации формировали определенный образ этой страны в российском информационном пространстве, влиявший на отношение к ней различных слоев российского общества. Между тем в отечественной и зарубежной историографии практически нет исследований образа австрийского «Другого» в российских дореволюционных периодических изданиях¹. В данной статье на основе изучения наиболее влиятельных либеральных и консервативных газет России кануна Первой мировой войны (сент. 1912 – июль 1914 гг.) предпринята одна из первых попыток проанализировать образ Австро-Венгрии в восприятии российского общества того времени и его роль в российском политическом дискурсе.

Поскольку Австро-Венгрия являлась великой европейской державой, одним из главных соседей России на западе, эту роль невозможно понять без учета отношения российского общества к концептам «Европа» и «Запад». Как верно указывает социолог Л. Д. Гудков, «Европа» на протяжении не одного века являлась важнейшим компонентом национальной идентификации русских. «Европа» представляла собой внутреннюю инстанцию самоотождествления русских,

конфигурацию представлений «о себе» глазами авторитетного и значимого «Другого»².

При этом для российского общественного сознания характерно противоречивое, неоднозначное восприятие Запада. Фактически в России существовали и продолжают существовать множество образов Запада – Запад как партнер и как противник, как носитель определенных ценностей, институтов и культурных норм и как образец привлекательных стандартов жизни. В этой парадигме Запад предстает одновременно и устрашающим, и притягательным. Г. Г. Дилигенский выделяет в российском общественном сознании два основных модуса образа Запада – с одной стороны, Запад воспринимается как модель, пригодная или непригодная для использования в российских условиях, а с другой стороны, как центр силы, геополитическая величина, с которой Россия постоянно сталкивается на международной арене и с которой ей приходится выстраивать те или иные отношения³.

Вся амбивалентность восприятия Запада в России проявляется в концептуальной антитезе «истинной» и «ложной» Европы, которая впервые была описана норвежским специалистом по международным отношениям И. Нойманном в книге «Россия и идея Европы»⁴ и подробно разработана петербургским исследователем В. Е. Морозо-

² Гудков Л. Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 годов. М., 2004. С. 125.

³ Дилигенский Г. Г. «Запад» в российском общественном сознании // Запад и западные ценности в российском общественном сознании (сборник статей) / отв. ред. В. И. Пантин. М., 2002. С. 17.

⁴ Neumann I. B. Russia and the Idea of Europe. A Study in Identity and International Relations. London, New-York, 1996. 253 p.

¹ Исключением является следующая монография: Крючков И. В. Образ Австро-Венгрии на страницах периодической печати Дона и Северного Кавказа в начале XX века (1900–1917 гг.). Пятигорск, 2003. 82 с.

вым в монографии «Россия и Другие»¹. По мнению Нойманна и Морозова, оппозиция «истинной» и «ложной» Европы свойственна российскому политическому дискурсу на протяжении нескольких веков и является базовой при определении роли и места России в мире. В рамках данной конструкции некоторые европейские страны, политические силы и институты, в силу тех или иных обстоятельств враждебные России, трактуются как утратившие истинно европейские ценности, порвавшие с истинно европейскими традициями, одним словом – не вполне европейские. Россия же оказывается в роли защитника подлинно европейских ценностей, которые находятся под угрозой.

Пожалуй, первой политической доктриной, артикулированной в соответствии с этой антитезой, была теория «Москва – Третий Рим», отрицавшая католическое вероучение как ложное и утверждавшая роль Москвы как нового центра мирового христианства. Православный мир во главе с Москвой оказывался тем самым «истинной» Европой, а католический Запад – «ложной». Другим примером усилий российской элиты по конструированию «истинной» Европы вокруг России является создание в 1815 г. по инициативе Александра I Священного союза, имевшего целью защитить европейские монархические принципы от натиска «ложной» революционной Европы. Противопоставление «истинной» и «ложной» Европы не потеряло своей актуальности и в советскую эпоху: только теперь «истинную» Европу воплощала социалистическая Россия, коммунистические партии и все «прогрессивные» силы внутри западноевропейских стран, а также (после Второй мировой войны) страны народной демократии, вошедшие в Организацию Варшавского договора, а Европу «ложную» – капиталистические страны, с 1949 г. объединенные в блок НАТО. В современном российском политическом дискурсе данная оппозиция проявляется в противопоставлении «старой» Европы (Германия, Франция, Италия, Испания и др.), якобы стремящейся к достижению большей независимости от Вашингтона на международной арене и сотрудничеству с Россией, и «новой» Европы (бывшие члены советского блока, прежде всего Польша и Прибалтика),

выступающей в роли троянского коня США и нацеленной на конфронтацию с Россией.

В основе дихотомического противопоставления «истинной» и «ложной» Европы лежит стремление утвердить статус России как настоящей европейской державы. В условиях, когда ее европейская идентичность упорно подвергается сомнению на Западе, данная концепция позволяет установить отношения эквивалентности между Россией и Европой, добиться признания России неотъемлемой частью европейского сообщества наций путем исключения из него всех элементов, враждебных России и отрицающих ее принадлежность к европейской цивилизации. Несмотря на то, что в российском политическом пространстве существуют альтернативные дискурсы, выстраивающие другие отношения между ключевыми означающими «Россия» и «Европа» (напр., евразийство), постулат о принадлежности России к европейской цивилизации доминирует как в российском общественном сознании, так и в риторике российской власти.

На наш взгляд, концепция «истинной» и «ложной» Европы позволяет лучше понять образ Австро-Венгрии, создаваемый российской прессой в преддверии мирового вооруженного конфликта 1914 г. В российском общественном сознании того времени империя Габсбургов явно выступала в роли «ложной» Европы: она воспринималась как политический субъект, который противостоит Европе, попирает основные европейские нормы и ценности и проводит политику, направленную против европейских интересов.

Во время Балканских войн 1912–1913 гг. российская пресса утверждала, что все европейские державы, вне зависимости от блоков, едины в своем стремлении сохранить мир и только Австро-Венгрия готова превратить разгорающийся балканский пожар в общеевропейское побоище. Разочарованные неудачными попытками европейской дипломатии предотвратить военное столкновение между Турцией и ее противниками (Болгарией, Сербией, Грецией и Черногорией), газеты России создавали образ «недалекой», «растерянной» и «беспомощной» Европы, испытывающей страх перед международными осложнениями и потому стремящейся локализовать балканский конфликт. Этой бессильной Европе, преисполненной

¹ Морозов В. Россия и Другие: идентичность и границы политического сообщества. М., 2009. 656 с.

«наивной веры в чудодейственное перерождение Оттоманской империи» после Младотурецкой революции, противопоставлялся образ энергичной, целеустремленной и наглой Австро-Венгрии, готовой поставить европейский мир под угрозу ради достижения сиюминутных выгод.

«Новое время» в самый острый момент австро-сербского противостояния из-за Северной Албании писало, что агрессивное поведение Вены «возбуждает против габсбургской монархии негодование всей Европы»¹. Спустя несколько месяцев, когда Австро-Венгрия предъявила к Черногории ультимативное требование очистить занятый черногорскими войсками город Скутари, «Русское слово» отмечало: «Вызывающий образ действий австрийской дипломатии, не постеснившейся нарушить неоднократно дававшиеся ею обещания, ставит на очередь вопрос уже не об австро-черногорском, а об австро-европейском конфликте... Европа не может жить под постоянной угрозой новых воинственных выступлений австро-венгерских смутьянов»². В феврале 1913 г. «Утро России» следующим образом оценивало международную ситуацию: «Две войны ведутся сейчас в Европе. Союз балканских государств борется с Турцией, соединенная, но не объединенная Европа – с австрийской дипломатией»³. Через полгода та же газета утверждала, что «Австрия с ее упорным стремлением поработить во что бы то ни стало западную, славянскую половину Балканского полуострова – едва ли не единственная сейчас угроза миру всей Европы»⁴. «Московские ведомости» приходили к выводу, что «австрийская политика направлена против интересов Европы»⁵.

Это противопоставление Австро-Венгрии Европе красной нитью проходит сквозь российскую прессу на протяжении всего рассматриваемого периода. При этом Габсбургская монархия неизменно выступает в активной роли, а Европа – в пассивной: первая действует, а вторая лишь реагирует на австрийские действия. Австро-Венгрия своими агрессивными акциями «бросает вызов» Европе,

¹ Двойственность // Новое время. 1912. 28 ноября.

² Австрийский ультиматум // Русское слово. 1913. 13 марта.

³ Две войны // Утро России. 1913. 12 февраля.

⁴ Пиррова победа // Утро России. 1913. 11 октября.

⁵ Державы и Скутари // Московские ведомости. 1913. 19 апреля.

она «пренебрегает Европой как величиной, не имеющей значения», «терроризирует» ее угрозами своего единоличного выступления на Балканах, «гипнотизирует» миром своей политической гегемонии, «водит Европу за нос», «командует всей Европой», «бряцанием оружия не дает покоя Европе», «смеется» над ней, «обманывает», одерживает победы над Европой и т.д.⁶. Европа, со своей стороны, «потворствует наглым притязаниям Австрии», «пляшет под австрийскую дудку», «волнуется изготовляемыми в Вене сенсациями», «является послушным орудием» австрийской дипломатии⁷.

Важным механизмом противопоставления Австро-Венгрии Европе являлась ориентализация образа этой державы через уподобление ее Османской империи или другим восточным странам. В данной связи следует отметить, что Турецкий Восток оставался одним из важнейших «конституирующих иных» для европейской системы государств на протяжении всей ее истории. Противопоставление «варварскому Востоку», отталкивание от него служило главным средством утверждения западной идентичности, формирования представлений о Европе как о едином культурно-цивилизационном пространстве⁸. Ориентализируя образ Австро-Венгрии российская пресса, таким образом, фактически ставила под вопрос ее статус как цивилизованного государства: австрийские и венгерские порядки отождествлялись с азиатскими, что выводило империю Габсбургов за пределы понятия «Европа» и наделяло ее варварскими чертами.

⁶ Балканы и Австрия // Новое время. 1912. 20 сентября; Дела албанские // Новое время. 1913. 20 сентября; Австро-балканская комедия // Новое время. 1913. 11 октября; Беседы В. Н. Коковцова и дипломатия // Новое время. 1913. 7 ноября; Возобновление войны // Утро России. 1913. 23 января; Демонстрация // Утро России. 1913. 22 марта; Проигранная партия // Утро России. 1913. 19 апреля; Тарабош за Скутари // Утро России. 1913. 20 апреля; Австрийский гипноз // Утро России. 1913. 26 апреля; Холодный душ // Утро России. 1913. 9 октября; Россия и Европа в балканском вопросе // Московские ведомости. 1913. 24 апреля.

⁷ Декларация австрийского премьера // Голос Москвы. 1913. 9 мая; Державы и Скутари // Московские ведомости. 1913. 19 апреля.

⁸ См.: Саид Э. В. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб., 2006. 637 с.; Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003. 560 с.; Нойманн И. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М., 2004. 335 с.

На страницах российских газет проводились аналогии между тяжелым положением христианского населения в турецкой Македонии и жизнью православных русин в австрийской Галиции и прикарпатских комитатах Венгрии. Не случайно серия статей о преследованиях православных подданных императора Франца Иосифа в Галиции, опубликованная в «Новом времени» в конце 1912 г., была озаглавлена «В австрийской Македонии». По мнению этой газеты, австрийские и венгерские власти действовали «с чисто азиатским фанатизмом и изуверством», искореняя православие в населенных русинами областях двуединой империи¹. Другая влиятельная газета «Русское слово», возмущенная вынесением обвинительного приговора православным крестьянам в Мармарош-Сигете, называла Венгрию «аванпостом Турции» и обвиняла будапештское правительство, допустившее «баши-бузукное правосудие» над несчастными русинами, в азиатских методах управления². «Московские ведомости», в свою очередь, приходили к выводу, что австрийское государство, «где меньшинство немецкой и мадьярской расы подавляет славянское большинство, должно по логике истории ступить на тот путь, на котором недавно была Турция, и прибегать к таким же средствам поддержания себя»³.

Иногда российские издания шли еще дальше, утверждая, что царящие в Австро-Венгрии нравы и порядки являются более дикими, чем азиатские. «Австрийские преследования хуже турецких. Турки преследовали только материально, австрийцы же стараются вырвать душу у русских»⁴, — писало «Новое время» о притеснениях православных русин в Галиции. С данной газетой были согласны «Московские ведомости», утверждавшие, что австрийское господство является более тяжелым для славян, чем золотоордынское или турецкое иго. «Дикие народы Востока, — писала эта газета в январе 1913 г., — облагали данью покоренные племена, иногда производили грабежи, убийства, резню. Но они не вытравили душу покоренного народа, не посягали на его иде-

алы, не мешали ему жить, мыслить, верить, как он хочет»⁵. «Утро России» в статье, посвященной положению сербского населения в аннексированной австрийцами Боснии, сообщало, что «сербский крестьянин здесь, “под крылом” просвещенной и культурной Австрии живет гораздо хуже и в большем унижении, чем при турках»⁶.

Подобные сентенции должны были убедить читателей в том, что империя Габсбургов дегенерировала до варварского состояния, а потому обращение с ней, как с цивилизованной страной, невозможно. Некоторые издания даже призывали к установлению «международной опеки» над Австро-Венгрией как «бывшей цивилизованной страной», не способной обеспечить элементарных гражданских прав подвластным народам⁷.

Стремление ориентализировать образ Австро-Венгрии заметно не только в статье о преследовании православных славян, но и в публикациях на другие темы. Сообщая о том, что заподозренный в шпионаже русский инженер Алехин скрылся в российском консульстве в Вене, «Новое время» следующим образом прокомментировало это событие: «Выражаясь по-персидски, г. Алехин сел в бест в Императорское российское консульство, — обычай, который до сих пор практиковался только в Персии, Турции и других восточных странах, не причисляемых к разряду цивилизованных»⁸. Таким образом эта газета ставила Австро-Венгрию на один уровень развития с восточными деспотиями. А «Утро России», говоря об активной деятельности в Австро-Венгрии тайной полиции, проводило аналогии между этой страной и Турцией в годы правления султана Абдул-Хамида II: «Словом, в Австрии и особенно в Вене, несмотря на ее вполне современный внешний вид, на ее парламент, электрические трамваи, бесчисленные автомобили и т.п., чувствуется острый запах старого режима, напоминающий Турцию при Абдул-Гамиде»⁹.

Сходство между Австро-Венгрией и Турцией российская пресса усматривала и

⁵ Истребительница русских галичан // Московские ведомости. 1913. 16 января.

⁶ Србы // Утро России. 1913. 26 мая.

⁷ Бедствия подъяремной Руси // Московские ведомости. 1913. 21 декабря

⁸ Арест инженера Н. И. Алехина в Вене // Новое время. 1913. 21 января.

⁹ Тайная полиция и шпионаж в Австрии // Утро России. 1913. 27 апреля.

¹ Мученики за православие // Новое время. 1913. 8 марта.

² Мармарош-Сигет // Русское слово. 1914. 20 февраля.

³ Германский законопроект и “панславизм” // Московские ведомости. 1913. 3 апреля

⁴ Зарубежная Русь (Общее собрание галицко-русско-го общества) // Новое время. 1912. 27 ноября.

в отношении двух этих держав к международному праву, в их готовности отказаться от взятых на себя обязательств и нарушить любые международные соглашения и конвенции, в том случае, если их условия не устраивали венских и стамбульских политиков. По мнению российских наблюдателей, действия Австро-Венгрии, аннексировавшей в 1908 г. Боснию и Герцеговину в нарушение Берлинского трактата, мало чем отличались от поведения Османской империи, которая на протяжении многих лет саботировала реализацию реформ в своих балканских вилайетах, обещанных великим державам и зафиксированных в ряде международных договоров. Тем самым на страницах российских газет австрийцы представляли такими же лживыми и ненадежными партнерами, как турки, а восточное лицемерие оказывалось важной чертой образа Дунайской монархии.

Риторический прием уподобления Австро-Венгрии «варварскому» Востоку широко использовался в российской прессе в период двух Балканских войн 1912–1913 гг., в ходе которых произошел заметный рост антиавстрийских настроений в России. Австрийское давление на Сербию и Черногорию сравнивалось с натиском диких кочевников, угрожавших некогда миру и спокойствию Европы. «Голос Москвы» называл Австро-Венгрию «черной иезуитской ордой», призывая правительство России сделать все, чтобы Константинополь и Святая София не стали ее трофеем¹. «Русское слово» в разгар австро-сербского противостояния из-за Албании отождествляло австрийцев с гуннами: «великие державы, заинтересованные в том, чтобы на Ближнем Востоке водворилось, наконец, спокойствие, не могут допустить бесконтрольного хозяйничанья дунайских гуннов на Балканах»². Иногда для того, чтобы подчеркнуть азиатский характер Австро-Венгрии, в российской прессе обыгрывалось восточное происхождение венгров, перекочевавших в Центральную Европу в IX в. с территории Южного Урала. Так, «Русские ведомости» называли этот народ «родней турок, пришедшей в качестве завоевателей в Европу несколькими веками раньше»³.

Механизм ориентализации образа Австро-Венгрии облегчался тем, что на Балканах австрийцы поддерживали мусульман – турок и албанцев – в их противостоянии с православными государствами Сербией, Болгарией, Грецией и Черногорией. Империя Габсбургов, традиционно позиционировавшая себя в качестве оплота христианства, а на деле покровительствовавшая мусульманам и поддерживавшая старый турецкий порядок на Балканах, который обрекал миллионы христиан на бесправное существование, обвинялась в коварстве и двуличии. Возмущенная вмешательством Вены в процесс перераспределения турецкого наследства на Балканах, газета «Русское слово» в ноябре 1912 г. писала, что «Австро-Венгрия готовится заступить место Турции и стать очагом заговоров и интриг против европейского мира»⁴. Тогда же «Новое время» отмечало, что Турция была дряхлым тюремщиком балканских народов, слабым и больным, но «Австрия готовилась выступить в роли тюремщика молодого, сильного, злого и хорошо вооруженного»⁵.

Очень часто варварские черты в образе Австро-Венгрии подчеркивались во время Июльского кризиса 1914 г. Негодование российской общественности вызвали начавшиеся после убийства Франца Фердинанда сербские погромы в Боснии, Далмации и Хорватии, которые были приравнены к армянским погромам в Турции. «Русское слово» в данной связи писало: «Сербские погромы, инсценированные боснийскими и хорватскими черносотенцами при молчаливом попустительстве властей, показали, что в конституционной Дунайской монархии, кичащейся своей высокой культурой, на деле царствуют порядки, которым могли бы позавидовать разве Турция или Китай»⁶. «Русскому слову» вторил и «Голос Москвы», считавший, что «австрийские администраторы в данном деле несколько не отличались от тех азиатских политиков, которые видят в погромах разнузданной черни хорошее средство разрешения национальных вопросов»⁷. Предъявление Сербии ультиматума с заведомо невыполнимыми требованиями, нарушавшими сербский суверенитет, было

¹ Балканы для балканских народов // Голос Москвы. 1912. 31 октября.

² Дунайские гунны // Русское слово. 1912. 24 ноября.

³ Русские ведомости. 1912. 1 ноября.

⁴ Игра с огнем // Русское слово. 1912. 13 ноября.

⁵ Заметки // Новое время. 1912. 13 ноября.

⁶ Печальные плоды // Русское слово. 1914. 20 июня.

⁷ Австрийский террор // Голос Москвы. 1914. 22 июня.

расценено российской прессой как дикая выходка, не имевшая аналогов в дипломатической истории Европы. Этим актом Австро-Венгрия, по мнению российских изданий, окончательно вычеркнула себя из числа цивилизованных стран. После объявления австрийским правительством войны Сербии подчеркивание «варварства» Австрии стало доминирующим приемом репрезентации образа этой страны в российских СМИ: австрийцы, начавшие карательную экспедицию против своего сербского соседа, отождествлялись то с албанскими «дикарями», для которых кровная месть есть обычный инструмент разрешения конфликтов, то с азиатами-японцами, вероломно нападшими на Россию в 1904 г.¹

Следует отметить, что наряду с прямым сравнением империи Габсбургов с Азией в российской прессе встречаются и имплицитные сравнения, когда различные явления австрийской действительности и отдельные политические субъекты обозначаются «ориентальными» терминами. Так, населенные сербами и хорватами провинции назывались южнославянскими «вилайетами» или «пашалыками» Дунайской монархии, поляки и украинские националисты – «славянскими янычарами Австрии», а притесняемые венгерскими властями словаки – мадьярскими «кули»². Наместник Хорватии С. Цувай, возглавивший эту область после отмены хорватской автономии и введения прямого управления из Будапешта в 1911 г., по мнению российской прессы, исполнял роль венгерского «сатрапа», а наместник Галиции поляк М. Бобржинский, энергично искоренявший русофильское влияние, – роль австрийского «сатрапа»³.

Таким образом, в преддверии мировой войны 1914 г. концепт восточного варвар-

ства стал неотъемлемой частью российского дискурса об Австро-Венгрии и одной из важнейших составляющих российской австрофобии. На наш взгляд, попытки либеральных и консервативных политических сил дореволюционной России релятивизировать европейский статус этой страны были самым тесным образом связаны с желанием интегрировать Россию в европейское сообщество через противопоставление ему ориентального «Другого» (в роли которого и выступала Австро-Венгрия). Не трудно заметить, что создаваемый российской прессой ориентализированный образ Габсбургской империи был зеркальным отражением (полу)азиатского образа России, распространенного на Западе: «дунайские гунны» представляют собой аналогию «русским скифам», «черная иезуитская орда» – татарской Золотой орде и т.д. Со страниц российских газет Австро-Венгрия подвергалась наиболее жесткой критике именно за те нелюбимые явления политической жизни, которые западной общественностью часто ставились в вину самой России: притеснение национальных меньшинств, погромы (еврейские погромы в России – сербские погромы в Австро-Венгрии), скандальные судебные процессы, превращавшиеся в обвинения целых народов (киевский процесс над Менделем Бейлисом – Мармарош-Сигетский процесс над русинскими крестьянами). Эти явления российская пресса проецировала на «Другого» (Австро-Венгрию) и уже в качестве чужого зла подвергала нещадному бичеванию. Третирование Дунайской монархии как «ложной» Европы, игнорирующей выработанные на Западе нормы международного права, готовой свергнуть Европу в разрушительную войну и нарушающей права национальных меньшинств, позволяло утвердить статус России как истинно европейской страны, приверженной международному праву, борющейся за «интересы Европы» (под которыми подразумевалось сохранение мира на континенте) и отстаивающей права угнетаемых национальностей (т.е. православных подданных других стран). Тем самым русские претензии на «европейскость» подкреплялись через контрастное противопоставление Европе «варвара-австрийца».

¹ Австрийские замыслы // Русское слово. 1914. 18 июля; Где же предел? // Голос Москвы. 1914. 17 июля.

² Насыщенная империя // Новое время. 1912. 22 октября; Зарубежная Русь (Общее собрание галицко-русского общества) // Новое время. 1912. 27 ноября; Австрийская дипломатия и мазепинство // Новое время. 1914. 31 марта; Борьба со славянством в Австрии // Новое время. 1914. 16 июня; К приезду венгерской оппозиции // Голос Москвы. 1914. 9 апреля; Австрийские славяне и война // Русское слово. 1912. 24 октября.

³ Австрийские приготовления // Новое время. 1912. 3 декабря; Австро-русское сближение и галичане // Новое время. 1913. 19 октября.

С. А. Романенко

ОБРАЗ РЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ В АВСТРО-ВЕНГЕРСКОЙ ИМПЕРИИ МЕЖДУ ФЕВРАЛЁМ И ОКТЯБРЁМ 1917 г.

Февраль 1917 г. вызвал противоречивые чувства современников не только в самой России, но и по другую сторону линии фронта – в Австро-Венгрии.

По-разному воспринимались события февраля-октября 1917 г. в России в венгерской части Австро-Венгерской монархии – в Австрии и в Венгрии. Автор этих строк обнаружил в центральном печатном органе партии левых эсеров, газете «Знамя труда» публицистические воспоминания левого эсера Ш. И. Ерухимовича, оказавшегося во время Первой мировой войны в плену в Венгрии и в 1918 г. вернувшегося в Россию. Этот материал представляет собой источник двойственного характера. Во-первых, это – политико-аналитический текст, принадлежащий перу члена одной из правящих (на момент начала выхода публикации) революционных партий в России, политически и методологически принадлежащего традициям русской социал-демократической и социалистической мысли. Во-вторых, он дает возможность взглянуть глазами хотя и иностранца, но все же непосредственного и заинтересованного свидетеля событий, на развитие Венгрии в 1917 г., в момент начала перехода национальных движений Австро-Венгрии с позиций сохранения единого многонационального государства на позиции его распада. Публикация Ш. И. Ерухимовича представляла собой ценный материал для руководства Советской России, которое уделало большое внимание Австро-Венгрии и с точки зрения теории, и с точки зрения отношений со своим военным и политическим противником, но в то же время партнером по Брестскому миру. Кроме того, руководство Советской России рассматривало протекавшие в Австро-Венгрии процессы и ее судьбу с точки зрения отношений и контактов с Германией и возможности в ней революции¹.

¹ См.: Фельштинский Ю. С. Крушение мировой революции. Брестский мир. Октябрь 1917 – октябрь 1918. М.: Терра, 1992.

Необходимо отметить, что внешнеполитические концепции Будапешта и общественные настроения в Венгрии зачастую, еще в конце XIX – начале XX вв. существенно отличались от концепций Вены и настроений в австрийской части монархии Габсбургов².

Номер газеты с первой статьей из этой серии – «Русская революция и пролетариат Венгрии» вышел 2 июня (20 мая) 1918 г.³. Автор начал с описания того, как «обстояло дело в Венгрии до революции». «В силу реакционного избирательного закона, за замену которого с.д. партия Венгрии борется с самого начала своего существования, в продолжение с лишком четверть века, венгерский пролетариат и венгерское трудовое крестьянство не имеют своих представителей в парламенте, и вследствие этого перед венгерской рабочей партией и не стоял вопрос, голосовать ли за кредиты или нет». Автор статьи имел в виду ситуацию перед началом Первой мировой войны, когда германская, австро-немецкая СДП (впрочем, и французские социалисты, и британские лейбористы) в парламентах проголосовали за военные кредиты, поддержав тем самым, вопреки антивоенным резолюциям конгрессов Второго Интернационала, развязывание войны. Российские социал-демократы и социалисты не могли этого простить своим единомышленникам. Большевики и меньшевики не участвовали в голосовании в Думе. Исходя из российских политических реалий 1917–1918 гг. Ерухимович продолжал: «Партия (СДПВ – прим. С. Р.) официально не стала оборонческой, но партийные вожди не думали также бороться против войны. Пример старшей сестры, австрийской и германской социал-демократии, влиял самым развращающим об-

² Подробнее об этом см.: Крючков И. В. Венгрия и славянский мир в последней трети XIX – начале XX в. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2001.

³ Русская революция и пролетариат Венгрии // Знамя труда. 1918. 2 июня (20 мая).

разом и на венгерских рабочих. А тут еще русская армия оккупировала Галицию, перешла венгерскую границу, и уже передовые отряды появились под Марамарошем (историческая область. Ныне – в составе Украины и Румынии – прим. С. Р.), грозя прорваться в венгерскую низменность. Буржуазия забила тревогу – отечество в опасности, и рабочий класс Венгрии подпадает под власть шовинистических дельцов. Профессиональные союзы забывают о необходимости борьбы с капиталом. Идет проповедь гражданского мира, общности интересов и общенационального фронта».

Отношение к войне, оценка ее характера и целей было общей проблемой для социал-демократов и социалистов обеих воюющих сторон. Вполне большевистскую оценку получили у левого эсера руководителя СДПВ: «А партийные вожди? Кто ушел мобилизованный на войну, кто залез в свою скорлупу и замолчал, а остальные пристегнулись к колеснице воинствующего национализма и шовинизма. И замерла жизнь в партии». Характерно, что левый эсер описывает не партию мелких сельских хозяев, а социал-демократов. «Но война с ее ужасами и несчастьями, голод, лишения, вязанные с войной, вызывали глухое недовольство в рабочих массах, – продолжал он. – А тут еще доносятся от времени до времени вести из-за границы о Циммервальде, Кинтале (международные конференции левых социалистов 1915 и 1916 гг. – прим. С. Р.). Левые элементы начинают оживать... Но венгерская реакция не дремлет. Не давали разгораться революционному пожару. Министр-президент граф Тиса со своими друзьями земельными магнатами – делает вид, будто бы он занят судьбой рабочего класса... Словом, реакция старалась искоренить революционное движение в Венгрии».

С одной стороны, «гражданский мир оказывается более выгодным для хозяев, чем для рабочих»... С другой, – «оказывается, война продлится совсем не месяцы, как говорили народу, а годы. И уже в половине 1916 года начинается чувствоваться утомление войной».

Дезертирство с фронта приобретает громадные размеры и во все время войны австро-венгерские власти, несмотря на все принимаемые меры, не могут с этим спра-

виться. Дезертиры, привыкшие на фронте к праздной жизни и к крови, совершают массу преступлений, вымогательств и убийств».

В описании Ерухимовича чувствуется влияние на автора и русского опыта, и ситуации в России, а также теоретическая схематичность. Тем не менее, эти заметки были очень ценным источником информации руководства и среднего слоя аппарата обеих советских партий и государства, которые все же не всегда и не полностью отдавали себе отчет в различиях между Россией и Австро-Венгрией, несмотря на имевшееся сходство в развитии и ситуации».

8 июня (26 мая) 1918 г. вышла вторая часть публикации – «Русская революция и движение в Венгрии». Начиная описывать влияние русской революции (речь идет о Феврале), Ерухимович писал, что ее «ожидали и на [ее] помощь которой надеялись военные вожди Германии и Австро-Венгрии в начале войны, явилась для венгерских политических деятелей совершенной неожиданностью. Первое время цензура не мешает писать о России в связи с революцией». Вскоре «сторонники идеи независимости Венгрии, проповедовавшие с начала войны защиту отечества от “казацкой нагайки” (символический образ царской России, распространенный в Германии и Австро-Венгрии. – прим. С. Р.), начинают нерешительную пропаганду разрыва с Австрией. Радикальная буржуазная интеллигенция вдруг увидела, что безрассудное продолжение мировой бойни чревато опасными последствиями и многие стараются умыть руки, отстраниться от активного участия в войне».

Но если революция была для демократической интеллигенции только предостережением, то для рабочего класса Венгрии она была тем набатом, который вывел его из состояния общественного застоя (вспомним слова Ф. Адлера, приведенные г. Зиновьевым! – прим. С. Р.), вызвал недовольство масс, указал настоящий выход из невыносимого положения, созданного войной». Печатный орган СДПВ «Nepszava» выступала за окончание войны и демократизацию. Согласно воспоминаниям современника, наступление российской армии 18 июня (1 июля. – прим. С. Р.), вопреки вышеприведенной цитате из «Известий» от 29 июня (12 июля) 1917 г., «имело огромную отрицатель-

ную роль». Говорили: если революция приказывает наступать, то не зачем устраивать революцию. Россия, писали буржуазные публицисты, потеряла всякое значение как противник»¹.

Продолжение публикации увидело свет 20 (7) июня. Оно называлось «Влияние революции на рабочее движение в Венгрии». «Известия из России..., восстание питерских рабочих в начале июня, корниловщина, все это вызывало путаницу в умах передовых рабочих». Ерухимович объяснял это, во-первых, «тенденциозными сообщениями ПТА и агентств наших союзников» и, во-вторых, «превратным представлениями о положении в России даже в рядах вождей заграничной социал-демократии». В заблуждении оказывались люди, даже «хорошо знакомые с положением в России». «Сведения так рисовали положение, что казалось, что между июльским восстанием и существует какая-то внутренняя органическая связь. За границей знали, что июньское движение направлено главным образом против войны, и корниловщина имела как будто те же лозунги». Кроме того, мешала и быстрота развития событий в России, а также изменения поначалу благожелательного отношения цензуры. «Все обращения, декларации и воззвания ЦИК советов, как к русским рабочим, так и пролетариату мира, или совсем не доходили, или разрешались к печатанию с большими, иногда лишавшими воззвание смысла, сокращениями. Пресса сваливала в одну кучу анархистов, большевиков, максималистов, всех левых под общим и названием «максималисты»... Доходило до таких курьезов, что название большевизма многими органами печати объяснялось от имени вождя этой части революционного социализма г. Большевика. И только появление в свет брошюры Вебера², написанной по-немецки и переведенной отчасти по-венгерски, немного

рассеяла тот мрак, которым были окутаны события в России». При этом Ерухимович обвинял Бауэра в распространении «сказки о реакционности крестьянства». Впоследствии, видимо – в августе – начале октября «интерес к революции в России начал замирать. Революция не принесла страстно желанного мира и вообще не принесла осязательных перемен в жизни венгерских рабочих масс... Кровавые будни войны не давали возможности рабочим массам осознать ее значение, и в это время пришло известие о перевороте, о восстании, о победе петербургского пролетариата над буржуазией и захвате им всей власти». «Картина круто изменилась, – повествовал Ерухимович. – Все оппортунисты получили «пощечину»³. Однако о воздействии Октябрьской революции на Венгрию в описании российского военнопленного-эсера, читатели так никогда и не узнали. После событий 6 июля 1918 г., называемых восстанием левых эсеров в Москве, «Знамя труда», как и все остальные газеты этой партии, было закрыто. Судьба Е. Ш. Ерухимовича сложилась трагически: впоследствии он стал жертвой большевистского политического террора.

По-разному отнеслись к революции в России представители различных течений национальных движений южных славян, как оставшихся на родине, и оказавшихся в политической эмиграции, в том числе в России⁴. И их оценки существенно отличались от оценок будапештской прессы. «Падение царской России было судьбоносным событием, которое должно было иметь для югославян важные последствия. Заклучались они в том, что Сербия и Югославянский комитет должны были отныне сами добиваться своих целей и относительно судьбы Австро-Венгрии, и относительно сопротивления притязаниям Италии», – писал в своих воспоминаниях бывший член Югославянского комитета словенец Богумил Вошняк⁵.

¹ Русская революция и движение в Венгрии // Знамя труда. 1918. 8 июня (26 мая).

² Попавший в начале войны в русский плен О. Бауэр после возвращения на родину в 1917 г. сумел быстро написать и опубликовать под псевдонимом книгу: Weber H. Die russische Revolution und das europäische Proletariat. Wien, 1917. См.: Suppan A. „Eine Revolution für den Freiden“ Kommentare und Berichte zur Russischen Oktober-Revolution in der Wiener „Arbeiter-Zeitung“ // Imperienvergleich Beispiele und Ansätze aus Osteuropascher Perspektive. Festschrift für Andreas Kappeler. Wiesbaden, 2009. S. 406.

³ Влияние русской революции на рабочее движение в Венгрии // Знамя труда. 1918. 20 (7) июня.

⁴ О разных аспектах позиции и деятельности югославян в революционной России и их роли в период между Февралём и Октябрём также см.: Романенко С. А. Южные славяне Австро-Венгрии и две революции 1917 г. в России // Историческое пространство. Проблемы истории стран СНГ. 2014. М., 2014. С.139–155.

⁵ Вошняк Б. Југословенски одбор (1915–1918). Београд, 1940. С. 26.

Вести о Февральской революции в России до Загреба дошли буквально на следующий день (телеграф сыграл свою роль!), 13 марта (28 февраля). Газеты, черпавшие информацию из германских, австрийских, в меньшей степени – венгерских изданий, оценивали события в Петрограде в зависимости от сугубо хорватских политических пристрастий, связанных также с межнациональными отношениями в Австро-Венгрии и с отношением к Германии. Газета «Hrvatska» – печатный орган хорватских националистов прогабсбургского направления «правашей» («франковцев» – по фамилии создателя партии Йосипа Франка) изначально оценила всеобщую забастовку в Петрограде, переросшую в вооруженное восстание, «революцией» и от этого термина более не отказывалась¹. Через несколько дней после информационных сообщений на первых полосах пришло время осмысления и первых прогнозов применительно к ситуации в Австро-Венгрии. 16 марта в статье «Пламя революции в России и национальности» «Hrvatska», исходя из своей промонархической и прогерманской позиции, писала: «Цели России – защита малых наций, завоевание Константинополя, спасение цивилизации превратились в лозунги политических классов, но предпосылок для такой победы не было. Печать нейтральных государств сообщает о роли [сыгранной] английскими деньгами. Англия заваривает омерзительную кашу. Немцы требовали порядка, а теперь они виноваты во всем. Нет царя. Нет авторитета, нет единой армии»².

В этом же номере под заголовком «Английская революция в России», исходя из традиционного для хорватского политического сознания отрицательного отношения к революции, неизвестный автор отмечал, что Австро-Венгрия должна «удовлетворить требования народов и тем самым предотвратить то, что произошло в России»³.

Рассуждая о будущем Монархии Габсбургов, на которых традиционно, в пику Венгрии и мадьярам, ориентировались «правашей», в контексте ее военных целей, они в июне 1917 г. видели «обновленную счастливую

Монархию», «существование государств со смешанным национальным составом, решение хорватского и югославянского вопросов»⁴. В то же время публицисты и политические аналитики этого направления отмечали, что «революция, о которой с таким энтузиазмом говорит [П. Н.] Милюков, еще не получила полного развития»⁵. Сто лет спустя, уже давно зная исторический результат, мы можем сказать, что эта оценка оказалась более глубокой, чем простая журналистская констатация. «Ныне в России власть отсутствует», – кручинилась газета 19 марта⁶.

Респектабельно-оппозиционный по отношению к центральному для Хорватии властям в Будапеште и автономным в Загребе, внепартийный загребский «Obzor» посчитал события в Петрограде «государственным переворотом»⁷. Газета продемонстрировала иной подход и иную систему координат, нежели хорватские радикальные националисты. Авторы не отказывались от термина «переворот», тесно увязывая Февраль с российскими либералами. «Переворот русских либералов», «Либеральный переворот в России» – таковы были заголовки первых дней⁸. Лишь 3 апреля газета напечатала слово «революция», имея в виду воздействие событий в России на Германию и Австро-Венгрию⁹. «Obzor» стремился подчеркнуть в рамках цензуры позитивное значение революции. Газета писала о «выборах нового русского царя», о «первых зачатках государственного демократизма», об утверждении «демократического режима»¹⁰.

Югославистская эмигрантская среда в странах Западной Европы настороженно восприняла Февраль. Югославянский комитет приветствовал позицию первого министра иностранных дел Временного правительства кадета (либерала) П. Н. Милюкова, который «ясно потребовал освобождения

⁴ Ratni ciljevi monarhije // Hrvatska. 1917. 21. lipnja; 22. lipnja; 23. lipnja; 24. lipnja.

⁵ Engleska revolucija u Rusiji // Hrvatska. 1917. 16. ožujka.

⁶ Mali narodi // Hrvatska. 1917. 19. ožujka.

⁷ Državni udar u Rusiji // Obzor 1917. 16. ožujka.

⁸ Prevrat ruskih liberala // Obzor. 1917. 17. ožujka; Liberalni prevrat u Rusiji // Obzor 1917. 18. ožujka.

⁹ Odjek ruske revolucije kod centralnih vlasti // Obzor. 1917. 3. travnja.

¹⁰ Pred izbor novog ruskog cara // Obzor. 1917. 20. ožujka; Poslije ruskog prevrata. Prvi počeci državnog demokratizma // Obzor 1917. 27. ožujka; Demokratski režim u Rusiji // Obzor 1917. 4. travnja; 13. travnja.

¹ Revolucija u Rusiji // Hrvatska. 1917. 13. ožujka.

² Plamen revolucije u Rusiji i narodnosti // Hrvatska. 1917. 16. ožujka.

³ Engleska revolucija u Rusiji // Hrvatska. 1917. 16. ožujka.

угнетенных народов Австро-Венгрии, признал право югославян на объединение и в отличие от Сазонова, занял определенную позицию в отношении существования Австро-Венгрии. «Россия не была национальным государством. Воодушевление, с которым мы приветствовали падение царизма, не было искренним. Мы задавались вопросом: в состоянии ли новое государство оборонять восточный фронт? Но все же я считал, что новая ситуация лучше старой и сто новая власть будет более интеллигентна с точки зрения югославянского вопроса. В этом смысле мы не ошиблись и новая Россия, от имени которой говорил Милюков, имела смелость первой из великих держав признать наше право на объединение и быстро и четко заняла определенную позицию в вопросе о разделе Австро-Венгрии. Русская революция должна была бы восстановить конституционное положение после падения династии, что сделала Сербия в 1903 году»¹. (Имеется в виду убийство офицерами-заговорщиками короля Александра Обреновича и его супруги, восстановление на престоле династии Карагеоргиевичей – прим. С. Р.).

«Однако радость по поводу русской революции была недолгой», – писал Вошняк, ошибочно связывая образование Советов исключительно с деятельностью Ленина. В то же время он отмечал, что после падения Романовых и немцы, и мадьяры стали по-иному смотреть на свою «Богом поставленную династию»².

Первый послеимперский министр иностранных дел России П. Н. Милюков писал главе Чехословацкого национального совета Т. Г. Масарику, что «Россия открывает перед цивилизованными нациями новые перспективы в окончательной трансформации средней и юго-восточной Европы. Естественное решение, созданное историей, требует объединения всех югославянских стран». Югославянский комитет 30 марта 1917 г. поблагодарил Милюкова за его мужественные слова. В другом заявлении Милюков потребовал освобождения угнетенных народов Австро-Венгрии. «Мы предлагаем создать прочно организованную Югославию. Вокруг славной Сербии мы создадим барьер, который не смогут преодолеть германские амби-

ции на Балканах, – отметил Комитет вполне в духе многочисленных обращений и аналитических записок югославянских деятелей в российский МИД, поступивших в 1915–1917 годах»³. – Терещенко от имени России приветствовал нашу конференцию на Корфу»⁴. 20 июля 1917 г. на о. Корфу представители правительства Сербии и Югославянского комитета опубликовали декларацию о намерении создать общее государство южных славян.

Словенец Б. Вошняк с позиций югослависта отметил большую разницу между П. Н. Милюковым и многолетним царским министром иностранных дел С. Д. Сазоновым. Сазонов «в начале мировой войны рассчитывал на существование Австро-Венгрии, и самой сильной концепцией которого была триединая Монархия, состоящая из австрийской империи, чешского королевства и венгерского королевства события в России сильно повлияли на народы Австро-Венгрии и готовили революцию в Австро-Венгрии. Только тогда стало ясно, сколь тесно связано существование русского династического режима с династическим режимом Габсбургов»⁵.

В тот исторический момент югославизм как идея национального освобождения совпадал по тенденции с демократическими процессами в России, но был отвергнут теми, кто видел в преобразовании России на принципах федерализма «развал» российского государства, и теми, кто находился в плену просербских иллюзий.

Причина если не отрицательного, то сдержанного отношения властей России

³ См.: АВПРИ. Ф. 135. Особый политический отдел. Оп.474. Д. 282. Записка Тумы о словенцах. 11/24 августа–15 июня 1916; Д. 284 Докладная записка Ф. Поточняка «Югославянский комитет в Лондоне и значение югославянства для держав согласия». 3 июня 1916; Дело 285. Записка члена югославянского комитета в Лондоне Мандича «Развитие партийной жизни в югославянских землях Австро-Венгерской монархии. 20 июня 1916 Д. 286 Записка члена югославянского комитета [Н. Мандича] в Лондоне о словенцах. 2 октября 1916; Д. 337. Записка депутат сараевского сейма Николы Стояновича «Босния и Герцеговина». 29 июля 1917.

⁴ Напр. см.: Югославяне // «Русское слово» 1 (14) июля; Югославянское государство // День. 1917. 23 июля (4 августа).

⁵ Vošnjak B. Op.cit. 173–175. Варианты российских планов послевоенного переустройства Средней Европы и судьбы Австро-Венгрии напр. см.: АВПРИ. Ф. 135. Особый политический отдел. Оп. 474. Д. 293 Записка статского советника А. М. Петряева 1914-1915.

¹ Vošnjak B. Op.cit. 171–174.

² Ibid. S. 175.

к югославизму и Югославянскому комитету. Идеи федерализма не были популярны в России даже среди социал-демократов. Эти опасения и имперские комплексы проявились и во внешней, в том числе и балканской и славянской, политике, как Временного правительства, так и Советов. Выступая за войну до победного конца, за распад Австро-Венгрии и самоопределение славянских народов, они, сравнивая опыт австро-венгерского многонационального государства с российским, опасались того, что эта модель будет перенесена и на Россию.

Заметим, что в марте 1917 г. видный представитель либерально-демократического крыла хорватского национального движения, 5 июня 1916 г. покинувший Югославянский комитет Ф. Супило писал о принадлежности 45 миллионов славян к «западной цивилизации», о том, что они превращены в «культурных рабов», о губительности для этих миллионов «духа немецкой культуры» (выделено мной – прим. С. Р.)¹.

Сторонник создания хорватской крестьянской республики Степан Радич 3 августа 1917 г. заявил в хорватском автономном представительном учреждении – Саборе: «Русская революция представляет собой абсолютный и несократимый плюс для всего человечества, в особенности – для нашей монархии и, соответственно, плюс и для нас. Мы это видим на каждом шагу. На всех заявлениях нашего молодого умного правителя и министра иностранных дел Чернина лежит ее печать. Они были добрыми соседями царской России, но они будут, и наша монархия должна быть чем-то гораздо большим, чем мы были для царской России, поскольку Россия разрешила славянскую проблему во внутренней политике»².

В осенние дни 1917 г. журналисты хорватских легальных изданий, деятели национальных движений южных славян Австро-Венгрии и сербские дипломаты также внимательно следили за тем, что происходит

в России. В номере от 10 ноября загребской югославистски ориентированной газеты «Hrvatska država» еще не было никаких сообщений из Петрограда. Однако 12 ноября в большой передовой статье под знаменательным названием «Россия!» газета писала: «Власть захватили максималисты, большевики». По-видимому, основываясь на сообщениях печати нейтральных стран и германской прессы, газета сообщала, что во главе России отныне находятся 14 большевиков и 7 социалистов-революционеров во главе с Лениным и Троцким. Последний, по мнению неназванного источника информации газеты, имел наибольшие шансы возглавить новое правительство. Далее следовало изложение программы новой власти: мир без аннексий и контрибуций, национальное самоопределение»³. На следующий день её передовая «Война и мир» была посвящена реакции Вены и Берлина⁴.

Использование термина «максималисты» в качестве синонима названия партии большевиков требует небольшого комментария. Действительно, именно под этим названием большевики вошли не только на страницы центрально-, западноевропейских и американских газет. Журналисты, аналитики и дипломаты того времени исходили из того, что эта партия преследует максимальные цели – захват власти и осуществление социальной революции. Однако еще американский журналист и политик Джон Рид в своих знаменитых «Десяти днях, которые потрясли мир», подчеркнул: «Слово “большевик” нельзя переводить как “максималист”. Максималисты – это особая группа»⁵. Однако эта ошибочная трактовка прочно укоренилась в сознании людей, связанных с Россией и внешней политикой. Даже в текстах Версальского, а также Сен-Жерменского и Трианонского мирных договоров в однотипных разделах «Россия и русские государства» содержится выражение «Максималистское Правительство в России»⁶.

¹ См.: Mandić A. Fragmenti za historiju ujedinjenja. Zagreb, 1956. S. 237.

² Цит. по: Krizman B. Hrvatska u prvom svjetskom ratu. Zagreb, 1989. S. 128.

³ Rusija! // Hrvatska država. 1917. 12. studenog.

⁴ Rat i mir // Hrvatska država. 1917. 13. Studenog.

⁵ Рид Дж. 10 дней, которые потрясли мир / пер. с англ. М., 1957. С. 16.

⁶ Текст договоров, напр., см.: Мировые войны XX века. Книга 2. Первая мировая война. Документы и материалы. М.: Наука, 2002. С. 484, 489, 491, 497.

О. В. Павленко

СОВЕТСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МОНАРХИИ ГАБСБУРГОВ И СЛАВЯНСКОГО ВОПРОСА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.

Статья подготовлена в рамках гранта Российского научного фонда № 15-18-30087 «Россия-Европа: веки совместной истории в коллективной памяти. XIX–XX вв.».

После революции и краха империи Романовых новая историография создавалась на основе синтеза трудов Маркса, Энгельса и Ленина – «учения марксизма-ленинизма». Социально-экономическая теория Маркса и теория революции, разработанная Лениным, были в упрощенной форме сведены в общую методологию классовой борьбы и формационного подхода. Плюрализм мнений исключался. Советские историки должны были в качестве главных аргументов использовать цитаты «классиков марксизма-ленинизма», которые применялись к различным историческим темам.

Советская историография монархии Габсбургов также не избежала общей участи. С самого начала она развивалась на основе высказываний Маркса и Энгельса, опубликованных в газете «*Neue Rheinische Zeitung*» в период революций 1848–1849 гг. Тогда воспланенные поражением «весны народов», Маркс и Энгельс призывали к пангерманскому маршу против «реакционных славян» и царской России, а также резко критиковали политику Габсбургов¹. Негативные суждения

Маркса и Энгельса о «реакционной сущности» славянских народов стали постулатом для ранней советской исторической школы. Один из ее основоположников – М. Н. Покровский утверждал, что панславизм и поддержка славянских движений служили «реакционным целям царского правительства»².

Особое значение имели также негативные оценки Австро-Венгрии как «тюрьмы народов» в трудах В. И. Ленина, где он анализировал пути решения национального вопроса³. Подобный политический скептицизм надолго определил подходы советской историографии. Критика, построенная по эталонному для марксизма-ленинизма классовому принципу, распространялась на все империю, но ее острие было направлено против Российской империи. Как отмечает историк Б. Н. Миронов, до середины 1930-х гг. в советских исследованиях по имперской проблематике была доминирующая установка – «Российская империя – тюрьма народов и абсолютное зло», сформулированная школой Б. Н. Покровского. «Ее сменила предложенная И. В. Сталиным парадигма «Россий-

97

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Статья из «*Neue Rheinische Zeitung*» 1 июня – 7 ноября 1848 // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 5. С. 83–85; 160–162; 212–215; 391–393; 401–402; 488–489; 490–491; 492–494; 9 ноября 1848 – 19 мая 1849 // Сочинения. Т. 6. С. 175–180; 208–209; 289–306; 357–359; 409–412; 550–560; Энгельс Ф. Начало конца Австрии // Карл Маркс и Фридрих Энгельс. Сочинения. Т. 4. С. 471–478; Энгельс Ф. Революция и контрреволюция в Германии. Гл. VIII (Поляки, чехи и немцы); Гл. IX (Панславизм. Шлезвиг-Гольштейнская война) // Избранные произведения К. Маркса и Ф. Энгельса в 3-х тт. М., 1983. Т. 1. С. 355–362; Энгельс Ф. Большой человек Австрии // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 15. С. 132–135; Маркс К. Россия использует Австрию. Варшавский конгресс // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 15.

С. 183–186; Энгельс Ф. Австрия. Развитие революции // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 15. С. 242–245.

² Покровский М. П. М. П. Погодин // Историческая наука и борьба классов. М., 1933. Вып. 2. С. 266; Он же. Панславизм на службе империализма // Правда. 1927. 26 июня.

³ Ленин В. И. Критические заметки по национальному вопросу // Полное собрание сочинений (ПСС). Т. 24. С. 113–150; Он же. Либералы и демократы в вопросе о языках // ПСС. Т.23. С.423-426; Он же. Национал-либерализм и право наций на самоопределение // ПСС. Т. 24. С. 247–249; Он же. О разращении рабочих утонченным национализмом // ПСС. Т.25. С. 144–147; Он же. Тезисы по национальному вопросу. Т. 23. С. 314–322.

ская империя – наименьшее зло», согласно которой вхождение народов в Российскую империю представляло собой добровольный по преимуществу выбор ими России как «наименьшего зла». Большевики отвергали исторический опыт царской России, обвиняя династию Романовых и правительство в «империалистических устремлениях» и развязывании Первой мировой войны.

Смена парадигмы в исторической науке не обошла и славяноведение. Идеологи марксизма-ленинизма видели в нем продукт «реакционного панславизма». Многие видные ученые (А. Л. Погодин, В. А. Францев, И. В. Ястребов и др.) вынуждены были эмигрировать. Российские университеты накрывали одна за другой волны реорганизации, проводились чистки «буржуазных кадров», на смену которым приходила «красная профессура» – носители марксистско-ленинской методологии. Академия наук была лишена автономии¹. Академик Н. С. Державин пытался было возродить традицию комплексных исследований в созданном им в 1931 г. Ленинградском институте славяноведения. Он предполагал развернуть историю классовой борьбы в новых славянских странах, образованных Версальской системой. Славянское языкознание должно было стать инструментом классового развития, будущей проекцией революционных взрывов. Однако амбициозный проект долго не просуществовал. Уже в середине 1930-х гг. разразилось «Дело славистов», по которому были арестованы более 70 ученых в Москве и Ленинграде, а институт закрыли².

Историографическая ситуация в СССР резко изменилась во время Второй мировой войны и в первое послевоенное десятилетие. В советской идеологии вновь оказался востребованным славянофильский тезис о «вековой борьбе славянства и германства». В Кремле стал обсуждаться проект «нового славянского движения» в Европе. В 1941 г.

был учрежден Всеславянский комитет, издававший журнал «Славяне», проводились общеславянские митинги³. Эти акции стали частью новой стратегии, направленной на включение стран Центральной и Юго-Восточной Европы в зону геополитического влияния СССР. Историческая политика снова делала крутой вираж, оживляя славянское наследие, но уже на фундаменте марксизма-ленинизма. Перед исторической наукой была поставлена задача, которую советская делегация озвучила на Славянском съезде в Белграде в 1946 г., – «теоретически обобщить революционно-демократический опыт и классовую борьбу славянских народов»⁴. Для этой цели были созданы Институт славяноведения в системе Академии наук и Кафедра истории южных и западных славян в Московском университете. Хотя Кремль отказался от «славянского проекта» уже в конце 1940-х гг., славянский дискурс в исторических исследованиях оставался актуальным весь советский период.

Во время холодной войны советские и западные исследования развивались параллельно, создавая собственные академические пространства, разделенные идеологическими барьерами. Связующим мостом между ними выступали историографии стран Восточной Европы, в которых проникновение западных концепций и методологий облегчалось не только знанием иностранных языков, но и личными контактами между историками. В гуманитарной среде Восточной Европы в этот период существо-

¹ См. подробнее: Лаптева Л. П. Кризис славяноведения в России в период с 1917 до середины 30-х годов // *Slavia. Roč. 79. Praha*, 2010. S. 1167–180; Аксенова Е. П. Очерки из истории отечественного славяноведения. 1930-е годы. М., 2000; Робинсон М. А. Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 – начало 1930-х годов). М., 2004; Горяинов А. Н. В России и эмиграции: очерки о славяноведении и славистах первой половины XX века. М., 2006.

² Ашнин Ф. Д., Алпатов В. М. «Дело славистов»: 30-е годы. М., 1994. С. 88–206.

³ Державин Н. С. Вековая борьба славян с немецкими захватчиками. М., 1943. 95 с. Он же. Героическая борьба народов Чехословакии с немецкими варварами. М.-Л., 1942. 39 с.; Зинич С. Вековая борьба хорватского народа против немецких, итальянских и венгерских угнетателей // *Славяне*. 1942. № 5-6. С. 48–52; Базилевич К. В. Победа славянских народов в вековой борьбе против немецких захватчиков и немецкой тирании. Стенограмма публичной лекции. М., 1945. 20 с.; Бахрушин С. В. Героическое прошлое славян. М., 1941. 15 с.; Густинич Д. Национально-освободительная война хорватского народа // *Историческая Жизнь*. 1942. Кн. 7. С. 86–92; Ефимова Я. К истории австро-германской агрессии на Балканах // *Славяне*. 1944. № 9. С. 12–16; Козырев А. В. Славяне. Очерки о культуре славянских народов и их борьбе за свою независимость. Ставрополь, 1945. 110 с.; Об идеологическом обосновании «славянской борьбы с фашизмом» см.: Кириллов А. В. Всеславянский комитет // *Вопросы истории*. 1977. № 7.

⁴ Досталь М. Ю. Славянский конгресс в Белграде в 1946 г. // Е. П. Аксенова, А. Н. Горяинов, М. Ю. Досталь (ред.) *Славянские съезды XIX–XX вв.* М., 1994. С. 128–142.

вало два полюса. Один – официальный, утверждавший марксистско-ленинские установки, связанный с научными структурами в СССР. Другой – оппозиционный, проводивший западные подходы и концепции. Было бы неверным утверждать, что советская историография не впитывала новые яркие идеи и не пробовала их воплотить на собственном эмпирическом материале. Но процесс трансформации понятийного аппарата и методологии развивался очень медленно. Качественные изменения стали происходить только на рубеже 1970–80-х гг. Как правило, советские историки усваивали новые концепции через историографии стран Восточной Европы, которая подпитывалась в свою очередь из западных научных источников. Но были принципиальные различия, которые сохранялись на протяжении всего советского времени.

Во-первых, это отсутствие комплексного подхода к истории монархии Габсбургов. В национальных историографиях стран Восточной Европы с межвоенного периода утвердился приоритет национального над общим имперским прошлым. Этот подход разделялся советской исторической наукой. В СССР детально исследовалась национальная история чехов, словаков, поляков, словенцев, хорватов, но при этом игнорировался фактор общегосударственного пространства, почти 400-летний опыт их совместного проживания под скипетром Габсбургов. Так и не было преодолено негативное восприятие монархии как «тюрьмы народов». Вслед за восточноевропейскими историками в СССР уже с 1940-х гг. стал активно разрабатываться концепт «освободительных движений» и создаваться национальные истории, проникнутые пафосом революционной борьбы и апологетикой «национально-освободительных движений».

Во-вторых, институциональное разделение также закрепляло фрагментарность исторических нарративов стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Институт истории Академии наук СССР был разделен на Институт российской истории и Институт всеобщей истории. Славянские исследования были сосредоточены в Институте славяноведения и на Кафедре истории южных и западных славян МГУ, а австрийские и германские исследования – в Институте всеоб-

щей истории. При этом история российской дипломатии изучалась во всех трех Институтах. Тематическое разделение осуществлялось не по «славянскому» критерию, а географическому. Румынская, венгерская истории стали объектом изучения Института славяноведения, а австро-германская, австро-итальянская и история самих австрийских земель – Института всеобщей истории. Создававшаяся инфраструктура научных исследований закрепила практику раздельного изучения стран Дунайского региона.

В-третьих, в советских работах резкой критике подвергались любые исторические формы германского национализма. Подобно тому, как в западной историографии тема панславизма воспринималась как стигмат в истории международных отношений, в советских исследованиях такое же дискриминационное отношение культивировалось к теме пангерманизма. Не только Второй Рейх, но и его союзница – Австро-Венгрия трактовались как оплоты пангерманизма. Упрощенный образ был создан уже первым поколением историков-марксистов (В. М. Турок, И. С. Галкин, Е. И. Рубинштейн, Молок) под влиянием оценок классиков марксизма-ленинизма¹.

В-четвертых, на развитие советских славистических исследований оказывала прямое воздействие официальная трактовка Российской империи. Как отмечает Б. Н. Миронов, в 1950-е гг. «из прежней формулы исчезло понятие «зло», приоритетным стало обоснование исторической необходимости и целесообразности возникновения империи и постепенного добровольного вхождения в ее состав других народов (...), подчеркивание «прогрессивных последствий» интеграции и «цивилизаторской роли России», замалчивание завоевательных и насильственных аспектов имперской политики. Суть новой концепции сводилась к тому, что под влиянием революционных событий в России все народы империи смогли выйти из «вековой

¹ Турок В. М. Кризис революционного режима Габсбургов (январь – март 1918 г.). Ученые Записки Института славяноведения. 1953. Т. 7. С. 325–347; Он же. История Австрии. Определенное влияние оказала книга австрийского историка-марксиста Пристер Е. История Австрии. М., 1956. См. также: Галкин И. С. Австро-Венгрия (1867–1914). Стенограмма лекции ВПШ. М., 1940. 22 с.; Он же. Австро-Венгрия и Италия в 1870–1914 гг. Лекции. М., 1952. 40 с.; Рубинштейн Е. И. Крушение австро-венгерской монархии. М., 1963. 428 с.

отсталости» к «вершинам исторического прогресса». По сути, Россия из империи зла превратилась в империю добра, в своего рода, дом дружбы народов»¹.

Похожие процессы протекали и в австрийской историографии. Эта своеобразная реабилитация обеих империй не избежала апологетических образов. Правда, с существенными различиями, поскольку советские исследования были ориентированы исключительно на классовые, революционные сюжеты. Если новый образ «монархии Габсбургов» трактовался австрийской историографией в духе общегосударственного консенсуса, то в советской традиции закладывались прямо противоположные смыслы. Основной акцент делался на совместном опыте радикально-демократических групп во всех национальных окраинах, позволивший развить классовое сознание масс и организовать их на уничтожение «имперско-буржуазного строя». Если для «габсбургских исследований» национализм малых народов исследовался как неразрешимая Проблема имперского прошлого, то в советской историографии – как результат исторически неизбежного формационного развития.

В СССР длительное время в центре внимания историков были революции и протестные движения, рабочие и крестьянские вопросы. Любые проявления социальных конфликтов становились предметом подробного изучения. На основе революционной парадигмы создавалась новая концепция «освободительных движений» народов Восточной Европы. Начало было положено в 1948 г., когда отмечалось столетие «весны народов»². В работах Р. А. Авербуха,

¹ Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну. Т. 1. С. 78–79.

² К столетию революции 1848 г. М., 1948; Революции 1848 г. Т. 1–2. М., 1952; Авербух Р. А. К столетию венгерской революции 1848 г. // Вопросы истории. 1948. № 6. С. 115–117; Он же. Октябрьское восстание в Вене в 1848 г. // Вопросы истории. 1948. № 10. С. 93–106; Он же. Предпосылки и начало революции 1848–1849 гг. в Венгрии // Революционное движение и строительство социализма в Венгрии. М., 1963. С. 214–277; С. 97–132; Кан С. Б. Революция 1848 г. в Австрии и Германии. М., 1948; Удальцов И. И. Из истории Пражского восстания 1848 г. // Вопросы истории. 1948. № 12. С. 97–114; Он же. Национально-политическая борьба в Чехии в 1848 г. и Ф. Палацкий. Автореферат. М., 1949. 24 с.; Он же. Очерки из истории национально-политической борьбы в Чехии в 1848 г. М., 1951. 252 с.; Удальцов И. К характеристике политической деятельности Франтишка Палацкого // Вопросы истории. 1950. № 10. С. 72–85.

С. Б. Кана, И. И. Удальцова острой критике подвергались национальные либеральные силы, которые «предали» революционное дело. Влияние и рост радикальных групп сильно преувеличивалось. Австрославизм, ставший кредо Славянского съезда 1848 г. в Праге, расценивался как «реакционно-консервативное» явление.

Надо отметить, что на советских историков оказывали сильное влияние марксистские исследования в самих странах Восточной Европы. Их переводили на русский язык, сопроводив рецензиями в ведущих журналах. Концептуальные подходы перенимались в том случае, если они не противоречили классическим канонам марксизма-ленинизма³. Революциям 1848–1849 гг. придавалось ключевое значение в истории монархии Габсбургов. С них начинали отсчет в развитии рабочего движения и вехи в истории социал-демократии. Выстраивалась линия исторической преемственности между революциями 1848 г. в Австрийской империи и Германии – русскими революциями 1905 г. и 1917 г., а также с революциями в Центральной Европе в 1918 г.⁴.

³ Документы о венгерской революции и освободительной борьбе 1848–1849 гг. Будапешт, 1948. 80 с.; Клима А. 1848 год в Чехии. Начало чешского рабочего движения. Пер. с чешск. М., 1949. 240 с. Рецензия: И. И. Удальцов // Вопросы истории. 1948. № 7. С. 123–127; Ханак П. Угнетенные народы Австрийской империи и Венгерская революция 1848–1849 гг. Budapest, 1953. 81 с. Рецензия: Р. А. Авербух // Вопросы истории. 1955. № 6. С. 161–163; Крейчи К. Борьба чехов и словаков за национальное освобождение в XIX – начале XX в. (Статья из Праги) // Вестник истории мировой культуры. 1953. № 3. С. 78–97.

⁴ Хренов И. А. Влияние русской революции 1905–1907 гг. на славянские страны // КСИС. 1956. № 20. С. 3–12; Писарев Ю. А. Положение трудящихся в южнославянских областях Австро-Венгрии в 1905–1907 гг. // Труды Московского историко-архивного института. 1958. Т. 12. С. 79–115; Беранек Я., Долежал И. Влияние русской революции 1905–1907 гг. на революционное движение в чешских землях // Вопросы истории. 1955. № 11. С. 94–104; Рубинштейн Е. И. Из истории рабочего и социалистического движения в Австрии (Цислейтании) весной и летом 1917 г. // Новая и новейшая история. 1960. № 4. С. 36–52; Турок В. М. Кризис революционного режима Габсбургов (январь – март 1918 г.) // Ученые Записки Института славяноведения. 1953. Т. 7. С. 325–347; Турок В. М. Подъем австрийского рабочего движения под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции. Январская забастовка 1918 г. // Известия Академии Наук СССР: серия истории и философии. 1952. № 3. С. 280–290; Фюрнберг Ф. Влияние Великой Октябрьской социалистической революции на Австрию. Пер. с нем. М., 1957. 23 с.

В 1940–1950-е гг. была создана официальная концепция дипломатической истории XIX – начала XX вв., в которую была вписана внешняя политика России. Впервые ее представили в 5-томном издании «История дипломатии», вышедшем в 1945 г. под редакцией академика В. П. Потемкина. Особый интерес представлял второй том, в котором были изложены внешнеполитические события с 1872 по 1917 гг. В. М. Хвостовым, а с 1917 по 1919 гг. – И. И. Минцем. Факты, выстроенные в хронологической последовательности, строго подгонялись под заданную теоретическую схему, обозначенную в трудах В. И. Ленина и И. В. Сталина¹. Тем не менее, авторы подробно реконструировали ход политических событий, дипломатические переговоры, отметили основные договоры и конвенции. Это первое крупное описание дипломатической истории создавалось на основе значительного массива документов из архивных фондов, опубликованных в 1920–1930-е гг.²

Объяснительная схема, разработанная авторами на основе марксистско-ленинской парадигмы, продержалась в историографии на протяжении всего советского периода. Можно выделить несколько ее устойчивых компонентов.

Во-первых, все дипломатические процессы с 1870-х гг. объяснялись посредством категории «империализм», «переделом мира между сильнейшими державами. Этой задаче отныне служит внешняя политика и дипломатия руководящих империалистических государств». Во-вторых, инициатором ревизии Венской системы объявлялся германский империализм, который поставил «со всей резкостью вопрос о коренном переделе мира» и отличался от других типов европейских империализмов «исключитель-

но агрессивным характером». В-третьих, российский империализм трактовался как наиболее отсталый, находившийся в финансовой зависимости от Франции, и вообще был «тормозом на пути развития России». В-четвертых, с 1871 г. в Европе установился «вооруженный мир», «под его покровом шла непрерывная подготовка к неизбежной новой войне». Россия и Франция «стали искать друг в друге опору против милитаристской Германии и ее союзников». Ситуацию осложняли «взаимные распри России и Англии» на Ближнем и Среднем Востоке. Только нарастающие амбиции Германии вынудили Лондон отказаться от «блестящей изоляции» и войти в Тройственную Антанту.

Основной причиной Первой мировой войны авторы считали англо-германское соперничество. Царская же дипломатия, согласно их утверждению, «играла сравнительно подчиненную роль, и преувеличивать ее влияние не следует». Россия и Австро-Венгрия характеризовались как «наиболее слабые звенья» в обоих противостоявших блоках и «оказались не в состоянии вести войну»³. Впоследствии отдельные положения официальной концепции дипломатической истории были отчасти откорректированы советскими историками в 1970–1980-е гг., но основные постулаты прочно вошли в учебники, обобщающие коллективные монографии, крупные документальные публикации.

Конечно, в условиях цензуры для историков всегда был выход – углублять свои изыскания в архивах и восстанавливать исторические нарративы до мельчайших деталей. Архивный позитивизм стал своего рода «ответом» на методологический догматизм. Многие советские исследования отличали точное эмпирическое знание, глубокий источниковедческий анализ и широкий охват архивных материалов.

С 1960-х гг. под влиянием международных контактов стал несколько расширяться тематический диапазон. Советские ученые получили возможность участвовать в крупных научных конференциях в Блумингтоне (США), Вене, Братиславе, Варшаве, Праге. Под влиянием академических коммуникаций постепенно начали корректироваться историографические образы, подходы и

¹ Сталин И. В. Об основах ленинизма // Вопросы ленинизма. Изд. 11. М., 1939. С. 1–77; Он же. О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма» // Большевик. 1941. №9. С. 1–15; Ленин В. И. Опыт сводки главных данных всемирной истории после 1870 года // Тетради по империализму. М., 1939. С. 622–639.

² Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. 1. От Французской революции до империалистической войны. М., 1925; Ч. 2. От империалистической войны до снятия блокады с Советской России. М., 1926; Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств, 1878–1917. Серия 2. 1900–1913. Т. 18–20. М., 1938–1940. Серия 3. 1914–1917. Т. 1–10. М., 1931–1938.

³ Дипломатия в новое время (1872–1919 гг.). Введение // История дипломатии. Т. 2. М., 1945. С. 1–7.

методология исследований, смягчаться ригоризм некоторых методологических установок. Можно выделить несколько тенденций, которые свидетельствовали о постепенном преодолении прежней концептуальной ограниченности даже в жестких рамках марксистско-ленинской парадигмы.

Ситуация постепенно менялась в течение двух десятилетий – с конца 1960-х гг. до конца 1980-х гг. Этому способствовало несколько внешних обстоятельств и ослабление идеологического контроля над исторической наукой внутри страны. Во-первых, острый интерес к панславизму в зарубежных исследованиях и откровенная политизация славянской темы. Во-вторых, интеллектуальный заряд чешских и словацких дискуссий дал импульс ее новому осмыслению. Советские историки не могли тогда достойно ответить. Изучение панславизма не приветствовалось властями. Рамки исследования истории зарубежных славян были весьма узкими – классовый подход и революционная проблематика. Потребовались серьезные усилия со стороны профессионального сообщества, чтобы подняться на качественно новый уровень. Попробуем выделить несколько направлений, где качественные сдвиги оказались наиболее заметными.

1. История международных отношений и внешней политики России. На 1970–1980-е гг. пришелся пик интереса к внешнеполитической проблематике. В научный оборот были введены массивы дипломатических документов, позволившие по-новому оценить глубину и степень воздействия России на балканские народы в период их борьбы за независимость. Особую роль в развитии внешнеполитических исследований сыграла фундаментальная публикация по инициативе Министерства иностранных дел СССР «Внешняя политика России XIX и начала XX вв.: Документы российского МИД». Под эгидой Комиссии по изданию дипломатических документов МИД СССР было опубликовано 14 томов, каждый по 70–100 уч. – изд. листов. Публикации осуществлялись на языке оригинала (в основном – французском) и в русском переводе с подробными комментариями. Приведенные источники свидетельствовали о серьезной военной и финансовой поддержке, которую оказывала Россия освободительным движениям

греков и славян на Балканском полуострове, заступничестве России перед Портой за Дунайские княжества¹. Были пересмотрены прежние дискриминационные характеристики «царской политики» России как отсталой и второстепенной по сравнению с другими великими державами.

Интерес к дипломатии России подогревался острой полемикой, которую начали историки ГДР, СССР и ФРГ вокруг вопросов происхождения двух мировых войн и трактовки кайзеровской политики. Ведущие представители западногерманской историографии пытались переложить вину за конфликтные ситуации на Балканах в начале XX в. исключительно на Россию. Разрабатывая теорию о «комплексе русской опасности» и росте «российского милитаризма», ряд немецких историков доказывали, что именно русские военные круги стремились поскорее напасть на Австро-Венгрию, несмотря на «миролюбие» Вены и Берлина. Острые дискуссии между советскими и западногерманскими историками вспыхнули на симпозиуме в Майнце в 1973 г. по теме «Германия и Россия в период капитализма, 1961–1914 гг.»².

По сути, в советской историографии открылся новый «идеологический фронт с нашими идейными противниками»³. На волне борьбы с «буржуазным ревизионизмом» и «остфоршунгом» (восточно-европейскими исследованиями в ФРГ) началось активное изучение истории «германского и австрийского милитаризма». Монархия Габсбургов в этом контексте продолжала расцениваться как репрессивное государство, инструмент политического господства немцев над славянами⁴. Научная полемика с «остфоршунг»,

¹ Внешняя политика России XIX и начала XX вв.: Документы российского МИД. М., 1960–1985. Т. I–XIV.

² Deutschland und Russland im Zeitalter des Kapitalismus, 1861–1914. Wiesbaden, 1977. S. 173–236.

³ Аветян А. С. Историография ФРГ и некоторых вопросах внешней политики Германии и русско-германских отношениях накануне Первой мировой войны // Внешняя политика России. Историография. Отв. ред. С. Л. Тихвинский. М., 1988. С. 127.

⁴ Туполев Б. М. Австро-Венгрия в планах пангерманцев в конце XIX – начале XX в. // Славяно-германские отношения. М., 1964. С. 95–134; Турок В. М. Некоторые проблемы истории Австро-Венгрии // Советское славяноведение. 1965. № 4. С. 17–27; Писарев Ю. А. Военная угроза и антимилитаристское движение в южнославянских землях Австро-Венгрии накануне первой мировой войны // Труды Московского историко-архивного института. 1963. Т. 18. С. 375–390; Писарев Ю. А. Освободительное движение югославянских народов Австро-Венгрии 1905–1914. М., 1962.

которую вели советские историки, затрагивала напрямую вопросы дипломатической истории. В ряде исследований появились важные дипломатические документы из советских архивов, раскрывающие экспансионистский характер политики Германии и Австро-Венгрии на Балканах во второй половине XIX – начале XX вв.¹

Книга профессора Московского университета С. А. Никитина «Славянские комитеты в России в 1858–1876 гг.» (1960) стала, на мой взгляд, настоящим прорывом в изучении славянского фактора во внутренней и внешней политике России². Ученый проанализировал динамику общественного интереса к славянам, социальный состав и географию распространения славянолюбивых кругов в России, изменчивое отношение к ним официального Петербурга. В ряде своих трудов С. А. Никитин доказал четкое разделение славянской политики России на балканское направление, которое было в приоритете, и весьма сдержанное – «австрийское».

Концептуальные разработки С. А. Никитина были продолжены в работах его учеников – И. В. Чуркиной и В. Матулы. Им удалось выявить в архивах массив документов, раскрывающих разные аспекты деятельности настоятеля Русской посольской церкви в Вене М. Ф. Раевского и его обширные кон-

такты с австрийскими славянами во второй половине XIX в. Работы З. С. Ненашевой о неославизме существенно дополнили знания о «славянских проектах» в России в начале XX в.³ Но в целом, темы двусторонних российско-австрийских отношений, панславизма и неославизма, взаимоотношений и взаимовосприятий славян Австро-Венгрии и российского общества находились в советском славяноведении на втором плане.

Приоритетное развитие получила тема «Восточный вопрос и Балканы». В связи со 100-летним юбилеем Балканского кризиса 1875–1878 гг. были развернуты масштабные конференции и публикации в СССР, Югославии и Болгарии. Концепция имперской внешней политики России существенно корректировалась благодаря балканским сюжетам. Во главу угла был поставлен тезис о решающей роли России в освободительных движениях на Балканах и создании независимых балканских государств⁴. Балканский кризис трактовался как рубеж в формировании балканской государственности, когда было создано Болгарское государство, получили независимость Сербия и Румыния⁵.

Но и на этом направлении возникал «идеологический фронт» борьбы. Перед советскими историками стояла задача бороться с «буржуазными фальсификациями» истории России, которые «раздувают мифы о том, что со времен Петра I она якобы неизменно стремилась захватить Константинополь и выход к Персидскому заливу, установить господство над Европой»⁶. В трудах

¹ На развитии этих тем в советской историографии оказали влияния работы И. Коржалки, Я. Беранека: Коржалка И. О характере и особенностях пангерманизма в Германии и Австрии в конце XIX в. // Славяно-германские отношения. М., 1964. С. 63–94; Беранек Я. Австрийский милитаризм и борьба против него в Чехии // Вопросы истории. 1967. № 4. Наиболее интересные, на мой взгляд, советские исследования этого времени: Ратнер Н. Д. Австрийский пангерманизм и славянские народы Австрии // Советское славяноведение. 1965. № 4. С. 40–49; Виноградов К. Б. Внешняя политика и дипломатия Австро-Венгрии в начале Балканских войн (октябрь 1912 – январь 1913 г.). Автореферат. Л., 1953. 22 с.; Ерусалимский А. Борьба держав за Балканы и проливы в конце XIX в. (Германская дипломатия и антирусская политика Австро-Венгрии и Англии на Балканах) // Вопросы истории. 1947. № 9. С. 83–104; Шнейерсон Л. М. Австро-прусская война 1866 г. и дипломатия великих европейских держав. (Из истории германского вопроса). Минск, 1962. 351 с.; Кондратьева В. Н. Сговор Австрии и Турции с целью подавления национально-освободительного движения на Балканах в 60-е годы XIX в. (По консульским донесениям) // КСИС. 1963. Вып. 36. С. 44–60.

² О научных трудах С. А. Никитина, его трудной судьбе и создании авторитетной школы балканских исследований см. подробнее: Славяне и Россия. К 110-летию со дня рождения С. А. Никитина. По ред. И. В. Чуркиной, С. И. Данченко, М. М. Фроловой. М., 2013. 791 с.

³ Ненашева З. С. Идеино-политическая борьба в Чехии и Словакии в начале XX века. М., 1984. 238 с.; Данченко С. И., Чуркина И. В. С. А. Никитин и его научная школа историков-славистов // Славяне и Россия. К 110-летию со дня рождения С. А. Никитина. М., 2013. С. 8–35.

⁴ Виноградов В. Н. Восточный вопрос и Балканы. Размышления о современном этапе исследования // Новая и новейшая история. 1989. №6; Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII – начало XX вв. М., 1978; Достян И. С. Россия и балканский вопрос: Из истории русско-балканских политических связей в первой трети XIX в. М., 1972; Международные отношения на Балканах 1815–1830 годы. М., 1986.

⁵ Россия и национально-освободительная борьба на Балканах. 1875–1878 гг. М., 1979; Нарочницкая Л. И. Россия и национально-освободительное движение на Балканах, 1875–1878. М., 1979; Россия и Восточный кризис 70-х годов XIX в. М., 1981.

⁶ Нарочницкий А. Л. Итоги и задачи изучения политики России и международных отношений в Юго-Восточной Европе // Внешняя политика России. Историография. М., 1988. С. 11.

Ф. А. Ротштейн, А. Л. Нарочницкого, Н. С. Киняпиной, В. М. Хевролиной, В. Н. Виноградова, К. Б. Виноградова были изучены дипломатические стратегии России в Восточном вопросе, ход переговорного процесса по спорным вопросам с Германией и Англией, особые интересы Румынии, роль Франции и Австро-Венгрии в закулисных комбинациях с балканскими элитами. Советским историкам удалось ввести в научный оборот значительный массив дипломатических документов по Восточному вопросу, раскрывающих роль и интересы каждой из великих держав на Балканах. Это позволило существенно откорректировать предвзятые подходы «остфоршунга», в которых Россия объявлялась единственной виновницей затяжного балканского кризиса¹. Но если политические аспекты внешней политики России (особенно на балканском направлении) подробно изучались, то ее торгово-экономические интересы, роль на мировых рынках были исследованы фрагментарно².

В советских славистических исследованиях к концу 1980-х гг. был достигнут достаточно высокий уровень в систематизации форм и типов освободительных движений зарубежных славян. Но сохранялось негласное табу на темы о панславизме. Первый опыт был сделан В. К. Волковым в 1969 г., когда он попытался сравнить пангерманизм и панславизм в монархии Габсбургов³. Но смелая попытка не получила продолжения. Как правило, исследователи славянской идеологии предпочитали уходить от терминологических дискуссий, ссылаясь на отсутствие четких критериев для их типологии⁴.

¹ Ротштейн Ф. А. Международные отношения в конце XIX в. М.-Л., 1960.

² Субботин Ю. Ф. Внешняя торговля России конца XIX – начала XX вв. Итоги и задачи исследования (Светская историография) // Внешняя политика России. Историография. С. 121.

³ Волков В. К. К вопросу о происхождении терминов «панславизм» и «пангерманизм» // Славяно-германские культурные связи и отношения. М., 1969. С. 25–69.

⁴ Лещиловская И. И. Концепция славянской общности в конце XVIII – первой половине XIX века // Вопросы формирования национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977. С. 114; Дьяков В. А. Политические интерпретации идеи славянской солидарности и развитие славяноведения с конца XVIII в. до 1939 г. // Методологические проблемы истории славистики. Под ред. В. А. Дьякова. М., 1978. С. 232; Дьяков В. А. Славянский вопрос в общественной мысли дореволюционной России // X Международный съезд славистов: история, культура, этнография, фольклор

Только в труде «Польша на путях развития и утверждения капитализма» (1984) признавалось, что наряду с «официальным панславизмом» в России существовала и «идея польского панславизма», мечта о Славянской федерации во главе с Польшей. Авторы подчеркивали, что всеславянский мессианизм был вообще свойственен молодым нациям австрийских славян.

Историографический перелом в советской историографии был связан с отказом от слепой идеализации «антигабсбургских освободительных движений». Постепенно приходило понимание, что гуманистически ориентированный «культурный национализм» эпохи Просвещения и романтизма с идеальной фигурой «гражданина мира» со второй половины XIX в. стал уступать место «интегральному национализму» – радикальному и воинственному. Национализм нового типа был направлен не только против монархии Габсбургов, но и вообще против других наций, сосуществовавших под одной государственной крышей. Эти вопросы были поставлены на совместном заседании чехословацко-югославской комиссии⁵.

Но наиболее яркие новые тенденции получили отражение в теории «полной и неполной социальной структуры» национальных движений Австро-Венгрии, которую в 1970–1980-е гг. разрабатывали И. С. Миллер, В. И. Фрейдзон и Т. М. Исламов под влиянием трудов польского историка Хлебовчака. Акцент делался на наличие или отсутствие «исторического дворянства» в социальной структуре складывавшихся наций. Именно эта привилегированная, наиболее образованная группа обладала развитым национальным сознанием, воспитанным в лоне аристократических семей, где предания не менее ценны, чем имущество. В соответ-

славянских народов. М., 1988. С. 29–41; Мыльников А. С. Роль культуры в становлении национального самосознания народов Центральной и Юго-Восточной Европы // Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1981. С. 48; Он же. Об истоках становления славяноведения в России // Историографические исследования по славяноведению и балканистике. М., 1984. С. 10–17; 25–30; Чуркина И. В. Идея славянской взаимности в словенском национальном самосознании // Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977. С. 37–50.

⁵ Myslenkovyvyvoj Cechu, Slovaku a Jihoslovnuodpoloviny 18. Stoleti do burzoaznirevoluce 1848–1849. Praha, 1985.

ствии с этой теорией, те движения, где были сохранены исторические элиты (венгерские, польские), смогли достичь наибольших успехов в консолидации наций модерна. Такой подход позволил отойти от нормативной марксистско-ленинской парадигмы, привлечь внимание к социально-историческому анализу.

Во главу угла было поставлено сравнительное изучение славянской идеологии и процессов формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. В противовес прежним марксистским установкам признавалась ведущая роль национальных элит, предпринимателей и интеллигенции¹. Но оценочные критерии («реакционные» буржуазно-либеральные и «прогрессивные» буржуазно-демократические группы) продолжали воспроизводиться². В крупном обобщающем исследовании «Освободительные движения народов Австрийской империи» (1981 г.) отдельная глава была посвящена типологии «славизмов». В. И. Фрейдзон выделял «прогрессивные и реакционные моменты» в национализме каждого малого народа. Различные проекты славянской солидарности были, по его мнению, инструментом в борьбе национальных партий ради собственных политических целей³. Таким образом, положение о вторичности славизмов по сравнению с национальной идентичностью, которое отстаивала критическая историография Чехословакии в 1960-е гг. через двадцать лет было принято и советскими историками.

На волне интереса к сравнительно-историческим обобщениям стали разрабатываться комплексные модели национальных движений с учетом локальных особенностей, социальной структуры и роли славянской идеологии. Возросло качество и интенсивность польских (С. М. Фалькович, Г. Ф. Матвеев, А. И. Миллер, Л. Е. Горизонтов), хорватских (В. И. Фрейдзон, С. А. Романенко), словенских (И. В. Чуркина), чешских и словацких исследований (Л. П. Лаптева, З. С. Ненашева, К. П. Гогина)⁴. Несмотря

на декларируемый метод социального анализа, все же сохранялась традиционная приверженность советских славистов к политико-идеологической проблематике. Были пересмотрены представления о безусловном русофильстве зарубежных славян, проанализированы их прагматичные интересы в отношении с Россией и прогабсбургские приоритеты. В 1980-е гг. наметился отход от славяноцентризма, который постепенно отеснялся опытами системной концептуализации исторического региона.

В межвоенный период и эпоху холодной войны советская историческая наука оказалась активно вовлечена в идеологизацию исторического процесса, особенно если это касалось тем, связанных с историей международных отношений. Латентная идеологизация проблематики имперского XIX века усиливалась оценочными подходами и специфическими исследовательскими практиками, направленными на «разоблачение агрессивной политики» того или иного государства. Тем не менее, линии «идеологических фронтов», резкими, в черно-белых тонах суждениями и оценками, постепенно размывались. С конца 1960-х гг. исследователи получили большую свободу в выборе тем и направлений исследования. Процесс этот, однако, был очень медленным и незавершенным. Более того, вне внимания исследователей вынужденно оставалась проблематика панславизма.

В целом, необходимо отметить, что советское славяноведение не сформировало целостную концепцию государственного развития монархии Габсбургов (в отличие от работ западных исследователей), но достигло успехов в детальной реконструкции национальных движений вне их увязки с общегосударственным пространством.

была подготовлена обзорная статья о достижениях советской историографии в области исследования монархии Габсбургов, поскольку западные исследователи имели поверхностное представление о советских научных исследованиях: Tofik Islamov, Alexey Miller and Olga Pavlenko with Marina Glazkova, Sergei Romanenko. *Soviet Historiography on the Habsburg Empire // Austrian History Yearbook. Vol. XXVI. Minnesota, 1995. P. 165–188.* В этой работе была сделана попытка подробно охарактеризовать достижения в страноведческих исследованиях советских славистов и представить библиографию наиболее значимых трудов.

¹ Польша на путях развития и утверждения капитализма. М., 1984. С. 235–237.

² Дьяков В. А. Политические интерпретации идеи славянской солидарности и развитие славяноведения ... С. 234; Он же. Славянский вопрос в общественной мысли дореволюционной России... С. 29–43.

³ Освободительные движения народов Австрийской империи. М., 1981. С. 241–242.

⁴ По предложению «Австрийского исторического еженедельника» в 1995 г. под руководством Т. М. Исламова

РАЗДЕЛ IV РОССИЯ И АВСТРИЯ НА ПЕРЕКРЕСТКАХ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИСТОРИИ

Д. С. Ткаченко

ПОЛИТИКО-ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОЯВЛЕНИЯ ПЕРВЫХ РОССИЙСКИХ ПАМЯТНИКОВ В ЗАКАВКАЗЬЕ В 30–40 гг. XIX в.¹

106

К началу XX века Кавказ, как и другие части Российской империи оказался в поле мемориальной деятельности – покрыт памятниками, мемориалами, архитектурными сооружениями и другими объектами, называемыми современными исследователями «местами памяти». Большая часть того, что хотели помнить современники, была связана с историей присоединения Кавказа к Российской империи и относилась ко времени, метко названного В. А. Потто «историей распространения русского владычества». Их количество с точки зрения современного человека, привыкшего воспринимать монументы как неразрывную составляющую часть городского ландшафта, было не большим, однако для условий своего времени – достаточно существенным, чтобы центральные власти обратили на них свое самое пристальное внимание. В 1902 г. Министерством Внутренних дел была высказана идея составить единый реестр всех памятников в империи, в силу чего, по специальному циркуляру губернаторы и начальники областей должны были представить в центр письменные описания региональных памятных мест, приложив к ним по возможности фотографии, рисунки или чертежи. Пласт этих документов сейчас является одним из наиболее объективных источников по истории коммеморационной деятельности, проводившейся

в российских регионах до 1903 г. – времени составления большинства отчетов.

По точному наблюдению Дэна Уптона «Монументы всегда говорят больше о людях, времени и региональных особенностях их создателей, чем о людях, времени и региональных особенностей того, что они прославляют»². Поэтому, мемориальная деятельность российских военных и гражданских лиц на Кавказе было теснейшим образом связана не столько с прославляемым ими военно-политическими событиями прошлого, сколько с политико-идеологическими потребностями того настоящего, в котором они жили.

Первые Российские памятники в регионе появляются в 30–40 гг. XIX в. и политической подоплекой их появления стала эскалация Кавказской войны с одной стороны и необходимость утверждения авторитета российской администрации в конструируемых ею новых имперских субъектах – с другой. Местами строительства подобных памятников выступало осваиваемое империей Закавказье, а сюжетами стали эпизоды того, что было названо имперскими идеологами «героическим периодом утверждения русского владычества» – борьба Кавказского корпуса с внешним и внутренним врагом: Ираном и мятежными владетелями (прорирански настроенными ханами и грузинскими князьями).

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №16-01-12012.

² Commemoration in America. Essays on Monuments, Memorialization, and Memory / Ed. by D. Gobel, D. Rossell. Charlottesville, 2013. P. 22.

Объектами мемориализации становились как военные, так и политические деятели, однако, первостепенное значение уделялось самой идее российского присутствия в регионе. Передавать эту идею должен был первый по времени своего появления памятный знак в столице Кавказского наместничества. Это был памятник, посвященный инспекторской поездке Николая I, который осенью 1837 г. посетил Тифлис.

Во время пребывания императора произошел несчастный случай: покидая город, на крутом спуске повозка на краю обрыва опрокинулась, но сам Николай I не пострадал. «Коляска начала опрокидываться, – описывал событие очевидец, – и только удачный прыжок Государя предупредил катастрофу. Экипаж оказался сломанным и Его величество нашелся вынужденным продолжать путь верхом»¹.

Столь идеологически значимое событие, как спасение императора, было решено увековечить в виде монумента, причем с данной инициативой выступил сам Николай I, на личные средства которого памятник и воздвигался². Как отмечается в официальной переписке, «в 1837 году по особому, Государь-императора повелению, преступлено к сооружению памятника на том самом месте в Тифлисе близь Веринского спуска, где Его Высочество подвергнулся опасности»³. В этом же году памятник был открыт. «Сделан он был в Москве, – писал в своем отчете перед МВД губернатор Тифлисской губернии, – и выслан оттуда в готовом виде; состоит он из правильного гранитного четырехугольника, составляющего подставку чугунного креста, на подставке имеется надпись: “Живой в помощи Вышняго, в крове Бога небесного водворится 12 октября 1837 года”»⁴. Библейское изречение пояснительной надписи дополняла и символика «всевидящего ока», помещенная в центр креста православной формы⁵.

Как справедливо отмечают западные исследователи коммеморации, «Любой монумент несет в себе послание. Одно из его

главных предназначений – побуждать людей помнить историческое событие, но в монументах содержится и более специфическая цель: Они призывают нас не просто помнить, а помнить в строго определенном свете. Они интерпретируют тот объект, который они прославляют. И строители всегда исходят из мысли, что монументы найдут для себя аудиторию: людей, которым нужно их послание»⁶.

Краткая, но туманная надпись на церковно-славянском языке, которую могли прочитать и понять представители российской администрации, но не простое торгово-ремесленное население Тифлиса, не вносила ясности в то, какую «фоновую историю» этот памятник должен был транслировать в Закавказье.

Сооружая памятник самому себе, вряд ли Николай I и его царедворцы, задумывались о том, насколько двойственным монумент может выглядеть в далеком от Петербурга регионе. Их цель была прямолинейной – утвердить за Кавказским хребтом верноподданнические чувства, а вышел исторический казус. На фоне проведенной в Тифлисе Высочайшей ревизии, закончившейся выговорами, смещениями с постов и разжалованиями даже некоторых высших должностных лиц в Кавказском корпусе (таких, как барон Розен или князь Дадиани), символика «всевидящего ока» и надпись: «Живой в помощи Вышняго» на памятнике выглядели издевкой, эффект от которой император еще больше усилил, возложив содержание и ремонт своего памятника на ведомство путей сообщения Кавказского округа⁷, – то есть как раз той структуры, по халатности которой и произошел инцидент. Без четкой же фиксации «фоновой истории» памятника, его послание можно было прочитать и так: «не можете содержать в порядке свои дороги, так содержите теперь памятник своей нерадивости и помните, что от приглядывающего за вами ока не спрятаться». Содержание же в исправности монумента обходился ведомству довольно дорого: только в 1902 г. на него было истрачено 1.500 рублей⁸. Довольно высокие траты на подобные памятники в империи оправдывались «идеологическим капиталом» – необходимостью поддержания

¹ <http://sputnik-georgia.ru/analytics/20150918/2285713-78.html>.

² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1284. Оп. 186. Д. 2. Л. 3.

³ РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 87. Л. 4 об.

⁴ РГИА. Ф. 1284. Оп. 186. Д. 2. Л. 3.

⁵ Сокол К. Г. Монументы империи. М., 2001. С. 129.

⁶ Commemoration... P. 20–21.

⁷ РГИА. Ф. 1284. Оп. 186. Д. 2. Л. 3.

⁸ Там же.

памяти о российских императорах в далеких от Петербурга регионах.

В контексте проблемы вхождения Закавказья в состав России трактовались и фоновые истории, закладывавшиеся в памятники последним грузинским царям – Ираклию II и Георгию XII. Их возведение было начато российской администрацией еще в 1812 г., однако, свой законченный вид мемориал приобрел в конце 40-х гг. XIX в. Могилы этих царей, находящихся в царской усыпальнице в соборе Двенадцати Апостолов в Мцхете, с начала XIX в. стояли «ничем не отмеченные и первым обратил на это внимание русский главнокомандующий в Грузии, генерал-лейтенант маркиз Пауллучи, обладавшим в высокой степени благородным характером и много заботившийся о том, чтобы научить людей уважать заслуги других»¹.

Памятники несли «послание» о том, что главной заслугой в деятельности правителей Картли и Кахетии был их исторический выбор вхождения в состав Российской Империи, причем имперские историки в рассказах о последних десятилетиях политической истории этих царств, подчеркивали слабость их царей и невозможность самостоятельной борьбы с нараставшей персидской угрозой. Наиболее ярко эта мысль отражена в рассказе, приведенном В. А. Потто о том, как в 1800 г., царь Георгий XII вел переговоры с персидскими послами не в собственном дворце, а «в доме русского министра, стоя под большим портретом императора Павла I. На заявление посла, что он желал бы иметь секретную аудиенцию, царь отвечал, что, находясь под покровительством России, он ни в какие секретные переговоры вступать не может»².

Последовательная пророссийская политика Ираклия II и его сына – Георгия XII не могла не стать сюжетом мемориализации. В своем прошении на имя Российского императора, Пауллучи отмечал, что «могила царя, которого история назвала великим, должна служить народу священным залогом его дальнейшего благоденствия. Государь повелел немедленно соорудить над ней приличный саркофаг, и мраморная плита была получена со следующей надписью: “Здесь

покоится царь Ираклий, который родился в 1716 г., вступил на престол Кахетинский в 1744 г., а на Картлинский в 1762 г. и скончался в 1798 г. Дабы оставить в памяти потомства славное 54-х летнее царствование сего царя, от имени Его Императорского Величества Александра I воздвигнут сей памятник в 1812 г. главноначальствующим в Грузии Маркизом Пауллучи”»³. В официальной эпитафии, царь Ираклий мог похвастаться лишь годами своего рождения, вступления на престолы и смерти.

Эпитафия на могиле, похороненного рядом со своим отцом, «по другую сторону амвона» Георгия XII несла уже более четкое политическое послание, в котором помимо годов жизни, восхваления Александра I и деятельности маркиза Пауллучи, сообщалось, что покоящийся здесь последний представитель прервавшейся с его смертью правящей династии, «для благоденствия подданных своих в 1799 году уступил Грузию Русской Империи и скончался в 1800 году...»⁴. Идеи прерванной династии Багратидов и «подарка» своего царства империи имели четкую политическую направленность и «фоновые истории» монументов грузинским царям воспринимались российской общественностью однозначно.

Мысли о благе, которое Россия принесла не только Грузии, но и другим народам Закавказья, освободив их от угрозы покорения многовековым противником, звучала и в других региональных монументах. Их сюжетом становились события русско-персидских войн начала XIX в.

Так, реестр памятников, представленный губернатором Эриванской губернии скупко сообщал, что «в Эчмиадзинском уезде, в 3 верстах от селения Вагаршакат имеется построенный на средства Эчмиадзинского монастыря памятник об освобождении Генералом Красовским Эчмиадзинского монастыря от персиян 17 Августа 1827 года; представляет он собой пятисаженный, почти вполне сохранившийся конус на четырехугольном постаменте, сложенный из тесанного местного камня. ... В делах Эчмиадзинского синода, имеется дело из которого усматривается, что постройка памятника закончена в 1839 г.»⁵. Появление данного памятника «по

¹ Потто В. А. Памятники времен утверждения русского владычества на Кавказе. Вып. I. Тифлис, 1906. С. 76–77.

² Там же. С. 80.

³ Там же. С. 77.

⁴ Там же. С. 89.

⁵ РГИА. Ф.1284. Оп.188. Д.119. Л. 3 об.

горячим следам» – через 10 лет после совершения события, стало отражением того идеологического значения, которое, по мнению российских военных имела передача Армяно-Грегорианской церкви одной из ее ведущих святынь. Памятник должен был стать неким вещественным воплощением отношения Российской империи к армянам, а также – одним из идеологических аргументов в проводимой на Восточном направлении внешней политики. Так, по мнению барона Г. В. Розена, армянская диаспора, рассеянная по всей Средней Азии вплоть до Индии, могла бы оказать существенную помощь в усилении Российской империи в регионе. «Один только Эчмиадзин соединяет их и делает их всех братьями. Чем далее они от него, тем более их к нему привязанность»¹, писал он в 1838 г. в своем докладе на имя Николая I. – Россия, контролируя Эчмиадзин имеет мощные рычаги воздействия даже на армян, живущих в Мадрасе, которые в 1828 году, после освобождения его от Персов устроили торжества на территории Британской Индии². В условиях XX в., для фиксации в памяти местного населения значения исторического события, губернатор считал необходимым поместить на памятник металлическую доску «с подобающей надписью и креста»³.

В 30–40 гг. XIX в. российско-горское противостояние, названное современниками Кавказской войной, вспыхнуло с особой силой. Ухудшение положения российских войск в Дагестане, Чечне и на Черноморском побережье Кавказа вынуждало администрацию проводить срочные мероприятия, в том числе и идеологического характера. Назначение Николаем I на пост первого Кавказского наместника М. С. Воронцова стало отправным моментом множества мер и реформ военного, гражданского, социального, административного, культурного характера, в том числе и мероприятий в сфере мемориализации. Сюжетами становились события недавнего прошлого – утверждения российской власти в Закавказье в первые десятилетия XIX в. Поиски примеров героизма, самоотверженности, верности воинскому долгу, пренебрежения к невероятным трудностям

совпали с желанием наместника найти в образах своих предшественников легитимацию собственных действий. Все это дало мощный толчок для первой массовой волны коммеморации памяти выдающихся русских военных в Закавказье.

В 1845 г. в Закаталах при личном участии М. С. Воронцова был возведен памятник на месте смерти генерала В. С. Гулякова. Он погиб в январе 1804 г. во время экспедиции российских войск в Джаро-Белоканскую область, предпринятой по официальной версии, «для возвращения Грузии ее древнего достояния»⁴ – нагорий северо-восточного приграничья. Мятежные джарские лезгины в горной теснине заманили отряд в ловушку, где одним из первых был убит генерал Гуляков. «Несмотря на поражение, понесенное русскими войсками, упорный бой этот произвел на лезгин такое впечатление, что на следующий же день старшины их явились в лагерь с просьбой о пощаде; они внесли всю следующую с них дань, вновь присягнули на подданство, и спокойствие в Кахетии с этих пор уже не нарушалось»⁵, – комментирует событие В. А. Потто.

В 1830 г., когда с закладкой генералом Паскевичем в Закаталах русского укрепления в области было окончательно установлено имперское управление, среди офицеров гарнизона, когда-то служивших под начальством Гулякова, возникла идея соорудить памятник генералу и открыта подписка для сбора средств. Николай I, на чье имя было отправлено прошение, не только поддержал инициативу офицеров, но и все расходы «повелел принять на счет государства. В то же время составление проекта памятника он поручил известному художнику Брюллову»⁶. Однако, эскалация военных событий на Кавказе в 30-е гг. не дала возможность немедленно реализовать проект даже несмотря на вовлечение в него столь значимых фигур. Возведение монумента затянулось, и он был открыт только 15 ноября 1845 г., благодаря самой деятельной поддержки со стороны М. С. Воронцова. «Маститый вождь, убежденный сединами, лично присутствовал при этом торжестве, желая почтить память своего начальника, под командой которого, за

¹ Государственный исторический музей (ГИМ). Ф. 6. Оп. 1. Д. 6. Л. 110.

² Там же.

³ РГИА. Ф. 1284. Оп. 188. Д. 119. Л. 3 об.

⁴ Потто В. А. Указ. соч. С. 110.

⁵ Там же. С. 112.

⁶ Там же. С. 114.

сорок лет перед тем, он еще юношей начал первую боевую кавказскую службу»¹, – комментирует событие имперский идеолог.

Сам же памятник победителю персов и лезгин был выполнен с большим художественным вкусом. Он представлял собой высокую узорную четырехгранную колонну, отлитую из чугуна, установленную на чугунном пьедестале. Основным украшением выступали коронованные имперские орлы, отлитые в виде барельефа на четырех углах карниза, гирлянды и герб генерала, помещенный под надписью: «По соизволению Государя Императора Николая I сооружен в память храброго генерал-майора Гулякова, убитого на сем месте в 1804 году в сражении с лезгинами». Военная символика монумента передавала зрителю послание не столько о скорби по погибшему, сколько о военной мощи империи, а в «фоновую историю», отраженную в надписи закралась «небольшая, по словам В. А. Потто, – неточность: Гуляков убит не на том месте, где ему поставлен памятник, а в самом ущелье, в полуверсте от нынешней крепости. Там росло тогда большое развесистое дерево, расщепленное русским ядром, и следы удара не изглаживались до последнего времени, как будто для того, чтобы сохранить потомству место, где погиб один из первых пионеров русского владычества в Закавказье. Возле этого то дерева, обрызганного, может быть кровью Гулякова, первоначально и предполагалось воздвигнуть памятник, но опасение оставить его без всякого присмотра в глухой, полу-враждебной земле, заставило Воронцова отказаться от этой мысли; памятник был поставлен в ограде православной церкви внутри самой крепости»².

Начиная с этого момента, имперские власти бились над решением непростой дилеммы, неразрывно связанной с выбором места для возведения памятника: выполняли свою идеологическую задачу памятники, возведенные на исторически достоверном, но мало посещаемом людьми месте, или в том населенном пункте, где монумент априори не найдет себе аудитории для передачи идеологического послания; или памятник выгоднее возвести в крупном центре, имеющем хоть и косвенное отношение к комме-

мулируемому событию, но зато могущего осуществлять техническую, финансовую, да и идеологическую поддержку проекта. Второй по хронологии памятник Закавказья, открытый М. С. Воронцовым, поставил данную проблему в еще более явном виде.

Посреди Армянского нагорья, «на левом берегу реки Бамбак-чай, в 40 сажнях от шоссе-ной дороги, идущей от селения Делижан в город Александрополь»³, в начале XIX в. стоял скромный обелиск казенной формы с простым крестом наверху. Столь же скромны были и раздуваемые имперской пропагандой⁴ заслуги похороненного под ним человека – майора Монрезора – офицера, английского происхождения. В должности батальонного командира иностранец служил в Тифлисском полку, но «служба долго не представляла ему ничего, что могло бы ярко выдвинуть его из среды товарищей»⁵, – пишет В. А. Потто. В июле 1804 г. российские войска, осаждавшие Эривань терпели недостаток в продовольствии – перед штурмом персы выжгли окрестности города, для доставки которого в тыл была послана воинская колонна. Ошибка, допущенная командованием, оказалась роковой: жители еще «незамирной местности» в которой к тому же действовали отряды персов и восставших против российского владычества грузинских князей с полным безразличием отнеслись к нуждам русских. В результате, не успев пройти и нескольких верст от блокадного корпуса, колонна оказалась окружена персидской конницей, к которой на каждом шагу прибывали новые толпы казахских и борчалинских татар»⁶. Под селением Серали русский отряд был окружен и совместными усилиями персов, татар и грузинских князей уничтожен. Монрезор вместе с 3-я офицерами и 94 нижними чинами был убит, и лишь 15 тяжелораненых солдат попали в плен, а один бежал с поля боя.

Фоновая история памятника повествовала о гордом отказе Монрезора сдаться в плен грузинскому царевичу Александру и героической обороне русских, акцентировала

³ РГИА. Ф. 1284. Оп. 188. Д. 119. Л. 2.

⁴ Рассказ, составленный В. А. Потто, был перепечатан в четырех отдельных изданиях. См.: Геройский подвиг Монрезора // Кавказ и его герои / Сост. И. Н. Захарьин. СПб., 1902. С. 249–251.

⁵ Потто В. А. Указ. соч. С. 117.

⁶ Там же. С. 119.

¹ Потто В. А. Указ. соч. С. 114.

² Там же. С. 115.

внимание на ранении Монтрезора, который и после него, сняв мундир до последнего вздоха оборонял пушку, а также на его предложение после первой атаки, оставшимся в живых солдатам спастись с поля боя, от которого все, кроме одного барабанщика ответили отказом¹. Вся история подчеркивала «постановочные цели коммеморации» и показывала яркий пример того, что западные исследователи называют «переплыванием истории в политику», ведь реальные обстоятельства смерти Монтрезора и гибели его отряда местные жители, а тем более персы или восставшие грузины не могли рассказать русским, а куда делись пленные и бежавший с поля боя солдат осталось неизвестно. В истории гибели отряда Монтрезора в официальных источниках был достоверно отражен лишь один факт: русский блокадный корпус так и не смог взять Эривани и возвращаясь из-под нее, на обратном пути один из отрядов наткнулся на место гибели товарищей. В отряде находился молодой князь М. С. Воронцов, на которого увиденная им картина произвела глубокое впечатление².

Туманны были и обстоятельства возведения памятника в степи возле дороги. Как свидетельствует отчет губернатора Эриванской губернии, вскоре после гибели Монтрезора, его сестра, приехав на место гибели русского отряда на свои средства поставила убитому частный надмогильный памятник³, причем в нем коммеморирован был только один человек – сам Монтрезор, а смерть его подчиненных служила лишь фоном, подчеркивавшим трагичность гибели командира. Губернатор отмечал, что вплоть до начала XX в. родственники погибшего поддерживали памятник, а его отдаленные потомки – «дочь сестры погибшего» даже приезжали в 1884 г. отметить юбилей. Все это превращало памятник в мемориал, отвечающий больше «частной инициативе, чем общественному интересу»⁴.

Подобная трактовка мемориальной деятельности, разумеется, не устраивала имперских идеологов и в своем труде, В. А. Потто приводит иную версию. Не отрицая факт пребывания родственников погибшего на поле битвы, он приписывает инициативу со-

оружения памятника сослуживцам Монтрезора. По его свидетельству, П. Д. Цицианов и офицеры Тифлисского полка были настолько потрясены гибелью подававшего большие надежды командира, что тогда-же – во время отступления отряда от Эривани – «пожелали увековечить славный подвиг товарища сооружением на месте его смерти небольшого скромного обелиска, и Цицианов сам написал ему эпитафию. Говорят, что эпитафия была достойна полководца. Но, к сожалению, землетрясение 8-го октября 1827 г. совершенно разрушило памятник, а вместе с ним погибла драгоценная надпись»⁵. Имперских идеологов не смущали явные нестыковки истории – испытывавший лишения, ослабленный и отступавший от не взятой крепости отряд, вряд ли стал бы возводить мемориалы на враждебной территории, зная к тому-же, что все следы пребывания противника на своей земле будут уничтожены местным населением сразу же по их уходу. Свет на то, что же из себя представляла первая версия мемориала павшим героям не проливалась и трогательная дополнительная деталь о том, что во время своей поездки в Персию осенью 1828 г. А. С. Грибоедов, посетил то, что осталось от памятника Монтрезору и долго, но многозначно молчал над одинокой могилой, «заваленной безобразною грудой камней»⁶.

Как бы то ни было, частное захоронение майора в середине 40-х гг. XIX в. приобрело статус общественно-значимого памятника, когда князь М. С. Воронцов приказал возобновить обелиск. «Памятник этот построен из черного камня, выкрашенный простою сизою краской, вышиной 4 аршина и 11 вершков. Общий вид его представляет правильную четырехгранную пирамиду с боковыми гранями и равносторонними треугольниками. Площадка, на которой стоит памятник, обведена с трех сторон (с севера, востока и запада) рвом, а южная сторона заканчивается обрывистым берегом реки Бамбак-Чай. По заявлению местных старожилов покойный майор Монтрезор был убит на месте поставленного памятника»⁷, – свидетельствует губернатор в официальном отчете. «На северном углу этого памятника,

¹ Потто В. А. Указ. соч. С. 119.

² РГИА. Ф. 1284. Оп. 188. Д. 119. Л. 2.

³ Там же.

⁴ Commemoration... P. 19

⁵ Потто В. А. Указ. соч. С. 120.

⁶ Там же. С. 120.

⁷ РГИА. Ф. 1284. Оп. 188. Д. 119. Л. 2–2 об.

посередине, укрепленна оловянная доска с нижеследующей надписью: «На этом месте 27 Августа 1804 года убит храбрый майор Тифлисского пехотного полка Монтрезор со сборною командою в 100 человек, следовавших с запасами к отряду под Эривань; Он был атакован и окружен 600 персиян под предводительством Эмир Кули-Хана и лег на месте со всеми храбрыми его сподвижниками. При возвращении князя Цицианова из-под Эривани тела героев были найдены 13 Сентября Бригад-Майором при отряде, Гвардии Капитаном, Графом Воронцовым, впоследствии Наместником и Главнначальствующим на Кавказе»¹. Общий вид памятника был весьма символичен: крест над каменным основанием передавал не столько скорбь по погибшему (полное имя Монтрезора имперскими идеологами так и не было установлено), сколько мессианскую идею. Для того же, чтобы передать в послании памятника и фоновую историю, связанную с героизмом тех, кто пал, выполняя эту миссию, потребовалась ее словесная фиксация на табличке. Подобная закономерность по мнению западных исследователей, часто прослеживается на примере тех памятников, которые для своего художественного образа используют неоднозначные символы. В этом случае, «длинна памятной записи может достигать размера целого трактата»².

Стремился ли в надписи М. С. Воронцов увековечить память о своих бывших сослуживцах, или факт его собственной причастности к событиям 40-летней давности, оставался так же открыт. «Кто составил ее – неизвестно, – пишет о надписи В. А. Потто, – но, к сожалению, она неверно передает самое событие: Монтрезор не сопровождал транспорта, а, напротив, сам шел за транспортом, который должен был принять в Караклисе и отправить к Эривани»³. Тем не менее, несмотря на то, что мемориал, был воздвигнут в середине 40-х гг. XIX в. с явно постановочными целями, все его детали были подобраны для своего времени крайне удачно: черный камень – символ скорби, отбрасывающий на вершине металлический крест – знак того, что Российская империя в Закавказье распространяет «свет цивили-

зации». Кроме того, памятник, поставленный на территории проживания православного армянского населения, сохранялся в относительной безопасности вплоть до начала XX в.

По-иному сложилась судьба памятника, воздвигнутого М. С. Воронцовым в Закавказье еще одному человеку – П. С. Котляревскому, с именем которого была связано начало службы будущего Кавказского наместника.

В 1846 году М. С. Воронцов посетил Елизаветполь – бывшую Ганжу, – штурм которой Кавказском корпусом под командованием П. Д. Цицианова в декабре 1803 г. оброс массой легенд, и, «объезжая ее окрестности указал то место, на котором впервые был ранен Котляревский. Он приказал поставить здесь памятник, чтобы почтить имя вождя, перед которым с изумлением останавливались позднейшие историки»⁴. Инициатива М. С. Воронцова была реализована немного позднее. «В западной части города Елизаветполя, отмечает губернатор в своем отчете, – находится каменный памятник, поставленный Генералу Котляревскому в 1850 году бывшим Главнначальствующим и Наместником Кавказа Графом Воронцовым и сооруженный на его личный счет. Памятник поставлен на том месте, где был ранен в первый раз пулей в ногу при взятии крепости Ганжа и садов Елизаветполя в то время еще капитан Котляревский. В настоящее время памятник находится совершенно в исправном виде, исправляется и находится в распоряжении Асландузского резервного батальона»⁵. При этом, вид мавзолея, воздвигнутого, по словам В. А. Потто «за городом среди не застроенных еще пустырей..., не представляет собой ничего выдающегося в смысле идеи или работы»⁶: это был стандартный обелиск «в форме призмы» с «острым 4-х конечным углом, на котором прикреплен медный шар, в который водружен небольшой медный крест, имеющий в основании своем изображение луны. Памятник со всех сторон обнесен красивой железной решеткой и с трех сторон имеет чугунные плиты»⁷. Символика «креста, попирающего полумесяц», должна была нести послание о победе в Закавказье Христианства над Исламом, что в глазах

¹ РГИА. Ф. 1284. Оп. 188. Д. 119. Л. 2 об.

² Commemoration... P. 19.

³ Потто В. А. Указ. соч. С. 121.

⁴ Там же. С. 106.

⁵ РГИА. Ф. 1284. Оп. 188. Д. 13. Л. 2.

⁶ Потто В. А. Указ. соч. С. 106.

⁷ РГИА. Ф. 1284. Оп. 188. Д. 13. Л. 2.

нехристианского населения могло носить даже несколько оскорбительный оттенок – как и многие европейские колониальные памятники – «напоминать местным, кто здесь главный»¹. С точки же зрения официальной имперской идеологии, сам монумент был ценен той «фоновой историей» о подвигах генерала, которую он транслировал будущим поколениям: при взгляде на этот памятник «так и повеют на вас предания старого Кавказа»², – отмечал В. А. Потто.

Оригинальный посыл был заложен в памятных досках, укрепленных на мемориале. Надпись на одной из них отмечала, что «близ сего места 2 Декабря 1803 г. при занятии садов и форштадта крепости Ганжи под Главным Начальством и в присутствии генерала-Князя Цицианова, ранен в первый раз пулею в ногу 17-го Егерского полка Капитан Котляревский»³, – то есть просто коммеморировала памятное событие, зато вторая четко связывала память о герое с высшим лицом в Кавказской администрации. «Скромный сей памятник герою Асландуза и Ленкорана соорудил в 1850 году, бывший с ним в этом деле, гвардии поручик граф Воронцов, в последствии Главнначальствующий и Наместник на Кавказе»⁴, обращая, таким образом, память на службу имперским политическим задачам 40-х – 50-х гг. XIX в. Третья плита, установленная значительно позже – уже в конце XIX в. служила целям иной политической реальности, свидетельствовала о том, что памятник, сооруженный М. С. Воронцовым оказался воздвигнутым в неправильном месте и, не найдя себе среди мусульманской Ганжи аудитории, готовой к восприятию его послания, был заброшен, причем даже само воспоминание о мемориале исчезло из памяти местных жителей. Лишь российские военные расквартированного в Елизаветполе гарнизона стали той социальной стратой, которая была готова к восприятию послания памятника. Как свидетельствует В. А. Потто, в 1893 г., прогуливаясь за городом один из офицеров гарнизона – штабс-капитан Гильчевский – наткнулся на остатки монумента. «Он любопытствовал взглянуть на эту маленькую, полу-обвалившуюся пирамид-

ку; сочетание двух имен: Воронцова и Котляревского, глубоко поразило его»⁵. Причем даже не это, а факт, что сделавший находку офицер сам принадлежал к Асландузскому батальону – подразделению, которым когда-то командовал Котляревский и которое в своем названии сохраняло память об одной из блестящих побед, достигнутых генералом в войне с Персией. Войсковая часть взялась реставрировать мемориал, поместив на него еще одну памятную доску, тщательно перечислявшую участников работ: «Реставрирован в 1894 году Асландузским резервным батальоном в командование Полковника Чирдилели при участии штаба 14 Гренадерского Грузинского полков, при помощи Михайловского ремесленного училища»⁶. Печальная надпись четко свидетельствовала, что круг социальной страты, на которую в мусульманском регионе мог воздействовать мемориал к рубежу XIX–XX вв. так и не смог выйти за рамки двух войсковых частей и одного русского учебного заведения.

При этом, судьба памятника П. С. Котляревскому контрастировала с судьбой мемориалов города, коммеморировавших поступки его противников, которых местное население хотело помнить. Местами памяти стали соборная мечеть города и бывший ханский дворец. Их фоновые истории оказались столь красочны, что перед соблазном их записать не устоял даже директор Военно-исторического музея В. А. Потто. Показательно, что смешение образов в переименованной в Елизаветполь Ганже произошло и во время мемориальной деятельности: тело Джеват-хана, было похоронено в «ограде мечети Шах-Аббаса со всеми подобающими почестями и над могилой установлена пышная надгробная плита»⁷, в то время, как русские «герои, павшие при взятии Ганжи: майор Бартенев, капитан Каловский, поручик Кейт и все нижние чины преданы были земле в двух братских могилах у армянской церкви... В настоящее время, – сокрушается В. А. Потто, – остались лишь едва заметные следы могильной насыпи, где погребены нижние чины и потому не лишне было бы отметить ее, на память позднейшим поколениям, хотя бы простым крестом»⁸.

¹ Paxman J. Empire. What Ruling the World Did to the British. London, 2011. P. 3.

² Потто В. А. Указ. соч. С. 106.

³ РГИА. Ф. 1284. Оп. 188. Д. 13. Л. 3.

⁴ Там же.

⁵ Потто В. А. Указ. соч. С. 107.

⁶ РГИА. Ф. 1284. Оп. 188. Д. 139. Л. 2–3.

⁷ Потто В. А. Указ. соч. С. 103.

⁸ Там же. С. 100.

Несмотря на то, что коммеморация деятельности ханов Ганжи имела косвенное отношение к истории распространения российской власти в Закавказье, а места памяти, связанные с ханским прошлым, могли расцениваться, скорее, как сопротивление ей, мемориалы и в начале XX в. сохранялись в Елизаветполе. Так, губернатор отмечал, что одним из них является ханский дворец, «воздвигнутый внуком владетельного хана Челябиня-Магомед-Гасан-Ханом в 1798 году. Дворец двухэтажный, имеет 6 комнат; он служил местом заседания суда и назывался “Диван-Хана”. Дворец тщательно периодически поддерживается ремонтом на казенные средства; почему как самый дворец, так и все службы его равно – сад и бассейн находятся вполне в исправном состоянии»¹. Чтобы хоть как-то связать дворец с историей «распространения русского владычества», в середине XIX века было решено приспособить памятник былой независимости Ганжи под новые идеологические нужды: по указанию М. С. Воронцова над входом в сохранившуюся часть дворца была установлена мраморная доска с вызолоченной надписью: «Здесь жил покоритель Ганжи князь Цицианов». Однако, попытка использовать потенциал старого монумента для трансляции нового, уже имперского послания явно не удалась: население, несмотря на все старания властей, упорно не хотело видеть в остатках дворца символ имперского присутствия. «Не без волнения, – пишет В. А. Потто, – любознательный путешественник переступает порог этих комнат, но он не найдет теперь в них ничего из той

обстановки, которая была при Цицианове. Даже единственное украшение их – мраморная дощечка с надписью и та пропала бесследно. Теперь эти забытые комнаты, которые удостоил своим посещением император Александр II, приходивший сюда, чтобы поклониться памяти славного вождя, служат для помещения дервишей; ... все переделано и остался нетронутым только один камин или очаг, перед которым сживал Цицианов, погруженный в свои глубокие думы. Здесь, перед самым этим камином, больной, тревожимый мрачными предчувствиями, он проводил тяжелые бессонные ночи, приготавливаясь к походу в Баку»². В памяти жителей Ганжи образ Цицианова был куда менее поэтичным и ассоциировался не с глубокими размышлениями о судьбах имперской власти в Закавказье, а с городской легендой о не прекращавшемся ни на минуту ночном вое собак под окнами его резиденции³.

Вместе с тем, обращение М. С. Воронцова к образам своих предшественников и прежде всего – П. Д. Цицианова, неслучайно. По точному наблюдению Марка Петерсона, мемориализация часто становится важным инструментом, с помощью которого властные структуры утверждают свой авторитет и легитимируют свою текущую деятельность, «сплавляя вместе в сознании людей модель почитания прошлого и срочные идеологические требования современности. ... Каждый акт коммеморации здесь чтит больше идеал, чем конкретный исторический факт, который напрямую обращен к аудитории с постановочными целями»⁴.

¹ РГИА. Ф. 1284. Оп. 188, Д. 139. Л. 1.

² Потто В. А. Указ. соч. С. 102.

³ Там же. С. 102–103.

⁴ Commemoration... P. 9.

Т. А. Бульгина, В. С. Клопихина

ОРГАНИЗАЦИЯ ИСПАРТА КАК ИНСТРУМЕНТА ВЫРАБОТКИ СОВЕТСКОГО КОНСТРУКТА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ

Проблемы советской идентичности сегодня актуализируются поисками опор для новой российской идентичности. Прослеживается попытка гуманитариев понять природу процесса идентификации, использовать опыт предыдущего периода, чтобы уяснить средства и этапы формирования национальной идентичности, причины ее разложения¹. Безусловно, одним из импульсов изучения советской идентичности стало признание того, что она сохраняет свой потенциал и в современном российском обществе, и в обществах ближнего зарубежья. Как показал М. Флорин на основе анализа социологических опросов и включенного наблюдения, «прежняя советская идентичность остается важной частью повседневности»².

В пространстве исторической науки, хотя и в меньшей мере, идет реконструкция основных составляющих частей и средств формирования новой идентичности в советском обществе. Такими, к примеру, являются работы А. Савина³. Целью данной статьи

является анализ одного из путей формирования схемы советской историографии как основы нового типа исторической памяти, призванной создать единую советскую идентичность. Речь идет о создании новой модели исторической памяти на основе изучения источников деятельности Истпарта на Северном Кавказе.

Социальный проект большевиков по созданию нового коммунистического общества содержал в себе наряду с грандиозным и трагическим разрушением всего прошлого – от истории до социальной системы – предлагал и созидательные шаги, исходя из собственной доктрины, в первые послереволюционные годы разработанным В. И. Лениным, а впоследствии – И. В. Сталиным. На наш взгляд, прагматические задачи были связаны с политическим, с социальным и экономическим выживанием новой власти и общества, т.к. без общества власть становится бессмысленной. Однако надо всем этим на всех этапах советского государства возводилось разными способами здание идеологии, заменившее Царствие Божие. Среди идеологических инструментов особое место занимало конструирование новой модели исторической памяти, для чего создавались и специальные организационно-научные институты. К такому институту можно отнести Истпарт со своими местными отделениями.

Истпарт был составляющим элементом грандиозного, хотя и в определенной мере, утопического проекта формирования нужного абриса массового сознания. Так, летом 1918 г. была открыта Социалистическая академия общественных наук, переименованная в Коммунистическую академию в 1924 году. В 1921 г. был создан Институт Красной профессуры (ИКП), в 1923 г. – Россий-

115

¹ Кара-Мурза С. Г. Советская цивилизация. М., 2016; Бобрихин А. А., Егорова С. И. Одежда и мода как средство формирования советской идентичности // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2015. № S18. С. 21–25. URL: <http://e-koncept.ru/2015/75242.htm>; Дибиров А. З., Белоусов Е. В. Война идентичностей // Вестник Института социологии. 2014. № 11. С. 127–147; Герштейн И. З. Основные этапы и особенности процесса становления советской национально-государственной идентичности // Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского SWorld – 17–26 December 2013 <http://www.sworld.com.ua/index.php/ru/conference/the-content-of-conferences/archives-of-individual-conferences/dec-2013>. Perspective innovations in science, education, production and transport '2013; Гаджиев К. С. Национальная идентичность: концептуальный аспект // Вопросы философии. 2011. № 10. С. 3–16.

² Мориц Флорин. Элиты, русский язык и советская идентичность в постсоветской Киргизии // Неприкосновенный запас. 2016. № 6. С. 226–233.

³ Тураев В. А. Кризис советской идентичности как фактор распада СССР // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология». 2016. Т. 15. С. 64–76; Савин А.

«Ордена и отличия нам нужны...». Роль наград в формировании советской идентичности // Россия XXI. 2015. № 5. С. 28–37.

ская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН), а 1925 г. было организовано под председательством М. Н. Покровского Общество историков-марксистов¹. С 1920 г. функционировал Институт К. Маркса и Ф. Энгельса, который в 1922 г. стал самостоятельным научным учреждением при ВЦИК². В 1923 г. был организован Институт В. И. Ленина, который был торжественно открыт на XIII съезде РКП(б) в 1924 г.³. В 1931 г. оба института слились в единый институт Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК ВКП(б). С 1956 по 1991 гг. он просуществовал под названием Институт марксизма-ленинизма (ИМЛ) при ЦК КПСС.

Создание этих двух научных институтов стало началом формирования Истпарта. Дело в том, что сразу после прихода к власти большевиков встала задача формирования новых источников для создания советской историографии, в соответствии с идеологическими задачами советской власти. В 1918 г. было опубликовано обращение секретариата ЦК РКП(б) «Ко всем партийным организациям», призывающее присылать материалы об их деятельности. В. И. Ленин в личных беседах с М. Н. Покровским и В. В. Адоратским в 1919 г. поставил конкретную задачу написания хроники событий Октябрьской революции⁴. В августе 1920 г. при Государственном издательстве (Госиздат) была образована Комиссия по истории партии. По словам М. Н. Покровского, идею образования комиссии высказал М. С. Ольминский, назначенный ее председателем⁵.

В 1920 г. было принято постановление СНК РСФСР об учреждении Комиссии для собирания и изучения материалов по истории Октябрьской революции и Российской

Коммунистической партии при Народном комиссариате просвещения в составе 9 членов, утверждаемых СНК⁶. По предложению М. С. Ольминского эту комиссию стали сокращенно именовать Истпарт⁷. Это учреждение имело конкретную задачу, без которой новая модель историографии и шире – советской исторической памяти не могла стать легитимной. Речь шла о сборе источников по истории партии и революции. Истпарт мог создавать местные бюро при региональных отделах народного образования, которые возглавляли уполномоченные по рекомендации губернских, областных и республиканских комитетов партии. Уполномоченные одновременно занимали должность политических комиссаров при заведующих губернскими архивными управлениями⁸. На первом этапе функционирования Истпарта его руководство одновременно возглавляло Главархив⁹.

Симптоматично, что цель Истпарта рассматривалась ее создателями как орудие борьбы в идеологическом противостоянии с противниками большевизма. Первая информация о задачах новой организационной структуры прозвучала на IX конференции РКП(б) в сентябре 1920 г. в выступлениях М. С. Ольминского и М. Н. Покровского. Работе Истпарта была посвящена брошюра «Ко всем членам партии», выпущенная 50-тысячным тиражом. Создание Истпарта было объявлено ответной мерой на выпады враждебной идеологии. Авторы брошюры напоминали, что «кадет Милюков выпустил несколько томов» истории русской революции, «меньшевик Суханов напечатал толстый том «Записок о революции»...». Еще одна причина создания Истпарта – разработка идеологически правильной схемы изложения истории коммунистических организаций и хода революции 1917 г. в провинции, т.к. лавина местных изданий Украины, Дона, Кубани по историко-революционной тематике, составлены не «с пролетарской точки

¹ См. подробнее об этом: Очерки истории отечественной исторической науки XX века: Монография / под ред. В. П. Корзун. Омск, 2005; Очерки истории исторической науки в СССР. Т. IV. / под ред. М. В. Нечкиной. М., 1966; Алексеева Г. Д. Октябрьская революция и историческая наука в России. (1917–1923). М., 1968; Иванова Л. В. У истоков советской исторической науки (Подготовка кадров историков-марксистов в 1917–1929 гг.). М., 1968 и др.

² Рокитянский Я. Г. Из биографии академика Д. Б. Рязанова: разгром Института К. Маркса и Ф. Энгельса (март 1931 г.) // Отечественные архивы. 2008. №4. С. 10–23.

³ Постановление XIII съезда РКП(б) О работе Института Ленина // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т.3. 1922–1925. 9-е изд. М., 1984. С. 283.

⁴ Пролетарская революция. 1930. № 7–8. С. 138–139.

⁵ Там же. С. 138.

⁶ Бюллетень Истпарта № 1. М., 1921. С. 7.

⁷ Остроухова К. А. О работе в Истпарте // Вопросы истории КПСС. 1967. № 6. С. 92.

⁸ Пролетарская революция. 1930. №5. С. 165.

⁹ М. В. Зеленев. Аппарат ЦК РКП(б) – ВКП(б), цензура и историческая наука в 1920-е годы. Нижний Новгород, 2000. С.182–238 // Электронное периодическое издание «Открытый текст». URL: <http://www.opentextnn.ru/censorship/russia/sov/libraries/books/zelenov/?id=2142> (дата обращения: 24.03.2011)

зрения»¹. Обращаясь в 1921 г. ко всем гражданам России о создании и работе Истпарта, его руководители предостерегали от частной инициативы в деле сбора документов и описании революционных событий, подчеркивая необходимость руководящей роли Центра в этом деле: «кому дорога работа в целом, тот не будет противопоставлять и предпочитать этому организованному в общегосударственном масштабе делу индивидуальное кустарничество»².

С 1 декабря 1921 г. руководство Истпартом перешло непосредственно к ЦК РКП(б), а местные бюро Истпарта с 15 декабря 1921 г. были введены в штаты губернских и областных комитетов РКП(б)³. Однако создание региональных отделений Истпартов оказалось делом сложным, а порой, и невыполнимым из-за нехватки средств, кадров, сложной политической и межэтнической обстановки. Например, по официальным данным с 1920 по 1923 годы было создано около 100 региональных Истпартов, а в реальности их было гораздо меньше⁴. Вначале своей деятельности Истпарт ЦК предоставил местным отделениям «полную инициативу и свободу в определении линии своей полезной работы» с условием нахождения ее «в поле зрения Истпарта»⁵. К этому вынуждала слабая коммуникация центрального Истпарта со своими местными отделениями.

Одной из основных форм влияния Истпарта ЦК на местные Истпарты был журнал «Пролетарская революция», на страницах которого публиковались помимо документов, воспоминаний, исследовательских статей, рецензий, инструкции Истпарта. Журнал был трибуной идей работников Истпарта и одновременно его методическим центром. Для установления более прочных связей Истпарта с региональными отделениями предлагалось все командируемым в Москву парторботникам губернских и областных организаций Истпартам в обязательном порядке посещать Истпарт⁶. Переломным моментом в работе местных Истпартов стал XII

съезд РКП(б), когда в апреле 1923 г. прозвучала критика работы Истпарта ЦК по налаживанию связей с местными отделениями. Тогда же прошло Всероссийское совещание работников 26 бюро Истпартов⁷. Было выработано Положение об Истпарте и его отделах в регионах, уточнен круг его компетенций. Истпарт должен был выработать общий план изучения истории Октябрьской революции и РКП, разрабатывать программы работ для местных Истпартов⁸.

Очередным этапом в функционировании и организации системы Истпарта стало IV Всесоюзное совещание заведующих истпартотделами в январе 1927 г. Стоял вопрос о централизации организации, что совпадало с общей тенденцией централизации и унификации управления в стране. Истпарт ЦК должен был «дать периферии практические указания» для «однородного построения» Истпартов⁹. Ужесточался контроль над качеством и идейным содержанием печатной продукции местных отделов со стороны Центра. Для этого аппарат ЦК выделил 2-х «квалифицированных» разъездных инструкторов Истпарта. Задачам централизации управления работой Истпартов отвечало и укрупнение провинциальных Истпартов «за счет работников мест», в результате чего число местных Истпартов сокращалось с 86 до 59 отделов¹⁰. В результате Истпарты были созданы только в республиканских, областных, краевых и «крупных пролетарских», т.е. в промышленных центрах¹¹.

Изменение организации системы Истпарта в конце 1920-х – начале 1930-х гг. было связано со слиянием его с Институтом В. И. Ленина в 1928 г. согласно решениям XV съезда ВКП (б) об устранении «параллелизма» в работе Института В. И. Ленина с другими подобного типа учреждениями, среди которых был назван и Истпарт¹². В составе института был также создан отдел местных Истпартов, который осуществлял общее руководство и контроль над работой местных Истпартов, утверждая их литературно-изда-

¹ Ко всем членам партии. (Комиссия по истории Октябрьской революции и РКП). М., 1920. С. 4.

² Бюллетень Истпарта № 1. М., 1921. С. 5.

³ Пролетарская революция. 1922. № 4. С. 363.

⁴ Алексеева Г. Д. Истпарт: основные направления и этапы деятельности // Вопросы истории. 1982. № 9. С. 19.

⁵ Бюллетень Истпарта. М., 1921. № 1. С. 5.

⁶ Пролетарская революция. 1922. №8. С. 236.

⁷ Пролетарская революция. 1923. №4. С. 346–365.

⁸ Пролетарская революция. 1923. №8. С. 273–274.

⁹ Пролетарская революция. 1927. №1. С. 266.

¹⁰ Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (далее – ГАНИСК). Ф. 50. Оп. 1. Д. 86. Л. 6, 7.

¹¹ Пролетарская революция. 1928. №11–12. С. 362.

¹² XV съезд ВКП (б). Стенографический отчет. М., Л., 1928. С. 121.

тельские планы. Сами Истпарты продолжали функционировать в качестве отделов республиканских, краевых, областных и других местных партийных комитетов, находясь у них в непосредственном подчинении¹.

Деятельность Истпартов была тесно связана с организацией архивного дела в стране. Объединение Истпарта и Института В. И. Ленина сопровождалось созданием Единого партийного архива, утвержденного постановлением Секретариата ЦК ВКП(б) 28 июня 1929 года. Центральный партийный архив создавался при Институте Ленина, а его филиалы – при местных укрупненных Истпартах. Единый партийный архив хранил «дела и документы партийных комитетов, контрольных комиссии, комсомольских организаций и фракций советских, профсоюзных и других учреждений, отложившиеся в их делопроизводстве и утратившие свое значение для текущей работы»². В 1930-е гг. усиление контроля над работой местных Истпартов сопровождалось доминированием идеологической составляющей работы за счет научной деятельности. Если в первое десятилетие функционирования истпартовской сети в плане работ, предоставляемом в Истпарт ЦК, были обозначены лишь основные темы работы, то во второй половине 1930-х гг. это были подробные планы, в которых описывались все пункты «исследовательской» работы. Надо было вымарывать многие запрещенные имена деятелей партии, революции, гражданской войны, надо было возвеличивать имя Сталина и его нового окружения вплоть до фальсификации, надо было уничтожать по той же причине многие издания.

Письмо Сталина, «О некоторых вопросах истории большевизма», опубликованное в октябре 1931 г. в журнале «Пролетарская революция», стало началом конца Истпарта. Во-первых, Сталин ставил точку на любой дискуссии вокруг ленинского наследия, объявив ленинизм научной аксиомой. Во-вторых, троцкизм был объявлен передовым отрядом контрреволюционной буржуазии, а среди постоянных авторов и редакторов журнала по мнению Сталина было много троцкистов. Редакцию журнала он обви-

нил в либерализме, который граничил, по его мнению, с изменой рабочему классу³. Журнал не выходил весь 1932 г., а в последующие пять лет было выпущено всего 7 номеров. Роль издания как трибуны Истпарта сходила на нет. С 1938 года потребность в деятельности Истпарта отпала окончательно, т.к. историческое знание о революционном движении и большевизме стало унифицированной схемой «Краткого курса истории ВКП(б)» Тогда и возникла идея ликвидации местных Истпартов.

Формальным поводом для закрытия региональных Истпартов стала их неспособность создать самостоятельные научно-исследовательские работы по истории местных партийных организаций из-за нехватки «достаточно квалифицированных, политических кадров». Результатом этого стало изъятие ранее изданной литературы Истпартов как «политически вредной»⁴. В первой половине 1939 г. центральной комиссией было проведено обследование региональных Истпартов⁵. Работа их была признана неудовлетворительной, поэтому прозвучало ожидаемое предложение местные Истпарты закрыть⁶. Постановление ЦК ВКП(б) 2 декабря 1939 г. объявило о закрытии Истпартов и их объединении с местными партийными архивами⁷.

Первой попыткой создания пространства Истпарта на Северном Кавказе была инициатива, П. Н. Иванова в 1920 г., уполномоченного Истпарта ЦК по Северному Кавказу. Он считал необходимым распространение работы Истпартов на Кубанскую область, Черноморскую губернию, Ставропольскую и Терскую губернии⁸. Однако этот процесс затянулся надолго. Советская власть только становилась на ноги в регионе, разрушенном Гражданской войной, обезлюдившим от братоубийственной бойни, от голода, с разоренным хозяйством. Управленческих кадров катастрофически не хватало, опыта мирного строительства социальной жизни не было,

³ Сталин И. В. «О некоторых вопросах истории большевизма» // Сталин И. Вопросы ленинизма. М., 1947. С. 350–361.

⁴ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 1. Д. 196. Л. 49, 50, 142, 144–146.

⁵ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 1. Д. 235. Л. 73, 74.

⁶ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 1. Д. 232. Л. 32–35.

⁷ См.: Алексеева Г. Д. Истпарт: основные направления и этапы деятельности // Вопросы истории. 1982. № 9. С. 28.

⁸ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Д. 191. Л. 2, 3, 6.

¹ Ленин В. И. КПСС и партийные архивы. М., 1960. С. 144, 145.

² Там же. С. 48–50.

а районы захлестнула волна политических восстаний вперемешку с криминалом. Перевод регионов на местное финансирование и призывы Центра экономить на всем усиливали представление местной власти об Истпартах как ненужной заботе.

Создание одного из первых на Северном Кавказе Истпартов в Терской губернии произошло по инициативе гуманитария старой школы В. Р. Апухтина, дворянина, краеведа и археолога, который с 1921 г. был сотрудником Северо-Кавказского института краеведения и членом Российской Академии Истории материальной культуры. Во время командировки в Москву Всеволод Ростиславович узнал о создании Истпартов и выступил инициатором создания Истпарта в Пятигорске. В. Р. Апухтин, несмотря на беспартийность и политическую нейтральность, был назначен заведующим бюро Истпарта¹. С 1 февраля 1922 г. бюро Терского Истпарта стало также отделом губернского комитета РКП(б) во главе с В. Апухтиным².

В начале 1922 г. было создано Юго-Восточное Краевое бюро Истпарта, которое было призвано координировать работу Истпартов на Северном Кавказе. Как отмечал в своем отчете заведующий Донским Истпартом В. Толмачев, связь между отдельными губернскими бюро была очень слабой. Однако ситуация на Юге страны, отсутствие организационного опыта, слабость кадров привели к тому, что после перевода заведующего Н. Степанова на другую работу Краевое бюро распалось, а коллегия Краевого Истпарта вообще не была организована³. Функции Краевого отделения Истпарта по координации деятельности местных отделений выполнял Донской истпарт, созданный в ноябре 1921 года⁴. В 1922 г. были формально открыты Истпарт при Кубано-Черноморском областном комитете РКП(б) во главе с заведующей Е. М. Полуян-Верецкой⁵, Ставропольский истпарт при губернском агитпропе⁶, бюро Истпарта в Кабардино-Балкарии⁷

и Истпарт при Горском Областном Комитете партии во Владикавказе⁸. Для общего руководства местными Истпартами создавались коллегии.

Реально эти бюро не работали, т.к. не было кадров, организационных и финансовых основ. К примеру, из заявленных весной 1922 г. членов Ставропольской коллегии Истпарта уже летом за бездействие были освобождены трое. Это и не удивительно, т.к. один из освобожденных И. Р. Апанасенко возглавил тогда милицию Ставрополья⁹. Даже председатель Ставропольского истпарта бывший узник Шлиссельбурга Я. М. Штейн занимал эту должность по совместительству, т.к. был заместителем заведующего организационным отделом губернского комитета партии. Едва ли серьезный вклад в розыск, сбор и научный анализ материалов революционно-партийной тематики могла внести и научный сотрудник Тальковская-Трифилева, археолог по специальности¹⁰. Кроме того, в 1923 г. На Северном Кавказе были ликвидированы Ставропольский, Горский, Кабардинский, Дагестанский истпарты. Действовали только Донской, Кубано-Черноморский и Терский истпарты. Кроме того, был закрыт кредит и Истпарту Юго-Восточного Бюро ЦК¹¹.

Тем не менее, Центральный истпарт старался привлечь к работе национальные регионы Северного Кавказа, используя особые средства. К примеру, ноябрь 1923 г. в штате Дагестанского комитета РКП(б) числился секретарь бюро Истпарта, получающий содержание по незаполненным штатам агитационно-пропагандистского отдела¹². Во Владикавказе по решению Горского областного парткома, несмотря на отсутствие финансирования из центра, местная партийная организация помогала С. У. Косирати продолжать вести истпартовскую работу. С помощью местной инициативы был создан институт краевых уполномоченных Истпарта по районам. В 1923 г. активно работали уполномоченные в Армавире, Новороссийске, Майкопе¹³. В Терском истпарте при уездных комитетах партии были организованы ячейки Истпарта. Такие ячейки под руководством

¹ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Д. 191. Л. 2, 3.

² РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Д. 359. Л. 19.

³ Пролетарская революция. 1923. № 4. С. 353.

⁴ Пролетарская революция. 1922. № 11. С. 233.

⁵ Пролетарская революция. 1922. № 8. С. 239.

⁶ РКП(б). Ставропольский губернский комитет. Десять месяцев работы. Отчет Губкома на IV-й Губ. Партийной Конференции. Ставрополь, 1922. С. 109.

⁷ Возникновение и укрепление Кабардино-Балкарской партийной организации в 1917–1922 гг. Сб. документов и материалов. Нальчик, 1963. С. 173.

⁸ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Д. 105. Л. 1.

⁹ Власть Советов. 9 апреля 1922 г. № 602. С. 3.

¹⁰ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Д. 319. Л. 1, 7.

¹¹ Пролетарская революция. 1923. № 8. С. 275–276.

¹² РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Д. 359. Л. 69.

¹³ Пролетарская революция. 1922. № 1. С. 290.

Дунина действовали при Георгиевском уездном комитете, а также при Пятигорском уезде РКП(б). Кроме того, в Пятигорском уезде был введен институт районных и волостных уполномоченных по делам Истпарта¹.

В 1925 г. Истпарт ЦК ВКП (б) решил активизировать истпартовскую работу на местах. Дело в том, что отделы Истпарта в ряде местных парткомов были низведены до уровня подотделов агитпропов, что вело к затуханию работы Истпартов на местах². Так было с Терским истпартом³. Неблагополучной была ситуация и с Истпартом в Ставропольском округе. Здесь отдел отсутствовал, а местный агитпроп не брал на себя функции Истпарта, хотя кредит на одного ответственного сотрудника по Истпарту был выделен. Центр просил выделить для Истпарта специального работника⁴. Был выделен Истпарт в Черноморском округе. Для оживления работы по сбору материалов о революционном движении и гражданской войне в Терском, Кубанском и Черноморском округах были созданы бюро Истпартов на уровне районных партийных комитетов. Особенно успешно эта работа велась в Моздоке, Георгиевске, Минеральных Водах⁵. В Сочи, Туапсе, Геленджике действовали уполномоченные Истпарта, которые при необходимости организовывали сеть станичных уполномоченных⁶. При ряде Истпартов по инициативе снизу создавались литературные советы. При Терском истпарте в сентябре 1925 г. создавался литературный совет из 5 членов под председательством заведующей Истпартом Либман⁷. Такой же совет был создан при Ставропольском истпарте⁸.

В 1927 г. в Северокавказском крае были упразднены Донской, Терский, Черноморский, Шахтинский, Армавирский, Грозненский и Ставропольский истпарты. Материалы ликвидированных окружных Истпартов были переданы в распоряжение краевого истпарта⁹. В 1928 г. были упразднены и Владикавказский и Кубанский истпарты¹⁰. Это

стало преддверьем дальнейшей централизации местных отделов и лишения их инициативы. Аппарат Северо-Кавказского краевого истпарта в это время был представлен 4 ответственными и одним техническим работниками. Заведующим истпартом был А. Лиманский¹¹, а научными сотрудниками – Н. Янчевский, И. Борисенко и В. Кононенко¹². На Дону, Тереке, Черноморье, в Ставрополе, Шахтах, Армавире, Грозном, Майкопе, Сальском округе, Адыгее, были назначены уполномоченные, работавшие по совместительству. Кроме того, в регионах работали группы содействия Истпарту¹³.

После слияния Истпарта ЦК ВКП(б) и Института В. И. Ленина в Северо-Кавказском регионе при местном крайкоме партии также стал работать укрупненный Истпарт в составе всего 3 штатных сотрудников. Практическая деятельность Истпарта сосредоточилась в руках уполномоченных Северо-Кавказского истпарта. Это, как правило, были заведующие местными архивными бюро, которые наряду с архивной работой выполняли задания Краевого истпарта¹⁴. Например, в Кубанском округе уполномоченным Северо-Кавказского краевого истпарта был заведующий архивным бюро И. Ф. Митенберг¹⁵, а в 1929 г. в Терском округе уполномоченным был назначен заведующий Терским архивным бюро В. М. Белый¹⁶. В 1929 г. был создан единый партийный архив Северного Кавказа

Загруженность уполномоченных другой общественной и партийной работой не позволяла серьезно развернуть научно-исследовательскую работу, и местная власть попыталась реализовать идею организации в крае специального научно-исследовательского учреждения¹⁷. Однако в 1930 г. эта инициатива не получила поддержки из Центра. Из 5 институтов, намеченных Институтом В. И. Ленина, ЦК ВКП(б) санкционировал открыть только в Ленинграде, Украине, Закавказье¹⁸.

Основной формой истпартовской работы на Северном Кавказе стала организация института истпартовских уполномоченных и

¹ Пролетарская революция. 1924. № 1. С. 300–301.

² Пролетарская революция. 1925. № 3. С. 266.

³ ГАНИСК. Ф. 5938. Оп. 1. Д. 10. Л. 10б.

⁴ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Д. 320. Л. 1.

⁵ Пролетарская революция. 1925. № 5. С. 284.

⁶ Пролетарская революция. 1925. № 10. С. 240.

⁷ ГАНИСК. Ф. 5938. Оп. 1. Д. 793. Л. 50.

⁸ ГАНИСК. Ф. 6325. Оп. 1. Д. 8. Л. 15.

⁹ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 825. Л. 2, 6.

¹⁰ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 1. Д. 140. Л. 6, 14.

¹¹ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Д. 18. Л. 11.

¹² РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Д. 19. Л. 50.

¹³ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 825. Л. 2.

¹⁴ Пролетарская революция. 1929. № 11. С. 303–305.

¹⁵ Государственная архивная служба Краснодарского края. К 85-летию создания... С. 118.

¹⁶ ГАНИСК. Ф. 5938. Оп. 1. Д. 36. Л. 109.

¹⁷ РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Д. 19. Л. 51.

¹⁸ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 2. Д. 216. Л. 151.

групп содействия в районах. Интенсивность работы уполномоченных была неодинаковой и, как показал анализ источников, в основном они эпизодически выполняли небольшие конкретные задания Краевого истпарта. В отличие от центральных органов Истпарта краевое отделение не поддерживало связи с местными отделениями исторических общественных организаций. Например, заведующий А. Лиманский был дважды приглашен в 1931 г. на заседание Северо-Кавказского филиала Всесоюзного общества старых большевиков (ВОСБ) для отчета о проделанной работе, и оба раза не являлся¹. В то же время в 1930-е гг. усилилось сотрудничество краевого Истпарта с Северо-Кавказским краевым Горским научно-исследовательским институтом краеведения, чему способствовал перевод НИИ в 1926 г. в Ростов-на-Дону. Н. Г. Буркин, заведующий Северо-Кавказским горским историко-лингвистическим НИИ, получившим это новое название в 1934 году, по совместительству оставался научным сотрудником Истпарта².

Непосредственное влияние на организацию пространства Истпарта на Северном Кавказе оказали очередные территориальные изменения 1934 году. В январе Северо-Кавказский край был разделен на Азово-Черноморский край с центром в г. Ростове-на-Дону и Северо-Кавказский край с центром в г. Пятигорске. В 1937 г. край был переименован в Орджоникидзевский, а центр его был переведен в Ставрополь, переименованный тогда же в Ворошиловск. Разделился и Истпарт. К тому времени главной задачей местных Истпартов стал сбор материалов для конструирования биографий вождей. Истпарт Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) с центром в Ставрополе (Ворошиловск) должен был обеспечить сбор и изучение материалов о жизни и деятельности С. Орджоникидзе, которому в 1936 г. исполнялось 50 лет. Фактически в штате Истпарта работали лишь заведующие Истпартом Буркин и партийным архивом — Д. А. Давыдов³. Острой была проблема финансирования Истпарта Северо-Кавказского

крайкома ВКП(б). ИМЭЛ по состоянию на март 1937 г. высылала ему только 408 руб. 13 коп. на заработную плату, что было меньше даже зарплаты одного заведующего⁴. Не было финансирования и для организации работы созданных постановлением Северо-Кавказского краевого комитета ВКП(б) в июне 1936 г. филиалов краевого партийного архива при Кабардино-Балкарском, Карачаевском, Черкесском, Чечено-Ингушском, Северо-Осетинском обкомах ВКП(б) и реорганизации Дагестанского отделения партийного архива в филиал⁵. Орджоникидзевский истпарт был ликвидирован постановлением бюро Орджоникидзевского крайкома ВКП(б) от 14 декабря 1939 г., а разработка материалов по истории местных партийных организаций поручалась краевому партийному архиву. Использование материалов краевого партархива для исследовательской работы могло производиться только с разрешения крайкома ВКП(б)⁶.

Мы видим, что вначале перед местной партийной властью стояла задача о включении всего Северного Кавказа в пространство Истпарта для формирования новой модели историографии региона. Этот замысел трансформировался под влиянием условий региона, его отдаленностью от Центра, узостью дореволюционного научного потенциала. Регион при создании истпартовской сети столкнулся с серьезными трудностями материального и кадрового порядка. Тем не менее, в рамках края организационная работа по созданию сети была проведена, что обусловило содержание практической работы местных Истпартов по сбору и изучению материалов по истории революционного движения и истории партии, правда, с разной степенью эффективности. Менялось и содержание работы от добросовестного собирания источников и описания местной истории до создания образов вождей революции на региональном уровне. Ликвидация истпартовской сети проходила согласно решениям ЦК и была связана с тем, что сбор источников был передан в партийные архивы, а модель исторической памяти была создана в виде схемы «Краткого курса ВКП(б).

¹ ГАНИСК. Ф. 50. Оп. 1. Д. 90. Л. 1.

² Калинин С. Б. Горский научно-исследовательский институт краеведения (К 80-летию образования) // Ставропольский хронограф на 2006 год. Краеведческий сборник. Ставрополь, 2006. С. 268.

³ ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 97. Л. 149.

⁴ ГАНИСК. Ф. 66. Оп. 1. Д. 2. Л. 18.

⁵ ГАНИСК. Ф. 66. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.

⁶ ГАНИСК. Ф. 66. Оп. 1. Д. 19. Л. 7, 8.

А. П. Сальков

**ЮГОСЛАВСКО-АВСТРИЙСКИЙ ПРОТИВОРЕЧИЯ В ЮЖНОЙ КАРИНТИИ
В ФОРМАТЕ СОВЕТСКОЙ ВНУТРИБЛОКОВОЙ ПОЛИТИКИ
МЕЖДУНАРОДНОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ АВСТРИЙСКОГО ВОПРОСА
(май 1945 – февраль 1948 г.)**

122

Следствием распада Австро-Венгерской монархии в конце Первой мировой войны стало образование Государства словенцев, хорватов и сербов (Государство СХС, 20 октября – 1 декабря 1918 г.) и республики Германская Австрия. В начале ноября 1918 г. между ними вспыхнула война за северную словенскую границу. После вхождения Государства СХС в состав Королевства сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. – Югославия) конфликт приобрел югославо-австрийский характер. По условиям Сен-Жерменского мирного договора с Австрией от 10 сентября 1919 г. и результатам проведенного в Каринтии 10 октября 1920 г. плебисцита была установлена граница, оставившая национальные меньшинства по обе стороны. Вплоть до конца 1940-х гг. Югославия стремилась к ее ревизии¹. В межвоенный период между Австрией и Югославией сложились ровные отношения. Советско-австрийские дипломатические отношения были установлены в феврале 1924 г., а советско-югославские (ввиду враждебной позиции Белграда) – только в июне 1940 г. Каринтийская проблема не была для СССР приоритетной. После аншлюса Австрии в марте 1938 г. и нападения Германии на Югославию в апреле 1941 г. проблема и вовсе для Москвы потерялась².

¹ См. подробнее: Сальков А. П. Югославо-австрийский конфликт в Южной Каринтии и словенских районах Штирии (ноябрь 1918 г. – октябрь 1920 г.) // Внешнеполитические интересы России: история и современность. Сб. матер. III Всероссийской научной конференции (Самара, 29 апреля 2016 г.) / А. Н. Сквозников (отв. ред.). Самара: Самар. гуманитар. акад., 2016.

² См. подробнее: Сальков А. П. Региональная проблема Каринтии и Штирии в советских внешнеполитических интересах (октябрь 1920 г. – июнь 1941 г.) // Внешнеполитические интересы России: история и современность. Сб. матер. IV Всероссийской научной конференции (Самара, 28 апреля 2017 г.) / А. Н. Сквозников (отв. ред.). Самара: Самар. гуманитар. акад., 2017.

Послевоенная судьба Австрии занимала значительное место в геополитическом планировании союзников по антигитлеровской коалиции. В октябре 1943 г. они приняли Декларацию об Австрии, признав ее первой жертвой фашистской агрессии, что означало восстановление страны в ее прежних границах. Однако концепция формирования Демократической Югославии под руководством КПЮ предполагала возврат всех славянских территорий, потерянных в ходе Версальского урегулирования. С помощью югославских партизан в Каринтии и Штирии было развернуто антифашистское движение (единственных районов в Австрии, да и всего Третьего рейха). Весной 1945 г. в эти районы были введены югославские войска. Белград надеялся при поддержке СССР получить здесь свою зону оккупации, либо сектор внутри советской зоны³.

Развитие конфликта вокруг Южной Каринтии в период советско-югославо-союзнического сотрудничества и подготовки международно-правового урегулирования (май 1945 г. – февраль 1947 г.)

15 мая 1945 г. Иосип Броз Тито издал приказ штабу 3-й армии об участии в оккупации согласованного с Москвой югославского сектора внутри советской зоны, а командующий войсками 3-го Украинского фронта получил соответствующую директиву Ставки о расположении югославских частей южнее и юго-западнее Граца. Однако союзники среагировали быстро и высказались категорически против югославского присутствия на австрийской территории. В послании командующего силами союзников

³ См. подробнее: Сальков А. П. Судьба Австрии и югославские территориальные претензии к ней: позиция СССР в межсоюзнических отношениях (июнь 1941 – май 1945 г.) // Журнал Белорусского государственного университета. История. 2017. № 3.

в Средиземноморье фельдмаршала Харольда Александера от 11 мая и в британской ноте югославам от 12 мая содержалось требование о неотложном выводе всех их вооруженных сил, которые участвовали в изгнании гитлеровцев из районов Австрии вдоль австро-югославской границы, отошедших к британской оккупационной зоне. На просьбу Белграда разрешить, по примеру Советского Союза, присутствие югославского контингента в этой зоне, Лондон дал отрицательный ответ. Во второй половине мая югославским частям пришлось покинуть район британской зоны оккупации. Более того, Лондон укорял Москву за ее попустительские действия. 14 мая в НКВД СССР поступило письмо с замечаниями английского правительства, которое «имеет ряд возражений» против присутствия югославских войск в Австрии¹. В ответном письме первого заместителя наркома иностранных дел А. Я. Вышинского британскому послу в СССР Арчибальду Керру от 31 мая замечания были отклонены. Причем делался акцент на вклад югославам в изгнание оккупантов из Австрии и на то, что решается не территориальный вопрос, как упоминалось в английском письме, а проблема участия в оккупации в зоне советских войск².

4 июля 1945 г. СНК СССР принял постановление о создании «для осуществления контроля за деятельностью австрийских властей» Советской части Союзнической комиссии (СЧСК) по Австрии во главе с военным комиссаром (с июля 1945 по апрель 1946 г.) маршалом И. С. Коневым³. Однако было ясно, что у Москвы нет достаточных рычагов для реализации собственных, а заодно и югославских интересов в районе далекой Каринтии. 9 июля в Лондоне было подписано Соглашение о зонах, которое изменило гра-

ницы советской и британской оккупационных зон в Австрии. Район первоначальной советской зоны вдоль австрийско-югославской границы был включен в британскую зону. Войска находившейся там 3-й югославской армии должны были покинуть австрийскую территорию. Северо-Восточная (Советская) зона с оккупационным контингентом в 250 тыс. расположилась в Нижней Австрии, левобережной Верхней Австрии и Бургенланде на территории 26,27 тыс. кв. км с населением 1 843 тыс. человек (без Вены). Южная (Британская) зона с оккупационным контингентом в 90 тыс. – в Каринтии, включая Восточный Тироль, и в Штирии на территории 25,92 тыс. кв. км с населением 1 302 тыс. человек. В информации от 4 августа 1945 г., поступившей в Политуправление Центральной группы войск (ЦГВ, образована 10 июня 1945 г.), был выделен как провокационный слух: «Область Штирию заняли английские войска. Скоро все части Красной Армии уйдут из Австрии»⁴.

Берлинская конференция (17 июля – 2 августа 1945 г.) учредила Совет министров иностранных дел великих держав (СМИД), возложив на этот орган задачу составления мирных договоров с бывшими союзниками Германии, регламентации «неразрешенных территориальных вопросов... в Европе» и подготовки мирного урегулирования для Германии⁵. Выстраивалась определенная конфигурация. Одним из аспектов германского урегулирования был вопрос об Австрии. В свою очередь, одним из элементов последнего были югославские территориальные претензии к Австрии. Советская дипломатия исходила из приоритетности этих задач именно в указанном ранжировании. Кроме того, отношения СССР и с Западом, и внутри формировавшейся советской сферы влияния определялись политической логикой соотношения сил, когда более слабая

¹ Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил в Европе во Второй мировой войне. Документы и материалы / П. А. Жилин, А. И. Бабин (отв. ред.). М.: Военное изд-во, 1985. Док. 174. С. 199–200; Отношения СССР (России) с Югославией. 1941–1945. Документы и материалы / редкол. И. В. Бухаркин, С. Стоянович. М., 1998. Примеч. 1142. С. 615.

² Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945. Документы и материалы / Г. П. Кынин (ред. кол.). М.: Политиздат, 1983: в 2 т. Т. 2: 1944–1945. Док. 278. С. 394–395; Примеч. 95. С. 459.

³ Советская политика в Австрии. 1945–1955 гг. Сб. док. / Г. Бордюгов, В. Мюллер, Н. Неймарк, А. Суппан. М.-СПб., 2006. Док. 18. С. 82.

⁴ Die Rote Armee in Österreich. Sowjetische Besatzung 1945–1955. Dokumente. Красная Армия в Австрии. Советская оккупация 1945–1955. Документы/Стефан Карнер, Барбара Штельцль-Маркс, Александр Чубарьян. Грац, Вена, Мюнхен, Ольденбург, 2005. Док. 46. С. 218; Док. 66. С. 290. Док. 96. С. 448; Отношения СССР (России) с Югославией. 1941–1945. Документы и материалы. Примеч. 1142. С. 615.

⁵ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. Сб. док.: в 6 т. / А. А. Громько (гл. ред.). М., 1978–1980. Т. 6: Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав. 1980. Док. 159. С. 482.

сторона требовала равноправия, а более сильная – подчинения.

Активное воздействие на ситуацию продолжал оказывать фактор Карла Реннера. Последний председатель (в 1931–1933 гг.) австрийского парламента, член ЦК Социал-демократической партии Австрии, видный деятель II Интернационала и теоретик австромарксизма еще в начале апреля 1945 г. сам предложил сотрудничество советским военным властям. Сапреля по декабрь 1945 г. он являлся федеральным канцлером Австрии, а в апреле – сентябре также был министром иностранных дел (заместитель – Карл Грубер) и военным министром. В письме К. Реннера главе советского правительства (с мая 1941 по март 1953 г.) И. В. Сталину от 17 октября 1945 г. содержалась чувствительная просьба, чтобы «при неизбежных разногласиях о мировых проблемах, Австрия рассматривалась как особый случай и выносилась за споры с тем, чтобы влияние мировой политики не каждый раз отражалось на нашей стране»¹. 20 октября союзники, наконец, признали правительство Реннера. После парламентских выборов пост канцлера занимал (в декабре 1945 – апреле 1953 г.) прозападно настроенный Леопольд Фигль. Тем не менее, на данном этапе Москва закрепила свои выдвинутые на запад геополитические позиции. Белград же был вынужден окончательно перевести претензии на часть каринтийской территории в сугубо дипломатический формат.

Уход советских войск из районов вдоль австрийско-югославской границы со словенским населением косвенно повлиял и на ситуацию в Словении. Вице-премьер Югославии (с марта 1945 по июнь 1963 г.) Эдвард Кардель в беседе с советником посольства СССР в Белграде Д. С. Чувахиным рассказал, что в день выборов в Учредительную скупщину (11 ноября 1945 г.), не вполне удачных для властей на территории Словении, там распространялись панические слухи, на югославско-австрийской границе со стороны английской зоны имели место нарочитые передвижения войск, провокационные выстрелы². Политическая обстановка в этом

районе явно изменилась не в пользу Югославии. Фактически сорванная I сессия СМВД (Лондон, 11 сентября – 2 октября 1945 г.) обозначила резкие противоречия между союзниками, но Белград продолжал реализовывать в вопросе о Каринтии тактику дипломатического наступления, рассчитывая на помощь СССР.

Югославский посол в Москве (с апреля 1945 по июнь 1948 г.) Владо Попович на двух встречах с заместителем наркома иностранных дел В. Г. Деканозовым поднимал проблемы Южной Каринтии. 20 ноября 1945 г. он проинформировал о вручении западным представителям в Белграде меморандума о крае, излагающего претензии на эту часть австрийской территории. Кроме того, сообщил о запрете в Каринтии английскими военными властями Освободительного фронта словенцев, которые тем самым «лишились возможности свободно выражать свои стремления и пожелания относительно присоединения к Югославии». 19 декабря посол получил заверения, что в переписке И. В. Сталина с К. Реннером не высказывалась советская гарантия границ Австрии 1938 г. На встрече с наркомом иностранных дел СССР В. М. Молотовым 29 декабря 1945 г. Попович интересовался осведомленностью наркома югославскими территориальными претензиями к Австрии³. Есть основания полагать, что эти контакты были весьма значительны ввиду того, что И. Броз Тито с ноября 1945 по январь 1946 г. являлся и. о. министра иностранных дел ФНРЮ.

Правительство ФНРЮ направило в СМВД меморандум от 18 февраля 1946 г., в котором суммировалась следующая аргументация претензий на Словенскую Каринтию и словенские пограничные районы в Штирии. Во-первых, современная Словенская Каринтия лишь остаток «когда-то обширной, в несколько раз большей, словенской территории», отторгнутой и германизированной Австрией. Во-вторых, несмотря на вековую германизацию, край сохранился как «компактная словенская этническая территория», на которой проживает 120 тыс. словенцев и 60 тыс. немцев, главным образом, в городах. В-третьих, Словенская Каринтия

¹ Die Rote Armee in Österreich. Sowjetische Besatzung 1945–1955. Dokumente – Красная Армия в Австрии. Советская оккупация 1945–1955. Документы. Док. 53. С. 240.

² Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953: в 2 т. / Г. П. Мурашко (отв. ред.). М.: Новосибирск, 1997–1998. Т. 1: 1944–1948 гг. 1997. Док. 117. С. 314.

³ Советско-югославские отношения, 1945–1956. Документы и материалы / В. Г. Титов, Б. Стефанович. Новосибирск, 2010. Док. 19. С. 33–34; Док. 25. С. 50; Док. 26. С. 53.

экономически развивалась как «составная часть словенского хозяйственного организма», а ее отторжение от Югославии в 1919 г. привело к регрессу и упадку ряда отраслей экономики края. В-четвертых, несправедливой являлась также передача Австрии словенских районов в Штирии, где 6 тыс. словенцев, «сохранивших и свое национальное сознание, и язык, и национальную культуру», составляют 60 % населения. В-пятых, насильственной денационализации в Австрии подвергаются 70 тыс. бургенландских хорватов. В-шестых, 200 тыс. словенцев и хорватов в Австрии имеют завоеванное право избавиться от дальнейшего национального угнетения. Словенская Каринтия являлась «единственной областью в границах Третьего рейха, в которой один лишь словенский народ поднялся на вооруженную борьбу против гитлеровской Германии». Этой борьбой югославы в Австрии «в значительно большей степени способствовали военным усилиям антигитлеровской коалиции, чем все остальное население Австрии»¹.

Югославы упорно держались выдвинутых аргументов. И. Броз Тито на встрече с советским послом в ФНРЮ (с марта 1946 по август 1949 г.) А. И. Лаврентьевым 22 апреля 1946 г. подробно говорил о югославских территориальных претензиях к соседним странам, в том числе и в отношении Каринтии в рамках готовившегося договора с Австрией. Причем он считал, что данные требования «с точки зрения этнического принципа являются неоспоримыми», поэтому необходимо настаивать на их удовлетворении².

В начале 1946 г. наибольшую активность по австрийскому вопросу развила американская дипломатия. 2 января Госдепартамент США поставил на обсуждение союзников вопрос о договоре с Австрией, изложил свою позицию в меморандуме от 18 января, а 6 февраля приступил к рассмотрению проекта договора. 12 февраля госсекретарь США (с июля 1945 по январь 1947 г.) Джеймс Бернс сообщил союзникам о намерении внести проект на обсуждение в СМВД. В Лондоне эту идею одобрили, в Париже отнесли

сдержанно, из Москвы ответа не последовало. 22 апреля американцы представили свой проект в СМВД³. Однако еще 20 апреля в III Европейском отделе НКВД была разработана справка для А. Я. Вышинского и В. Г. Деканозова, определявшая линию поведения советской делегации на случай включения союзниками австрийского вопроса в повестку дня II сессии СМВД⁴. Поэтому сразу по внесении американского проекта В. М. Молотов в письме послу США в СССР (с марта 1946 г. по декабрь 1948 г.) Уолтеру Смитту сообщил о невозможности рассмотрения на сессии договора с Австрией ввиду перегруженности повестки и неполучения американского проекта договора⁵. Проект, действительно, был передан трем правительствам лишь в конце мая и только в июне стал официальным документом СМВД. Проект предусматривал восстановление Австрии в границах 1937 г.

В ходе визита И. Броз Тито в СССР на его встрече с И. В. Сталиным в ночь на 28 мая 1946 г. вопрос о Словенской Короршке не поднимался. Однако югославская запись разговоров в специфической обстановке ночного застолья на даче в Кунцево зафиксировала две отрывочные фразы Сталина. Они содержали примечательное противопоставление сербов и словенцев: «Мы сербы, я и Молотов... мы два серба...», «Словенская продажная интеллигенция»⁶.

По австрийскому вопросу имело свое мнение и авторитетное в глазах Москвы руководство КП Австрии, верное коминтерновским традициям. В конце мая 1946 г. им были сформулированы предложения по развитию советско-австрийских отношений. Среди этих предложений выделялся пункт о разработке союзными державами договора, который «определил положение Австрии и установит ее границы». К обсуждению и

³ Исакова С. Н. Проблема заключения государственного договора с Австрией во внешней политике США (1945–1947 гг.) // Известия Алтайского государственного университета. 2007. № 4-1. С. 80–81.

⁴ Die Rote Armee in Österreich. Sowjetische Besatzung 1945–1955. Dokumente. Красная Армия в Австрии. Советская оккупация 1945–1955. Документы. Док. 146. С. 674, 676.

⁵ Советско-американские отношения. 1945–1948 / под ред. Г. Н. Севостьянова; сост. В. В. Алдошин, Ю. В. Иванов, В. М. Семенов. М., 2004. Док. 103. С. 213.

⁶ Последний визит И. Броза Тито к И. В. Сталину: Советская и югославская записи беседы 27–28 мая 1946 г. / Л. Я. Гибианский, Ю. Г. Мурин // Исторический архив. 1993. № 2. С. 28.

¹ Словенская Каринтия и бургенландские хорваты. Вопрос о 200 000 югославах в Австрии. Белград, 1947. С. 10–13.

² Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Документы: в 2 т. / Т. В. Волокитина. М., 1999–2002. Т. 1: 1944–1948 гг. 1999. Док. 93. С. 281.

подписанию этого договора надлежало «допустить» саму Австрию, Югославию и Чехословакию. В начале июня председатель КП Австрии Йоган Коплениг и генеральный секретарь ЦК Фридль Фюрнберг обратились накануне начала обсуждения проекта договора о восстановлении независимости страны с письмом к И. В. Сталину. В договоре, по их мнению, должен быть «зафиксирован статус Австрии», а к его выработке привлечены Югославия и Чехословакия. В замечаниях к ряду пунктов проекта договора два австрийских функционера, в отличие от итальянских коммунистов с их неподатливой позицией по Триесту, прямо обратили внимание на то, что «по вопросу о границах с Югославией имеются возражения Югославии»¹.

Набиравшее силу геополитическое размежевание в Центральной Европе заставляло Запад воспринимать выдвинутые советские позиции в Австрии, как неприемлемые для себя. Это ярко отразилось в содержании бесед В. М. Молотова и А. Я. Вышинского с Дж. Бирнсом 28 апреля и 5 мая 1946 г. Последний предложил обсудить на открывшейся II сессии СМВД (Париж, 25 апреля – 12 июля 1946 г.) проект мирного договора с Австрией, поскольку после заключения мирных договоров с сателлитами Германии придется «урегулировать как-то положение Австрии, не являющейся побежденной страной». Советская сторона, устами Вышинского, в ответ начала акцентировать другой аспект, который до этого в ее арсенале четко представлен не был. Хотя Австрия и не является побежденной страной, она участвовала в войне своими воинскими частями на стороне Германии, «еще не очистилась от фашистских влияний» и союзные оккупационные войска должны помочь ей в этом. Такая трактовка создавала правомочность претензий на немецкую собственность и активы в советской зоне оккупации в Восточной Австрии. Молотов заявил, что СССР будет «держатъ свои войска в Австрии, пока он имеет на то право», заметив касательно договора с Австрией, что «придет время и такой договор будет заключен»².

¹ Советская политика в Австрии. 1945–1955 гг. Сб. док. Док. 29. С. 137; Док. 30. С. 141; Док. 31. С. 144.

² Советско-американские отношения. 1945–1948 («Россия. XX век. Документы»). Док. 109. С. 222; Док. 110. С. 225–226.

В Москве хорошо понимали, что основной целью США было добиться вывода советских войск из Австрии и лишить СССР оснований иметь свои войска в соседних с Австрией странах под предлогом необходимости поддержания коммуникаций³. В последний день работы сессии В. М. Молотов настоял на передаче австрийского договора на рассмотрение совещания заместителей министров иностранных дел (Лондон, январь 1947 – август 1949 г., с перерывами). В целом же решение австрийского вопроса было перенесено на III сессию СМВД.

В мае 1946 г. 7-е управление (сецпропаганды) Главного Политуправления Вооруженных Сил СССР составило рапорт о том, что западные районы Австрии стали «пристанищем для нацистов и иных реакционеров» численностью до 300 тыс. человек. К ним в рапорте скопом были отнесены сербские четники Д. Михайловича, части польской армии В. Андерса, остатки венгерских нилашистов, отряды власовцев РОА. В конце августа в Военном отделе СЧСК по Австрии была разработана справка о военно-политической ситуации в стране, где вновь делался акцент на ее ответственности за участие в войне. В ней прямо указывалось, что «в 1938 г. захват Австрии Германией был подготовлен главным образом внутри самой Австрии», большинство австрийцев приветствовали аншлюс и «приняли активное участие в войне на стороне Германии». Это подтверждалось рядом выкладок – в вермахт было призвано более 1 млн австрийцев, на территории Австрии были сформированы 35 дивизий, из которых 17 действовало на советско-германском фронте, а 10 – в Югославии. Оба документа были направлены руководителю отдела внешней политики ЦК ВКП(б) М. А. Сулову⁴. В этой напряженной обстановке позитивное решение вполне подчиненной для Москвы задачи реализации югославских претензий на словенские земли в Каринтии и Штирии, выглядело все более призрачным.

Вдобавок, проблема обнаружила неожиданное новшество – встречные терри-

³ СССР и германский вопрос. 1941–1949: Документы из Архива внешней политики РФ: в 4 т. / сост. Г. П. Кынин, Й. Лауфер, А. М. Филитов. М., 1996–2012. Т. 2: 9 мая 1945 г. – 3 октября 1946 г. 2000. Док. 112. С. 478; Примеч. 317. С. 793.

⁴ Советская политика в Австрии. 1945–1955 гг. Сб. док. Док. 28. С. 133; Док. 35. С. 163–165.

ториальные притязания, инспирированные близкими к кабинету Л. Фигля кругами. Как сообщалось в справке командования ЦГВ о политическом положении в Австрии от 5 июня 1946 г., эти круги организовали «шумную кампанию по поводу пресловутой “подрывной деятельности” словен (так в документе. – А. С.) в Каринтии», а также ряд выступлений австрийцев с претензиями в отношении Венгрии (г. Шопрон, нем. Эденбург) и Чехословакии (письмо 13 общин). Справка Инспекции СЧСК по Австрии о политической линии Социалистической партии Австрии (СПА) от 19 ноября приводила своеобразное обоснование такой активности. Наряду с прочими выпадами имелся довод: «Австрия – это заградительная стена западной культуры против Востока, она объединена со всеми западными державами и охраняет мир от большевиков»¹.

16 сентября 1946 г. новый военный комиссар СЧСК по Австрии (с апреля 1946 по апрель 1949 г.) генерал-полковник В. В. Курасов провел совещание с руководством КП Австрии о политическом положении страны. В широком спектре обсуждаемых проблем был поднят и вопрос о попытках расчленения Австрии на Западную и Восточную зоны. Дело в том, что в оккупированной Германии именно в это время развивался серьезный кризис управления, который привел к объединению американской и британской зон оккупации и образованию в декабре 1946 г. Бизонии. В Австрии также были предприняты шаги в этом направлении – подготовка таможенной унии с Италией, попытки перебазировать индустрию из Восточной Австрии в западные зоны, появление планов переноса столицы ближе к баварской границе – в Зальцбург или Линц². В этих условиях единство Австрии мог гарантировать только СССР, что соответствовало его интересам, но явно противоречило планам Югославии получить территории в приграничной полосе австрийских земель Каринтии и Штирии.

На Парижской мирной конференции (июль – октябрь 1946 г.) и III сессии СМВД (Нью-Йорк, ноябрь – декабрь 1946 г.) были

разработаны и согласованы мирные договоры с пятью сателлитами Германии. Подписание с ними Парижских мирных договоров 10 февраля 1947 г. стало важнейшим этапом урегулирования национально-территориальных конфликтов в ЦЮВЕ. Однако особенность в развитии югославо-австрийского спора вокруг Словенской Каринтии заключалась в том, он не рассматривался в рамках указанных форумов.

Югославо-австрийский конфликт и советско-югославские отношения на этапе активного обсуждения договора с Австрией (февраль 1947 г. – февраль 1948 г.)

После согласования текстов Парижских мирных договоров союзники к началу 1947 г. вернулись к австрийской проблеме. Сразу обозначились две дискуссионные проблемы, тормозившие подготовку договорного урегулирования с Австрией – поддерживаемые СССР югославские территориальные претензии к ней и советские репарационные претензии на немецкую собственность в Австрии. Как вскоре выяснилось, они были тесно связаны.

Первая проблема была подробно изложена в меморандуме правительства ФНРЮ «О Словенской Каринтии, словенских пограничных районах Штирии и бургенландских хорватах» (с шестью приложениями) от 16 января 1947 г. Документ был передан на совещание заместителей министров иностранных дел в Лондоне. Белград признавал оба базовых принципа – и восстановление независимой Австрии, и ее ответственность за участие в войне на стороне Германии. В полном согласии с новым советским акцентом меморандум перечислял все аспекты «вины и ответственности» Австрии перед Югославией. Они состояли в следующем: а) создании еще до аншлюса агрессивных планов и проведении подготовки к нападению на Югославию, аннексии ее территории и германизации ее населения; б) всестороннем участии в фашистском нападении на Югославию – австрийский экономический потенциал полностью обслуживал агрессию апреля 1941 г., австрийский генералитет составил костяк командного состава гитлеровских частей вторжения, разработал план бомбардировки Белграда; в) оккупации югославских земель и военных преступлениях против мирного населения в условиях,

¹ Die Rote Armee in Österreich. Sowjetische Besatzung 1945–1955. Dokumente. Красная Армия в Австрии. Советская оккупация 1945–1955. Документы. Док. 148. С. 690, 692; Док. 153. С. 714.

² Советская политика в Австрии. 1945–1955 гг. Сб. док. Док. 36. С. 176–177.

когда военный, карательный и хозяйственный аппарат состоял большей частью из австрийцев. В документе делался вывод о том, что в числе ряда обстоятельств, создавших условия для подобных проявлений, важную роль играл «факт оставления под австрийским игом большей части словенской национальной территории – Словенской Каринтии и словенских пограничных районов в Штирии». На этом основании в меморандуме были выдвинуты два требования. Во-первых, «воссоединить с Югославией» Словенскую Каринтию (площадь 2 470 кв. км и 180 тыс. человек населения) и словенские пограничные районы Штирии (площадь 130 кв. км и 10 тыс. человек населения) в соответствии с подробно описанной новой линией границы. Во-вторых, решить проблему бургенландских хорватов через предоставление им специального статуса или путем обмена их на то «австрийское национальное меньшинство, которое на основе нового разграничения отошло бы к Югославии»¹.

Весьма смелые и резкие требования Белграда обусловили повышенную активность заинтересованных сторон и ожесточенную дискуссию по данному вопросу на IV сессии СМВД (Москва, 10 марта – 24 апреля 1947 г.). Югославскую делегацию возглавляли заместитель главы правительства Эдвард Кардель и министр иностранных дел (с февраля 1946 по август 1948 г.) С. Симич, которые подготовили детальные наработки по проблеме. В распоряжении СЧСК по Австрии (сообщение от 14 марта) имелись сведения о неофициальных переговорах в Лондоне накануне сессии, которые вице-канцлер Австрии и председатель СПА Адольф Шерф провел с британским премьер-министром Клементом Эттли и главой Форин офис Эрнестом Бевином. Последние якобы откровенно признались, что даже если бы австрийская проблема была согласована на совещании заместителей министров в Лондоне, «все равно это не могло явиться окончательным решением австрийской проблемы. Судьба Австрии будет решаться в Москве (на Московской сессии СМВД. – прим. А. С.)». Прогноз Английские руководители выдали прогноз: «Там же или будет достигнуто полное соглашение, или еще бо-

лее обострятся отношения между Америкой и Россией»². Прогноз оказался точен.

В свою очередь, В. М. Молотов подготовил директивы по проекту договора с Австрией для советской делегации на сессии, которые 27 марта 1947 г. направил на рассмотрение И. В. Сталину. Они включали пункт весьма примирительного содержания: «Поддержать территориальные претензии Югославии на южную часть провинции Каринтия, не обостряя этого вопроса»³.

При обсуждении на сессии договора о восстановлении независимости Австрии 17 апреля 1947 г. выступил югославский представитель Э. Кардель, который вновь сформулировал требование о присоединении к Югославии части Каринтии. Он подробно развернул этническую аргументацию, отметил, что край географически открыт в сторону юго-востока и составляет с соседними словенскими областями единую национальную и экономическую территорию. Для Белграда был особенно важен вопрос о двух австрийских электростанциях на Драве (в Лабоде и Жвабеке), построенных после аншлюса и изменивших, вопреки соглашению 1926 г., водный режим реки. Это наносило огромный ущерб югославским гидроэлектростанциям – зимой 1945/1946 г. они были загружены лишь на 2 % мощности. Хотя Великобритания и США в своих нотах Белграду от 12 и 15 мая, 27 ноября 1945 г. заявляли, что вопрос об австрийских границах они считают открытым, их оккупационные власти создали специальную Шперзоне с особым режимом, отнявшим у австрийских словенцев все демократические права. Эта зона охватывала большую часть края и фактически предназначалась для подавления движения за воссоединение с Югославией, в поддержку которого даже выступили почти все римско-католические священники, послав на Московскую сессию СМВД свои резолюции⁴. Что касалось пограничных областей в Штирии, Кардель отметил, что Радгона, Лучан, Собота также заселены словенцами, а в географическом и экономическом отношении тяготеют к Югославии.

² Die Rote Armee in Österreich. Sowjetische Besatzung 1945–1955. Dokumente. Красная Армия в Австрии. Советская оккупация 1945–1955. Документы. Док. 154. С. 716, 718.

³ Там же. С. 720.

⁴ Архив внешней политики Российской Федерации (АВПРФ). Ф. 0431/IV (IV сессия СМВД в Москве, 1947 г.). Оп. 4. П. 3. Д. 3. Л. 87–89.

¹ Словенская Каринтия и бургенландские хорваты. Вопрос о 200 000 югославах в Австрии. С. 5–10, 14–16.

Радгона в первом проекте мирного договора с Австрией 1919 г. уже признавалась за Королевством СХС и лишь в качестве уступки Италии была передана Австрии. Радгонский треугольник стал искусственным клином в югославскую территорию, город отторгался от своего хинтерланда, вследствие чего его население в 1920-х–1930-х гг. сократилось на 30 %¹.

Аргументы противников присоединения были обобщены в австрийском меморандуме по каринтийскому вопросу и повторены министром иностранных дел (с сентября 1945 по ноябрь 1953 г.) Карлом Грубером в ответном выступлении на сессии. Они включали следующие соображения. 1) Граница 1920 г. установлена на основе свободного плебисцита, законность которого тогда не оспаривалась Белградом. Каринтийская граница была «одной из самых спокойных границ в Европе», а каринтийский вопрос стал *res judicata* (решенный вопрос); 2) Абсурдно дробить географическое единство Каринтии, так как вся южная часть австрийской железнодорожной сети будет разрезана надвое, а коммуникации между Австрией и Италией пересекут югославскую границу; 3) Югославские цифры об этнической составе населения недостоверны. В полиэтничных странах важно не этническое происхождение, а самоидентификация, что и лежит в основе австрийских данных. Словенцы в Каринтии не расселены компактно, большинство из них желает остаться в Австрии; 4) Географические, этнические и экономические факторы говорят не в пользу претензий Югославии, поэтому она придает им политическую окраску². В. М. Молотов в ответ на эти аргументы попытался озадачить Грубера вопросом об этническом характере населения Каринтии к началу XX в. Однако тот привел длинную цитату из статьи Йована Квижича, опубликованной в 1921 г. в Белграде. Смысл ее заключался в том, что австрийское население этнографически смешанное, с уже растворившимися друг в друге национальными элементами, и если каждый из соседей, основываясь на исторической аргументации, потребует своей доли, то от Австрии ничего не останется³.

¹ Архив внешней политики Российской Федерации (АВПРФ). Ф. 0431/IV (IV сессия СМВД в Москве, 1947 г.). Оп. 4. П. 3. Д. 3. Л. 93.

² Там же. Л. 136, 137.

³ Там же. Л. 140–142.

Позиция К. Грубера нашла поддержку на заседании сессии 19 апреля 1947 г. Госсекретарь США (с января 1947 по январь 1949 г.) Джордж Маршалл-мл. назвал границы 1920 г. справедливыми и разумными, а раздел Каринтии угрозой независимому существованию Австрии. Э. Бевин также предложил оставить австрийские границы в их виде до 1938 г. Министр иностранных дел Франции Жорж Бидо резонно заметил, что этнический принцип нельзя использовать выборочно. В вопросе о Южном Тироле он не был применен в пользу Австрии, а югославы хотя бы его применить не в пользу Австрии. Тем не менее, В. М. Молотов в своем слове еще раз подытожил, сформулировал и поддержал требования Югославии⁴. Он попытался вновь передать вопрос на рассмотрение заместителей министров, трижды возвращаясь к этому предложению. Однако Маршал настаивал на том, что заместители уже три месяца выслушивают претензии обеих сторон и продолжение этого нецелесообразно. 21 апреля заместители министров доложили об отсутствии согласия. Вопрос об австрийском договоре перешел на следующую сессию. А. Я. Вышинский добился занесения в протокол советской формулы, повторяющей тезисы выступления Молотова⁵. На сессии была создана Комиссия по подготовке договора с Австрией.

19 апреля 1947 г. Э. Кардель был принят И. В. Сталиным, который в первых фразах с деланной озабоченностью спросил: «Как обстоят дела с Каринтией?». Однако В. М. Молотов свел все к надеждам на позитивное решение вопроса об австрийских активах в Югославии стоимостью около 4 млн долл. Только в непринужденной обстановке завершения большой встречи Сталин поинтересовался количеством словенцев в австрийской Каринтии и их податливостью денационализации. Кардель пояснил, что из около 500 тыс. словенцев за границей, 120 тыс. проживают в Каринтии. Он также отметил, что словенцы поддаются денационализации по отношению к немцам, а к итальянцам – нет⁶. Как видим, несмотря на самый высокий уровень советского представительства, никакого результативного и содержательного

⁴ Там же. Л. 188, 189, 191, 192.

⁵ Там же. Л. 193–195, 248, 251.

⁶ Советско-югославские отношения, 1945–1956. Документы и материалы. Док. 75. С. 151, 155; Док. 76. С. 159.

обсуждения одной из актуальнейших для Белграда проблем не последовало.

Конечно, «после – не значит вследствие». Однако именно на следующий день, 20 апреля, Э. Кардель направил А. Я. Вышинскому письмо, содержание которого через год с небольшим, в разгар советско-югославского конфликта, будет по-разному трактоваться сторонами и приобретет для Москвы характер рокового анти-югославского аргумента. Кардель в первой же строке своего письма по-деловому констатировал: «Так как существует возможность, что югославские территориальные требования к Австрии в их теперешней (максималистской. – прим. А. С.) форме будут отброшены в целом..., желаю обратить Ваше внимание» на два вопроса. Они для Югославии «настолько важны, что было бы необходимо найти для них положительное решение». Причем такое «представляло бы собой самое минимальное удовлетворение» югославских территориальных требований. Первый вопрос, касавшийся электростанций Жвабек и Лабод, как считал Кардель, «можно решить небольшой пограничной поправкой», а, «в крайнем случае..., установлением особых прав ФНРЮ в управлении этих станций». Для реализации такой поправки он представил Вышинскому проект двух вариантов. Первый вариант охватывал уезд Плиберк (нем. Блайбург) площадью 210 кв. км с населением 9,4 тыс. жителей. Второй вариант включал южнее Дравы общину Жвабек (нем. Швабек) и севернее Дравы – общину Лабод (нем. Лафамюнд) площадью всего 63 кв. км с населением в 3,1 тыс. человек. Второй вопрос касался «особой защиты национальных прав каринтийских словен» в опасении того, что после подписания договора с Австрией, учитывая печальный опыт прошлого, «начнутся попытки усиленной германизации»¹.

Непредвзятый разбор данной инициативы Э. Карделя редко встречается в исследовательской литературе. Упомянем в этой связи масштабную монографию старейшего австрийского историка Хералда Штурца «Единство и свобода: Договор, нейтралитет и завершение союзнической оккупации Австрии (1945–1955 гг.)»².

¹ Там же. С. 428–429.

² См.: Stourzh Gerald. Um Einheit und Freiheit. Staatsvertrag, Neutralität und das Ende der Ost-West-Besetzung Österreichs 1945–1955. Wien: Böhlau, 1998. 834 s.

Заметим, что искомая территория Плиберка к востоку от Клагенfurта, обозначенная как первый вариант, была связана со знаковыми историческими событиями регионального масштаба. Она почти полностью совпадала с одним из четырех округов зоны А на каринтийском плебисците 1920 г. Большинство населения данного округа, более чем на 70 % состоявшего из словенцев, голосовало тогда за присоединение к Королевству СХС, но его мнение не было учтено. Это была одна из самых досадных югославских потерь не только каринтийского, но и всего версальского урегулирования. Четверть века спустя, здесь развернулись события блайбургской бойни мая 1945 г. Прорвавшиеся в Каринтию на несколько дней (17–24 мая) югославские войска устроили в районе Блайбурга и Фиктринга массовое уничтожение около 15 тыс. бежавших в Австрию хорватских усташей и словенских домобранцев с членами их семей, выданных англичанами югославским армейским структурам. Наиболее авторитетный анализ этих событий дан в книге австрийского историка Флориана Томаса Рулитца «Трагедия Блайбурга и Фиктринга. Партизанское насилие против антикоммунистических беженцев в Каринтии в мае 1945 г.»³.

Территория второго варианта – Жвабек и Лабод, расположенная у стыка исторической линии между Каринтией и Штирией с австрийско-югославской границей, отличалась отсутствием этнической аргументации в пользу Югославии, так как население было немецким или сильно германизированным. Главным в этом случае был экономический аргумент, всегда воспринимавшийся в международной практике как несостоятельный.

Итак, предложение Э. Карделя допускало возможность не простого ограничения, а кардинального сокращения более чем в 10 раз югославских претензий к Австрии, что сводило масштабные территориальные требования, к хотя и весьма важному, но символическому бонусу. Это предложение, с одной стороны, носило достаточно импульсивный характер, а с другой – имело вид рабочего обсуждения и тактической апробации варианта с союзником. Акцент на самом

³ См.: Rulitz Florian Thomas. Die Tragödie von Bleiburg und Viktring. Partisanengewalt in Kärnten am Beispiel der antikommunistischen Flüchtling im Mai 1945. Klagenfurt: Hermagoras Verlag: Mohorjeva založba, 2011. 420 s.

минимальном удовлетворении требований не исключал ни более значительного их масштаба, ни оставления в силе территориальных требований в полном объеме, которые традиционно поддерживались Москвой.

Косвенным подтверждением тому служило заявление Э. Карделя в беседе с В. М. Молотовым 25 апреля 1947 г., на следующий день после завершения IV сессии СМВД. Он позитивно оценил перенос австрийского вопроса на V сессию, полагая, что югославы во время этого перерыва «постараются усилить работу в Австрии для того, чтобы подкрепить свои позиции»¹. Тем не менее, можно лишь догадываться, в какой мере сомнительная инициатива Карделя не прошла мимо внимания А. Я. Вышинского, поднаторевшего в конспирологических измышлениях в период своей долгой прокурорской деятельности.

Вторая дискуссионная проблема, тормозившая подготовку договора с Австрией – советские претензии на немецкую собственность в своей зоне оккупации. Еще в марте 1946 г. в Москве был подготовлен проект постановления Совета Министров СССР «О переходе немецкого имущества и немецких активов в Восточной Австрии в собственность СССР» за подписью И. В. Сталина. На основе этого документа появился проект приказа главнокомандующего советскими оккупационными войсками в Австрии. В справке командования ЦГВ о политическом положении в Австрии от 5 июня подчеркивалось, что данный имущественный вопрос оказался в центре антисоветской пропаганды союзников и австрийского кабинета Л. Фигля, которые представляли ситуацию как «экономическую катастрофу и потерю экономической независимости» страны. Позиция СССР осталась неизменной и 27 июня 1946 г. был подписан приказ № 17 о переходе немецких активов в советскую собственность в счет репараций с Германии². Западные оккупационные власти начали осознавать, что советские экономические анклавы в Восточной Австрии служили не

столько экономическим, сколько стратегическим интересам Москвы³.

В августе 1946 г. Отдел пропаганды СЧСК подготовил огромную «Политическую справку об Австрии», направленную М. А. Суслову, в которой сравнивался индустриальный потенциал четырех зон оккупации. Говоря об английской зоне (Штирии и Каринтии) в документе с алчной эмоцией сообщалось, что здесь сосредоточены основные запасы полезных ископаемых (железная руда, уголь, магнезит, графит), дешевые источники гидроэнергии и лесные богатства. Было отмечено, что роль этих двух регионов в экономике Австрии «можно сравнить с ролью Урала и Донбасса в экономике Союза»⁴.

Союзники расходились по проблеме передаваемых Советскому Союзу немецких активов в Восточной Австрии буквально во всем, начиная с различного понимания самого предмета немецкой собственности во всей Австрии. Западные державы понимали под этим все то, что Германия имела в Австрии до аншлюса. СССР – все, чем владели немцы к концу войны. Другое разногласие касалось национализации австрийских предприятий. Запад предлагал временный запрет на национализацию имущества, которое могло перейти к союзникам. Советская сторона, которая опасалась риска национализации в будущем, вообще избегала этого термина, говоря о реквизиции и конфискации. Для поиска общих подходов союзниками была учреждена Австрийская договорная комиссия, которая провела в мае – октябре 1947 г. более 80 заседаний, изучила более 70 предложений, но, не решив, ни одного вопроса, была распущена⁵.

Итак, обе взаимосвязанные проблемы, тормозившие подготовку договорного урегулирования с Австрией – поддержанные СССР югославские территориальные пре-

³ Ибер В. М. Оккупация и эксплуатация. Советская экономическая политика по отношению к Австрии с 1945 по 1955/63 гг. // Российско-австрийский альманах: исторические и культурные параллели / И. В. Крючков, О. В. Павленко (отв. ред). Вып. V. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2014. С. 104.

⁴ Die Rote Armee in Österreich. Sowjetische Besatzung 1945–1955. Dokumente. Красная Армия в Австрии. Советская оккупация 1945–1955. Документы. Док. 96. С. 450, 454.

⁵ Исакова С. Н. Проблема заключения государственного договора с Австрией во внешней политике США (1945–1947 гг.) // Известия Алтайского государственного университета. 2007. № 4-1. С. 82–84.

¹ Советско-югославские отношения, 1945–1956. Документы и материалы. Док. 76. С. 159.

² Die Rote Armee in Österreich. Sowjetische Besatzung 1945–1955. Dokumente. Красная Армия в Австрии. Советская оккупация 1945–1955. Документы. Док. 93. С. 430, 432, 434; Док. 97. С. 456, 458; Док. 148. С. 684.

тензии на Южную Каринтию, а также советские репарационные претензии на немецкую собственность в Австрии – произвели свое действие. К тому же, эти проблемы не получили своего разрешения, оставшись на этапе дискуссионного обсуждения. Более того, к началу 1948 г. внешнеполитические шаги советской дипломатии стали еще более осторожными и взвешенными, отдававшими явный приоритет задаче создания и укрепления системы собственной безопасности в Восточной Европе и на Балканах, а не решению отдельных задач своих сателлитов по формирующемуся восточному блоку.

Советская информационно-аналитическая машина продолжала свою неустанную работу. Научно-исследовательский институт № 205 (НИИ-205) при ЦК ВКП(б), созданный после роспуска Коминтерна на базе Отдела печати ИККИ и работавший в сентябре 1945 г. – феврале 1948 г., готовил информационные и справочные материалы¹. В июне 1947 г. им были подготовлены краткие справки на государственных и политических деятелей Австрии. От внимания советских аналитиков не ускользнула фигура Фердинанда Веденига. Глава провинциального правительств Каринтии, депутат Национального совета, приветствовавший в 1938 г. аншлюс, удостоился характеристики: «Один из явных врагов новой Югославии. Неоднократно участвовал в делегациях к австрийскому правительству, требовавших “Неделимую Каринтию”»².

В июне 1947 г. появился еще один важный сюжет. Дж. Маршалл, выступая в Гарвардском университете, изложил свою «Программу восстановления Европы». План Маршалла вступил в действие с апреля 1948 г. Австрия была в числе стран-реципиентов. Американский историк и военный аналитик Одри Кронин подметила особую чувствительность этого обстоятельства для Москвы. Австрия была единственной страной, в которой находились советские войска, присоединившейся к плану, что создавало невыгодный пример для соседних балканских государств советской сферы влияния. Особенно для Югославии, отно-

шения СССР с которой становились все более напряженными³.

Через три с половиной месяца после письма Э. Карделя А. Я. Вышинскому о «пограничной поправке» Москва вновь стала получателем этой информации, причем сторонним образом. Из общения отнюдь не высокопоставленных советских и югославских дипломатов, работавших в комиссии по австрийскому договору, послу А. И. Лаврентьеву стал известен неожиданный сюжет. Выяснилось, что югославская сторона сообщила английскому министру военно-воздушных сил Филипу Ноэль-Бейкеру во время его визита в Белград о минимальных претензиях Югославии на австрийский «пограничный район, примерно, в 200 кв. км с 10 тыс. жителей». Причем югославы, якобы, сами хотели заявить об этом на следующей сессии СМВД. Это выводило проблему из советско-югославского в международный формат. Лаврентьев в ходе своей встречи на Блеме с И. Броз Тито и Э. Карделем 5 августа 1947 г. информировал их о данном факте. Тито реагировал спокойно: «эти минимальные требования... были лишь внутренним решением югославского правительства». Однако Кардель тут же проговорился, что С. Симич действительно сообщал об этом англичанину («поторопился с изложением этой минимальной позиции»), и идея даже рассматривалась Э. Бевиным. Стал очевиден официальный характер югославских шагов. Тито оправдывался тем, что оскорбления Симича следует рассматривать лишь как «один из пунктов требований». Стремясь вовлечь Москву в свою ставшей странной игру, Тито просил внести советское предложение о присоединении 300 кв. км с тем, чтобы Англия, «в порядке компромисса, согласилась на минимальные югославские требования». При этом Тито воинственно заявлял, что Югославия скорее откажется от своих минимальных требований, чем сделает официальное заявление об отказе вообще от дальнейших требований на Словенскую Каринтию, в случае, если этого требуют англо-американцы⁴.

Встреча А. И. Лаврентьева с заместителем министра иностранных дел Югославии

¹ Российский государственный архив социально-политических исследований (РГАСПИ). Ф. 579 (НИИ-205 при ЦК ВКП(б)). Оп. 3 (Информационные бюллетени). Всего 190 ед. хр.

² Советская политика в Австрии. 1945–1955 гг. Сб. док. Док. 45. С. 248.

³ Cronin Audrey Kurth. Great power politics and the struggle over Austria, 1945–1955. Ithaca, 1986. P. 53.

⁴ Советско-югославские отношения, 1945–1956. Документы и материалы. Док. 90. С. 179–180.

(с марта 1945 по март 1948 г.) Владимиром Велебитом 12 ноября 1947 г. принесла новый поворот сюжета, который давал повод удивляться непоследовательности Белграда. Велебит изложил идею о разделе Словенской Каринтии согласно результатам голосования по принципу большинства на плебисците 1920 г., который на всей плебисцитной территории дал твердый результат в пользу Австрии, но в двух из четырех округов с небольшим перевесом жители голосовали за Королевство СХС. В случае использования этого принципа как критерия (он, действительно, применялся на других версальских плебисцитах) к югославскому государству могла бы отойти южная часть края площадью 1 140 кв. км с 44 тыс. народонаселения. Из пояснений Велебита и содержания врученной Лаврентьеву памятной записки следовало, что на территории, которую Белград в рамках нового подхода требовал «освободить и воссоединить с Югославией», в далеком 1920 г. имелась следующая ситуация. Из 22 102 участников плебисцита число высказавшихся за присоединение к Королевству СХС получило перевес в 164 голоса. Причем в 17 общинах из 30 (2/3 всей вновь требуемой территории) в пользу югославской перспективы было подано до 65 % голосов. Таким образом, граница нового территориального требования ФНРЮ проходила в основном по Драве, за «небольшими исключениями» (они выходили за рамки плебисцитной зоны) в свою пользу в районе городов Лабод, Подгора, Жвабек и в районе Вербского озера. После столь масштабной преамбулы Велебит запросил мнение Москвы – следует ли идти на изложенные уменьшенные требования (хотя он «не питает никаких иллюзий» об их удовлетворении) или отстаивать максималистские требования, выдвинутые на IV (Московской) сессии СМВД и активно поддержанные Советским Союзом. Озадаченный Лаврентьев, напомнив недавние варианты и с 200, и с 300 кв. км, пытался выяснить, «остаются ли сейчас указанные минимальные требования в качестве официального предложения Югославии». Велебит внес ясность: ввиду несогласия англо-американцев даже на минимальное требование относительно 200 кв. км «это предложение не имеет сейчас никакого значения»¹. Тем

¹ Советско-югославские отношения, 1945–1956. Документы и материалы. Док. 98. С. 198–200.

самым Белград, по крайней мере, в глазах Москвы, дезавуировал свои, так называемые, минимальные требования к Австрии.

На новой встрече 24 ноября А. В. Лаврентьев сообщил В. Велебиту, что «в Москве не видят оснований» для уменьшения югославских претензий на Словенскую Каринтию². Тем самым советская сторона отклонила, так называемые, уменьшенные требования Белграда. Перспективы урегулирования югославо-австрийского конфликта стали призрачными, а сам он явно зашел в тупик.

Готовясь к заседаниям V сессии СМВД (Лондон, 25 ноября – 15 декабря 1947 г.), советская сторона понимала, что бывшие союзники могут потребовать полного вывода советских оккупационных войск из Австрии и Балкан, поставить под сомнение Потсдамские решения о восточных границах Германии и добиваться первоочередного решения австрийского вопроса. Все это привело к фактическому срыву сессии, которая не приняла решений и по указанным проблемам³. Отметим, что в контексте австрийского урегулирования вопрос югославо-австрийской границы в восприятии Москвы явно уступал целому ряду других сложных и злободневных проблем, обсуждавшихся в середине 1946 – начале 1948 г. – репатриации советских граждан из западных зон оккупации Австрии, судьбе перемещенных лиц и особенно советским претензиям на германские активы в Восточной Австрии⁴.

В телеграмме В. М. Молотова от 1 февраля 1948 г., адресованной И. Броз Тито, сообщалось: «у нас с Вами имеются серьезные разногласия по внешнеполитическим вопросам». Для их ликвидации предлагалось провести неофициальное совещание в Москве⁵.

На советско-югославо-болгарской встрече в Москве 10 февраля 1948 г. И. В. Сталин продиктовал свою трактовку Балканской федерации. Было подписано советско-югославское соглашение о консультациях

² Там же. Док. 99. С. 200–201.

³ СССР и германский вопрос. 1941–1949. Документы из АВПРФ. Т. 3: 6 октября 1946 г – 15 июня 1948 г. 2003. Док. 110. С. 509–510; Док. 115. С. 523–524; Примеч. 196. С. 735.

⁴ Советско-американские отношения. 1945–1948 («Россия. XX век. Документы»). Док. 124. С. 270; Док. 130. С. 286; Док. 142. С. 328; Док. 156. С. 353; Док. 175. С. 384; Док. 259. С. 552.

⁵ Советско-югославские отношения, 1945–1956. Документы и материалы. Док. 110. С. 213.

по внешнеполитическим вопросам. Однако югославские претензии на австрийские территории со словенским населением на встрече не затрагивались.

Буквально вслед за этим, 13 февраля, А. А. Жданов принял руководителей австрийских коммунистов И. Копленига и Ф. Фюрнберга для обсуждения перспектив государственного развития Австрии. В качестве одной из важных тем встречи выдвинулась возможность эвентуального раздела страны. Жданов порицал собеседников за две их партийные установки: чтобы «советские войска подольше оставались на территории Австрии», хотя их присутствие сулило раскол страны, и что «раздел Австрии лучше, чем какая-либо другая перспектива». Обе установки фактически противоречили принципу независимости и суверенитета своей собственной страны, выдвинутому еще на Первом совещании Коминформа (Шклярска Поремба, Польша, 22–28 сентября 1947 г.). Ответ Фюрнберга был замечателен своей, что называется, святой простотой, за которой скрывалась истина: «Для нас до сих пор не ясна была общая политика СССР по отношению к Австрии». Он пояснил: после совещания в Порембе «югославские товарищи сказали нам, что для нас лучше был бы раздел Австрии». Поразительно, что категорическая оценка Ждановым этой югославской рекомендации – «в корне неправильный совет (в первоначальном варианте записи беседы с правками самого Жданова было – «губительный совет». – прим. А. С.)», не остановила Фюрнберга. Он тут же развил мысль о существовании наихудшей для КП Австрии обстановки, которая «создает настроение бесперспективности и пассивности». Одну из возможностей ликвидации этой обстановки генсек компартии изложил следующим образом: «Если международная ситуация не позволит вывести оккупационные войска из Австрии в ближайшее время, то лучший путь будет – раздел Австрии». Туманная реакция Жданова сводилась к тому, что следует не «приспосабливаться к оккупационному режиму», а бороться за «скорейшую ликвидацию оккупации (на деле таковая затянулась до мая 1955 г. – прим. А. С.)»¹.

Доступные документы, характеризующие эту дезинтеграционную интригу с ало-

гичными оценками трех коммунистических участников, не дают ясной картины о роли в ней каринтийского фактора. Судя по всему, советская сторона, при всем негативном отношении к идее раздела Австрии, подразумевала гипотетический раздел именно по линии зон оккупации, не допуская возможности участия Югославии в качестве реципиента. Югославская же сторона, педалируя саму возможность раздела Австрии, имела в виду реализацию своих претензий на часть австрийской Каринтии. Руководители австрийских коммунистов, стремясь угодить и Москве, и Белграду, при решении тактических партийных задач допускали учет югославской позиции по вопросу югославо-австрийской границы.

Анализ трех главных советско-югославских разногласий по международной проблематике – проблемы Каринтии, Триеста и албанского вопроса – позволили видному итальянскому историку, профессору Университета Рим-II Сильвио Понсу предложить взгляд на закономерность поведения СССР в сфере внешней политики в первые послевоенные годы, которая характеризовалась «неуверенностью в себе и осторожностью в отношении западных держав». Причем образование Коминформа не изменило эту модель, более того, «помогло укрепить изоляционистские тенденции сталинского СССР, базировавшиеся на длительной внешнеполитической традиции»². Разделяя в значительной мере эту позицию, добавим, что югославские претензии на южные районы австрийской Каринтии, как наименее основательные и аргументированные в глазах Запада, наиболее рельефно отразили вывод С. Понса.

Советско-югославский межпартийный и межгосударственный конфликт, который с весны 1948 г. начал приобретать необратимый характер, включал в качестве важнейшего аргумента и фактора югославские претензии на австрийскую Словенскую Каринтию в новой антиюгославской трактовке советской стороны. Долгое обсуждение югославских территориальных претензий к Австрии в формате СМВД зашло в тупик. Ситуация осложнялась твердой позицией западных стран и непоследовательностью Белграда в масштабе своих притязаний.

¹ Советская политика в Австрии. 1945–1955 гг. Сб. док. Док. 48 и примеч. 28. С. 256, 260, 262.

² Понс Сильвио. Сумерки Коминформа // Совещания Коминформа, 1947, 1948, 1949. Документы и материалы. М., 1998. С. 382.

На VI сессии СМВД (Париж, 23 мая – 20 июня 1949 г.) СССР принципиально изменил свою позицию в поддержку югославских претензий на Словенскую Каринтию, которую он занимал с осени 1945 г. Москва договорилась с Западом о неизменности довоенных австрийских границ и гарантии в будущем договоре об Австрии прав словенского и хорватского меньшинства. СССР разме-

нял такой шаг на значительную материальную выгоду. Это касалось замороженного вопроса о претензиях Москвы на немецкую собственность и активы в советской зоне оккупации Австрии. Советский Союз, уступив настояниям Запада, отказался от них, получив от Запада солидную имущественную и финансовую компенсацию .

¹ См. подробнее: Сальков А. П. Проблема Словенской Каринтии как фактор советско-югославского конфликта (март 1948 – ноябрь 1949 г.) // Гуманитарно-экономический вестник (Минск). 2016. № 3–4.

РАЗДЕЛ V ДОКУМЕНТЫ

И. Шварц

ГАЗЕТЫ ФУГГЕРОВ ОБ ОКОНЧАНИИ ЛИВОНСКОЙ ВОЙНЫ

136

В последние годы наблюдается заметный интерес ко времени правления Ивана Грозного¹. Пересматриваются разные аспекты существующих концепций, водится в научный оборот новый материал, в том числе архивный, но круг документальных источников пока еще далеко не исчерпан. Одним из комплексов документов, который до сих пор практически остался неиспользованный российскими исследователями, представляются европейские рукописные газеты². Особое место среди них занимают газеты аугсбургского банкирского дома Фуггеров, широко известные как «газеты Фуггеров»³. О существо-

вании и значении этого источника в системе коммуникации Нового времени упоминается в публикациях петербургского историка А. Филюшкина, а также в лекционных курсах по истории журналистики⁴. Но если европейские печатные газеты и особенно так называемые «летучие листки», Flugschriften, давно являются предметом пристального внимания специалистов и в историографии им уделялось и уделяется не мало внимания⁵, то рукописные – все еще остаются вне поля зрения исследователей.

Сами «газеты Фуггеров», в сущности, неправильно называются так, поскольку пред-

¹ Приношу свою благодарность Константину Ерусалимскому за оказанную помощь при переводе газет и рекомендацию литературы.

² Самые ранние были венецианские рукописные газеты, т.н. *avvisi*, появившиеся во второй половине XVI века, которые быстро распространялись по Европе и скоро появились аналогичные и в других стран.

³ Kleinpaul J. *Die Fuggerzeitungen 1568–1605/ Abhandlungen aus dem Institut für Zeitungskunde an der Universität Leipzig*, Bd. 1, Heft 4. Leipzig, 1921; Krawill V. (Hg.), *Fugger-Zeitungen. Ungedruckte Briefe an das Haus Fugger aus den Jahren 1568–1605*. Wien/Leipzig/München, 1923; Biringer M. *Die Fuggerzeitungen der Jahre 1581–1590* aus Wien und Prag. Diss. Uni Wien, 2007; Hipfinger A., Löffler J. „Die Wiener Fugger-Zeitungen“ – Eine Bestandsaufnahme/Mitteilungen des Institutes für Österreichische Geschichtsforschung. Bd. 117 (2009). S. 379–398; Barbarics-Hermanik Z. *Kulturtransfer zwischen Zentral- und Südostmitteleuropa durch handschriftliche Zeitungen/Kultur und Literatur der Frühen Neuzeit im Donau-Karpatenraum. Transregionale Bedeutung und eigene Identität*. Hg. von Tünde Katona u.a. Szeged, 2014. S. 391–424; Bauer O. *Zeitungen vor der Zeitung. Die Fuggerzeitungen (1568–1605) und das frühmoderne Nachrichtensystem*. Berlin, 2011; Keller K. Paola Molino, *Die Fuggerzeitungen im Kontext: Zeitungssammlungen im Alten Reich und in Italien*. Mitteilungen des Institutes für Österreichische Geschichtsforschung, Ergänzungsband 59. Wien, 2015.

⁴ Филюшкин А. Изобретая первую войну России и Европы: Балтийские войны второй половины XVI в. глазами современников и потомков. СПб., 2013. С. 291–292. См. например: Лучинский Ю. В. *Очерки истории зарубежной журналистики*. Учеб. пособие. Краснодар, 1996. http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Gurn/luch/01.php (09.11.2017)

⁵ Василевский В.Г. *Польская и немецкая печать о войне Батория с Иоанном Грозным*//Журнал министерства народного просвещения. №261. 1889. С. 127–168, 350–391; Из новых исследований см.: Филюшкин А. *Изобретая первую войну*. С. 410–459; Höhlbaum K. *Zeitungen über Livland im 16. Jahrhundert. Beiträge zur Kunde Ehst, Liv- und Kurlands 2* (1876). S. 113–141; Kappeler A., Ivan Groznyj im Spiegel der ausländischen Druckschriften seiner Zeit. Ein Beitrag zur Geschichte des westlichen Russlandbildes. Frankfurt/Main, 1972; Ott T. „Livonia est propugnaculum Imperii“. Eine Studie zur Schilderung und Wahrnehmung des Livländischen Krieges (1558–1582/83) nach den deutschen und lateinischen Flugschriften der Zeit. In: *Osteuropa-Institut München*. Mitteilungen, 16 (Juli 1996); Poe M. *Foreign Descriptions of Muscovy. An Analytic Bibliography of Primary and Secondary Sources*. Columbus, Ohio, 1995. P. 49–50; Soldat C. *Erschreckende in der Darstellung von Moskovitern und Osmanen in den deutschen Flugschriften des 16. und 17. Jahrhunderts: Stories of atrocities in sixteenth and seventeenth century German pamphlets about the Russians and Turks*. Lewiston, 2014.

ставители финансовой империи Фуггеров, братья Филипп Эдуард Фуггер (1546–1618 гг.) и Октавиан Секундус Фуггер (1549–1600 гг.), являлись только адресатами этих газет. Банкирский дом Фуггеров, имевший интересы во многих странах Европы, Азии, Ближнего Востока, Северной Африки и Америки собирал информацию любого политического и делового характера. Немало европейских монархов были клиентами этого дома, и контроль и анализ новостей позволял банкирам укрепить свою власть и влияние в элитных кругах. Ныне известное собрание Фуггеров хранилось первоначально в городе Аугсбурге, но в середине XVII в. библиотека была продана императору Фердинанду III и таким образом газеты оказались в Вене¹. Сегодня 27 томов (Cod. 8949 – Cod. 8975), охватывающие период с 1568 по 1605 гг., находятся в Отделе рукописей и старопечатных книг Австрийской Национальной библиотеки, часть из них оцифрована и доступна исследователям в электронном поиске². В 2011–2015 гг. в Институте австрийских исторических исследований Венского университета был реализован под руководством Катрин Келлер научный проект, целью которого являлась контекстуализация этого собрания и создание базы данных³. В настоящее время пользователи интернет читального зала могут, хотя и в неполном объеме, использовать веб-страницы этих проектов, которые своим информационным пространством дополняют друг друга.

Собрание «газет Фуггеров» в Австрийской национальной библиотеке, является по своему значению самым большим и самым важным рукописным комплексом, но не единственным. Например в Хайделберге хранятся Хайделбергские рукописи – Срп 774 и 842, которые дополняют за период с 1552 по 1570 гг. сводки венских кодексов⁴,

а в Дрезденском государственном архиве – отдельные рукописные газеты 80-х годов XVI в. Вероятно, те же авторы газет пересылали сводки новостей не только братьям Фуггерам, но и саксонскому курфюрсту Августу I (1553–1586 гг.)⁵.

Новые исследования К. Келлер и П. Молино показывают, что в редких случаях газеты были написаны служащими канторы Фуггеров. В большинстве случаев их составляли профессиональные корреспонденты, частные лица из окружения императорского двора или близкие к армейским кругам и принявшие непосредственное участие в боевых действиях. То, что раньше было делом дипломатов и входило в сферу дипломатической переписки, во второй половине XVI в. превратилось в профессиональное и доходное занятие писцов, бывших секретарей и гуманистов. Рынок новостей стремительно рос, рукописные газеты служили инструментом политической коммуникации и поэтому трудно согласиться с Юр. Хабермасом, что эти документы представляют частную корреспонденцию, касавшуюся, прежде всего, торговых связей⁶.

К сожалению, не все оцифрованные газеты в системе ANNO доступны в интернете, а в указателях нередко встречаются ошибки. Если искать в именном указателе на «Иван IV» (“Iwan IV”) на букву I, как ни странно ничего не обнаруживается, тогда, как на букву M сервис выдает следующее: Moskau, Iwan IV. Wassilewitsch, Großfürst von – Великий московский князь Иван IV Василевич⁷. О личности и времени правления царя Ивана IV, согласно этому указателю, сохранилось 213 известия в газетах, но при раскрытии линка появляется перечень только 212⁸.

Настоящая публикация документов имеет своей целью показать информационный спектр сообщений в газетах Фуггеров

⁵ Keller K. Die Wiener Fuggerzeitungen – Geschriebenes Medium und digitale Welt. In: Lesesaal Internet – Erfahrungen, Ergebnisse und Wünsche auf dem Weg zu einer digitalen Forschungslandschaft archivischer Quellenbestände, hg. von Julian Holzapfl. München, 2014, S. 48f.

⁶ Habermas J. Strukturwandel der Öffentlichkeit. Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft. Mit einem Vorwort zur Neuauflage 1990. Frankfurt am Main, 1990. S. 77f.

⁷ <http://fuggerzeitungen.univie.ac.at/personen/m> (09.11.2017)

⁸ <http://fuggerzeitungen.univie.ac.at/personen/moskau-ivan-iv-wassiljewitsch-grossfuerst-von> (09.11.2017)

¹ Hipfinger, Löffler, „Die Wiener Fugger-Zeitungen“. S. 379.

² ANNO (Austrian Newspapers online) – Historische Österreichische Zeitungen und Zeitschriften <http://anno.onb.ac.at/cgi-content/anno?apm=0&aid=fug> (06.11.2017)

³ Keller K. „Die Fuggerzeitungen. Ein frühneuzeitliches Informationsmedium und seine Erschließung“. См. <http://fuggerzeitungen.univie.ac.at/> Ср.: Keller, Molino, Fuggerzeitungen im Kontext.

⁴ Zwierlein C. Fuggerzeitungen als Ergebnis von italienisch-deutschem Kulturtransfer 1552–1570./ Quellen und Forschungen aus italienischen Archiven und Bibliotheken 90 (2010). S. 169–224.

о событиях Ливонской войны¹ и привлечь внимание специалистов к этому источнику. При выборе документов мы остановились на немецких известиях из Вены и Праги о последнем этапе войны. Здесь интерес представляет, какие вопросы оказались в фокусе внимания корреспондентов. Газеты являлись частью информационной войны, создавали своеобразное информационное поле, но в отличие от «летучих листков» они не имели пропагандистского характера, содержали высокую степень фактологической достоверности, а круг читателей принадлежал к элитной *respublica litteraria*. Поэтому не удивительно, что в Док. 16 мы обнаруживаем слухи о поражении польского короля при Пскове, который потерял только из числа своих венгерских солдат не менее 5 тысяч человек, сильно испугался и теперь обратился за помощью к императору Рудольфу II. Авторы известий оставались анонимными и таким образом они могли избежать цензуры, а газеты можно было копировать и размножать, как это видно на примере док. 17 и 18.

Часть немецких газет из этого собрания были опубликованы в диссертации Маргарете Бирингер², но при транскрипции текста автором были допущены ошибки и неточности. Док. 1, например, не датирован, хотя дата 7 января в оригинале документа легко читается, а в Док. 10 отсутствует после имени Ольбрахта Лаского слово *dionis*.

Все подготовленные к печати фрагменты были сравнены с оригиналом, и при транскрипции сохранена современная орфография документа. Каждый документ начинается с заголовка, в котором указаны место и время создания, за ним следуют в резюме сообщения из писем, официальных уведомлений или слухов разного характера, а переводы снабжены комментариями и ссылками на соответствующую литературу.

Документы

1. Вена, 4 января 1581 года

Aus Wienn vom 4 Januari [1581]³

Man hatt alhie fir gwis ausgeben wellen, der Khönig inn Pollen seye inn aigner personn vonn den Moscowittern gefanngen unnd mit

seinem gantzen hoer erlegt worden, solichs aber befindt sich nicht allein, das der Khönig inn Pollen abermalen ain starckhe niderlag erlitten unnd sein maistes hungerisch und pollnisch fuesvolckh erlegt worden seye, mann will auch sagen, der Moscowitter seye inn starckher zuberaitung, diese winterzeit sich mit noch mehrern ernst und nach allem vermögen umb den verlust, so er von [...]

ÖNB. Cod. 8954, fol. 1 v.

Ср.: Biringer M. *Fuggerzeitungen*. S.47–48.

Из Вены, 4 января [1581 года]

Здесь везде стремятся представить, как бесспорный факт, что король Польши⁴, собственной персоной, пленен московитами, а вся его армия разбита. Но полагают не только это, т.е. что король Польши опять потерпел сильное поражение и прежде всего потерпела его венгерская и польская пехота значительные убытки, а говорят еще, что Московит полным ходом готовится и еще этой зимой с еще большей решительностью собирается использовать все возможности, чтобы потери, которые он от... [последняя строка письма не читается]

2. Вена, 7 января 1581 года

Auß Wienvom 7 ten Januario Anno [15]81

Schreiben auß Poln, so zu Grodno umb den zwainzigsten December bestetten, daß vor zwaien Monaten geschriben worden, alls der König Velikulukha unnd acht schlösser, so dem Moscoviter zugehört, erobert. Bey eroberung Velikaluka sein die [...] von des Moscoviters porthen bliben, der König sey darauf wider gehn Vilna khommen und sein maistes kriegsvolck inn der Moscau gelassen, Ifflandt hab er damit schier gar wider bekhommen. Der Moscovitter hatt sich niindert sehen lassen, sein volckh, so er auf Toropetz zugeschickht, welches maistenthails Tarttern unnd über 10.000 nit warn, hatt er mit wenig seines volckhs geschlagen unnd abtriben, darunder zwen seiner ansehenlichen weyda oder kunisten gefangen. Der Tartterische Fürst hatt auch seine Gesandten zum König geschickht, ime wegen des guetten fürgangs inn seiner expedition congratuliert, in ermant, er soll davon nicht aussetzen, biß her hab er im nicht

¹ <http://fuggerzeitungen.univie.ac.at/orte/livland-livonia-region> (09.11.2017)

² Biringer M. *Die Fuggerzeitungen*.

³ В диссертации М. Бирингери, документ не датирован. См.: Biringer M. *Fuggerzeitungen*. S. 47.

⁴ Стефан Баторий (1533–1586 гг.), трансильванский князь (1571–1576 гг.), король польский и великий князь литовский (1576–1586 гг.).

⁵ Два слова, которые не читаются, имеется в виду армия Стефана Батория.

hilff künnen laistten, weil er den Türggischen Kayser sein hilff müessen schickhen, wils aber hinfür thun, etlich rechnen ims auß, das er sich auch vor dem König forcht, wann er mit dem Moscovitter zu rede khomme, er sich gegen den Tarttern wennden würde.

Moscovitter gibt stolze antwort und thuet doch wenig zue gegenwöhr, hatt er sich erpotten, zehen schlösser wider zugeben, der König will aber alles haben, das der von Poln durch seine vofaren entzogen worden. Der König würdt jetzt ein Lanndtag halten des vorhabens, den krieg fortzusetzen unnd dem Moscovitter, da er im nit sonst entgegen khombt gar inn seiner residenz zu Moscau haimbzusuechen. Alles volckh inn Littau ist willig und begirig darzu, weil sie sehen, das sie einen so dapffern und glicks seligen König haben. [...]

ÖNB. Cod. fol. 8954, 7 r.–v.
Ср.: Biringер M. Fuggerzeitungen. S. 48–49.

Из Вены, 7 января [15]81 года

Письмо из Польши, из Гродно, примерно от двадцатого декабря, подтверждает то, что было написано два месяца тому назад, когда король захватил Великие Луки и еще восемь крепостей, принадлежащих Московиту. Захватив Великие Луки, они (войска короля – прим. И. Ш.)¹ остановилась у ворот Московита. После этого король направился назад в Вильно, а большинство своих воинов оставил в Москве [в Московии]. Так он почти вернул себе Ливонию². Московитов нигде не видно. Их людей, которые были отправлены в Торопец³, прежде всего татар, не больше 10.000 человек, он [король] с небольшим количеством своих людей успел разбить и обратить в бегство, а два его [московского государя] важных воеводы⁴ или князя⁵ были взяты в плен⁶.

¹ Пояснения в квадратных скобках в переводе здесь и далее – И. Шварц.

² В немецком тексте – Ifflandt.

³ Город в Тверской области.

⁴ В немецком тексте – weyda.

⁵ В немецком тексте – kunisten.

⁶ Битва под Торопцом состоялась 20 сентября 1580 г., две недели спустя после падения Великих Лук. Русские были разбиты атакой польской кавалерии и в плен попали советник Ивана IV Деменша (Дементий) Иванович Черемисинов и бывший царский гонец Григорий Афанасьевич Нащекин. См.: Аракчеев В. Псковский край в XV–XVII вв.: Общество и государство. СПб., 2003. С. 155. О Черемисинове см.: Курукин И., Булычев А. Повседневная жизнь опричников Ивана Грозного. М., 2010. С. 129. Выражаю свою благодарность К. Ерусалимскому за предоставленную информацию о попавших в плен под Торопцом.

Татарский хан⁷ тоже послал своих послов к королю, чтобы поздравить его с успешным походом и предупредить, что на этом этапе ему нельзя останавливаться; до сих пор он [хан] не мог прийти ему [королю] на помощь, так как должен был послать свою помощь турецкому султану⁸, но хочет это сделать теперь. Как некоторые считают, он боится, что если король начнет переговоры с Московитом, то обратится против татар.

Московит отвечает гордо, но к настоящему моменту делает мало: он предложил вернуть десять замков, но король хочет иметь всё, что у Польши забрали его предки. Сейчас король собирается объявить на сейме о своих намерениях продолжить войну и искать Московита, который не идет ему навстречу, – у него дома, в его резиденции в Москве. Весь народ в Литве готов и желает этого, ведь они видят, насколько смел и благочестив их король.

3. Прага, 14 марта 1581 года

Aus Prag von 14. Marty

Auß Pollen von Warschau den 26. verschinen monats datiert haben wir schreiben, das obwoll des Moscowiters Orator daselbsten beim König ankhommen, umb ainen friden zue tractiern, so befinde sich aber auf sein Mostowiters sovil unbilliche begern, das nun hieraus will vermueht werden, es werde durchaus gar zue khainem friden khomen.

Der König hatte gleichwoll auf dem Landtag daselbst soliche firgebrachte fridens articul zue pronponieren bevölchen, unnd das die Lanndtständt hier iber decernieren, was enndtlichen hierinnen zuetuen unnd firzuenehmen sein mechte, nicht desto wenig er aber trinnge der König vast darauf, umb den Krieg zue underhalten, die Stännde aber beschwären sich der großen steur und auflagen zum höchsten, könden oder wüsten soliche, noch vill weniger die neue aufgerichte Contribution, nit gedulden.

Unnd obwollen (wie unnder anderm vermeldet) inn demselben Königreich großer manngel sich an gelt befinden, jedoch erzaigten sich die Herren unnd Edelleith des lanndts inn irer haushaltung, claidung unnd anderm vill prächtiger, als vor wenig jaren beschechen, also und dergestalt, wa ainer hievor zechen fas

⁷ Крымский хан Мехмед Гирей II (1577–1584 гг.).

⁸ В немецком тексте – Türggischer Kayser. Султан Мурад III (1574–1595 гг.).

wein gehabt, ann jetzo aber sich mit seinem gesinde mit 4 fas wein nit will beniegen laßen.

Es wirdet auch fir gewis geschriben, daz der Türgg vonn 2 provincien der Tartaren (weliche dem Moscowiter 3 jar laang zue dienen verpflicht) hilf gegen unnd wider den Persier begert, die Tartaren aber haben sich entschuldigt, das sie sich ohne bewilligung des Moscowiters nicht unnderfangen dirffen, besorgende, da sie das gestatten, mechte der Moscowiter (abwesendt irer) inn soliche lännder einfahll thuen.

Auf soliches hat der Türgg ainen Gesandten mit 40 Personen zue dem Moscowiter abgefertiget, weliche der Moscowiter sambt seinen zuegeordneten gefäncklich einziechen laßen, firgebende, soliche Legation geschehe mehr aus übermueth unnd hoffart, er, der Türgg wise, daß sein grosser herr der berüerten Tartarischen lannden dem Persier, mehr als ime hilf zuerzaigen, gewogen seie.

Darauf hatt der Moscowiter alsbaldd ainen Oratoren zum Persier gesant, demselben anmelden laßen, der berüerten gefangnen Türggen unnd wie er den Tartaren nit gestatten welle, dem Türggen zue diennen oder hilf zuerzaigen.

ÖNB. Cod.8954, fol. 80 r.–81 r.

Ср.: *Biringer M. Fuggerzeitungen. S. 56–57.*

Из Праги, 14 марта [1581 года]

Как мы писали из Польши, из Варшавы, под датой 26 [дня] прошедшего месяца, хотя московский посол¹ пришел сюда к королю, чтобы вести переговоры о мире, однако со стороны Московита так много необоснованных претензий, что можно предположить, что ни до какого мира тут не дойдет.

В то же время король изволил предложить на сейме те же самые условия мира, чтобы сословия² приняли решение о том,

¹ В составе посольства входили князь Иван Васильевич Сицкий, Роман Михайлович Пивов и дьяк Дружина Петелин. Посольство было отправлено в июле 1580 г. и вернулось в марте 1581 г. Переговоры шли в августе-сентябре под Великими Луками, в октябре под Невелем и наконец, в Варшаве, в феврале 1581 г. См. об этом: Виноградов А. Внутриполитическое и внешнеполитическое положение Речи Посполитой в статейных списках русских посольств в последние годы Ливонской войны. В: *Смутное время в России: конфликт и диалог культур. Материалы научной конференции / под. ред. А. И. Филюшкина.* СПб., 2012. С. 38. А. Виноградов обращает внимание на отсутствие во время переговоров в Варшаве политической элиты Великого Литовского княжества и абсолютное доминирование представителей Короны.

² В немецком тексте – die Lanndtständt.

что здесь нужно будет предпринять и осуществить. Тем не менее, король настаивает, чтобы финансирование войны было продолжено. Однако сословия жалуются на большие налоги и высокие сборы, каковых они не могут и не желают [оплатить], и еще меньше они хотят введения новых контрибуций.

И хотя в этом королевстве (как, в частности, уже сообщалось) большой недостаток денег, то у дворян и аристократов³ этого государства в их домах, одеждах и в других вещах гораздо больше великолепия, чем несколько лет тому назад. Так что если раньше для пьянства кто-то имел бочку вина, то теперь он и его [семья] не довольствуется и четырьмя бочками.

Еще пишут наверняка, что Турок⁴ требует от двух татарских провинций (которые были обязаны служить три года Московиту), чтобы они прислали ему помощь против персов, но татары оправдываются, что ничего не могут предпринять без разрешения Московита. Их беспокоит, что как только они это сделают, силы московитов (в отсутствие своих) нападут на их земли.

По этому поводу Турок послал к Московиту посольство в 40 человек, которое Московит посадил в тюрьму, сказав, что такие посольства снаряжаются больше от высокомерия и надменности, и что Турок знает, что его большое войско в татарских землях приносит больше помощи Персии, чем ему. После этого Московит отправил посла к персидскому хану⁵ и приказал ему сообщить, что он посадил в тюрьму названных турок и что он не разрешает татарам служить туркам или приходить им на помощь.

4. Вена, 8 апреля 1581 года

Aus Wien vom 8 ten Aprill anno 1581

Der König von Poln ist nunmehr von Warsow abgeraistt, der mainung, den krieg wider den Moscoviter zu prosequiren, darzu er albereit inn Sibenbürgen unnd sonst anderer ortten, wie er inn ober Hungern (sic!) auch gern wolltte, aber es wierdet ime nit gestatt, kriegsvolckh anzunehmen unnd allenthalben fürberaitung zumachen, solle es aber noch zu einem friden khummen, wie man von einer stattlichen

³ В немецком тексте – Herren und Edelleith.

⁴ Здесь и далее – турецкий султан Мурад III.

⁵ Мухаммад Ходабенде/Mohammad Chodäbande (1532–1595 гг.), шах Персии из династии Сефевидов (1577–1587 гг.).

potschafft segt, so wierdet es ungezweifelt mit deß Moscovitters merckhlichen unstaten geschehen müessen, alhir ist sunst inn der gemain die sag, die Bar(s)t(liche) Hey(ligkei)t habe gewilligt, sich inn die sachen zuschlahen, wofern der Moscovitter seine ceremony ändern unnd sich mit der Römischen Kirchen vergleichen wolle, aber das ist zweifenlich.

ÖNB. Cod. 8954, fol. 102 r.

Ср.: Biringe M. Fuggerzeitungen. S. 58.

Из Вены, 8 апреля 1581 года

Польский король уехал нынче из Варшавы с убеждением ускорить войну с Московитом. Для этого он готов на все – набирать солдат в Семиградье и в других местах, например, в Верхней Венгрии¹, где он это охотно хотел бы сделать, но ему не разрешают, – а также объявить всеобщую мобилизацию. Но если дойдет до мира – говорят о [предстоящем] официальном посольстве – то нет сомнений, что Московит окажется в неблагоприятном положении. Кроме этого, здесь везде говорят, что Его Папское Святейшество² согласилось заняться этим делом [быть посредником], если Московит изменит свой обряд³ и будет готов заключить унию с Римско-Католической церковью, хотя это сомнительно.

5. Вена, 14 апреля 1581 года

Auß Wiennvom 14. Aprillanno 1581

Weilman Saggmar derungwißheithalben, waszwichendem König und Moscoviter inn der fridshandlung noch beschlossener wierdet, inn zweifel stehen mueß, hatt mann ein zusatz von hundert khnechten hinein geordnet.

ÖNB. Cod. 8954, fol. 108 v.

Ср.: Biringe M. Fuggerzeitungen. S. 60.

Из Вены, 14 апреля 1581 года

Так как в Сатмаре⁴ не знают, какое решение будет принято в мирных переговорах между королем и Московитом и пребывают в

¹ В немецком тексте – ober Hungern (Oberungarn). Имеется в виду Верхняя Венгрия, которая находилась после битвы при Мохаче 1526 г. под контролем Габсбургов. Сегодня это территория Словакии.

² Григорий XIII, папа римский (13 мая 1572 г. – 31 марта / 10 апреля 1585 г.).

³ Имеется в виду принятие католической литургии.

⁴ В немецком тексте – Saggmar. Sathmar, (Satu Mare), город в Северном Семиградье, ныне – город Сату Маре в Румынии.

сомнениях, было приказано отправить туда дополнительный гарнизон из ста наёмников.

6. Вена, 22 апреля 1581 года

Noch auß Wienn vom 22 ten Aprilis anno 1581

Auß Saggmar confirmirn schreiben, das die von Sibenbürgen die weeg auf diese vestten bessern lassen, das will auf vorig geschray mich allerley vermuettung einer belegerung darauß gehn, würdets mit der zeit, sonderlich da zwischen den Pollen und Moscovitter im frid sollte geschlossen werden, merers außweisen.

ÖNB. Cod. 8954, fol. 109 r.

Ср.: Biringe M. Fuggerzeitungen. S. 60.

Вновь из Вены, от 22 апреля 1581 года

Из Сатмара на письме подтвердили, что собираются улучшить дороги из Семиградья в сторону запада, и это, отталкиваясь от предыдущих слухов, приводит меня к предположению, что предстоит осада города. Впрочем, со временем будет больше ясности, особенно после того, когда будет заключен мир между поляками и московитами.

7. Вена, 8 мая 1581 года

Aus Wien von 8. Mayo[1581]

Inn Sibenbürgen seind allenthalben die musterungen beschehen unnd den landleüthen bey verlierung all ir haab unnd guet auferlegt worden, inn steeter rüstung zue sein, damit sie täglich, wann sie aufgemanet werden, fort ziehen khönden, wohin es gemaint, khan man noch nit wißen, vil geben für, es seye gegen dem Marckhazy, wellicher zue Constantinoply umb Sibenbürgen steets anhalte, andere, da der Khönig vonn Polln mit dem Moscowiter frid machte, daz Sibenbürgen unnd Polln sich umb Oberhungeren annehmen mechte.

Daz volckh, so inn Sibenbürgen für den Khönig inn Polln gemacht, ist for 3 wochen im abzug geweßt, mit inen zeucht der Barbiel Jory unnd Bathory Andriasch, auch Bathory Balthasar, des Khönigs vonn Polln vetter, dem solle des Khönigs vonn Schweden dochter vermählet werden, der weyda inn Sibenbürgen hatt ettliches seines hofgesündts unnd sonst alle notturfft auch mit geben.

Sonst wirt gesagt, der friden mit dem Moscowiter solle geschlossen werden, dann widerumb ain ansechliche pottschaft mit 600 pferden zum Khönig vonn Polln aus der Moscau sammtiglich habe ankommen sollen.

Unnd habe der Khönig vonn Polln kürztlich ain ansechlichen khuntschaffter gefangen, wellicher inn der tortur bekhandt, der Moscowiter seye aigentlich entschloßen, da der Khönig vonn Polln noch ainmall auf ine ziehen wurde, allem seinem begeren nachzuekhommen, wie dann auch ettliche fürnemme leüth vom Moscowiter abgefallen unnd sich ann Khönig vonn Polln ergeben haben, welliche eben daz auch saagen.

Janicula weyda inn der Moldau soll mit vil guet, goldt unnd silber daselbsten endtrunnen sein unnd zwischen Sibenbürgen unnd Polln auf Oberhungern zue seinen weeg genommen, dann der Türggisch Kayser ainen anderen weyda inn die Moldau gesetzt soll haben, weniger ist nit, daz Janicula auf seinem heraus raysen mit dem herren Rueber practiciert hat [...].

Dem Lasckhy seind vonn Khönig inn Polln die 13. stätt (so uf den gränitzen zwischen Polln unnd Hungeren ligen) eingeben worden, er ist ain seltzamer gesell unnd er dörfte Irer Ma(jestä) die ime erzaigte guete freündtschafft widerumb bezalen.

ÖNB. Cod. 8954, fol. 130 r.–131 r.
Ср.: Biringер M. Fuggerzeitungen. S. 64–65.

Из Вены, 8 мая [1581года]

В Семиградье проводится повсюду военная мобилизация, местным жителям приказано иметь походное вооружение, даже если это будет достигнуто ценой потери всего имущества, — чтобы в любое время, когда их призовут, они могли двинуться в путь, туда, куда им прикажут, но куда — пока еще не известно. Многие предполагают, что против Маркхази¹, который находится то в Константинополе, то в Семиградье. Другие — что после того, как польский король заключит мир с Московитом, Семиградье и Польша [совместно] нападут на Верхнюю Венгрию.

Народ, который вербовали для польского короля в Семиградье, отправился три недели тому назад в поход, и с ним вместе в пути племянники короля Польши, Барбиел Иори²

¹ Авантюрист, претендент на семиградский престол, который нашел убежище в Стамбуле. См.: Д. М. Драгнев (отв. ред.), Очерки внешнеполитической истории Молдавского княжества (последняя треть XIV — начало XIX в.). Кишинев, 1987. С. 152–153.

² Наверно речь идет о Габоре Баторие (ум. 1586 г.), старшем сыне Маргариты Майлат и капитана города Сатмары Андраша Батория.

и Баторий Андраш³, а также, Баторий Бальтазар⁴, который должен быть помолвлен с дочерью шведского короля⁵. Воевода Семиградья⁶ дал им некоторых из своих приближенных и все необходимое.

А еще говорят, что должен быть заключен мир с Московитом, и поэтому ожидается в любой момент прибытие из Москвы к польскому королю посольства в 600 коней⁷.

Король Польши взял недавно в плен одного важного шпиона, который под пытками рассказал: Московит в действительности уверен, что польский король еще раз пойдет в поход против него, чтобы добиться выполнения своих требований, как это подтвердили и позже некоторые знатные люди из московитов, которые перешли к польскому королю.

[Говорят], что молдавский воевода Яникула⁸ со многими товарами, золотом и серебром бежал и находится где-то между Семиградьем и Польшей по пути в Верхнюю Венгрию, а еще [говорят], что турецкий султан поставил другого воеводу на престол в Молдавии. Менее [известно] о том, что Яникула перед своим отъездом общался с господином Рюбером⁹.

³ Андраш Баторий (1563–1599 гг.), сын Маргариты Майлат и Андраша Батория. Воспитанник иезуитской коллегии в Полоцке, впоследствии кардинал, воевода Семиградья в 1599 г.

⁴ Бальтазар Баторий (1560–1594 гг.), старший брат Андраша Батория.

⁵ Анна, дочь шведского короля Юхана III (1568–1592 гг.) от брака с Катериной Ягеллонкой.

⁶ Криштоф Баторий (1530–1581 гг.), воевода Семиградья (1576–1581 гг.).

⁷ Видимо идет речь об ожидании Великого посольства, но в Москве было снаряжено посольство Остафия Михайловича Пушкина и Федора Андреевича Писемского. Оно было отправлено 15 апреля 1581 г. и вернулось в сентябре 1581 г. См.: Виноградов А. Внутриполитическое и внешнеполитическое положение. С. 39.

⁸ Молдавский господарь Янку Сасул / Iancu Sasul, воевода Молдавии (21 ноября 1579 г. — сентябрь 1582 г.) ориентировался во внешней политике на Габсбургов и навлек на себя недовольство султана. Порта решила его низложить и арестовать. Это было в интересах польского короля, который хотел возвращения на молдавский престол Петра Хромого и открыто способствовал этому. В 1582 г. при попытке бежать в Семиградье Я. Сасул был схвачен и выдан польскому королю, который приказал его казнить, а казну конфисковать. См. Демир Драгнев (отв. ред.), Очерки внешнеполитической истории Молдавского княжества (последняя треть XIV — начало XIX века). Кишинев, 1987. С. 153–154.

⁹ Генерал Ханс Рюбер / Hans Rueber von Pixendorf (1529–1584 гг.), австрийский наместник в Венгрии.

Ласкому¹ переданы от польского короля 13 городов (которые находятся на границе между Польшей и Венгрией). Он очень странный человек, но [теперь ожидается], что он заплатит Его Величеству, который проявил к нему доброе дружественное расположение, тем же [и будет лояльным к нему].

8. Вена, 18 июня 1581 года

Aus Wien von 18. Juny [1581]

Umb den ausgang deß monats May ist Christoff Bathory de Somlyo, gewesner weyda inn Sibenbürgen, des Khönigs vonn Polln brueder, mit thodt abgangen, ime succidiert sein sohn, wie er dann im nächsten landtag zue ende Aprilis vonn den landständen darzue angenommen worden, sein älterer vötter Steffan Bathori wollte sich geren eindringen, suecht hilff beim Bassa vonn Offen, Tamaßwär, ja gar an des Sultani porten, die Türggen seind aber mit dem persianischen krieg behafft, würdet ime schwärlich folgen.

Der alt Caspar Magochi, der fürnemmbst unnd reichst inn Oberhungern, ist auch umb den 26ten May gestorben, sein vötter Andres Magochi ist principall erb, man besorgt sich, Muntkatsch dörffe sibenbürggisch werden.

Der Khönig inn Polln fört inn seiner kriegs expedition fort, Moscowiter handelt durch gesante beim Khönig unnd Bapst, geht aber gar langsam, der Khönig hat zue dem volckh, so er iberwinther ann die Moscau gelaßen, noch mehr ufgenommen, ain thail mit dem Groß Cantzler allberaith foran geschickht, er zeücht allgemach hinnach, vermaint auf den letsten July alles sein kriegsvolckh zue Velikhaluka (welliche statt er im verschinen jar erobert) bey ainander zuehaben unnd daselbst zue mustern.

Zue Constantinopoly ist zue anfang des Apprilis ain tartarische pottschaft ankhommen, entschuldigt iren herren, den Tartarischen Haan, daz er diß jar wider den Persier nit ziechen khönde, ratht dem Sultan, diß jar still

¹ Ольбрахт (Альбрехт) Лаский/Olbracht Laski (1536–1605 гг.), польский государственный и военный деятель, воевода серадзский, авантюрист и алхимик. Во время второго бескорольевья поддержал кандидатуру императора Максимилиана II на польский престол и был вынужден эмигрировать. В январе 1581 г. получил прощение от Стефана Батория и вернулся в Польшу. См.: Kraushar A. Olbracht Laski wojewoda sieradzki. Wizerunek historyczny na tle dziejów Polski XVI wieku. 2 Bd. Krakow, 1882. S. 168f. Ср.: Augustynowicz C. Die Kandidaten und Interessen des Hauses Habsburg in Polen-Litauen während das zweiten Interregnums 1574–1576. Wien, 2001. S. 156–159, 162–164.

zuehalten, sie baide ir volckh rasten laßen, aufs jar welle er aigner person mit 200.000 mann den Persier iberziechen, begert hingegen die weydwoschafft Moldau unnd die statt Caffa zue ainem sangsgiarat für sein sohn.

Die Türggen ann der persianischen frontier haben großen mangell ann proviant, man vermuet, es werde ain stillstandt auf diß jar zwischen dem Sultan unnd Persier volgen, weil man sich zue Constantinopoly gar läßig zuem krieg hinein gegen Persia ställt.

ÖNB. Cod. 8954, fol. 157r.–v.

Ср.: Biringer M. Fuggerzeitungen. S. 67.

Из Вены, 18 июня [1581 года]

Около конца мая умер бывший воевода Семиградья Криштоф Баторий, брат польского короля. Наследником престола стал его сын², которого в конце апреля сословия утвердили на очередном сословном сейме, но его дядя³, Стефан Баторий, хотел вмешаться [в престолонаследование] и обратился за помощью к паше Офена⁴, к [паше] Темешвары, и даже к Высокой Порте⁵, но так как турки заняты в персидской войне, то они вряд ли последуют за ним.

Старый Гаспар Магочи⁶, самый знаменитый и богатый в Верхней Венгрии, умер тоже около 26 мая, его племянник, Андраш Магочи, является его наследником и есть опасение, что Мункач⁷ может стать семиградским.

Король Польши продолжает свою войну, а Московит действует через послов у коро-

² Сигизмунд / Жигмонд Баторий (1572–1613 гг.), воевода Семиградья (1581–1599 гг.), но так как он был слишком молод, при нем был назначен регент.

³ В немецком тексте – älterervötter. Слово Vetter (vötter) в переводе означает кузен, но в старонемецком языке употребляется как брат отца или матери. Стефан Баторий был младшим братом Криштофа Батория.

⁴ Али Халак-оглу (Ali Alaikoghli), османский паша Буды (Офен) в 1579–1582 гг. У Хаммер-Пургшталья в перечне наместников годы правления Офена (1581–1583 гг.) неточные. Ср.: Hammer-Purgstall J. Geschichte des Osmanischen Reiches, grossentheils aus bisher unbenützten Handschriften und Archiven. Bd. 4. 1574–1623. Pest, 1829. S. 703.

⁵ В немецком тексте – an des Sultani porten.

⁶ Гаспар Магочи/Gáspár Magocsi / Caspar Magocsi был наместником замка в Мункаче, владельцем карпатской крепости Пачин (Pácin) и др. См.: Jozsef Balajthy, Munkács. Azaz: Munkácsvárosának ésváranaktopographiai, geographiai, históriaiestatistikai. Debreczenben, 1836. S. 36 f.

⁷ Мункач, Munkács (венг.), сегодня Мухачево, город в Закарпатской области Украины.

ля и у папы римского¹, но крайне медленно, а король добавил [за это время] к народу [к армии], который он оставил зимой в Москве [в Московии], еще больше, и сообщают, что великий канцлер² уже отправлен вперед, он движется все время, и наверно, в последних днях июля все его войско, вместе с другими, будет перед Великими Луками (который он захватил в прошлом году), и он сам проведет смотр войск.

В начале апреля в Константинополь прибыло татарское посольство, чтобы извиниться от лица своего государя, татарского хана³, что в этом году он снова не сможет выступить против персов и поэтому предлагает султану пойти на перемирие и, таким образом, оставить своих людей на один год отдохнуть, а в следующем году он готов сам, вместе с 200.000 человек двинуться против персов, но [в замен] настаивает получить воеводство Молдавии и город Каффу⁴ для своего сына как санджак.

У Турок на персидской границе большой недостаток провианта, и предполагается, что предстоит перемирие между султаном и персидским ханом, так как в Константинополе вяло [и с неохотой] относятся к войне против Персии.

9. Вена, 16 июля 1581 года

Aus Wienn vom 16ten July anno 1581

Die Türggen umb Temeßwar sein gegen Sibenbürgen noch starckh inn rüstung, welichem theyl aber noch die hilff vermaint, ist ungewiß, so will man auch von des Königs aus Poln ankunfft starckh reden, dann etlich geben für, der fride mit dem Moscovitter sey beschlossen und khöndte derhalben nit ohn sein, der König müesse sich umb das landt annehmen.

ÖNB. Cod. 8954, fol. 186 v.

Ср.: Biringe M. Fuggerzeitungen. S. 72.

¹ В августе 1580 г. в Рим был отправлен посол Истома Шверигин, который был принят 26 февраля 1581 г. папой Григорием XIII и в конце марта выехал из Рима вместе с иезуитом Антонио Поссевино. См. Борис Флоря, Иван Грозный. М., 1999. С. 365.

² Ян Замоиский (1542–1605 гг.), великий канцлер коронный (1578–1605 гг.).

³ Мехмед II Герай, хан Крыма (1577–1584 гг.).

⁴ В немецком тексте – Caffa. Сегодня Феодосия, город в Крыму.

Из Вены, 16 июля 1581 года

[Говорят], что Турки около Темешвара⁵ вооружаются против Семиградья, но чьей стороне они хотят отказать помощь, пока неизвестно. Говорится еще много и о прибытии польского короля. Некоторые утверждают, что мир с Московитом уже заключен – и не может быть иначе, король должен позаботиться о стране.

10. Вена, 28 июля 1581 года

Aus Wien vom 28ten July anno 1581

Auf des Königs von Poln erfolgten Resolution soll der Lhackhy dionis das gubernament inn Sibenbürgen bekhummen, wie das der junge Bathori Istwan werde geschehen lassen, wierdet die zeit eröffnen. Der frid mit dem Moscovitter solle gwißlich geschlossen werden unnd der stehe an dem, das der König noch drey vestin, darunder auch Nerna ist, zu dem Lifflandt begere, auch solle der Moscovitter ime König 300.000 ducaten für den kriegs uncosten richtig machen, und er alßdann gedacht sein ein junge Bathori, Balthasar genant, zu einem Hertzogen inn Lifflandt zubestätten, wann solches geschehen werde, dann der König ein zug wider die Tartarn fürnehmen, dann die haben ein zeit herumb vil schaden und einfall inn Padolia gethonn [...]

ÖNB. Cod. 8954, fol. 203 r.v.

Ср.: Biringe M. Fuggerzeitungen. S. 75.

Из Вены, 28 июля 1581 года

По повелению польского короля Лаский⁶ *dionis*⁷ должен получить в управление Семиградье, а как быть с молодым Баторием Иштваном⁸, – покажет время. Мир с Московитом, конечно, должен быть заключен, но он [король] пока настаивает, чтобы королю принадлежали еще три крепости к Ливонии, и среди них Нарва⁹, и чтобы Московит ему,

⁵ Сегодня Тимишоара, город в Румынии.

⁶ В немецком тексте – Lhackhy.

⁷ Значение этого слова не совсем понятно.

⁸ Наверно речь идет о племяннике Стефана Батория, Иштване Батории (ум. 1601 г.), который был младшим братом Андраша и Бальтазара. См. док. 7.

⁹ В немецком тексте – Nerna. Иван IV был согласен передать Польше всю Ливонию, с городами Юрьевом, Фелином, Перновом и другими замками, за исключением только Нарвы и прилежащей местности. В газете из Вены неправильно указана сумма расходов. Выдвинуты были требования о контрибуции в 400 тыс. золотых. См. об этом: Руслан Скрынников, Иван Грозный. М., 1975. С. 226. Нарва была взята в августе шведам и таким образом Московское государство потеряло един-

королю, заплатил 300.000 дукатов за расходы, понесенные во время войны. И еще он думает назначить одного молодого Батория, которого зовут Бальтазар¹, герцогом Ливонии, и когда это случится, король начнет поход против татар, поскольку они долгое время наносили ущерб и вторглись в Подолье.

11. Вена, 16 августа 1581 года

Aus Wien vom 16. Augusti anno [15]81

Der Polnische frid mit dem Moscovitter soll yetzo an dem stehen, das ime der Moscovitter nur ein vesten im Lifflandt vorbehalten, welches aber der Khönig in Pollen nit annemen wöllen und derowegen im fortziehen wider den Moscovitter sein soll.

Sunst ist es an den gränizen hin und wider zimlich still.

ÖNB. Cod. 8954, fol. 231 v.

Ср.: Biringe M. Fuggerzeitungen. S. 78.

Из Вены, 16 августа [15]81 года

Мир поляков с Московитом сейчас зависит от того, что Московит задерживает у себя и не отдает одну крепость в Ливонии, что для польского короля неприемлемо, и поэтому он готов снова двинуться против Московита.

А так на границе все еще довольно тихо.

12. Прага, 16 августа 1581 года

Aus Prag von 16. Augusty[1581]

Wir haben allhie zeitung und confirmation, das der friden mit dem Khönig von Polln gegen den Moscovitter aller dings zue rugg pleibt, inn ansehung, daz des Moscovitters fürgeben und anerbitten alles nur auf lüsch und betrug gericht, sonderlich daz er gantz Lifflandt abtretten und beschlieslichen durch ain gar stattliche pottschaft wollte handeln lassen.

Darauf dann der Khönig ann ettlichen orthen sein kriegsvolckh abmahnen hatt lassen, daz auch solliches weiter nit feintliche handn anlegen, sondern auf andern bevelch warten solle.

Hierzwischen aber hatt der Moscovitter 20.000 tartaren und ob 25 Moscovitter ausgesant, die haben mehr gemeltem Khönig mit prannd unnd plündern ann mehr orthen großen schaden gethon, sonderlich die statt Molegau, gegen Orsau und Slova ligende, geplündert und volgens inn prannd gesteckt.

ственный крупный порт на Балтике. О взятии Нарвы см.: Филюшкин А. «Русский Париж» против всей Европы. Осада Пскова армией Стефана Батория в 1581 году // Родина. № 7. 2003. С. 38–40.

¹ См. док. 7.

Als nun der Khönig solliches vernommen, hatt er alles sein kriegsvolckh zue hauff gefordert und mit großem zorn eillents vonn der Dhisnau auf Polotzgau unnd Pleskau fort geruckht, der solle sich zwischen Moscau und Neugarten lägern, daselbsten mehrers kriegsvolckh erwarten wellen, die ime dann vonn mehr orthen vil volckh unnd mit hauffen zuezieche, als dann forhabens, den Moscovitter mit allem ernst haimzuesuechen und mit denselben khaine friden nit mehr einzuegehn, ja auch nit auf waserlay fürscläg und conditiones, die ime mechten angeboten werden, sondern den Moscovitter mit dem schwert zuebezwingen, die weill doch weder trauen noch glauben bey ime, sondern alles sein thuen nur auf falsch und betrug gericht ist.

ÖNB. Cod. 8954, fol. 233 r.–v.

Ср.: Biringe M. Fuggerzeitungen. S. 79.

Из Праги, 16 августа [1581 года]

У нас есть известия, которые подтверждают, что мир польского короля с Московитом, оставлен в прошлом, по той причине, что Московит все притворяется и вносит предложения, но это только хитрость и обман. В частности, он предлагает посредством [нового] дипломатического посольства вести мирные переговоры о том, чтобы получить и присоединить [к Московии] всю Ливонию².

Тогда в некоторых местах король приказал уговаривать своих солдат опустить оружие и ждать новых приказов.

Но между тем, Московит послал 20.000 татар и 25 московитов, и они королю во многих местах поджогами и разорениями нанесли большой ущерб, особенно же разграбили город Могилев, расположенный напротив Орши и Шклова³, опустошили [этот город], а потом подожгли⁴. А когда король об этом

² Переговоры с посольством О. М. Пушкина и Ф. А. Писемского проходили в два этапа: в Вильно в мае и в королевском лагере под Полоцком в июле. Как известно, русским послам пришлось столкнуться с предельно жесткой позицией польско-литовской стороны. В переговорах участвовали влиятельные литовские сенаторы во главе с М. Радзивиллом, коронным канцлером Яном Замойским и маршалом дворным коронным Анжем Зборовским. Русские мирные предложения были отклонены и 21 июля посольство было отпущено. См.: Виноградов А. Внутриполитическое и внешнеполитическое положение. С. 40.

³ В немецком тексте – Molegau, Orsau, Slova.

⁴ О событиях в конце июня и действиях князя Дмитрия Хворостинина см.: Сідарэнка Б. Магіле у заключным этапе Лівонскай вайны: Дняпроускі паход Міхаіла Катырева Ростоускага і Дзімітрыя Хварасцініна летам 1581 года / Магілеўская даўніна. №1.1994. С. 6–16.

узнал, то призвал всю свою армию и с большим гневом, торопясь, двинулся от Десны в сторону Полоцка и Пскова и расположился станом между Москвой и Новгородом в ожидании множества солдат, которые сходились к нему толпой из разных мест. Затем он был со всей решительностью намерен искать Московита дома и не заключать с ним мир, несмотря на все посулы и условия, которые могли быть ему предложены, а победить Московита мечом, потому что он не имеет ни доверия, ни согласия, и во всем, что тот делает, видит притворство и обман.

13. Вена, 25 сентября 1581 года

Auß Wienn vom 25ten September anno 1581
Von polnischen zeitung haben wir, das der Polnische König mit seinem gannzen exercitu auf Plescau fort geruckht sey, unnd ob ime wol der Moscoviter nach seinem negst gethanen einfall das halb Lifflandt angeboten, so wolle er es doch nit annemmen, sonder sey bedacht, den krieg also fort zu continuieren, geen also starckhe anzeig, wiewol die statt groß unnd starckh unnd mit volckh unnd munition wie auch proviant woll versehen, der König möchte irer mächtig werden, alßdann sey er bedacht, gleiches spill mit Novigrad anzufahen und wann beede stett erobert, soll wenig gefahr sein, das der König nit die Moscau under seinem gwalt zwingen kündte.

Von Sibenbürgen ists so gar still, das daher wol zuerachten, es werde sich der Künig nunmehr deßhalben kheiner gefar zubesorgen.

ÖNB. Cod. 8954, fol. 269 r.–v.

Cp.: Biringe M. Fuggerzeitungen. S. 81.

Из Вены, 25 сентября 1581 года

Из польской газеты мы узнали, что польский король со всей своей армией приближается к Пскову, и хотя Московит после его последнего нападения предложил ему половину Ливонии, то он все же не хотел ее взять, а думает продолжить войну и так продемонстрировать свою силу и показать, что каким бы большим и сильным ни был этот город своим населением и боеприпасами, а также продовольствием, король его займет. Кроме того, он думает начать ту же самую игру и с Новгородом, и после того, как овладеет обоими городами, [для него] будет меньше опасности, и это позволит ему овладеть и Москвой.

Из Семиградья ничего не слышно, и можно считать, что король не ожидает от туда никакой опасности.

14. Вена, 22 октября 1581 года

Auß Wienn vom 22 ten October anno 1581

Auß Poln haben wir gwißheit, das sich der König von Poln nach eroberung etlicher vorligender schlösser unnd heusser nun umb die stattliche vöstin unnd statt Plescau angenummen, und wie etliche schreiben, so sey dieselbe albereit erobert, diß soll ein solch starckh ort sein, darauf der Moscovitter all sein Hoffnung gefalle hab, sagen die Moscovitter inn gemain inn einem solchen schreckhen, das sy teglich inn grosser anzahl zum König fallen, dermassen, das zubesorgen, es möchte mit dem Moscovitter ein seltzamen außgang gewinnen, dann weil sie sich gegen den König inn allen seinen fürnemmen nie erzeigt, sey wol abzunemmen, es sey die sachen also geschafft, das sy weder ein noch auß wissen. Der König aber lasse die schlechten heüsser immer hinder ime ligen unnd greiffe nur die fürnembsten an, hab an kriegsvolckh unnd proviantd kheinen mangel unnd sey bey ime immer mererer glichlicher fortgang zu spiren, dem Moscovitter soll ein hilf von Tartarn zuckhummen sein, ob aber die sein gwißheit wierde haben, wolle schier menigentlich daran zweiffen.

ÖNB. Cod. 8954. fol. 292r. –v.

Cp.: Biringe M. Fuggerzeitungen. S. 84.

Из Вены, 22 октября 1581 года

Из Польши мы узнали со всей ясностью, что король Польши, завоевав несколько замков и домов, находящихся в предместьях, теперь хочет занять и крепость, и сам город Псков¹. Как пишут некоторые, он тем более должен быть завоеван, что это особенно укрепленное место, на которое Московит возлагает всю свою надежду. Говорят, московиты все в таком испуге, что ежедневно в большом количестве перебегают к королю. И настолько много, что король, чтобы добиться своей цели, хочет прийти с Московитом к странному соглашению, и если они [московиты] не будут все выступать против короля, то будет понятно, что дело сделано, и им [московитам] некуда будет деться. Король всегда

¹ Kupisz D. Pskow 1581–1582. Warszawa, 2007. S. 45f; Осада Пскова глазами иностранцев. Дневник походов Батория на Россию (1580–1581). Вступ. Статья и коммент. А. А. Михайлова. Псков, 2005.

оставляет плохие дома за собой и нападает только на богатые. У него нет недостатка в войске и провиантах, и при нем все больше чувствуется благополучное развитие дел. Московиту должны прийти на помощь татары, но можно ли на них снова положиться – конечно, многие в этом сомневаются.

15. Вена, 20 ноября 1581 года

Auß Wienn vom 20ten Novembris anno 1581

[...]Von der Polackhen kriegsfortgann gegen dem Moscovitter hören wir der zeit fast gar nichts.

*ÖNB. Cod. 8954, fol. 311 v.
Ср.: Biringer M. Fuggerzeitungen. S. 88.*

Из Вены, 20 ноября 1581 года

[...] В последнее время о продолжении войны поляков против Московита не слышно почти ничего.

16. Вена, 14 декабря 1581 года

Auß Wienn vom 14ten Decembris anno 1581

Diese tag sein zeitung durch den falckhenmeister auß Preussen hergebracht worden, das der König von Poln vom Moscovitter starckh sey geschlagen worden, hab allein inn die 5000 hungern verloren, außser der andern, deren auch bey sechstausend sein sollen, sey der König so beangstigt, das er nit allein inn Poln und Preussen aufgeboten, sonder hab auch der Kay(serlichen) M(ajestät) etc. umb hilff zugeschriben, ob nun dem also und was allenthalben daran, würdet die nachvolge mit sich bringen.

*ÖNB. Cod. 8954, fol. 336 r.
Ср.: Biringer M. Fuggerzeitungen. S. 90.*

Из Вены, 14 декабря 1581 года

Сегодня сокольничий принес из Пруссии сообщение, что король Польши потерпел сильное поражение от Московита, потерял в числе прочих только своих венгерских солдат не меньше 5 тысяч человек, которых всего примерно 6 тысяч. И король так испугался, что проводит мобилизацию не только в Польше и Пруссии, но обратился за помощью к Его Императорскому Величеству и т.д., а так ли это и что из этого следует, принесут ясность дальнейшие события. [Далее сообщения о ландтаге в Пресбурге, об Османской империи и о войне в Персии...]

17. Вена, 25 декабря 1581 года

Aus Wien vom 25. December anno [15]81

Mit des Königs von Poln niderlag ists ettwas stiller, also das es sich lasst ansehen, als wolte mit dem jungsten geschray diser niderlag halben nit vil daran sein, wie man dann schreiben vom 23ten verschines October auß dem polnischen leger hat, darinnen dergleichen nichts gemeldts wirdet.

*ÖNB. Cod. 8954, fol. 354 v.
Ср.: Biringer M. Fuggerzeitungen. S. 91.*

Из Вены, 25 декабря 1581 года

Насчет поражения польского короля пока ничего не слышно, и это выглядит так, как будто хотят сказать, несмотря на известие об этом поражении: ничего особенного не произошло, так как в письмах из польского стана от 23 октября ничего подобного не сообщалось.

18. Вена, 28 декабря 1581 года

Aus Wienvom 28. Decemberanno [15]81

Mitdes Königs von Polnni der lagissettwasstiller, alsodases sich lasst ansehen, als wolte mit dem jungsten geschray diser niderlag halben nit vil daran sein, wie man dann schreiben vom 23 ten verschines October auß dem polnischen leger hat, darinnen dergleichen nichts gemeldts wirdet.

*ÖNB. Cod. 8954, fol. 350 r.–v.
Ср.: Biringer M. Fuggerzeitungen. S. 92.
Текст идентичен тексту документа от 25 декабря 1581 г. См. № 17.*

19. Вена, 18 января 1582 года

Aus Wien vom 18. Jenner [1582]

[...] Wir haben zeitung, das der Khönig vonn Polln alberaith wilde ankommen, von dannen nach Warschau willens gewest zue ziehen, alda den uf 14. Feber angesetzten lanndtag zue besuechen.

Sonnst will man sagen, der obgedachte Khönig habe sein läger vor Pleskau ufgehabt unnd das kriegsvolckh inn die schlösser unnd anndere vesteyungen außgethaillt, deß gemelten Khönigs fürnembster kriegsrath, der Farenspek, neben ainem annderen sollen sich unnderfangen haben, ain vöstes schlos nit weit von Pleskau mit gewalt einzuenemmen, welliches sie erst im 3ten sturm erobert, darüber vill gueter kriegsleut umbkommen, sonnderlich ain obrister, auch Farenspek hart geschossen worden, deswegen der Khönig

neben allem kriegsvolk hart getrauet, dann er sich seinesgleichen im ganzen läger nit soll gehabt haben.

Die Hungeren unnd Pollen sollen im pollnischen läger inn großer unainigkeit gestannden, yedoch bald widerumb gestillt worden.

Die fridenshandlung zwischen dem Khönig von Pollen unnd Moschcowitter soll gar zerschlagen unnd der bapstlich legat, ain jesuwitter unverrichter sachen zuem Moschcowitter widerumb zuerugg sein.

Anndere geben aus, daz pollnisch läger sye gewißlich noch vor Pleßkau unnd demnach die Pollen die contribution zue unnderhaltung deß kriegs (ohne zuesamenkunfft zue Warschau) noch auf 2 jar lanng bewilliget, bleibe der Khönig von Pollen auch selbst persönlich im läger, welliches Ire M(ajestä)t sonst dem grosantzler bevolchen gehabt.

ÖNB. Cod. 8955, fol. 194 r.–195 r.

Ср.: *Biringer M. Fuggerzeitungen. S. 94–95.*

Из Вены, 18 января [1582 года]

У нас есть известия, что король Польши готов вернуться и желает в Варшаве посетить запланированный на 14 февраля сейм.

А так, говорят, что вышеупомянутый король снял свой стан из-под Пскова и разделил свои войска по замкам и другим укрепленным местам, а известный военный советник этого короля, Фаренсбах¹, вместе

с еще одним, решил захватить силой замок недалеко от Пскова, каковым они сумели овладеть только после третьего штурма. При этом погибло много хороших воинов, в частности один полковник, а Фаренсбах был тяжело ранен, и поэтому король требует, чтобы никто из военных людей в лагере не смел больше повторять ничего подобного.

Между венграми и поляками в польском лагере были большие разногласия, но вскоре все успокоилось.

Мирные переговоры между польским королем и Московитом не дошли до успешного завершения, и папский легат², один иезуит, вернулся обратно к Московиту без результата.

Другие говорят, что польский стан находится, несомненно, еще под Псковом, и если будет выплачена полякам контрибуция для продолжения войны на 2 года (без созыва сейма в Варшаве), то, естественно, король сам останется в полевом лагере, который в противном случае Его Величество оставил бы под командованием великого канцлера.

¹ В немецком тексте – Farenspek. Jurgen (Georg) von Fahrnsbach / Юрген (Георг) Фаренсбах (1551–1602 гг.) происходил из немецко-балтийского дворянского рода Фаренсбахов. Был на службе у Ивана IV в составе корпуса иностранных наемников. Участвовал в военных походах в Ливонии 1572–1573 гг. Позднее перешел на службу к датскому королю Фредерику II, а с 1579 г. возглавлял немецкие подразделения польской армии и участвовал во всех трех походах Стефана Батория на Россию (1580–1581 гг.). Действия Юргена Фаренсбаха под Псковом и Псково-Печерским монастырем подробно зафиксированы и другим источникам. См.: *Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию. В: Осада Пскова глазами иностранцев. Дневники походов Батория на Россию (1580–1581 гг.).* Пер. О. Н. Милевского. Псков, 2005. С. 298, 316, 323, 324, 326, 327, 328, 329, 332, 333, 335, 337, 342, 357, 404, 405, 406, 408, 412, 428. См.: Татьяна Опарина, *Род Фаренсбахов во второй половине XVI века. В: Человек в пространстве и времени культуры. Сборник статей по материалам Всероссийской научной конференции с международным участием «Человек и мир человека», 23–24 ноября 2007 г. Барнаул, 2008. С. 40–86. Она же: Фаренсбах Юрген. В: *Немцы России: Энциклопедия.* Т. 3. М., 2006. С. 505–506. См. Schieman T. Jürgen Fahrnsbach – Ein Bild baltischen Kriegerlebens /*

Theodor Schieman, *Charakterköpfe und Sittenbilder aus der baltischen Geschichte des sechzehnten Jahrhunderts.* Nachdruck d. 2. Aufl. Hannover-Döhren, 1969. S. 50–76.

² О миссии иезуита Антонио Поссевино о переговорах в Ям-Запольском с 13 декабря 1581 г. по 15 января 1582 г. см.: А. Поссевино, *Исторические сочинения о России XVI в.* Перевод, вступительная статья и комментарий Л. И. Годовиковой. М., 1983. С. 150–188; См. Филлюшкин А. Указ. соч. С. 547–556.

А. С. Стыкалин, А. И. Колин

**«ПРЕБЫВАНИЕ НАШИХ ВОЙСК В ГЕРМАНШТАДТЕ И КРОНШТАДТЕ
ТЕПЕРЬ БОЛЕЕ, ЧЕМ КОГДА-ЛИБО НЕОБХОДИМО».
МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ РАСПРИ В ТРАНСИЛЬВАНИИ В УСЛОВИЯХ
ВЕНГЕРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1848–1849 гг. И РОССИЙСКОЕ ВОЕННОЕ
ПРИСУТВИЕ В ДУНАЙСКИХ КНЯЖЕСТВАХ**

Публикуемые ниже документы Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) дают представление о некоторых событиях из истории венгерской революции 1848–1849 гг. и трансильванской кампании многотысячной российской императорской армии, чье своевременное вмешательство в дела соседней монархии по сути дела спасло династию Габсбургов от неминуемого краха. В этих документах находит отражение ситуация в Трансильвании в условиях революций 1848 г., охвативших не только пространство Австрийской империи, но и расположенные по соседству с ней, находившиеся под российским протекторатом и османским сюзеренитетом Дунайские княжества – Молдову и особенно Валахию.

Обширная историческая область в юго-западных предгорьях Карпат, Трансильвания с раннего средневековья относилась к землям венгерской короны и развивалась при этом как многонациональное и поликонфессиональное по составу образование, представляя собой сложный конгломерат господствующих и непривилегированных этносов и религий. Усилиями в первую очередь немецких колонистов (саксов) в ее наиболее значительных ремесленно-торговых поселениях, особенно юго-восточных – Германштадте и Кронштадте (ныне Сибиу и Брашов, Румыния), начиная с XIII в. формируется бюргерский урбанистический уклад, характерный для старинных средневропейских городов, чей внешний облик по сей день легко просматривается в застройке исторических центров Клужа, Брашова, Сибиу, отчасти и десятка других трансильванских городов. В государственно-политическом отношении в Трансильвании на протяжении многих веков безраздельно господствовала

венгерская аристократия. Более того, после сокрушительного поражения венгров от турок в 1526 г. и последовавшего за этим распада целостного королевства «св. Стефана» (Иштвана) мадьярская знать, почти непрерывно управлявшая Трансильванским княжеством, пыталась превратить его в своего рода оплот венгерской государственности. Вплоть до начала XVIII в. (не без поддержки осман) это княжество успешно вело войны против Габсбургов. Затем, после вытеснения осман из Средней Европы и поражения наиболее мощного антигабсбургского венгерского движения 1703–1711 гг. во главе с князем Ференцем Ракоци оно интегрируется в Австрийскую империю, хотя и сохраняет некоторую автономию, со временем все более ограниченную. Полностью отменить ее, объединив Трансильванию с Венгрией, решилось лишь венгерское революционное правительство в период революции 1848–1849 гг., что вызвало жесткое противодействие невенгерского населения, склонившегося в результате к поддержке венского двора. Лишь с преобразованием Габсбургской монархии в дуалистическую Австро-Венгрию в 1867 г. рудименты автономного управления окончательно исчезают. Вследствие соглашения Венгрии с домом Габсбургов Трансильвания с этого времени на полвека становится неотъемлемой частью венгерского государства, чья политическая элита (за редкими исключениями) и слышать не хотела о какой-либо автономизации этого края. Между тем, такое требование не утрачивало своей актуальности, причиной чему были как длительная историческая традиция автономного существования Трансильвании, так и пестрота ее этнического состава. В самом деле, наряду с привилегированными наци-

ями – немцами¹, мадьярами и секлерами² в этом крае проживали румыны, составлявшие большинство населения³ и в XVIII–XIX вв. все более активно заявлявшие свое право на полноценное национальное развитие, пусть поначалу в рамках сложившегося государственного образования – Габсбургской монархии⁴.

В отечественной литературе, даже в работах крупнейшего российского специалиста по истории Габсбургской монархии Т. М. Исламова, иногда представлена несколько идиллическая, на наш взгляд, картина межэтнических отношений в Трансильвании, в частности, в XVI–XVIII вв. Речь идет о том, что в течении столетий в этом крае царил «образцовый конфессиональный мир», нарушенный лишь в XIX в., в момент, когда «идеология национализма овладела умами национальных элит народов на востоке Европейского континента»⁵. В этой связи хоте-

¹ Если в Юго-Восточной Трансильвании компактно проживали немцы-протестанты (саксы), то в прилегающей к Трансильвании с юго-запада, органически связанной с ней исторической области Банат, освобожденной от османского владычества в начале XVIII в., немалую долю населения составляли немцы-католики (швабы), более поздние колонисты, переселившиеся на эти малозаселенные земли, главным образом, в XVIII в.

² Отличающаяся культурным своеобразием часть венгерского этноса, населяющая гористые районы Восточной Трансильвании. Венг.: секеи, рум.: секуи.

³ Анализ динамики населения в крае, особенно в период между революцией 1848–1849 гг. и первой мировой войной, предпринят в работе: Bolovan S. P., Bolovan I. Transylvania in the Modern Era. Demographic Aspects. Cluj-Napoca, 2003.

⁴ До 1918–1920 гг. румыны в Трансильвании представляли собой преимущественно крестьянскую нацию (со своей, как правило, не крупной буржуазией и главным образом сельской интеллигенцией), немцы в основном составляли бюргерский слой, хотя в районе Сибиу было и немецкое крестьянство. Венгры были нацией с полной социальной структурой, включавшей в себя аристократию, дворянство (еще в средние века вообравшее в себя и денационализированных дворян румынского происхождения), буржуазию и средние городские слои (где были сильно представлены мадьяризированные евреи), крестьянство (прежде всего секлеры в Восточной Трансильвании), пролетариат. Только в 1920-е – 1930-е годы, когда Трансильвания уже находилась в составе Румынии, среди румын этого края заметно возрос удельный вес буржуазии, чиновничества, интеллигенции. См. также: Стыкалин А. С. Румынское национальное движение в Трансильвании с момента зарождения до начала парламентской деятельности в 1860-е годы. Внутриполитические и внешнеполитические аспекты // Российско-австрийский альманах: исторические и культурные параллели. Вып. V / Отв. редакторы И. В. Крючков и О. В. Павленко. Ставрополь, 2014. С. 120–137.

⁵ Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР. 1940–1946. Документы / Отв. ред. Т. М. Исламов. М., 2000. С. 3.

лось бы лишь заметить, что законы о веротерпимости, принятые в Трансильванском княжестве необычайно рано по общеевропейским меркам (первый еще в 1568 г.), по крайней мере, вплоть до реформ австрийского императора Иосифа II (1780-е годы) совершенно не распространялись на православных румын, причем после провозглашения унии на рубеже XVII–XVIII вв. священнослужители и паства, сохранявшие верность православию, долгое время подвергались весьма жестким преследованиям. Этническая и религиозная дискриминация румынского этноса сохранялась и после йозефинистских реформ, что не могло не броситься в глаза и русским наблюдателям, офицерам российской армии, направленным по просьбе Вены в составе регулярных войск для оказания помощи в усмирении венгерской революции: «Дако-ромун, запертый в самые вершины ущелий, в отдаленные предместья города, смотрит с порога своей бедной греческой церкви на великолепные храмы и огромные дома немцев, венгерцев и секлеров и обдумывает планы своего запоздалого мщения. Тут вся история Трансильвании. В Кронштадте осязаеть ее»⁶. Впрочем, российскому очевидцу показались далекими от идиллических и отношения между привилегированными этносами: «Четыре описанные племени, столь разнородные, жили на таком тесном участке земли, чураясь друг друга. Несколько сот лет не могли их сблизить: сосед не узнал языка соседа, ни разу не породнился; один и тот же город называется каждым племенем по-своему. Такие отношения, естественно, породили недоверчивость, вражду, презрение или ненависть одного народа к другому»⁷.

Страной поразительных контрастов описывает Трансильванию венгерский философ XX в. Б. Хамваш, попытавшийся выявить в истории этого края устойчивый и особый трансильванский «дух» (или, по его терминологии, «гений»): различия между кастами в Трансильвании «столь же велики, как между византийским императором и его подданными... Утонченный, многослойный мир, процветающий во дворцах и замках, среди мебели, изготовленной из дорогой

⁶ Дараган М. Записки о войне в Трансильвании в 1849 г. СПб., 1859. С. 67.

⁷ Там же. С. 5.

благородной древесины, среди ковров, шелков, драгоценностей, парчи, обильной еды и питья, эта изысканная жизнь резко, без всякого перехода отделена от жизни бедняка-крестьянина, угнетенного и огрубевшего, жителя лесов и гор, у которого на столе – не запеченный целиком... баран, а постная мамалыга, на теле – не бархат, а сермяга». В Трансильвании, продолжает Хамваш, между верхами и низами нет связующего социального звена – широкого и политически самостоятельного среднего слоя; богатство саксонских бюргеров устойчиво лишь при покровительстве высшей власти (в этом философ видит влияние византийских и османских традиций). «Общество Трансильвании – дезинтегрированное общество, с вызывающе выделяющимся высшим классом и с народом, который живет наподобие негров или малайцев, – замечает Хамваш, кстати, почти не акцентирующий внимание на этническом аспекте огромных социальных контрастов в Трансильвании. – С изощренным вкусом украшенный великолепный замок – и курная хижина под его стенами. Трансильвания – не провинция, а противостояние высокой цивилизации и дикости. Есть в этом какой-то тяжелый и мрачный пафос, словно вельможа, наряженный в бархат, – тоже внутри дикарь, который для внешнего мира играет роль утонченного аристократа. И все это – жесткое и неподвижное, словно деревянный истукан». Даже природа в этом горно-лесистом крае под стать разительным социальным и национальным контрастам, «состоит из таких крайностей, которые никогда не сойдутся друг с другом. В нескольких километрах от ухоженных, плодородных участков вы увидите дикую, неосвоенную местность. Аккуратные, теплые сады вдруг сменяются лесом и скалистыми кручами»¹.

Трагический опыт 1848 г., надолго оставивший след в исторической памяти каждой из наций, еще больше усугубил межнациональные распри. Уже осенью 1849 г. русские военные наблюдатели обратили внимание на бесплодность попыток венских властей после подавления венгерской революции установить в Трансильвании порядки, удовлетворяющие все национальные группы: «Введение нового гражданского устройства

и Конституции, дарованной Австрийским Императором подведомственным ему народам, встречает в Трансильвании много затруднений по разнородности элементов, составляющих народонаселение того края»². Со временем, когда для этого созрели объективные условия, румынское национальное движение обратилось к поискам путей самоопределения трансильванских румын вне пределов Габсбургской империи, что означало по сути дела: на её руинах. Соглашение 1867 г., явившееся компромиссом Вены с наиболее мощным, венгерским национальным движением, достигнутым за счет других народов империи, лишь на полвека продлило ее существование. При сохранявшейся нерешенности национального вопроса монархия пала в результате поражения в первой мировой войне, в условиях, когда целый ряд проживавших в ней народов, включая трансильванских румын, сделал выбор в пользу совсем иных государственных проектов.

Определение России времен Николая I как «жандарма Европы» получило широкое распространение не только в публицистике, но и в исторических трудах советского времени. Однако публикуемые ниже документы показывают исключительную осторожность царского двора. В документе IV читаем о том, что «Государь Император признает и теперь, как и прежде, неудобным вооруженное с нашей стороны вмешательство во внутренние дела Австрии, тем более что они клонятся по-видимому к благоприятной развязке; в таких обстоятельствах вступление войск наших, не вынужденное крайнею необходимостью, неминуемо затруднило бы общие в Европе политические отношения и могло бы служить на будущее время поводом к подобному вмешательству других правительств во вступление во внутренние дела соседних государств». Нежелание вмешиваться во внутренние дела соседей носило, таким образом, концептуальный характер. В Петербурге явно опасались, что перемещение части российских войск из Валахии и Молдовы, где они находились в целях наведения порядка по согласованию с Османской империей (и куда они также были введены лишь после долгих колебаний), в Трансильванию по просьбе Вены для оказания помощи в обороне гг. Кронштадта и Германштадта от

¹ Венгры и Европа. Сборник эссе / Сост.: В. Середа и Й. Горетить. Пред. и комм. В. Середы. М., 2002. С. 167–171.

² РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 5357. Л. 285–296.

венгерской революционной армии может привести, как отмечалось в другом документе, к нежелательному возникновению нового «европейского вопроса». Только реальная угроза полного краха Дунайской империи побудила Петербург сначала к краткосрочной отправке отрядов корпуса генерала Лидерса из Валахии в Южную Трансильванию, а затем и к согласию на большее – на направление в пределы Австрийской монархии 200-тысячной армии фельдмаршала Паскевича, перед которой, осознав неравенство сил, и сложила оружие венгерская революционная армия¹. Насколько сложнее подчас бытующих в историческом сознании стереотипов были реальные мотивы и конкретные обстоятельства подключения России к урегулированию (как правило, в соответствии с общепринятым в Европе XIX в. принципом монархической солидарности) тех или иных межэтнических споров и внутренних конфликтов за пределами своего государства.

Публикуемые документы демонстрируют союзнические отношения России и Турции перед лицом революционных событий в Средней Европе, их тесное сотрудничество в «наведении порядка» в Валахии и Молдове; казалось бы, ничто не предвещало нового, очень скорого обострения отношений двух держав, приведшего к Крымской войне. Показательно в этом плане описание совместного празднования 6 декабря дня тезоименитства Императора Николая I. Обращает на себя внимание также лояльность немалой части населения Дунайских княжеств, в том числе представителей элит, к присутствию российских войск, что можно объяснить естественной заинтересованностью во внутривластной стабилизации, консолидации власти. Пророссийским настроениям среди румын (независимо от того, гражданами какого государственного образования они являлись) способствовала и материальная помощь русской армии беженцам, покидавшим свои жилища вследствие боевых действий и разрушений. Как бы то ни

было, существовали и мощные импульсы к продолжению революции в той же Валахии, они были связаны не в последнюю очередь с влиянием внешних факторов. Ведь ситуация в этом княжестве после подавления там «беспорядков» находилась в тесной связи с положением в соседней Трансильвании, поскольку, как отмечалось в документах, «главные зачинщики» волнений в Валахии, бежав в пределы Габсбургской империи, пребывали «в непрерывных сношениях с неблагонамеренными лицами, оставшимися в Валахии».

Совершенно однозначным было отношение к приходу русских войск немецкого населения Германштадта и Кронштадта, опасавшегося, что взятие городов венграмми повлечет за собой жестокие репрессии против горожан, сохранявших лояльность Вене. Особенно показательны в этом плане свидетельства из неопубликованных здесь более поздних документов, относящиеся к августу 1849 г., когда корпус генерала Лидерса, дислоцированный в Дунайских княжествах, вторично был введен в Трансильванию по просьбе австрийцев: «Во время движения наших войск из Германштадта в Секлерпанд и Кронштадт они были везде радушно встречаемы жителями, в особенности жители Кронштадта старались изъявлением радости доказать признательность за великодушное вспомоществование, оказанное им Государем Императором. Город дал обед, за которым были провозглашены тосты Российскому и Австрийскому Императорам и победоносному союзному войску. Вечером была дана серенада в честь Русских войск, которая началась Гимном Боже Царя, храни»². А в другом документе читаем: «В Германштадте ждала Генерала Лидерса прекрасная торжественная встреча. Толпы народа покрывали все улицы от главной площади до предместья Минендорф и громкими криками Виват приветствовали успокоителя Трансильвании. Букеты и венки из цветов сыпались во множестве и окна были украшены коврами и разноцветными тканями. Вход в квартиру его был украшен цветами и дубовыми ветвями с изображением его вензеля. В самой квартире на стенах также висели венки с вензелями. Депутации являлись одна за другою. Вечером город был ил-

¹ См.: Колин А., Стыкалин А. Сдача венгерской армии русским войскам под Вилагошем. 1 августа 1849 г. Воспоминания очевидца // Российско-австрийский альманах: исторические и культурные параллели. Вып. V / Отв. ред.: И. В. Крючков и О. В. Павленко. Ставрополь, 2014. С. 264–271. В решающей акции по подавлению венгерской революции, состоявшейся летом 1849 г., также принял участие корпус генерала Лидерса.

² РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 5357. Л. 285–296.

люминован и во многих местах горели щиты с именем Александра Лидерса».

Публикуемые ниже документы ценны тем, что помогают с точностью реконструировать ход боевых действий между австрийской императорской армией и венгерским революционным войском генерала Ю. Бема, а также передвижений армии Бема в связи с вынашиваемыми этим талантливым полководцем стратегическими планами. Будучи не только одним из генералов венгерской революции, но продолжая оставаться деятелем польского освободительного движения, Юзеф Бем, как вполне резонно предполагали российские военные эксперты, планировал, «утвердив свою власть в Трансильвании», двинуть затем армию в другие земли, находившиеся под скипетром Габсбургов, – сначала в Буковину, а оттуда «перенести сколь можно скорее театр возмущения в Галицию». Очевидно, он мыслил полное и окончательное решение польского вопроса не иначе, как на руинах Габсбургской империи. При этом заезжий польский революционный романтик Бем, судя по всему, недооценивал глубину венгеро-румынских противоречий, надеясь все-таки сделать если не основную массу трансильванских румын, то румынское революционное движение в Дунайских княжествах союзником в борьбе против Габсбургов и каждый раз посрамляясь в своих ожиданиях. Как доносили осенью 1849 г. русские офицеры из Трансильвании, хотя «законный порядок в этом крае довольно быстро водворялся», «ненависть между племенами не потеряла своей силы»¹. Преувеличивал Бем и готовность Турции выступить против венского двора.

Через несколько лет отношения двух императорских дворов, солидарных в деле подавления венгерской революции, испортились. После начала в 1853 г. Крымской войны русские войска снова временно оккупируют Дунайские княжества, что теперь уже не отвечало интересам монархии Габсбургов. Сохранивший в 1849 г. свою власть только благодаря своевременному вмешательству российской армии, Франц Иосиф «удивил весь мир неблагодарностью», заняв формально нейтральную, но на самом деле недружественную России позицию. После вынужденного вывода российских войск

из Дунайских княжеств русскую оккупацию сменила австрийская. Более того, после падения Севастополя Австрия выступила с ультимативным требованием к России о присоединении к пока еще контролируемому Веней Молдавскому княжеству Южной Бессарабии (с 1812 г. входившей, как и вся Бессарабия, в состав Российской империи) с выходом к Дунаю². Николай I никак не мог простить молодому Францу Иосифу измены. Согласно одной красивой, но при этом вполне правдоподобной легенде, российский император, предчувствовавший резкое обострение отношений с монархией Габсбургов, разглядывая при посещении Варшавы памятник польскому королю Яну Собескому, снявшему осаду турками Вены в 1683 г., якобы изрек: Собеский и я были самыми большими ослами в истории, поспешив на спасение Австрии, так и не пожелавшей потом их отблагодарить.

При публикации документов опущены (в отмеченных местах) некоторые фрагменты, в частности, детали, касающиеся передвижения отдельных воинских частей. Сохранены особенности пунктуации оригинала. Очевидные описки исправлены без оговорок. К публикации прилагается краткий географический справочник, позволяющий сопоставить румынские, венгерские и немецкие названия важнейших населенных пунктов Трансильвании, упомянутых в публикуемых документах. Работа выполнена в рамках проекта клужского Института истории Румынской академии (руководитель Э. Косма).

Док. I. Продолжение Военно-исторического журнала с 18 Октября по 25-е [1848] включительно

19 Октября получено от Генерал-Лейтенанта Моллера из Ясс известие о беспорядках в Трансильвании. Командир Молдавской границы со стороны Трансильвании Капитан Данилеско и Исправник Бакеуского уезда доносили, что в Трансильвании возникло несогласие между Волохами (Ромунами) и поселенцами Венгерскими (Секлерами), что Волохи, пользуясь удалением части Секлеров в Венгрию на войну против Кроектов и отомщая обиды прежних времен, грабят и жгут селения Секлеров и наконец, что сии

¹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 5357. Л. 297.

² Проект, реализованный решением Парижского конгресса 1856 г. и находившийся в силе вплоть до Берлинского конгресса 1878 г.

последние, в случае если бы местное правительство не успело усмирить Волохов, намерены искать спасения в Молдавии. Князь Стурдза¹ опасался, чтобы они в таком случае не произвели какого-либо волнения в самой Молдавии, так как Секлеры одного происхождения с Венгерцами, живущими в окрестностях Романа и Бакеу²; но Г. Корпусный Командир³ предписал Генералу Моллеру дабы войска наши, расположенные на границе Трансильвании, действовали оружием только против шаек вооруженных, которые вошли бы в Молдавию для грабежа и разбоя, и оказали бы покровительство жителям переходящим в Молдавию для своего спасения; а если бы они имели оружие то требовать чтобы они сложили его и отдали в ведение наших частных начальников.

На Молдавской границе Трансильвании по общему расквартированию войск назначено было расположение Волынского пехотного полка; но в это время она была еще совершенно открыта; только в с. Томаше стояла одна сотня Донского № 43 полка. Генерал-Лейтенант Моллер приказал ей двинуться в Паланку, заставу на границе Трансильвании, через которую ожидали Венгерских перебежчиков. Батальоны Волынского полка приходили из Бухареста в пограничные уезды Молдавии поздно, – в Бакеу 11

¹ Михаил Стурдза (1794–1884 гг.) – молдавский господарь с 1834 по июнь 1849 г. Опирался в своей политике на Россию. Отличался произволом в управлении, вместе с тем за годы его правления Молдавское княжество заметно развилось в экономическом отношении. В 1848 г. без кровопролития подавил едва начавшуюся революцию, арестовал и выслал из страны всех заговорщиков. Умер в эмиграции в Париже. Представитель знатного молдавского боярского рода, двоюродный брат крупного политического мыслителя и российского дипломата Александра Стурдзы (1791–1854 гг.).

² Имеется в виду венгероязычная этническая группа чанго, проживающая в юго-западной Молдове в предгорьях Южных Карпат (ныне в Румынии). О попытках генерала Бема заручиться поддержкой своей армии со стороны чанго свидетельствуют и более поздние документы. В одном из них, относящемся к июлю 1849 г., читаем, что «он надеялся возмутить здешнее народонаселение, между коим находятся до 50 тыс. семейств Венгерского происхождения. В своей прокламации жителям Молдавии, для возбуждения их к общему восстанию против Русских, он подавал мнимую надежду на пособие, которое могут оказать при этом случае и войска Оттоманской Порты. Но однако же Бем в этом нимало не успел, жители, напротив, при приближении Венгерцев, удалялись в леса и горы» (РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 5357. Л. 331–339).

³ Александр Николаевич фон Лидерс (1790–1874 гг.) – видный русский полководец, генерал от инфантерии.

Октября, в Роман 14-го, в с. Липово – 18-го; один четвертый батальон, следующий в Бырлат, вступал 21 Октября в Фокшаны. Г. Корпусный Командир приказал направить его оттуда прямо в Куманешты, селение, находящееся в 10 верстах от Паланки, и в то же время приказал 4-му батальону Минского полка двинуться из Гуша в Роман, для наблюдения за проходом, ведущим чрез заставу Бекасалуй. По сему распоряжению к 26 Октября на границе Трансильвании являлись два батальона, готовые к действию в случае вторжения вооруженных шаек. Беспорядки в Трансильвании распространились по известию от 12 Октября до с. Джурджу Сен-Миклос, в расстоянии 60 верст от Паланки. По сему Русские войска могли во всяком случае поспеть вовремя и предупредить всякий беспорядок в Молдавии. В распоряжение Генерала Моллера были даны сверх того Донский № 2 козачий полк, которому предписано прийти в Молдавию и две сотни № 43 полка, расположенные в Текуче и назначенные прежде в Валахию.

Дальнейших известий о сем обстоятельстве еще не получено.

От Генерал-Лейтенанта Гасфорда получено донесение от 19 Октября. В Малой Валахии⁴ спокойствие не было нарушено.

Донской козачий № 1 полк возвращается в Бухарест из своей командировки в с. Пятру оставя сотню Козаков в с. Змердеосе и одну в г. Турну. Он доходил до Излау и Русанешти; разделяясь по сотням он был во всех бунтовавших селениях по обеим сторонам речек Веде и Олт, которую переходил в брод – и успокоил совершенно этот Край, принявший прежде других постановление незаконного правительства; и упорствовавший более прочих в признании законных властей⁵. С Донским № 1 полком ведутся в Бухаресте арестованные зачинщики беспорядков.

Но волнение еще не совершенно утихло в Валахии. От 20 Октября получено известие из Арджешского уезда, что жители селения Гунко близ Рымника на Ольте оказали

⁴ Малая Валахия или Олтения – западная часть Валахии (за рекой Олт) с историческим центром Крайова. В 1718–1737 гг. в составе Габсбургской монархии.

⁵ Олтения стала главным очагом революционных событий в Валашском княжестве. Именно в Крайове было образовано в июне 1848 г. революционное правительство, пытавшееся распространить свою власть на всё княжество.

сопротивление в выдаче оружия и декретов незаконного правительства назначенному от Каймакама Исправнику¹. Они собрались в числе 200 человек с оружием, побили и арестовали дарабанцов².

Г. Корпусный Командир приказал тотчас послать туда ½ половину сотни козаков Донского № 1 полка для усмирения крестьян.

Все эти обстоятельства показывали, как необходимы еще меры строгости для содержания в покое Края, привыкшего к бессилию и бездействию правительства. Не только в провинции, но и в самом Букаресте было еще много злонамеренных людей, готовых воспользоваться первым случаем к возмущению беспорядков, в которых они были прежде участниками. Г. Корпусный Командир, имея в виду повеление Государя Императора арестовать зачинщиков возмущения в Валахии и получить в продолжение пребывания своего в Букаресте положительные сведения о лицах, наиболее замешанных и кроме тех, которые изгнаны еще до нашего прихода за границу, приказал арестовать их. Вследствие сего 24 Октября были арестованы 22 человека из жителей Букареста и заключены в нарочно назначенный для сего дом в монастыре Плюмбоита в двух верстах от Букареста. В этот день войска находились в сборе поротно на ротных сборных пунктах, и орудия имели запряженных лошадей.

25 Октября Турки начали празднование байрама.

Обер-Квартирмейстер 5-го пехотного Корпуса Полковник Непойчицкий³.

Док. II. Продолжение Военно-исторического журнала с 25 октября по 2 Ноября

По имеющимся сведениям из Трансильвании, народонаселение, состоящее из Венгерцев, Шеклеров (Венгерского происхождения), Саксонцев и Волохов, разделилось на две партии: Саксонцы и Волохи (Ромуны) поддерживают законную Императорскую власть. Венгерцы и Шеклеры действуют противно; Императорских Австрийских войск недостаточно в Трансильвании для подавления возмутителей, и если бы войска не могли устоять против многочисленного неприятеля, они имеют намерение отступить в Валахию под наше покрови-

тельство. При надобном волнении нет также сомнения, что слабейшие будут искать спасения в Княжествах⁴, как и объявили уже Шеклеры, живущие на границе Молдавии и теснимые Волохами, что в крайности они принуждены будут укрыться в сие Княжество.

Обстоятельства сии заставили г. Корпусного Командира обратить внимание на тщательное и неослабное наблюдение за границую Трансильвании и сообразно сей потребности предначертать расположение войск. [...] ⁵.

Сообразно сему направлению путей сообщения ведущих из Трансильвании и Баната, поставлены близ границы козацьи посты, которые, поддержанные пехотою, будут наблюдать разъездами проходы, а на пунктах соединения дорог расположены главные резервы, как-то: в Молдавии: в городах Роман, Бакеу, сел. Липово, г. Текуч и Фокшанах; в Валахии: в г. Рымнике, Бузео, Плоешти, Тырговисте, Питешти и м. Цинцарени. Таким образом, для наблюдения горной части обоих Княжеств будет находиться 12 батальонов пехоты, 12 сотен Козаков и 8 орудий пешей артиллерии. Независимо от наблюдения за границую Трансильвании, где находятся все почти удаленные из Валахии пропагандисты, сие расположение войск упрочит спокойствие в той части края, где удобнее всего, по местному положению, нарушить оный и где до сих пор дух неповиновения к восставленному правительству гнездится между поселянами.

Расписание сих войск с квартирною картою при сем представляется.

Относительно действий предписано Начальникам горных участков принять к руководству следующее: если бы Австрийския Императорския войска принуждены были отступить в Валахию, а неприятель, преследуя их дерзнет ворваться в Княжества и меры увещевания для удаления Венгерцов в свои пределы не имели бы действия, то употребить против них оружие, но в таком случае границы не переходить. Если бы жители, какой партии не были, гонимые противниками искали спасения в Молдавии или Валахии, то принимать их, но обезоруживать на границе и отобранное оружие хранить частным

¹ Каймакам – глава турецкой оккупационной администрации, наместник.

² Бойцы жандармских подразделений.

³ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 5332. Л. 116–118.

⁴ Т.е. в Молдавском и Валашском княжествах.

⁵ Опушен фрагмент с описанием дорог, ведущих из Трансильвании в Молдавское и Валашское княжества.

нашим начальникам. Вообще отстранить от Княжеств беспорядки, которые могут быть порождены от волнений в Трансильвании.

Г. Корпусный Командир, озабочиваясь о водворении спокойствия в Валахии, отнесся к Комиссару нашему Свиты Его Императорского Величества Генерал-Майору Дюгамелю с просьбою предложить Каймакаму о безоружии жителей. Советом Департамента внутренних дел решено меру сию распространить как на Букарест, так вообще на все города, местечки и селения Валахии, с тем дабы окончательное обезоружение жителей Букареста приведено было к исполнению 15 Ноября, а по уездам к 1 Декабря.

Вследствие сего Г. Корпусный Командир предписал Начальникам войск, в тех местах, где они расположены, назначить офицеров, которые бы состояли при исправниках на время приведения в исполнение охваченной меры, и отобранное оружие хранить под нашим караулом.

Обер-Квартирмейстер Полковник Непойчицкий¹.

Док. III. Продолжение Военно-исторического журнала с 24 Ноября по 11 Декабря

25 Ноября Г. Корпусный Командир получил уведомление от Каймакама Валахии, что Исправник Праховского уезда донес ему о сведениях, собранных Начальником Тимишской заставы по коим сказывается, что Венгерцы и Шеклеры угрожают нападением на Кронштадт, от чего город сей и все окрестные селения находятся в большом страхе.

Чтобы обеспечить границы Валахии от вторжения в оную Шеклеров и Венгерцев при преследовании ими Волохов, в случае если сии последние бросились бы искать спасения в нашем покровительстве, предписано 26 Ноября Командующему войсками между рр. Ольтою и Бузею принять немедленно самую строгия меры осторожности, а главнейшее иметь в виду дорогу, идущую от г. Плоешт чрез м. Кымпину, в Кронштадт, как главный путь сообщения пограничных мест Княжества с Кронштадтом. [...] ².

Генерал Энгельгардт получил тогда же приказание немедленно отправиться к границе дабы увериться самому в достоверно-

сти слухов о смятениях в пограничных местах Трансильвании, расположить войска самым удобным образом и вообще приготовиться к действиям в случае вторжения мятежнических шаек. 26 же числа командирован был в распоряжение Генерал-Майору Энгельгардту Генерального Штаба Капитан Барковский, которому поручено было проехать по Кронштадтской дороге до самой границы и тщательно осмотреть оную. Касательно же приема Волохов, которые изъявили бы желание перейти от преследований в границы Княжества, приказано было не обезоруживать их, согласно предписанию Г. Военного Министра³ от 8 Ноября за № 1720, где Его Сиятельство изъявляет Высочайшее Государя Императора повеление, чтобы жителей Трансильвании, поддерживающих законную власть и вынужденных искать спасения в Княжестве в районе расположения наших войск, принимать по-братски, но не обезоруживать их.

Комиссар Порты Фуад Эфенди и Начальник Турецких войск Омер Паша изъявили желание со своей стороны содействовать нам в сохранении порядка в горной части Валахии и в действии, в случае надобности против вторжения в оную Венгерцев и Шеклеров. По предварительному соглашению о сем с Генералом от Инфантерии Лидерсом, Омер Паша двинул 28 ноября из Букареста один батальон пехоты и два орудия в г. Тырговишт⁴ и согласно настоятельному требованию Корпусного Командира приказал войскам сим быть в полном распоряжении Генерал-Майора Энгельгардта. [...] ⁵. Наблюдать строго, чтобы турки не делали притеснений жителям и во избежание сего стараться, чтобы они оставались на своем продовольствии и наконец подтвердить всем частным Начальникам о сохранении с Турецкими войсками дружелюбного обращения.

Между тем Генерал Энгельгардт прибыл на границу Трансильвании, собрал там более положительные сведения о последних происшествиях в южной части оной. Около 6 тыс. человек Венгерцев и Шеклеров (в

³ Генерал от кавалерии светлейший князь А. И. Чернышев (1786–1857 гг.).

⁴ Тырговиште – город в Валахии в 75 км к северо-западу от Бухареста.

⁵ Опущен фрагмент о предполагаемом размещении этих и других турецких воинских частей в пограничных районах.

¹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 5332. Л. 121–123.

² Опущен фрагмент с перечислением подразделений, направленных 28 ноября для охраны границы Габсбургской монархии с Валахией.

числе их находилась часть из пограничной стражи, Венгерских гусар и Ландверов¹) под предводительством Венгерского Помещика Графа Стефана Бельди и отставного Поручика Австрийской службы Сароша перешли 23 Ноября р. Ольту у д. Гермен и сожгли сию последнюю, а также д. Больду и Фельдиеру. В это время в окрестностях Германштадта и Кронштадта Австрийских войск было недостаточно, чтобы остановить мятеж, развивавшийся с каждым днем более и более. Большая часть войск, там находившихся поступила в состав армии действующей против Венгрии². В окрестности Германштадта находилось 5 000 человек под командою Генерала Пухнера. Полковник Барон Штутергейм с 1400 человеками линейных войск и частью милиции из Валахских селений, начальствовал в Бургенланде³ и находился на левой стороне р. Ольты. По переходе через оную мятежников он отступил в Кронштадт и принял меры к защите онаго в случае нападения. В Секлерланде (восточная часть Трансильвании, обитаемая Шеклерами в округах городов: С.Миклоша, Марошвашаргели, Середы, Удваргели и Иллиефальвы, с. Гиерги и других) находился Австрийский Генерал Гедеон, также с незначительным числом войск. 25 Ноября толпа буйных Шеклеров и Венгерцев в числе 500 человек бросилась на селение Сечели (название сие имеют 7 деревень, почти смежных между собою), разграбила дома Волохов и Церкви православного исповедания, неистовствовала над женщинами, умерщвляла беззащитных старцев и детей, двинулась оттуда в другие деревни, а 30 Ноября снова напала на несчастные Сечели в числе 350 человек под личным начальством Графа Бельди и Поручика Сароша. Первый сам подавал пример самого жестокого варварства и святотатства: грабил Церкви, брал с Престолов Священные сосуды, пил из них

вино, ругался над распятием и стрелял в Лик Спасителя. Изверги сии распинали на Крест, вырезывали груди у женщин и тех, которые отказывались присоединиться к шайкам их, подвергли лютейшим мучениям: сдирали с них кожу, или сжигали живых.

В числе сих несчастных погиб и 80-летний Священник, распятый злодеями на Кресте. Многие жители из разграбленных селений успели однако же бежать в Валахию, так что до 30 Ноября по наблюдению казачьих разъездов на пространстве между д. Брязою и монастырем Синаем перешло до 2000 человек. Хотя известия сии и не совсем быть может верны, или несколько преувеличены, но судя по общим рассказам бегущих из Трансильвании видно, что действительно Волохи чрезвычайно много потерпели от Шеклеров.

Находившийся в с. Комарник (29 верст от границы по дороге в Кронштадт из Плоешт) с полусотнею Донского № 1 полка Хорунжий Краснов узнал о нападении на Сечели, вследствие инструкции данной ему Генералом Энгельгардтом, выдвинул 25 ноября свою полусотню на самую границу; это движение спасло тех из жителей Сечели и окрестных селений, которые были еще нетронуты до того времени, ибо мятежники, узнав о приближении Русских войск, немедленно удалились от границы. 29 Ноября Генерал Энгельгардт донес, что по известиям от бегущих из Трансильвании Барон Штутергейм тщетно прося и ожидая помощи от Генерала Пухнера, задержанного восстанием Венгерцев в Мароше, решился защищаться в Кронштадте собственными силами, что город сей осажден уже мятежными полчищами, которые требовали безусловной капитуляции и сверх того: 1) чтобы были выданы им все начальствующие лица поддерживающие законную власть и верные Императору; 2) чтобы Волохи и Саксонцы, находящиеся в рядах Императорских войск, сложили оружие; 3) чтобы город заплатил 20 000 гульденов контрибуции, что составляет 60 000 рублей серебром.

Полковник Штутергейм успел увеличить оборону Кронштадта, собрав в городе и в окрестных селениях несколько сот вооруженных и укрепившись окопами объявил, что он будет защищать вверенный ему пост до последней капли крови. Неизвестно эта ли

¹ В условиях 1848 г. местные, территориальные войсковые формирования в Габсбургской империи.

² В оригинале дается подстраничное примечание составителя документа: Донесение Генерал-Майора Энгельгардта от 29 Ноября № 49 и от 3 Декабря за № 53.

³ Имеется в виду обладавшая широким местным самоуправлением территория Юго-Восточной Трансильвании с городами Кронштадт (ныне Брашов) и Херманштадт (ныне Сибиу), где в органах местной власти тон задавало немецкое бюргерство. Херманштадт кроме того был центром трансильванской румынской православной епископии в юрисдикции Карловацкой митрополии (в 1864 г. стала самостоятельной митрополией).

стойкость, или движение казаков из Комарника по большой Кронштадтской дороге, как выше упомянуто, и распространившиеся от того слухи, что русские войска получили уже приказание перейти границу, – были причиною неожиданного отступления Венгерцев не менее двух переходов от Кронштадта.

Чтобы быть в готовности встретить мятежные толпы на каком бы пункте то ни было, в случае, если бы они возымели намерение прорваться в пределы Валахии, Генерал Энгельгардт расположил войско следующим образом: [...]¹.

Связь между сими отрядами весьма бдительно сохраняется промежуточными постами и козачьими разъездами по всему протяжению границы от р. Ольты до р. Бузео. Генерал Энгельгардт для получения вернейших сведений о ходе событий в Южной Трансильвании вступил в переписку с Полковником Штутергеймом и с другими благонадежными лицами того края, но происходящие там волнения и беспорядок замедляли ответы и большею частию совсем не допускали оные. В письме своем Генералу Энгельгардту от 1 Декабря Полковник Штутергейм уведомляет его, что он не в состоянии предпринять теперь что-либо решительное, но надеется на прибытие Австрийских войск. Генерал-Майор Энгельгардт донес, что по частным известиям слышно, что Генерал Геден перешел уже р. Ольту между С. Георге и Середой. Шеклеры действующие против него находятся под командою (как говорят) двух отставных Штабс-офицеров Австрийской службы полковника Зомбори и подполковника Наджа.

Чтобы совершенно прекратить сообщение жителей Горной Валахии с пограничными селениями Трансильвании, которые они до сего почти свободно и весьма часто посещали для торгу, промыслов и покупки разных хозяйственных потребностей, по требованию Г. Корпусного Командира Правительством Княжества постановлены весьма точные правила, по коим запрещено выходить из пределов Валахии и входить в оную всем лицам без изъятия, без установленных на сей предмет паспортов, проверка коих возложена на строгую ответственность Начальников Таможен и Пограничных при-

ставов. Самые паспорта дозволено выдавать только лицам вполне благонадежным и то с крайнею осторожностью и только по самой необходимой надобности. Всех же людей без установленных видов, или пробирающихся тайком по горным тропинкам, приказано было задержать и предавать суду, как ослушников. Проезды же и проходы чрез пограничную черту дозволены лишь по одним почтовым, транзитным и известным Правительству дорогам. Лица же, являющиеся на границу с просьбою укрыть их от преследований и волнений в крае, принимаемы по-прежнему (нередко целыми семействами и большими толпами) и отправляемы в места, более отдаленные от границ, в которых правительством Валахским доставляемо им помещение и способы к продовольствию. Из Турецких войск, прибывших 3 Декабря в Тырговиште, 5 Декабря отправлены Начальником оных обратно в Букарест два эскадрона и два орудия как совершенно излишние². Дабы по малой обширности г. Тырговиста и квартированию там части 4-го батальона Замосцкого егерского полка не стеснить расположение Турецкого батальона, Г. Корпусный Командир, по соглашению с Омер Пашею предписал Генерал-Майору Энгельгардту вывести роту означенного полка из г. Кымпулунга и расположить в д. Бадени на самой дороге, ведущей из Кронштадта чрез Драгославиле в г. Тырговисте, а в г. Кымпулунг поместить весь Турецкий батальон.

26 Ноября Российские войска заняли городские караулы в Букаресте и от сего времени постоянно содержат оные по двухдневной очереди с Турецкими. Сии последние, а в особенности Омер Паша, видимо стараются перенимать у нас все правила гарнизонной службы и мало-помалу вводят оные у себя. Прежний беспорядок в отправлении ими караульных обязанностей делается менее заметен и самые караулы увеличены или уменьшены, смотря по возможности постов.

По сношению Корпусного Командира с Каймакамом Валахии, милиция, вновь сформированная после 5-месячных беспорядков и волнений, происходивших в Крае, в которых наибольшая часть оной принимала столь деятельное участие, 28 Ноября при-

¹ Опущен фрагмент о дислокации российских воинских частей в приграничных районах Валахии.

² В оригинале дается подстраничное примечание составителя документа: (донесение Генерал-Майора Энгельгардта от 5 Декабря № 455).

ведена была снова к присяге на верность службы Краю и законному Правительству. В Букаресте обряд сей был совершен в Храме Сарандари (назначенном для Русских войск), с надлежащим торжеством: после Литургии, у коей присутствовали все чины милиции, находящиеся в городе, Генерал-Майор Дюгамель, Каймакам и все Министры, Епископ Нифон возглашал на амвоне слова присяги, по прочтении которой уполномоченный нашего Кабинета Свиты его Императорского Величества Генерал-Майор Дюгамель произнес в Церкви на Французском языке речь, в которой он убеждал чинов милиции ревностною и усердною службою загладить соделанное ею при происшедших событиях уклонение от прямого долга, чести и верности. По выходе из Храма полиция в полной парадной форме выстроилась на дворе Церкви для прохождения церемониальным маршем и в это время явился пред фронтом Омер Паша и также произнес речь на Турецком языке, поздравляя милицию с восстановлением оной на прежних основаниях и убеждая служить честно и верно, с целью быть полезною Краю и заслужить тем несомненно благоволение, как Султана, так и покровителя Валахии Императора Всероссийского. В сей же день совершена была присяга и во всех других местах Княжества, где находилась милиция.

Комиссия, учрежденная для исследования степени вины и участия в возмущениях, происходивших в Валахии каждого из арестованных лиц или находящихся на поруках, с деятельностью и с успехом продолжает свои заседания. Многие из задержанных лиц освобождены немедленно, как только объяснилась их невинность, а лицам, удаленным по подозрениям от службы, но вполне оправдавшимся пред Комиссиею, безотлагательно возвращены прежняя их места, или даны равная им другая. При расследовании сем открывались новые лица, причастные к революции и потому оные тотчас были арестованы, или приняты меры, в случае их отсутствия, для открытия местопребывания оных.

6 Декабря¹ торжествуемо было в Г. Букаресте с полным великолепием и неподдельным общим веселием. От раннего утра и далеко за полночь ликовало все народонаселение города вместе с Русскими, как

составляющими гарнизон Букареста, так и подданными Его Величества, здесь поселившимися. В 8 часов утра собрались в квартиру Г. Корпусного Командира все Генералы, Штаб и Обер-Офицеры войск здесь находящиеся, Гражданские чиновники, состоящие при управлении Генерала Лидерса, Штаб и Обер-Офицеры Валахской милиции, Генералы и Штаб-Офицеры Турецких войск, все в полной парадной форме, для принесения поздравления с Высокоторжественным днем. Один из здешних Архимандритов явился с хором певчих, которые встретили Его Высокоторжественство² нашим народным гимном «Боже Царя храни». Депутация от русских подданных здесь пребывающих, от городского Муниципалитета с своим президентом, от Еврейского общества и других классов последовательно являлись с хлебом и солью, и каждая из них произносила поздравительные речи. В 9 часов началась Литургия, совершаемая Епископом Нифоном со всеми нашими военными Священниками, при двух хорах певчих. Храм был полон: в нем кроме наших военных присутствовали все чины управлений Валахского Княжества в парадных мундирах и множество граждан. При выходе Епископа с собором для молебна следовал за ним и Митрополит³, сопровождаемый двумя епископами, который по болезни, не будучи в состоянии совершить Богослужение присутствовал только при молебне. При возглашении многолетия открылся огонь из орудий. Турецкие батареи в разных пунктах города немедленно отвечали им продолжительною стрельбою. По выходе из Церкви, войска, находившиеся в параде, проходили на дворе оной церемониальным маршем. Войска для парада были выведены в следующем составе: по два взвода от Модлинского пехотного и Замосцкого егерского полков, по одному взводу от Стрелкового батальона, от пешей артиллерии, от конной, от козачьего полка, жандармской команды и один взвод от Валахской милиции. Парад при возвращении в свое квартирное расположение едва мог двигаться по улицам от множества экипажей и многочисленной тол-

² Командовавший российскими оккупационными военными силами генерал А. Н. Лидерс.

³ Митрополит Унгро-Влахийский Неофит II (1778–1850 гг.), в 1848 г. в течение ряда месяцев также формально возглавлявший временное правительство Валахии.

¹ День тезоименитства императора Николая I.

пы парада. По окончании молебствия Митрополит с Валахским духовенством, Каймакам, Министры, чиновники, Иностранные Консулы и новые депутации от негоциантов и других классов, отправились с поздравлениями к Генералу Лидерсу и потом к Генералу Дюгамелю и к нашему Генеральному Консулу, за ними явились Фуад Эфенди и Омер Паша в сопровождении своего Штаба. В час пополудни начались обеды, приготовленные городом для наших нижних чинов: один в манеже Князя Карла Гики для 500 человек, другой для 880 в доме училища святого Саввы и третий для 660 человек в Хане Манук¹. В сие же время даны обеды от города и для беднейших граждан: на площади Григория Гики для тысячи человек, на площади святой Парасковьи для 500 и на площади Амзи для 100 человек.

Обед в манеже Гики был замечателен по красоте внутреннего убранства сего здания, по тщательности и чистоте обеденных столов, посуды, белья и прочих и по обилию вина и кушаний. Против входа, на противоположном конце было сделано вензелевое изображение Имени Государя Императора из разного оружия и принадлежности к оному. Над входом были устроены хоры, где находились наши генералы, Фуад Эфенди, Омер Паша, Каймакам, значительнейшие бояре, несколько из старших Штаб-Офицеров и некоторые дамы из высшего класса. К обеду назначены были нижние чины, имеющие знаки Военного Ордена, медали, как пожалованные Турецким Султаном в 1833 г., так и другие, и нашивки. Солдаты сохраняли за столом порядок удивительный, несмотря на их многочисленность: будто бы каждый из них не раз уже сидел за таким парадным столом.

Нельзя было не любоваться на бодрых видом, осанкою и ясно выражавшихся на лицах веселием. На все заздравные тосты, с хор провозглашаемые, отвечали они криком Ура! громогласно и радушно. В особенности был продолжительным и громким сей крик при первом тосте «за здравие, долголетие и благоденствие Его Императорского Величества». После этого Генерал Лидерс про-

¹ Постоялый двор Манука в центре Бухареста, где в мае 1812 г. был заключен Бухарестский мирный договор между Россией и Турцией, в соответствии с которым к Российской империи отошло междуречье Днестра и Прута (будущая Бессарабская губерния).

возгласил тост за здоровье Султана. Затем Фуад Эфенди поднял бокал в честь храброй Русской Армии, на что Корпусный Командир отвечал ему тостом в честь войск Отоманской Порты. После одного предложен был тост за благоденствие Букареста, и наконец, распорядившись столом, Генерал-Майор Фохт, провозгласил тост за здоровье Генерала Лидерса. За обедом играл полный хор музыки Валахской милиции и в то же время не вдалеке оттуда на площади против главной гауптвахты, рядом с квартирою Корпусного Командира играла музыка Ахтырского гусарского полка, остававшаяся здесь до 6 часов вечера. В три часа пополудни после солдатского обеда хоры песенников собрались на дворах Полковых, батарейных и ротных Командиров и пели с барабанами, бубнами и свистками до 8 часов вечера. От 6 до 9 часов вечера музыка Модлинского пехотного полка играла на дворе Российского Консульства, а при отдохновении оной пел там хор песенников, предварительно для сего выбранный из лучших в войсках. Погода была удивительная, ясная и тихая, так что на солнце было 10 градусов тепла по Реомюру. На улицах, на площадях теснились экипажи и гуляющие: Русские, Валахи и Турки составляли общие толпы.

В 4 часа был дан обед Генералом Лидерсом на 70 кувертов². На оный были приглашены все Генералы и Штабс-Офицеры наших войск, Фуад Эфенди и все Турецкие Генералы, Иностранные Консулы, Штаб-Офицеры Валахской милиции, первоклассные чины Княжества и почтеннейшие Бояре. После тоста за здравие Государя Императора, Генерал Лидерс предложил тост за здравие Султана, дружество и союз двух Держав. Фуад Эфенди вслед за ним провозгласил тост за здравие Государя Императора и в честь взаимных обоих Дворов. Затем продолжались тосты за войска обоих держав, за благоденствие Валахов и некоторые другие. Крик Ура! дружно возглашаемый при каждом тосте всеми посетителями, повторяем был толпами, теснившимися на дворе, на соседней площади и улице, и терялся между громом наших орудий, песнями солдат и хорами музык, игравших народный гимн: «Боже Царя Храни». Нашим батареям снова отвечали Турецкие орудия.

² Прибор за обеденным столом (устаревш.).

В 6 часов город заблистал бесчисленными огнями. На главных улицах все почти дома были иллюминированы. Щит на дворе квартиры Корпусного Командира был сделан с замечательным искусством, и великолепием своим устремлял на себя общее внимание. Прекрасно также были иллюминированы дома, занимаемые Дюгамелем, Фуад Эфенди, Омер Пашею, Российским Консульством, Корпусным Штабом, Каймакамом, Турецкая казармы, присутственные места и многие дома частных лиц. Несметные толпы покрывали главную улицу Могушой часов до 9 вечера, так, что экипажи, разъезжавшиеся от обеда Генерала Лидерса, а потом ехавшие на бал Генерала Дюгамеля, должны были двигаться шагом, мало-помалу, беспрестанно останавливаясь и выжидая пока очистится место.

Бал данный Генералом Дюгамелем был также великолепен и продолжался до 5-го часа утра. Множество посетителей едва вмещались в огромных двух залах.

Несмотря на общее веселье Русских и Валахов и даже Турок, несмотря на многочисленную чернь, двигавшуюся во весь день по всем направлениям и на обильные угощения солдат, не было ни одного малейшего происшествия, и везде сохраняемы были приличия и совершенный порядок.

День сей празднуем был с таким же радушием и в других местах Княжества.

В городе Крайове, как доносит Генерал Гасфорд, торжество празднуемо было с подобным же великолепием и участием всех классов народа. Командующий Турецкими войсками в Малой Валахии Мехмет Паша с Штаб и Обер-Офицерами принес равномерно поздравления с сим Великим и радостным для России днем. На официальном обеде, данном Генералом Гасфордом, после первого тоста за здоровье Высокого Имениника Всемилоостивейшего нашего Государя, предложен был тост за здоровье Турецкого Султана. Мехмет Паша предложил тост за здоровье союзных Монархов, сказав при том: «да продлится вечно дружба двух Высоких Держав и да осенится она лучами славы».

В Монастыре Черника (в 20 верстах от Букареста) после Литургии Архимандритом с 7 священниками и 2 Дьяконами совершенной, отправлено было Молебствие с коленопреклонением при многочисленном стечении народа из всех окрестных мест.

В Монастыре Сем был приготовлен от братии обед для 400 человек и в продолжении дня сей обед возобновляем был три раза сряду.

В Браилове Командующий там Турецкими войсками Рифат Паша сделал в сей день парад и сам ожидал пред фронтом пока окончатся Богослужения в Греческой Церкви; при выходе из оной народа приказал открыть пальбу из орудий и произвел войскам Церемониальный марш.

8 ноября чрез Австрийского Консула в г. Букаресте получено уведомление Главного Начальника Австрийских войск в Трансильвании Генерала Пухнера, что по его распоряжению войска направлены для усмирения Шеклеров, угрожающих городу Кронштадту и можно ожидать, что толпы оных преследуемые войсками будут искать спасения в Валахии; но как оружие Шеклеров есть достояние государства и частью принадлежит управлению пограничных военных поселений, самовольно упраздненному мятежниками, а частью арсеналам ими разграбленным, то Барон Пухнер просил, чтобы в случае бегства мятежников в Валахию оружие сие было у них отбираемо, сложено на границе, и впоследствии передаваемо ближайшему Австрийскому Начальству под квитанции.

Вследствие сего Г. Корпусный Командир предписал 9 декабря Генералу Энгельгардту, а также Командующим войсками в других горных участках принимать Шеклеров в видах человеколюбия, обезоружить их немедленно на самой границе, а в случае сопротивления действовать оружием. Сложенное Шеклерами оружие хранить под нашим караулом и по сношению с Австрийскими Начальствами выдавать им оное под расписки. Самих же Шеклеров удалять тотчас от границы и по сношению с Исправниками размещать их для жительства во всей Валахии и Молдавии. При размещении сем наблюдать, чтобы Шеклеры не производили беспорядков, а в случае ослушания немедленно их арестовывать.

Обер-Квартирмейстер Полковник Непокойчицкий.

Старший Адъютант Генерального Штаба Полковник Глебов¹.

¹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 2. Д. 5332. Л. 142–158.

Док. IV. Продолжение Военно-Исторического Журнала с 11 декабря 1848 г. по 13 января 1849 г.

С 11 по 20 декабря войска наши остались на назначенных им местах без всякого изменения и из Трансильвании не было никаких особенно замечательных известий. Австрийские войска за это время были расположены преимущественно по двум дорогам, идущим из Венгрии к Клаузенбургу: одной от Гросс-Вардена и другой по долине реки Самоша от г. Надьбани. Кроме того, несколько малых отрядов были рассеяны в Южной Трансильвании. Генерал Геден с регулярными войсками прибыл к Кронштадту и приостановил там грабежи и жестокости Шеклеров, буйствовавших уже в ближайших окрестностях сего города.

Слухи о приближении к Трансильвании значительных сил Венгерцев понудили командующего войсками в Княжестве сем. Генерала Барона Пухнера, соединить в одну массу разделенные войска свои у Клаузенбурга, но мятежники быстрым движением, около 15 декабря, по двум означенным дорогам и по промежуточной дороге между ими (на Шеку) в числе 20 тысяч под командою Бема¹, успели предупредить сие соединение. Австрийцы претерпели совершенное поражение: одна часть их войск под начальством Пухнера отступила в беспорядке в Кальсбург, а другая под командою Полковника Урбана к г. Быстрицу. Венгерцы заняли Клаузенбург и вслед за тем Марош-Вашаргели.

20 декабря Генерал Пухнер сообщил Генералу Лидерсу об успехе Венгерцев и о затруднительном положении своем. Потеряв всю надежду охранить Трансильванию от утверждения в оной мятежников собственными силами и средствами, Генерал Пухнер просил принять под нашу охрану казенные суммы и архивы из Германштадта и прислать какое-нибудь доверенное лицо на границу у Ротентурма для свидания с ним и личных объяснений. Одновременно с тем Генерал Геден прислал Корпусному Командиру из Кронштадта Адъютанта своего капитана Гоменау, который сообщил, что хотя Генерал

сей и обратился к жителям Кронштадта и его округа с воззванием к вооружению и к предпринятию всех мер для отражения мятежных полчищ, на что он имеет секретное повеление Барона Пухнера, в случае крайности, отступить с своими войсками к Германштадту.

20 же декабря явились к Корпусному Командиру две депутации, одна за другою из г. Кронштадта с убедительнейшею просьбою прибыть к ним с войском для спасения края, имущества и жизни 80 тыс. жителей. Депутации сии составляли: Кронштадтские сенаторы Дильмонт и Нимрих, Капитан национальной гвардии Магера и Кронштадтские граждане Вильбаум и Бемхес. Все они подтвердили справедливость прежних сведений из Трансильвании, уже изложенных в сем журнале. Кронштадтские жители решились держаться до последней крайности и употребить все имеющиеся у них средства для защиты города, но по сознанию их это не могло продолжаться более 18 дней и что после того, если не будут иметь помощи от Русских, они должны будут уступить превосходнейшему неприятелю.

Чтобы обеспечить границу Княжеств от вторжения в оные мятежных Венгерских скопищ и вместе с тем произвести моральное впечатление на Венгерцев находением значительного числа Русских войск у самой границы, сделаны были 21 декабря следующие распоряжения: [...] ².

Всем вообще начальникам горной части Валахии и Молдавии подтверждено находиться в постоянных между собою сношениях для общих в случае надобности действий.

Руководствуясь Высочайшею волею, положенною в предписании Г. Военного Министра³ от 8 ноября за № 1720, чтобы наши войска ни в коем случае не переходили Австрийской границы, Генерал Лидерс отвечал Кронштадтской депутации, что он не может без особенного Высочайшего разрешения двинуть какую бы то ни было часть войск в Трансильванию, но что он немедленно представит их просьбу на благоусмотрение Государя Императора и безотлагательно сделает все распоряжения для принятия на границе жителей, которые будут искать спасения в защите нашей, а также их имущества и

¹ Юзеф Бем (1794–1850 гг.) – польский революционер, военачальник. Участник польского восстания 1830–1831 гг. Генерал венгерской революционной армии в 1848–1849 гг. После поражения венгерской революции бежал в Турцию, где, согласившись принять ислам, получил звание фельдмаршала.

² Опущен фрагмент о передвижениях некоторых российских воинских частей, дислоцированных в Дунайских княжествах.

³ Князь А. И. Чернышев.

сумм, как частных, так и казенных. Между тем, принимая во внимание печальное состояние Трансильвании и в особенности г. Кронштадта, находящегося вблизи буйных и жестоких Шеклеров, и опасаясь, что потеря онаго повлечет за собою общее восстание в Шеклерланде, а затем и во всей южной Трансильвании и что тогда Венгерцы соединясь с Шеклерами могут угрожать вторжением в Валахию и в Молдавию, с целью грабежа и возмущения жителей, Генерал Лидерс донес 21-го Декабря Г. Военному Министру о обстоятельствах сих для доклада Государю Императору и испрашивал наставлений. Находя, что число войск, расположенных в сие время в Княжестве¹, недостаточно для действий против венгерцев и сохранения спокойствия в крае, Генерал Лидерс просил вместе с тем разрешения располагать вполне всеми войсками резервного отряда, находящимися в Бессарабии, в случае, если бы Его Величеству угодно было повелеть двинуть часть войск в Трансильванию для поддержания жителей, преданных законному правительству.

Не достигнув вполне желания своего касательно безотлагательного вступления русских войск в Трансильванию, кронштадтские депутаты обратились с просьбою об оказании немедленной помощи к Комиссару Порты, но Фуад-Эфенди также отозвался, что он не имеет по сему предмету никакого наставления от Двора своего, но что он войдет о сем с представлением. И действительно немедленно был отправлен им с донесением о сем курьер в Константинополь.

Исполняя просьбу Генерала Пухнера о высылке к нему для совещаний доверенного лица, Корпусный Командир отправил 23-го декабря на границу Обер-Квартирмейстера 5-го пехотного корпуса Полковника Непокойчицкого. Но Генерал Пухнер, не имея возможности отлучиться в сие время от войск своих, выслал из Германштадта для переговоров с Полковником Непокойчицким Команданта сего города Генерала Ферсмана с одним из своих Адъютантов. На вопрос его, какие имеет Генерал Лидерс инструкции относительно Трансильвании и может ли он выступить в нее немедленно по просьбе начальника Австрийских войск, Полковник Непокойчицкий отозвался, что Государю

Императору угодно было бы изъявить свою волю, чтобы наши войска ни в каком случае не переходили Трансильванской границы, но что о просьбе Кронштадтских депутатов сделано представление Военному Министру для доклада Его Величеству. Генерал Ферсман сообщил при сем, что Барон Пухнер донес о критическом положении своем Князю Виндишгрецу², изложив в сем донесении свое мнение, что настоящие обстоятельства требовали бы выступления в Трансильванию 10 тысяч Русских войск, для предупреждения поголовного восстания в оной и спасения от совершенной гибели тех подданных, которые останутся верными законному правительству; что необходимо принять самые сильные меры для удержания Кронштадта, дабы не допустить разлития мятежа в Шеклерланде и облегчить тем действие войск собственно против вторгнувшихся Венгерцев; что Русский вспомогательный отряд должен был бы состоять преимущественно из пехоты с 20 орудиями и не более как из тысячи человек кавалерии за недостатком в Трансильвании фуража; что же касается до продовольствия людей, то запасы онаго весьма достаточны как в Кронштадте и Германштадте, так и во всей Южной Трансильвании. О положении Австрийских войск Полковник Непокойчицкий получил от Генерала Ферсмана следующие сведения: по разбитии оных при Клаузенбурге одна колонна была, как выше объяснено, отброшена к Клаузенбургу, а другая чрез Деш к городу Бистрицу, и Венгерцы, заняв Марошваргели, совершенно разобчили сии две части. При таковых обстоятельствах Барон Пухнер предполагает сосредоточить свои войска при Сегесваре, направив туда отряды из Кронштадта и Германштадта и главные силы от Карлсбурга, а русским войскам предоставить занять Кронштадт, не допуская тем соединения Шеклеров с Венгерцами. Отряд русских войск, двинутый из Кронштадта в Удваргели, мог бы способствовать соединению с главными силами Генерала Пухнера колонны отброшенной в Быстрице, которая имела бы тогда возможность действовать на левый фланг Венгерцев. Войска, находившиеся под командою Генерала

¹ Речь идет, прежде всего, о Валашском княжестве.

² Князь Альфред Виндишгрец (1787–1862 гг.) – австрийский фельдмаршал. Руководил подавлением венгерской революции 1848–1849 гг.

Пухнера, не составляли даже 15 тыс.: они сформированы из отдельных частей разных полков, состояли преимущественно из рекрутов и пограничной поселенной стражи, дурно обученной и совершенно неопытной в военных действиях. Из двух Шеклерских полков, расположенных на восточной границе, первый занимающий северный округ (главные города коего Сен-Миклош и Чиксереда) усмирен и изъявляет покорность законной Императорской власти, но второй, расположенный в южном округе (важнейшие места коего Сен-Георгий и Кезди-Васаргели) в полном возмущении.

23 декабря Генерал Пухнер прислал в село Кинени в сопровождении Австрийского Майора Флюгера и команды из 14 человек, архивы и казенные суммы, простирающиеся до 100 тыс. червонцев, из Германштадта, но по неимению помещений для них в селении сем и по соглашению Полковника Непокойчицкого с Генералом Ферсманом они направлены в Рымник на Ольт под надлежащим конвоем нашим и охраняются там нашим же караулом.

24 декабря прибыл в Бухарест из Германштадта Епископ Трансильванских жителей Греческого исповедания¹ с депутацией от Саксонцев, живущих в Трансильвании, также с просьбою о помощи Русских, основываясь на официальном к нему отзыве Генерала Пухнера, представляющем Трансильванцам прибегнуть ко всем мерам для спасения своего. Депутаты сии подтвердили слухи о жестокостях, производимых Венгерцами подобно Шеклерам: неприятель повсюду знаменует путь свой грабежами, истреблением и убийствами; уже до 200 деревень превращено им в пепел и целые поля покрыты погибшими. Депутации сей на поданный ею адрес Генерал Лидерс отвечал в том же смысле как и Кронштадтской, то есть что он без разрешения Государя нашего двинуть к Германштадту войск не может, что он уже приказал принимать как братьев всех жителей ищущих спасения в нашей защите и что он донесет о просьбе их его Величеству. Между тем Германштадтская и Кронштадтская дороги в Букарест и в другие города были уже загромождены экипажами,

обозами и толпами с целыми семействами и со всем имуществом, спасавшихся заблаговременно из Трансильвании. Правительство Валахии сделало все распоряжения для принятия их, размещения в городах и селениях и прокормления нищих и открыло в крае подписку на пособие сим несчастным. Комиссар Порты Фуад-Эффенди от имени Султана пожертвовал 1000 червонцев. Наш Комиссар Генерал-Майор Дюгамель вошел с представлением о Всемилостивейшем пожаловании такой же суммы в пользу Трансильванцев, а Корпусный Командир приказал открыть подписку для них в войсках, находящихся в Княжествах.

После 20 декабря наступили сильные морозы, так что к концу сего месяца они доходили до 21 градуса; но несмотря на такой резкий переход от тепла к холоду, здоровье в войсках находилось в весьма удовлетворительном состоянии и число больных, оставшихся преимущественно в госпиталях и лазаретах после холеры и осенних лихорадок, постепенно уменьшалось.

С наступлением морозов Дунайская гребная флотилия введена в Измаильскую гавань, но оставлена в полном вооружении; находящиеся при сей флотилии пароходы и транспорты, которые предполагалось отправить на зимовку в Николаевский порт, также оставлены в Измаиле, чтобы по случаю внезапной наступившей сильной зимы не подвергнуть их в море крушениям.

В продолжении сего времени Корпусным Командиром были приняты самые деятельные меры к противодействию пропаганде, оставившей еще сильные корни во всей Валахии и старавшейся тайно распространять свое учение как в уездах, так и в самом Бухаресте. Главные зачинщики минувшей революции, удалясь большею частию в пограничные места Трансильвании, находились в беспрерывных сношениях с неблагонамеренными лицами, оставшимися в Валахии и вместе с ними, старались поддерживать надежды поселян на возвращение свободы и разделение между ними боярских земель, обещанных им революционерным правительством. Комендантское управление в Бухаресте бдительно следило за сими сношениями и ему удалось схватить несколько неблагонамеренных людей, осмелившихся прибыть сюда из Трансильвании с целью

¹ Андрей Шагуна (1808–1873 гг.), с 1864 г. митрополит. Одна из центральных фигур национального движения румын Трансильвании в рассматриваемый период.

возобновления мятежа. Между ними арестован Валахский архимандрит Дионисий на последнем ночлеге его по пути в Бухарест, ехавший сюда с другими злоумышленниками. Впрочем замыслы сии не обнаружались нигде ни малейшим беспокойством или беспорядком.

К концу декабря Трансильванские дела приняли более благоприятный оборот для Австрийцев. 29 декабря Генерал Гедеон, командующий Императорскими войсками в Кронштадте, сообщил Генерал-Майору Энгельгардту, командующему нашими войсками между реками Ольтою и Бузео, что возмущившийся второй Шеклерский полк начинает изъявлять покорность и повиновение, начальники онаго являются в Кронштадт для принесения присяги на верность Императору и обещают прекратить враждебные действия против Саксонцев и Валахов, возвращая вместе с тем отобранное ими у сих последнее оружие. Покорность Шеклеров дозволила Генералу Гедеону отправить часть войск его в Сегесвар на присоединение к главным силам и оставаться до последней возможности с остальным, хотя и весьма незначительным числом оных в Кронштадте. Вслед за сим известием Корпусный Командир получил письмо от Генерала Пухнера от 27 декабря / 7 января, где он также уведомляет о склонении Шеклеров к покорности, что доставляет ему более возможности действовать решительно противу вторгнувшихся Венгерцев.

31 декабря получено донесение Начальника 14-й пехотной дивизии Генерал-Лейтенанта Моллера из Ясс от 28 декабря, что, по достоверным сведениям, отряд Венгерцев с частью Венских студентов и Поляков, в числе 7 тыс. под командою Бема опрокинул 24 декабря / 5 января Австрийский отряд у с. Ватра-Дорней, (в 7 верстах от Молдавской границы в верховьях реки Быстрицы) разграбил сие селение, перерезал жителей и намерен проникнуть чрез Буковину в Галицию.

Жители окрестностей гг. Кымпулунг и Сучава и с. Вамы разбежались и некоторые семейства укрылись в Молдавию. Пограничная Австрийская Императорская войска отступили, но на подкрепление им приблизилось из Лемберга¹ к г. Кымпулунг несколько

батальонов пехоты с 10 орудиями. Известия сии подтвердились нарочноприсланным 6 января к Генералу Лидерсу Австрийским офицером из Буковины, который сообщил при сем, что при движении Бема из Марош-Вашаргели на г. Бистрицу к г. Кымпулунгу колонна Австрийских войск, разбитая близ Клаузенбурга и отступившая к г. Бистрица под командою Полковника Урбана была атакована Бемом на пути его и оттеснена через г. Кымпулунг к Галиции, но получив из сей последней подкрепления, она в свою очередь атаковала Бема и столь успешно, что он принужден был очистить Буковину, захватив впрочем в оной большие запасы свинца. Хотя он и отступил на границу Трансильвании, но имел у себя довольно значительные силы и как говорят, до 20 тыс.

Действия сего отряда обнаружили намерения Бема. Вторжение его в Трансильванию было вероятно произведено с целью пробраться в Галицию; и действительно разбив поодиночке отдельные Австрийские колонны, разъединив оные и сосредоточив главную часть своих войск у Марош-Вашаргели, он замаскировал тем движение свое на г. Кымпулунг и с. Ватра-Дорней.

При таких обстоятельствах, для более надежного сохранения Молдавской границы и занятия пространства между вершинами рек Быстрицы и Молдавы, Генерал Лидерс сделал следующие распоряжения:

[...]². Все передвижения назначено окончить к 6 января.

Таким образом, главные проходы наблюдаемы Козачьими постами; длинное ущелье р. Быстрицы занято пехотными кордонными резервами, а для общего резерва сей части назначен один батальон в центральном пункте г. Нямц – откуда два только перехода в ущелье р. Быстрицы и полтора до г. Фэлтичень.

На случай, если бы Венгерцы были разбиты и в значительном числе искали убежище в Молдавии, разрешено Генералу Моллеру³ для устранения всяких беспорядков в Княжестве, в случае самой крайней необходимости, ввести тогда в Молдавию необходимую часть войск из резервного отряда, расположенных в Бессарабии, сделав в то же

¹ Г. Лемберг (Львов) был административным центром австрийской Галиции.

² Опушен фрагмент о передвижении частей Российской армии по приказу генерала Лидерса.

³ А. Ф. Моллер (1796–1862 гг.) – русский военачальник, генерал от инфантерии.

время все нужные распоряжения о обеспечении продовольствия оных.

Одновременно с сим Начальник 15-й пехотной дивизии Генерал-Лейтенант Гасфорд донес из Крайовы, что по сведениям из Орсовы находившаяся во власти Венгерцев крепость Арад, на р. Марош, взята с боя приступом Австро-Сербскими войсками причем во время штурма сожжена половина города. Войска сии делают большие приготовления для новых экспедиций против Венгерцев и из Верхней Австрии ежедневно прибывают в Славонию и Банат подкрепления разного рода, артиллерия и транспорты с боевою амунициею.

По нахождению в г. Текуч в Молдавии значительных продовольственных запасов, как провианта, так и фуража, Корпусный Командир приказал перевести туда из г. Бырлата... [...]¹.

6 января день Богоявления было празднуемо с большим торжеством. На р. Дымбовице устроена была Иордан под весьма красивым и изящно сделанным павильоном. По окончании литургии в Храме Сарандары Духовная процессия двинулась к Иордан по улице Могущей в сопровождении Командира Корпуса, всех Генералов Штаба и Обер-офицеров Корпусного штаба и Бухарестского и Обер-офицеров Валахской милиции, Каймакама, министров и многочисленной толпы народа. Пехота, Ахтырские гусары, жандармы и казаки были выведены в парад и при погружении Креста открыт был огонь из орудий приготовленных для сего батарей.

9 января получено предписание Г. Военного Министра от 31 декабря за № 1881 коим Князь Чернышев уведомился, что Государь Император соизволил одобрить все распоряжения Корпусного Командира относительно усиления войск на Трансильванской границе и принятия жителей, ищущих спасения в пределах Валахии под сенью наших знамен, а также казенных и частных имуществ и отчасти его Кронштадтским депутатам на просьбу их о помощи [так в тексте - Публикаторы]. Предписание се Г. Военный Министр сообщил, что Государь Император признает и теперь, как и прежде, неудобным вооруженное с нашей стороны вмешательство во внутренние дела Австрии, тем более, что

они клонятся по-видимому к благоприятной развязке; в таких обстоятельствах вступление войск наших, не вынужденное крайнею необходимостью неминуемо затруднило бы общия в Европе политические отношения и могло бы служить на будущее время поводом к подобному вмешательству других правительств во внутренние дела соседних государств. Но Его Величество, по свойственному Ему человеколюбию не может не обратить милосердаго внимания на явную опасность, которой подвергаются верные своему законному Государю жители Германштадта и Кронштадта в столь близком расстоянии от расположения войск наших. Следуя сим только высоким побуждениям, Его Величество находит возможным двинуть часть войск наших на защиту этих городов от гибели и разорения, но иначе как в самой крайности и только по настоятельной просьбе Австрийского военного начальства. На сей конец Государь Император представил Генералу Лидерсу собрать на ближайших к Германштадту и Кронштадту пограничных пунктах достаточное число войск, дабы по уведомлению Австрийского начальства о необходимости помощи нашей для спасения сих городов, сформировать без потери времени самостоятельные отряды и направить их со всею быстротою к угрожаемым местам. Желая, чтобы движение сие не было приписано к каким-либо политическим видам, Его Величество повелел, чтобы пребывание войск наших в Австрийских владениях, если бы оно и оказалось действительно необходимым, было самое кратковременное, и именно продолжалось не более нескольких дней. Отряды сии повелено снарядить сообразно предстоящим им действиям и местным обстоятельствам, в таком составе, чтобы они не могли подвергнуться никаким неудачам. Для облегчения распоряжений Генерала Лидерса Государь Император разрешил согласно его представлению, востребовать из Бессарабии то число войск резервного отряда 5-го пехотного корпуса, какое по ближайшему усмотрению он сочтет нужным, отнюдь не касаясь резервных и запасных батальонов. При всем Г. Военный Министр присовокупил, что сильное занятие границ Трансильвании и готовность войск наших двинуться к Германштадту и Кронштадту вероятно удержат Венгерцев и Шеклеров от

¹ Опуцен фрагмент о передвижении частей Российской армии по приказу генерала Лидерса.

неприятных покушений на сии пункты, а посему и не должно опасаться вторжения мятежников в пределы Валахии, но если бы они отважились на эту дерзость, то шайки их должны быть немедленно встречены и уничтожены войсками нашими с обычною Русским войскам быстротою и решительностию.

Вслед за означенным предписанием Г. Военного Министра получено от Адъютанта Генерала Барона Пухнера, Майора Рейхецера письмо к Обер-Квартирмейстеру Полковнику Непокойчицкому, которым уведомил, что по многочисленным занятиям в настоящих обстоятельствах Генерал Пухнер не имея времени писать сам к Генералу Лидерсу, поручил ему сообщить, что двинувшись с отрядом 5/11-го января¹ и встретив неприятеля в превосходящих силах, в особенности артиллерию, он признал невозможность защищать г. Медиас, и потому вынужден был отступить к Германштадту, где ожидает нападения Венгерцев 8 или 9 числа. Хотя Г. Рейхецер и не объяснил вновь ли прибыли Венгерцы в Трансильванию, или то были прежние войска, вторгнувшиеся с Бемом, но Корпусный Командир заключил, что вероятно, не успев пройти через Буковину и Галицию, Бем решился со всеми своими силами продолжить опустошительные действия в Трансильвании, с намерением поднять и Шеклеров. В письме сем Генерал Пухнер снова делает вопрос, получил ли Генерал Лидерс разрешение двинуть свои войска в Трансильванию в случае надобности. Генерал Лидерс поспешил сообщить на сие Барону Пухнеру о только что полученных им наставлениях касательно нашей помощи, к чему еще более склонили его полученные им неблагоприятные известия из Трансильвании.

Известия сии и успехи Венгерцев требовали безотлагательных распоряжений касательно более надежного охранения границы Валахии. Вместе с тем, имея в виду, [что] в настоящих обстоятельствах помощь Генералу Пухнеру может сделаться совершенно необходимою, то на случай настоятельной просьбы сего Генерала, и чтобы быть в готовности немедленно удовлетворить оной,

¹ В оригинале дается подстраничное примечание составителя документа: Движение сие было предпринято Генералом Пухнером для предположенного им сосредоточения войск своих у Сегесвара, как объяснено выше. Г. Медиас находится между гг. Сегесваром и Германштадтом.

Корпусный Командир сделал распоряжение о сосредоточении немедленно войск против двух главных проходов к дорогам из Германштадта и Кронштадта и на сей конец предположено сформировать два отряда: [...] ².

С выступлением батальонов Прагского пехотного полка из Фокшан и Рымника пространство между гг. Бырлатом и Бузео оставалось без войск, между тем как Юго-Восточная часть Трансильвании (Шеклерланд) столь близкая к сему пространству, могла служить главным средоточием и опорой мятежным скопищам. Пользуясь отсутствием войск на пространстве сем и растянутым положением всех других, занимавших Молдавию и Валахию, мятежники легко могли бы ворваться между означенными городами и произвести грабежи и даже возмущение между жителями, действуя вместе с тем и на наши сообщения с Россиею и Верхнею Молдавию. Обстоятельство сие делало необходимым ввести из Бессарабии в Молдавию Подольский егерский, Гусарский Князя Варшавского полки и Конно-Легкую № 10 батарею. Войскам сим приказано двинуться немедленно и расположить(ся) Подольскому полку в г. Фокшанах-Молдавских и окрестностях, а Гусарскому Князя Варшавского с конною батареею в г. Текуч. Они должны были прибыть на назначенные им места 23 января и предназначались составить особый отряд под начальством Командира 2-й бригады 14-й пехотной дивизии Генерал-Майора Есаулова, которому предписано иметь преимущественно целью сохранить Молдавию от вторжения Венгерцев, если бы они теснимые Армиею Князя Виндишгреца вздумали пробраться в Турцию по ближайшему пути чрез Ойтузское ущелье, г. Текуч и Галац.

Ход дел в Трансильвании совершенно зависит от более или менее успешных движений Барона Пухнера, но войска его столь малочисленны и дурно организованны, что с трудом можно было предполагать что-нибудь благоприятное. В случае неудачи и Шеклеры, конечно, снова бы нарушили свою присягу.

10 января с депутациею от Кронштадтского магистрата получено от Командующаго Австрийскими войсками в Кронштадте

² Опушен фрагмент с изложением приказа генерала Лидерса о расположении войск, находившихся под его командованием.

Генерала Шуртера (заменившего Генерала Гедена, удалившегося к Главным силам Барона Пухнера) уведомление от 8/20 января, что имея всего в распоряжении 650 человек пограничной стражи и 80 драгунов он не находит никакой возможности защитить Кронштадт, тем более, что не ожидает никакого подкрепления из Германштадта, посему одобряет решимость Магистрата обратиться к Генералу Лидерсу с просьбой о присылке войск на помощь. Корпусный Командир отвечал депутатам, что без прямого требования о сем Австрийского военного начальства он не может удовлетворить их просьбы.

12 января получено известие от заставы Драгославиле (по дороге из Трансильвании к г. Кымпулунгу) от 10/ 22 числа что на днях должен прибыть из Кронштадта на границу Генерал Шуртер с отрядом из 800 человек пехоты и 130 кавалерии и 5 орудий, желая пройти чрез Валахию на г. Кымпулунг к Ротентурму.

Сведение сие заставило изменить распоряжение относительно командирования Генерал-Майора Энгельгардта в Рымникский отряд; ему приказано отправиться немедленно в г. Кымпулунг, распорядиться следованием Австрийского отряда по Валахии и командовать Плоештским отрядом. В г. Рымник же и с. Кинени для предварительных распоряжений по войскам до прибытия Генерал-Лейтенанта Гасфорда командировать Флигель-Адъютанта Полковника Скарятину.

Полковник Непокойчицкий.

Старший Адъютант Генерального Штаба Подполковник Глебов¹.

Док. V. Копия с донесения Его Императорскому Величеству [от] Командира 5-го пехотного корпуса Генерала от Инфантерии Лидерса от 12 января 1849 г. № 40

Вслед за получением предписания Г-на Военного Министра от 31-го прошлого декабря № 1881 с изложением Воли Вашего Императорского Величества об оказании помощи городам Германштадту и Кронштадту, если бы в том предстояла крайняя необходимость и Австрийское Императорское военное начальство настоятельно очень просило, получено 9 января частное письмо Адъютанта Генерала Барона Пухнера, майора Гейхецера к Ober-квартирмейстеру полковнику Непокойчицкому, в котором уве-

домлял, что, по многочисленным занятиям в настоящих обстоятельствах, Генерал Пухнер, не имея досуга писать сам ко мне, поручил сообщить, что двинувшись с отрядом 5/17 января и встретив неприятеля в превосходнейших силах, в особенности артиллерия, находясь в невозможности защитить г. Медиаш, вынужден был отступить к Германштадту, где ожидает нападения Венгерцев 8 или 9 числа. Достоверное известие сие не объясняло вновь ли прибыли Венгерцы в Трансильванию или это были прежние войска, вошедшие под начальством Генерала Бема, полагать можно, что, не успев пройти чрез Буковину в Галицию, как я имел честь донести Г. Военному Министру рапортом с 7 января № 11, Бем решился со всеми своими силами продолжать опустошительные действия в Трансильвании, с намерением поднять и Шеклеров.

В вышеозначенном письме заключался также вопрос получил ли я разрешение о вспомоществовании в крайнем случае вооруженною рукою. Посему, в дополнение прежних моих инструкций относительно Трансильвании известных уже барону Пухнеру, я счел нелишним сообщить ему и вновь мною полученные неблагоприятные известия из Трансильвании, более еще меня к сему склонили. Для совершенно надежного охранения границы Валахии и на случай настоятельной просьбы Барона Пухнера об оказании помощи, я признал необходимым сосредоточить немедленно войска против двух главных горных проходов, к дорогам из Германштадта и Кронштадта и составить посему два отряда [...]².

Дальнейшие события в Трансильвании зависят от более или менее успешных действий Барона Пухнера, но войска его столь

² Опушен большой фрагмент с изложением приказа генерала Лидерса о расположении и передвижениях войск, находящихся под его командованием, а также фрагмент, повторяющий содержание док. IV. Как отмечалось Лидерсом, «Артиллерию я преимущественно определил в более значительном количестве, в том внимании, что в отряде Барона Пухнера ощутителен в ней недостаток». Командование первым отрядом было поручено генерал-лейтенанту Гасфорду. Части первого отряда должны были прийти к месту своего расположения между 15 и 21 января, а второго отряда под командованием полковника Вранкена . 22 января со сбором в г. Плоешти. Генерал-Майор Энгельгардт был командирован в отряд, собираемый у г. Рымника на Ольте, для командования войсками до прибытия Генерал-Лейтенанта Гасфорда и предварительных распоряжений.

¹ РГВИА. Ф. 846. Оп.2. Д. 5332. Л. 199–213.

малочисленны, что с трудом можно предположить благоприятного оборота дел. При неудачных его действиях и Шеклеры, едва ли, останутся верными своему долгу.

Командующий Австрийскими войсками в Кронштадте Генерал Шуртер пишет ко мне от 8/20 января, что имея всего в распоряжении 650 человек пограничной отрасли и 80 драгунов, он не находит никакой возможности защитить Кронштадт и не ожидает подкрепления из Германштадта, посему одобряет решение Магистрата обратиться ко мне с просьбою о присылке войск на помощь.

Депутатам я повторил мой прежний ответ, что без особенного ходатайства Австрийского Военного Начальства я не могу удовлетворить их желания.

По полученным известиям вчерашнего числа из Кынени, 9 января слышны были пушечные выстрелы, многие жители с имуществом ищут спасения в Валахии, посягая неизбежным о владении Германштадта венгерцами [...]¹.

Док. VI. Секретно².

Генерал-Квартирмейстеру Главного Штаба его Императорского Величества Господину Генералу от Инфантерии Генерал-Лейтенанта и Кавалера Берга.

От Обер-Квартирмейстера 5-го пехотного корпуса Полковника Непокойчицкого. Рапорт

По многосложности текущих занятий, не терпящих отлагательства, скопившихся в последнее время, я нахожусь в невозможности иметь честь продолжить Вашему Высокопревосходительству с отправляемым Фельдъегерем продолжение исторического журнала с 11 числа Декабря месяца сего года. Но менее того, по важности обстоятельств считаю долгом, до представления полного журнала, изложить вкратце главнейшие из событий последнего времени.

По полученному от Господина Военного Министра предписанию от 31 декабря 1848 г. № 1881 с изложением Высочайшей воли о подании помощи ближайшим к расположению наших войск городам Трансильвании

Германштадту и Кронштадту, угрожавшим нападения и жестокости Венгерцев и Шеклеров, если будет предстоять к тому самая крайняя необходимость и если Австрийское военное начальство в Трансильвании будет настоятельно просить о помощи, по получении в тот же день настоятельного требования от Командующего Австрийскими войсками в Трансильвании, Федьмаршала-Лейтенанта Барона Пухнера, Г. Корпусный Командир изволил предписать составить два отряда: один под начальством Флигель-Адъютанта Его Императорского Величества Полковника Скарятина у Рымника на Олте, а другой под начальством Генерал-Майора Энгельгардта у г. Кымпулунга, с тем, чтобы первый мог тотчас двинуться к Германштадту, а второй — к Кронштадту [...]³.

По сим передвижениям войск и сосредоточию их на Трансильванской границе против Германштадта и Кронштадта, пространство между Текучем и Фокшанами оставалось обнаженным от войск. Но пункт сей, находясь вблизи Ойтузского ущелья, самого лучшего прохода чрез горы из Трансильвании и на ближайшем пути от Шеклерских поселений к Браилову и Галацу, имел в теперешних обстоятельствах особую стратегическую важность и должен был непременно быть сильно занят нашими войсками. По сему Г. Корпусный Командир изволил приказать перевести из Бессарабии Подольский Егерский полк, Гусарский Его Светлости Князя Варшавского полк и Конно-Легкую № 10 батарею, а из Бырлата батарею № 3 батарею 14-й Артиллерийской бригады и поручил сей отряд Генерал-Майору Эсаулову. Войска сии прибывали в Текуч и Фокшаны между 23 и 29 числами Января месяца и располагались между Фокшанами, Текучем и Аджудом Ноу в городах и окрестных селениях.

По полученному предписанию Г. Военного Министра о наблюдении северной части Молдавии, предписано Генерал-Лейтенанту Моллеру перевести туда Минский пехотный полк с Легкою № 5 батарею 14 Артиллерийской бригады и расположить их в окрестностях Ботушан, Дорогое, Гирлеу и по долине Быстрицы, а на местах занимаемые Минским полком перевести из Бессарабии Жи-

¹ Опущены фрагменты о предполагаемом передвижении отряда под командованием австрийского генерала Шуртера и о командировании генерал-майора Энгельгардта в г. Кымпулунг (ср. док. IV). Документ заверен обер-квартирмейстером полковником Непокойчицким.

² РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 5333. Л. 556–559.

³ Опущены подробные сведения о дислокации воинских частей, готовых «двинуться по первому востребованию», близ границы Трансильвании и поставленных перед ними конкретных задач.

томирский егерский полк, расположив его в Яссах и окрестных деревнях и в Васлуй. Легкую № 4 батарею предписано между тем передвинуть из Оргея в Скуляны.

По известиям, полученным в это время из Трансильвании, Бем, которого часть войск была отброшена от Буковины, двинулся со всеми силами против Генерала Пухнера. Его нападение на Германштадт было отбито, но он отошел только до г. Медиаса и продолжал господствовать в Трансильвании. Три полка Шеклеров, расположенные по восточной границе Трансильвании, по вызову его восстали против своего правительства и угрожали Кронштадту. Генерал Ферсман, по уполномочию Генерала Пухнера из Германштадта и Генерала Шуртера из Кронштадта прислали к Г. Корпусному Командиру новые настоятельные просьбы о подании им помощи, по сему Г. Корпусный Командир предписал назначенным для сего отрядам двинуться – первому, под начальством Флигель-Адъютанта Полковника Скарятин, в Германштадт, а второму, под начальством Генерал-Майора Энгельгардта, в Кронштадт.

Несмотря на затруднительность зимнего похода в горах, при пособии жителей, запрягавших местами по 12 пар волов под орудие, войска достигли границы в назначенное им время. Отряд Полковника Скарятин был остановлен у самой границы на один день нерешительностью Генерала Форсмана, который узнав, что Комиссар Оттоманской порты Фуад Эфенди и иностранные консулы не одобряли вступление наше в Трансильванию, решился было отказаться от просимой им помощи, но в след затем Генерал Барон Пухнер, вынужденный крайним положением, прибегнул с просьбою о помощи, требуя даже отряда более значительного. Полковник Скарятин с частью своего отряда перешел границу 21 января и в селе Бойце близ Ротентурма ожидал сосредоточения всех войск; 24 числа имел вступить в Германштадт, заняв частью отряда выход у Ротентурмского дефиле.

Генерал Энгельгардт вступил в Кронштадт 21 Января, козаки вошли в город еще накануне и две роты Замосцкого егерского полка привезены в тот же день из села Розенау на конных подводах. Для удержания сообщения с Валахию, оставлены эшелоны в Терцбургском и Темешском ущельях.

Ныне получено донесение от Генерала Энгельгардта, что войска наши уже имели под Кронштадтом удачное дело, которое может иметь важное влияние в Крае. 23 Января Генерал Энгельгардт, желая произвести усиленную рекогносцировку к стороне сел Гонисберга к северу от Кронштадта, где Шеклеры были в сборе, вышел из города с батальоном пехоты, двумя орудиями и полторы сотни Козаков; на половине пути он неожиданно встретил неприятеля в числе 5 т. пехоты, 500 человек кавалерии, при 4 орудиях, который пользуясь туманом намеревался скрытно подойти и напасть на город. Генерал Энгельгардт тотчас послал в город за остальными войсками и держался с одним батальоном противу многочисленного неприятеля до прибытия подкрепления; тогда он атаковал стремительно Шеклеров, выбил их из занимаемых ими позиций между селениями Гонисбергом и Петерсбергом, овладел господствующею высотой и принудив отступить, отбросил их за реку Ольту. Мы потеряли одного офицера и одного фейерверкера убитыми, одного офицера и 4 человек Козаков раненых. Потеря неприятеля должно полагать убитыми и ранеными около 150 человек; в числе убитых находится представитель Шеклеров, Бельди, отличавшийся самыми жестокими и отчаянными действиями в грабежах и опустошениях до Валахских деревень. Описание подробностей сего дела еще не получено. Генерал Энгельгардт на третий день прихода своего спас Кронштадт от неизбежной опасности, прогнавши наступавшего неприятеля. Он возвратился в Кронштадт, оставив передовые посты в сел. Гонесберг и Петерсберг.

Г. Корпусный Командир по получении сего донесения приказал Генералу Энгельгарту присоединить к себе две роты оставленные временно в Терцбургском ущелье и второй батальон Прагского полка, расположенный в Темеше, а также приказал двинуться в Кронштадт 4 эскадронам Уланского Его Светлости Герцога Нассауского полка из Плоешты. Для занятия же Темешского дефиле, приказал 3-му батальону Прагского полка перейти из Кымпены в Темеш и перевести на сию дорогу сотню козаков Донского № 1 полка оставленную у Терцбурга. Затем в Плоештах остается 4 батальона Прагского полка при 4 орудиях Легкой № 6 батарее и

одной роты Сапер для прикрытия запасного артиллерийского парка. Для усиления пункта в Бузео приказано перевести туда 4 орудия Конной № 10 батареи из Фокшан.

Защита Терцбургского дефиле передана Турецкому войску, коего на сем пункте сосредоточено 2 т. пехоты, 400 кавалерии и 4 орудия. Главный начальник Омер Паша, согласуясь с сделанными с нашей стороны распоряжениями о противудействии шайкам вооруженным, которые бы врывались в Княжества, принял должные меры к защите упомянутого дефиле. Относительно же просьбы Генерала Пухнера большого числа войск противу посланного в Германштадт отряда, Его Высокопревосходительство опасаясь, чтобы наших войск действительно не оказалось там недостаточно, приказал Генералу Гасфорду прибыть в Римник с батальоном Люблинского полка, четырьмя орудиями Лёгкой № 7 батареи и полторы сотни козаков и послал к нему туда же из Руше-де-Веде, остальные 4 эскадрона Бугского уланского полка. Отряд сей будет служить резервом войскам, вступившим Германштадт. Поручив Генералу Гасфорду заведывание обоими сими отрядами, Г. Корпусный Командир предписал ему содержать войска сколь возможно в большей совокупности.

Полковнику Скарятину предписано, в случае если бы нашего отряда в Германштадте, при дальнейшем развитии дел, оказалось недостаточно, выступить из сего города заблаговременно, объявив жителям по сношению с Австрийским начальством, что он защитить их не в состоянии; в таком случае с этой стороны все внимание будет обращено только на защиту границ Валахии. То же предписано и Генерал-Майору Энгельгарту.

На случай выступления наших войск из Германштадта и Кронштадта, Г. Корпусный Командир, имея в виду, что наши войска содержатся в Трансильвании на счет Австрийского правительства, предписал отправить немедленно обратно в Валахию на границу весь обоз состоящий при отрядах, как казенный, так и партикулярный, исключая патронных ящиков и офицерских выюков.

Полковник Непокойчицкий 26 Января 1849 г.¹ Г. Букаресть.

Док. VII. Копия с донесения Его Императорскому Величеству

Командира 5-го пехотного корпуса Генерала от Инфантерии Лидерса 26 января 1849 г.

Имею счастье всеподданнейше донести Вашему Императорскому Величеству, что по настоятельной просьбе Австрийских Генералов Барона Пухнера и Шуртера, отряды под командою Флигель-Адъютанта Полковника Скарятина и Генерал-Майора Энгельгардта вступили в города Германштадт и Кронштадт.

Подробности сего движения следующие:

По Кронштадтскому отряду:

Начальник отряда Генерал-Майор Энгельгардт собрал вверенные ему войска на границе Валахии, по дороге от Кымпулунга в г. Кронштадт, у Терцбургского дефиле, 19 января. В тот же день получено два отзыва Генерала Шуртера от 18/30 января, последовательно один за другим, которыми он умолял Генерала Энгельгардта поспешить прибытием с войсками в Кронштадт, ибо с минуты на минуту ожидалось нападение Шеклеров в больших силах.

Генерал Энгельгардт, видя угрожающую опасность Кронштадту и народонаселению, решил, на основании данной ему инструкции двинуть войска 19-го числа, но при переходе в Трансильванию необходимо было победить местные препятствия. Крутые, высокие и лесистые горы, по коим пролегает весьма мало устроенная дорога, более еще неудобная в настоящее время года, представляли невероятные затруднения для следования войск, в особенности артиллерии и обозов, перевозивших на волах.

20-го января отряд достиг г. Резенау, где Генерал Энгельгарт получил вновь отзыв Генерала Шуртера с убедительнейшей просьбою поспешить в Кронштадт, хотя с частью отряда, ибо по полученным известиям в следующее утро назначено было для нападения возмущенных в больших числах Шеклеров. Отправившись с двумя сотнями казаков, генерал Энгельгарт прибыл в Кронштадт в тот же день в шесть часов вечера, а в 7 часов привезены были на нарочно присланных конных подводах из Розенау две роты пехоты. В следующий день, 21 января остальные войска вступили в Кронштадт.

¹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 2. Д. 5332. Л. 187–192В.

Войска Вашего Императорского Величества приняты были с чувством признательности как избавители, причем Генерал Шуртер со многими Штаб- и Обер-Офицерами и частью драгунов встретил войска за заставою, у которой ожидал уже магистрат города с многочисленными толпами жителей. От заставы до центра города, по обеим сторонам улицы стояли Ландштурм и кронштадтская милиция, а у ратуши пехота, Эскадрон драгун и часть Гусар там находящиеся. Войска вступали при громких восклицаниях жителей и знаков общей радости: дамы махали белыми платками из окон.

Войска расположились по квартирам, один только батальон помещен в казармах.

Г. Кронштадт и его форштадт с западной, северной и восточной сторон окружены валом и небольшим рвом, дороги заделаны баррикадами и палисадами, с Южной же стороны прилегает к подошве гор. Собственно город окружен каменной стеною, отделяющею оный от форштатов; на высокой горе, близ города, построен укрепленный замок, малогодный однако ж к обороне.

Австрийских регулярных войск находится в Кронштадте: пехоты 960 и кавалерии 100 человек, национальной гвардии 1200 человек. Ветеранов для защиты городских стен 400 человек. Артиллерии – 4 орудия, из коих один медный трехфунтовый фальконет, остальные чугунные шестифунтовые пушки, при каждом орудии по одному артиллеристу.

Желая ознакомиться с дорогою ведущею из Плоешт по долине реки Праховы в Кронштадт дабы сообразно с местностью расположить войска отряда полковника Вранкена, составляющие резерв, я отправился из г. Букарест 19-го числа, а прибыл в монастырь Преद्याл близ границы 21-го. Дорога до села Брязы совершенно удобна; от сего места, хотя годная для движения всех родов войск, но представляет довольно значительное затруднение по дурному ея устройству: она пролегает до Преद्याла частью по самому руслу реки, которую непрерывно необходимо проезжать по весьма каменистому грунту, частью по покатоности гор, образуя очень трудные подъемы и спуски. От Преद्याла дорога спускается весьма круто к Австрийской таможне Темеш, откуда проложен удобный уже путь по ущелью сего названия почти до самого Кронштадта.

Австрийская таможня состоит из двух отделений: Ober-Tömesch и Unter-Tömesch, в 8 верстах одно от другого, имеющие удобные помещения для войск; от нижнего Темеша до Кронштадта еще 10 верст пути, который приближаясь к городу, выходит из ущелья на открытое место. Путь сей как представляющий более удобства для движения чем прилегающий по Терцбургскому дефиле, я избрал сообщением с Кронштадтом, находящимся по сей дороге не более 20 верст от границы Валахии. Для надлежащего прикрытия оной и поддержания в случае надобности Генерала Энгельгарта войска отряда Полковника Вранкена я расположил следующим образом:

Один батальон в Темеше для сохранения дефиле при выходе из гор и свободного сообщения с Кронштадтом.

Один батальон в монастырях Синая и Преद्याл.

Остальные войска, т.е. 5 рот пехоты, 4 эскадрона кавалерии и 4 орудия в г. Плоешт.

На обратном пути в Букарест я получил отзыв Генерала Ферсмана из Германштадта от 18/30 января, которым он уведомлял, что, имея благоприятное известие из главной австрийской армии в Венгрии и сведения о ея приближении, но вместе с тем опасаясь дабы просьба о вступлении войск Вашего Императорского Величества в Трансильванию не породила бы Европейского вопроса, предписал Генералу Шуртеру и пограничному начальнику в Роттентурме приостановиться с просьбою о прибытии войск наших, но желал чтобы отряды были собраны на самой границе совершенно готовы к движению. Я тотчас отнесся к Генералу Шуртеру и объявил ему, что войска по настоятельной просьбе вступив в Кронштадт до получения им вероятно упомянутого предписания, немедленно возвратятся в Валахию, если он находит неудобным пребывание их в Кронштадте; в ответ Генерал Шуртер сообщил мне от 23 января/ 4 февраля что, невзирая на предписания генерала Ферсмана, он был вынужден крайне опасным положением Кронштадта и народонаселения просить о помощи и донес о том Барону Пухнеру.

22 числа были посланы разезды из казаков и австрийской кавалерии по 4 главным дорогам, они доходили до Гонесберга и Петерсберга, к северу от Кронштадта и от-

крыли в первой из сих деревень около 600 человек Шеклерских гусар: так называемых коштуовы. При появлении разъезда гусары не вышли из деревни, ожидая вероятно нападения, но на обратном пути разъезды были преследуемы некоторыми охотниками коштуовых гусар, коих впрочем немедленно заставили отступить.

На следующий день, 23 января Генерал Энгельгардт, желая показать инсургентам присутствие Российских войск для охранения Кронштадта и его Саксонского народонаселения, сделал более усиленную рекогносцировку, выступив с рассветом с одним батальоном, сто семидесятью казаками и двумя орудиями по направлению к Гонесбергу, саксонскому селению. На половине дороги Генерал-Майор Энгельгардт, заметив, что шеклеры тянутся сильными партиями из помянутой деревни к Петерсбергу с намерением, как полагать должно, пользуясь туманною погодою напасть на город и удостоверившись при том в превосходстве сил инсургентов, состоящих, как после оказалось, из 5 тысяч пехоты, 500 кавалерии и 4 орудий, послал в город с приказанием всему остальному отряду поспешить к нему. Шеклеры первые начали стрелять из орудий, но были удерживаемы от дальнейших действий до прибытия отряда из Кронштадта атаками меткими выстрелами из 2 орудий.

Между тем Шеклеры заняли активную позицию на высотах, упирая свой правый фланг к деревне Петерсбергу, а левый к Гонесбергу с намерением, казалось, упорной защиты. По прибытии войск из города Генерал Энгельгардт дабы очистить саксонские деревни от Шеклеров, стал действовать наступательно: один батальон с двумя орудиями послан был к Петерсбергу против правого фланга неприятеля выбить его из сей деревни и занять высоты лежащие между деревнями, главная колонна направилась к Гонесбергу, а казаки, Эскадрон австрийских драгунов и пол-эскадрона гусар в обходе левого фланга. Атака сия была увенчана полным успехом – войска двинулись вперед, вытеснили неприятеля из занимавших деревень и отбросили за реку Ольту, отделяющую границу Шеклерланда от Кронштадтского округа. Дело кончилось в один час пополудни.

Потеря наша в сем деле убедительна: Модлинского пехотного полка прапорщик

Калита и старший фейерверкер Легкой № 6 батареи 15-й Артиллерийской бригады; ранено – обер-офицер 1, казаков – 4. Контужено казаков 4; казачьих лошадей убито – 3, ранено – 9. Со стороны шеклеров потери убитыми и ранеными, как говорят, до 150 человек, в том числе убит один из главнейших предводителей, Стефан Бельди.

По собранным впоследствии сведениям подтвердилось намерение шеклеров напасть в этот день на Кронштадт, но действием Генерала Энгельгардта они были отброшены. Дабы более быть самостоятельным против нападения Шеклеров, если бы они вновь предприняли по просьбе магистрата города Кронштадта препровожденной при отзыве Генерала Шуртера я разрешил Генералу Энгельгардту присоединить к себе из отряда Полковника Вранкена один батальон пехоты и 4 Эскадрона улан, с тем дабы батальон сей по миновению надобности был немедленно возвращен на границу Валахии. Принимая при том во внимание, что на Терцбургской границе и в городе Кымпулунг расположено турецкое войско 2000 пехоты, 400 кавалерии и 4 орудия и имея в виду отзыв Начальника войск Омер-паши, что, согласуясь вполне с распоряжением нашим относительно защиты Валахии от вторжения неприятеля, им приняты меры для отражения шаек вооруженных, я решил предоставить турецкому войску защиту Терцбургского дефиле, а находящихся там две роты Замосцского Егерского полка присоединить к остальным двум ротам в Кронштадте; сотни же казаков переведется же на дорогу из Кронштадта в Плоешт для содержания сообщения.

Круг действий Генерала Энгельгардта я ограничил защитой жителей г. Кронштадта; но так как народонаселение Кронштадтского округа состоит из саксонцев и валахов преданных законной власти и терпящих грабежи и разбои от Шеклеров, то я разрешил, в случае действительной надобности выходить из города, в виде поиска, для защиты, по возможности, близлежащих селений сего округа, возвращаясь немедленно потом в город. Отряд Генерала Энгельгардта с Австрийскими войсками и милициею, находящейся в Кронштадте, в состоянии защитить город при нападении сильнейшего неприятеля, но если бы Венгерские войска собрались в столь превосходных силах, что защитить-

ся с помощью даже части отряда полковника Вранкена сделалось невозможным и бесполезным в таком случае, подвергая ничего случайности, Генералу Энгельгардту предписано по соглашению с Генералом Шуртером объявить жителям Кронштадта о невозможности далее защищать их, отступив в Валахию и заняв на границе позицию, распорядиться, сообразно с обстоятельствами для воспрепятствования вторжения неприятеля в княжество.

Полковнику Вранкену подтвердить все прежние распоряжения я вменил как главной обязанностью охранять сообщение Валахии с Кронштадтом и посему занимать постоянно Темеш одним батальоном, а монастырь Предрьял и Синай другими.

По Германштадскому отряду.

Флигель-адъютант Вашего Императорского Величества Полковник Скарятин прибыл на границу, собрал немедленно отряд для движения по просьбе Австрийского Начальства в Трансильванию, но 19 января прибыл к нему Адъютант Генерала Ферापена с просьбою приостановить движение войск. Сие заставило Полковника Скарятина расположить отряд, по малочисленности населения в горах, хотя по тесным квартирам, но на довольно значительном протяжении.

21 января приехал к ним Адъютант Барона Пухнера Майор Рейхецер с решительной и убедительнейшею просьбою генерала, основанной на крайнем положении, о вступлении в Германштадт, присовокупив, что при теперешних обстоятельствах Барон Пухнер имеет нужду даже в большем числе войск против прежнего назначения дабы быть в состоянии действовать решительнее, и желал бы иметь отряд в 4000 человек при 16 орудиях. Полковник Скарятин, доведя о сем до моего сведения, донес, что с передовыми частями отряда он выступает 21 января из с. Кынени в д. Бойцу близ Роттентурма, где дождется соединения прочих частей 23-го, на следующий день вступит в Германштадт заняв вместе с тем и выход из Роттентурмского дефиле. Прибывшая почта из Германштадта 24 января сообщила, что она встретила отряд уже Роттентурмом.

Имея в виду волю Вашего Императорского Величества, что отряды двинуты за границу единственно для временной защиты народонаселения Германштадта и Крон-

штадта и, сверх того, необходимость присутствия войск в княжествах для сохранения порядка и наблюдения на границе Баната, Трансильвании и Буковины на протяжении 800 верст, я предписал полковнику Скарятину объявить Барону Пухнеру, что не имею возможности вполне удовлетворить его желание, а Полковнику Скарятину предложил в случае развития [действий] в Трансильвании в таком размере, что отряда ему вверенного будет оказываться недостаточно, объявить жителям Германштадта, по сношении с военным Австрийским Начальством, что по малочисленности отряда он видит бесполезною дальнейшую защиту их и должен выступить из Германштадта в пределы Валахии. Последующие за этим действия для защиты границ Валахии от вторжения венгерцев, сообразно с обстоятельствами, я возложил на обязанность Генерал-Лейтенанта Гасфорда.

Находя, что настоящее расположение войск внутренних Генерал-Лейтенанту Гасфорду [так в тексте – публикаторы] слишком растянуто на случай вторжения венгерцев в Малую Валахию в больших силах, и как в городе Крайова, охраняемом турецким гарнизоном, в настоящее время все спокойно, я нашел необходимым разместить сии войска в сколь возможно большей совокупности и потому предписал Генералу Гасфорду с остальными войсками, находящимися в Крайове – одним батальоном, 4 орудиями и казаками – перейти немедленно в г. Рымник на Ольте и расположить войска впереди Рымника по дороге к Германштадту, по его усмотрению. В отряд сей я назначил 4 остальные эскадрона Бугского Уланского полка и двинул оные из Руссе-де-Веде к Рымнику. Войска, расположенные в Тыргу-Жио и Чернеце, предписано оставить на сих пунктах для наблюдения за границею со стороны Баната. При сем приказано устроить две переправы через реку Ольту, для свободного сообщения, в Рымнике и Кынени.

Наблюдение за положением дел в Малой Валахии и по всей границе Трансильвании от Дунаю до р. Ольта я поручил особенной бдительности Генерала Гасфорда; на случай если бы венгерцы пытались ворваться в Валахию чрез это пространство в значительных силах. Начальник 15-й пехотной дивизии уполномочен мною, по сношении с Генералом Пухнером или Форсманом, взять

отряды из Германштдта для противудействия неприятелю в Малой Валахии; в то время усилен еще 4-ми Эскадронами и 4-мя конными орудиями в Питешты расположенными. Сверх сего, в Рымнике находятся два батальона турецкого войска.

В Питешты и Бузео я определил иметь летучие отряды из 4 Эскадронов Улан при 4 конных орудиях для действий в ту сторону куда обстоятельства укажут. Дабы ни сколько не стеснять в сим отношении Командира Уланского Герцога Насаусского полка, Полковника Шевича, находящегося в Бузео, перевожу оттуда остальную половину запасного артиллерийского № 15 парка в Плоешты, и двумя ротами первого Батальона Прагского пехотного полка усилив две остальные роты, расположенные в верхней части долины реки Бузео, для наблюдения за сим проходом.

Таким образом, 4 отряда, назначенные для защиты границы Валахии со стороны Трансильвании состоять будут из следующего числа войск:

1. Под начальством Генерала-Лейтенанта Гасфорда включительно с германштадтским отрядом: Пехоты – 6 батальонов, Кавалерии – 4 эскадрона, Казаков – 7, 5 сотен, Артиллерии – 12 орудий.

2. Под командою Генерал-Майора Энгельгардта включительно с резервным отрядом Полковника Вранкена: Пехоты – 7 батальонов;

Кавалерии – 4 эскадрона; Казаков – 4 сотни; Артиллерии – 12 орудий.

3. В Летучем отряде, расположенном в Питешты, под начальством командира Бугского уланского полка Генерал-Майора Рузенкампфа:

Кавалерии – 4 эскадрона; Артиллерии – 4 орудия конных;

4. В летучем отряде, находящемся в Бузео под начальством командира Уланского герцога Насаусского полка Полковника Шевича: Кавалерии – 4 эскадрона; Артиллерии – 4 орудия конных.

Я имел счастье всеподданнейше донести Вашему Императорскому Величеству, в рапорте от 12 января № 40, о составе Фокшанского отряда из Подольского егерского и Гусарского его Светлости Князя Варшавского полков и Конно-Легкой № 10 батарее, под начальством Командира 2-й Бригады № 4

пехотной дивизии Генерал-Майора Есаулова. Отделив из сего состава 4 конные орудия в отряде полковника Шевича в г. Бузео, я назначил к генералу Есаулову батарею № 3 батарею 14-й Артиллерийской бригады, находящуюся в г. Текуч. В дополнение данных ему инструкций, я предписал в случае прорыва венгерцев в значительных силах в пространстве между г. Фокшанами и Букарестом, безотлагательно собрать отряд и, оставив две роты пехоты в Фокшанах, следовать с остальными в Валахию, стараться настичь неприятеля и разбить; тогда я выступлю из Букареста с войсками, которыми можно будет располагать для совокупных действий с отрядами двинувшимися за неприятелем.

Если бы, напротив того, венгерцы были бы вытеснены из Трансильвании в Молдавию в значительных силах, Генерал-Майору Есаулову предписано выступить тогда немедленно к угрожавшему пункту Молдавии и действовать по распоряжению Генерал-Лейтенанта Моллера, поставя во всяком случае часть войск в Фокшанах.

Считая необходимым сблизить к Молдавии Легкую № 4 батарею 14-й Артиллерийской бригады и запасный артиллерийский № 14 парк, расположенный в Бессарабии, дабы в случае необходимости иметь возможность ввести упомянутые части немедленно в княжество, я перевожу батарею из Бельц в местечко Скуляны, а парк из Тирасполя в м. Леоу.

В заключение, имею счастье всеподданнейше донести Вашему императорскому Величеству, что здоровье войск совершенно удовлетворительно и после свирепствовавших болезней в прошлом году, нижние чины заметно уже поправились¹.

Док. VIII². Секретно

22 февраля 1849 г.

Генерал-Квартирмейстеру Главного Штаба Его Императорского Величества г-ну Генерал-адъютанту и Кавалеру Бергу [От] Обер-Квартирмейстера 5-го Пехотного корпуса полковника Непокойчицкого Рапорт

Имею честь донести Вашему Высокопревосходительству, что Исторический журнал, продолжение коего с 11 Декабря приостано-

¹ Заверено обер-квартирмейстером полковником Непокойчицким.

² РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 5333. Л. 571–579.

вилось по многосложности текущих занятий, скопившихся по Генеральному Штабу в последнее время, так что офицер имел безотлагательное распорядительное занятие, как я имел честь донести рапортом от 24 Января, ныне составляется и на будущей неделе будет представлен Вашему Высокопревосходительству¹, если не весь, то по крайней мере в большей половине. Между тем я вменяю себе в обязанность представить Вашему Высокопревосходительству краткий отчет о войсках, занимающих Княжества за последние две недели, т.е с 24 Января.

В расположении войск в Молдавии сделаны г. Корпусным Командиром некоторые изменения по ближайшему соображению местных способов. В г. Дорогое на севере Молдавии, затруднительно бы было продовольствовать войска по бывшему неурожаю в прошлом году и потому 4-й батальон Минского Пехотного полка перемещен в г. Ботушаны, а следовавший туда 3-й батальон сего полка направлен в местечко Тыргу-Формоз, между Яссами и г. Пятроу, 3-й же и 4-й батальоны Житомирского Егерского полка двинуты в г. Бырлат и окрестности, а 1-й батальон Волынского пехотного полка, находящийся ныне по две роты в Бырлат и Текуч, присоединится к полку и будет размещен около г. Окна. Таким образом, Фокшанский отряд, под начальством Генерал-Майора Есаулова, может быть усилен, в случае надобности, двумя батальонами Житомирского егерского полка, а Командир Волынского пехотного полка Полковник Фон-Лейн, занимающий вверенным ему полком Трансильванскую границу, будет в состоянии иметь более тщательное наблюдение за путями, ведущими из Трансильвании, в особенности за проходом по реке Ойтузу на село Грозешты. В распоряжение Полковника Фон-Лейна назначен дивизион Легкой № 5 батареи 14-й Артиллерийской бригады.

Из донесения моего от 24 Января² Ваше Высокопревосходительство усмотреть изволили, что два небольшие отряда наши вступили в Трансильванию 20 Января и заняли города Германштадт и Кронштадт. Что остальные затем войска расположены по всей границе Трансильвании с Молдавией и Валахией, занимая главнейшие пункты про-

тив удобнейших проходов отдельными самостоятельными отрядами, которые в свою очередь поддержаны резервами и промежуточными летучими отрядами. Передвижений в сем расположении войск не было. Известие же из Германштадта и Кронштадта суть следующие:

Генерал-Лейтенант Гасфорд прибыл в Рымник на Ольте, принял в свое ведение как войска, расположенные в Малой Валахии, так и отряд, находящийся в Германштадте под начальством Флигель-Адъютанта Его Императорского Величества полковника Скарятин. Полковник Скарятин вошел в Германштадт 23 Января в 8 и ½ утра в тот самый день, когда Генерал Пухнер, имея в виду прибытие русских войск, вышел на рассвете из города и атаковал позицию Бема при Зальцбурге. Австрийцы сначала были отбиты и принуждены отступить, но в 10 часов, когда наши войска, прибыв к Германштадту, стали на позицию близ города, для поддержания в случае надобности Австрийцев и посланные вперед козаки показались в деревнях лежащих на фланге неприятельской позиции, австрийцы перешли в наступательное положение и нанесли блистательное поражение мятежникам, отбив у них 16 орудий, кассу, много обозов, экипаж самого Бема, где найдена его переписка и проч. Продолжая преследование, Генерал барон Пухнер выиграл еще одно сражение у Бема близ Мюленбаха 25 Января, отнял у него еще два орудия, значительную часть обоза и взял в плен 700 человек и 17 офицеров, в том числе 2-х адъютантов Бема³. Преследование Генералом Пухнером разбитого Венгерского отряда продолжалось до селения Писки близ Девы, но Бем, получив здесь подкрепление около 6 тыс. регулярно-го войска при 12 орудиях, нанес 23 января – 10 февраля поражение Австрийцам, которое приписать должно более собственно по их неосторожности. Войска с обеих сторон

³ В донесении флигель-адъютанта полковника Скарятин Лидерсу из Херманнштадта от 24 января дается следующая картина происшедшего: «По известиям доходящим сюда, Генерал Пухнер настойчиво преследует Венгерцев по двум направлениям. Их поражение было столь сильно, что в руки австрийцев досталось двенадцати орудий, которые уже прибыли в городе, и еще 4, которые должны прибыть сверх того, все ящики, обоз, касса и даже самая коляска Бема с его бумагами достались в руки победителю» (РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 333. Л. 580-583).

¹ См. док. IV.

² Не публикуется.

расположены были на позиции, отделены ручьем и на нем мостом; венгерцы выкинули белый флаг в знак сдачи, заманили тем Австрийцев чрез мост, и как скоро они бросили в беспорядке для обезоружения их, вступили сильным картечным огнем из скрытой самим Бемом батареи. Несмотря на то Венгерцы снова были опрокинуты, но к несчастью у Австрийцев не стало более зарядов и патронов, которых не успели подвезти из крепости Карлсбурга; сие заставило приостановить дальнейшие действия.

Барон Пухнер, находя вероятно положение свое опасным, решился отступить к Германштадту, но после нанесенного урона отступление произведено было в большом беспорядке: сам Генерал Пухнер оставил отряд, прибыл в Германштадт, а войска возвращались по частям, перемешанные так что в течение нескольких дней начальники не знали о числе потерь и прибывших; три батальона, один эскадрон и девять орудий, отрезанные венгерцами около Альвинца, принуждены были броситься в крепость Карлсбург и прибыли через несколько дней в Германштадт.

Бем с отрядом от 8 до 9 тыс. при 20 орудиях преследовал австрийцев до Мюленбаха и двинулся потом к Медиасу, где ожидает новых подкреплений из Венгрии и Секлерлянда. К нему потянулось около 9 тыс. Шеклеров при 4 орудиях, приняв направление на Удваргеле и Репс.

В Кронштадте после отпора, данного нашими войсками секлерам, все спокойно. В деле 23 числа, о котором донесено мной в рапорте к Вашему высокопревосходительству от 24 января, по словам лазутчиков, подбиты у неприятеля два орудия. Секлеры, отступив за Ольту, начали укреплять Мариенбург и сделали объявление о вооруженном сборе жителей в Сен-Жорж, которые однако же собираются весьма неохотно. По последним событиям, из Гармсека до 6 тыс. человек набранного войска намечены направиться на сел. Агат для соединения с Бемом в Медиасе. Секлеры, бывшие в Мариенбург и Гедвиге, двинулись тоже 1 Февраля вверх по Ольту к Репсу. Отряд Бема, сосредоточенный таким образом, будет иметь около 15 тыс. человек и до 25 орудий. Полагают, что Бем намерен с этими силами

вновь атаковать Германштадт¹; но Австрийских войск в соединении с нашим отрядом будет достаточно, чтобы дать ему сильный отпор. Полковник Скарятин составил новую батарею из 6 орудий, отбитых Австрийцами у Венгерцев, с прислугою из наших пехотных солдат, приготовленных в Артиллерии и с подъемными лошадьми; по осмотре сей батареи, она оказалась более чем удовлетворительною.

Из Оршовой получены Генерал-Лейтенантом Гасфордом сведения, что Венгерцы атаковали крепость Арад на реке Марош, имея 93 пушки; Австрийцы сделали вылазку и отняли у них 25 пушек. Венгерцы отступили и направились к Клаузенбургу. Между тем в Германштадте есть известия, что отряд Фельдмаршала-Лейтенанта Глессера следует из Темешвара на Деву, отряд Генерала Шлика из Гросвардейна на Клаузенбург. По расчету времени эти отряды должны уже вступить в пределы Трансильвании, но поход их задерживается наступившею распутицею.

По сему полагаю, что Бем употребит последние усилия к овладению Германштадта и Кронштадта, ибо цель Венгерских начальников, думают, состоит в том, чтобы утвердив свою власть в Трансильвании, перенести сколь можно скорее театр возмущения в Галицию.

Для усиления отряда Полковника Вранкена и поддержания тем Генерал-Майора Энгельгардта Г. Корпусный Командир двинул 11 Февраля 1-й батальон Прагского пехотного полка из Бузео и верховьев сей речки к Темешу на Трансильванской границе, с тем чтобы один батальон Прагский оставался в Темише, а другой расположен был в селении между сим карантинном и Кронштадтом. Таким образом, Темишское ущелье занято

¹ В вышеупомянутом донесении полковника Скарятин на Лидерсу от 24 января отмечалось: «По полученным сего числа сведениям, партия шеклеров в 2000 человек спустилась около с. Саклины на дорогу ведущую из Кронштадта в Германштадт с намерением опустошить саксонские селения по пути этом лежащие и приблизиться к Германштадту. Из захваченных же бумаг Бема открывается, что партия эта имела целью атаковать Германштадт с Кронштадтской дороги одновременно с венгерскими войсками должествовавшими наступать на город со стороны Зальцбурга. Если я получу известия, что партия шеклеров не остановилась, а следует к Германштадту, то приму меры отбросить ее дабы предупредить окрестности от разорения» (Там же).

будет двумя баталионами, обеспечено отступление в Валахию и во всяком случае поддержится в случае надобности отряд Генерал-Майора Энгельгардта. На месте 1-го баталиона Прагского пехотного полка направлен из Фокшан 1-ый баталион Подольского егерского полка / он выступил 12 и прибудет в Бузео 15 февраля/, который замещён будет 3-им баталионом Житомирского егерского полка из Бырлата, прибывающим в Фокшаны 17 февраля. Из сего обозрения Трансильванских дел Ваше Высочпревосходительство усмотреть изволите, что пребывание наших войск в Германштате и Кронштате теперь более нежели когда-либо необходимо, но можно надеяться, что это положение будет непродолжительно. В Молдавии и Валахии всё спокойно, хотя жители, подстрекаемые тайными злоумышленниками, показывают в Валахии некоторую непокорность и питают надежду на близкое возвращение революции. С декабря месяца эта надежда не только не потухает, но становится сильнее и ожидания не простираются далее как на март месяц¹. Г. Корпусный Командир сделал распоряжение о принятии самых строгих полицейских мер к открытию злоумышленников.

Полковник Непокойчицкий. № 31 13 февраля 1849 г. г. Бухарест.

РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 5332. Л. 193–198.

Краткий справочник важнейших из упомянутых географических названий

Гросвардейн – венг.: Надьварад, рум.: Орадя

Карлсбург (в некоторых документах ошибочно: Кальсбург) – венг.: Дюлафехервар; рум.: Алба-Юлия

Кезди-Васаргели (правильно: Кездивашархей) – рум.: Тыргу-Секуеск

Клаузенбург – венг.: Коложвар; рум.: Клуж, в настоящее время Клуж-Напока

Кронштадт – венг.: Брашшо; рум.: Брашов

Мариенбург – рум.: Фелдиоара

Марошвашаргели (правильно: Марошвашархей) – рум.: Тыргу-Муреш

Надьбаня – рум.: Бая-Маре

Сегесвар (правильно венг.: Шегешвар) – рум.: Сигишоара

Сен-Георге, Сен-Жорж – рум.: Сфынту-Георге

Сен-Миклош – венг.: Дёрдъсентмиклош, рум.: Георгень

Удваргели – правильное венг.: Секейудвархей; рум.: Одорхею-Секуеск

Херман(н)штадт, Германштадт – венг.: Надьсебен; рум.: Сибиу

Чик-Середа, Середа – рум.: Меркуря-Чук

¹ В записях военно-исторического журнала, относящихся к началу осени 1849 г., давалась следующая характеристика ситуации: «В Дунайских Княжествах всё это время было спокойно и возвращались из-за границы люди, принадлежавшие и причастные к бывшему в Валахии возмущению, коим въезд в Княжество по последнему фирману Его Величества Султана не воспрещен. При настоящих обстоятельствах у них начинали вновь возрождаться надежды осуществить преступные замыслы. На тайных сходбищах, а иногда и публично они высказывали свои мнения, основываясь на симпатии к ним Турок. При теперешнем занятии Княжеств нашими войсками в довольно значительном числе нельзя предполагать каких-либо покушений, но бдительное наблюдение и пребывание здесь наших войск остаются совершенно необходимыми для предупреждения беспорядков (РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 5357. Л. 285–296). Российские войска находились в Валахии до 1850 г.

VI РЕЦЕНЗИИ

CONSTANTIN UNGUREANU. SISTEMUL DE ÎNVĂȚĂMÎNT DIN BUCOVINA ÎN PERIODA STĂPÂNIRII AUSTRIECE (1774–1918). CHIȘINĂU, 2015. 456 p.

[УНГУРЯНУ КОНСТАНТИН. СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ БУКОВИНЫ В ПЕРИОД АВСТРИЙСКОГО ГОСПОДСТВА (1774–1918). КИШИНЕВ, 2015. 456 с.]

Опубликованная в Кишиневе на румынском языке, основанная на глубокой проработке украинских и румынских архивов, а также австрийской статистики монография Константина Унгуряну дает представление о развитии системы образования в Буковине в период нахождения этого многонационального края в составе Габсбургской монархии (1774–1918). Наибольшее внимание в работе уделено развитию школ на румынском языке обучения, а также уровню образования этнических румын (молдаван).

К середине 1770-х годов, когда северная часть Молдавского княжества (Буковина) оказалась под австрийской оккупацией и военной администрацией, это был, как и всё Молдавское княжество, край с массовой неграмотностью в сельской среде. Вместе с тем здесь находился ряд элитарных по меркам этого княжества церковных учебных заведений – важных центров молдавской национальной культуры (в частности, епископская школа в Рэдэуцах и семинария при монастыре Путна, успешно развивавшаяся в XVIII в.).

Во время пребывания Буковины под управлением австрийской военной администрации происходит реорганизация системы образования в этом крае, возникают новые начальные школы, как с румынским, так и с немецким языком обучения. В 1786 г. Буковина была присоединена к Королевству Галиции и Лодомерии и входила в его состав до 1848 г., управляясь сословным галиций-

ским сеймом. Несмотря на то, что и далеко Буковину затронули, пусть в небольшой мере, школьные реформы Марии Терезии и Иосифа II, в этот период система образования в крае в целом стагнировала. Среди открытых учебных заведений можно назвать клерикальную школу в Черновцах с румынским языком обучения, существовавшую с 1786 по 1818 г. Наиболее непростой для развития румынской национальной школы в крае период пришелся на 1815–1844 гг., когда вся система начальных школ находилась под юрисдикцией Римско-Католической Консистерии Лемберга (Львова). В 1840 г. в них обучалось примерно 4600 человек.

После 1848 г. в процессе реструктуризации габсбургских земель Буковина становится самостоятельным герцогством со своим провинциальным сеймом, принимавшим и местные законы, в соответствии с которыми функционировала школьная система. Хотя количество начальных школ в Буковине за 20 лет утроилось, однако охват детей школьным образованием был все еще очень ограниченным, едва ли превышая 8 тыс. человек. Православные румыны и русины, вместе составлявшие подавляющее большинство населения края, среди учащихся начальных школ едва достигали 40 %, уровень грамотности в их среде был существенно ниже, чем среди немцев, поляков, евреев и малочисленных венгров. Даже через 100 лет после присоединения Буковины к империи и начала школьных реформ в духе про-

свещенного абсолютизма общая неграмотность населения в крае превышала 80 %.

В 1860-е – 1870-е годы австрийский парламент принял ряд законов, направленных на модернизацию общества, в том числе майский закон 1869 г. о выведении школьной системы из-под церковной юрисдикции. Вслед за этим в январе 1873 г. буковинский сейм утвердил местное законодательство, в соответствии с которым регулировалось функционирование системы образования (в том числе порядок создания новых школ, их финансирование), что особенно благоприятствовало развитию начальных школ. Автор касается вопроса о роли школьных инспекторов в процессе формирования начальных школ – были государственные инспекторы, отвечавшие за немецкие, румынские, русинские, польские начальные школы.

В последнюю четверть XIX в. развитие системы начального образования в Буковине заметно ускорилось. Особенно большой прогресс был достигнут в начале XX в., что было связано как с экономическим ростом, так и с процессами формирования гражданского общества, происходившими снизу и сопровождавшимися инициативами по созданию частных школ. В это время появляется большое количество новых школ. В 1871 г. начальным образованием было охвачено всего лишь 12–13 % детей школьного возраста. Однако в последующие годы произошел настоящий рывок. В начале XX в. эта цифра достигает 78 %, а в предвоенном 1913 г. 96 %. К этому времени в крае функционировали 564 начальные школы, в том числе 219 украинских (в подавляющем большинстве своем небольших сельских), 190 румынских, 97 немецких, 15 польских, 4 венгерских и 39 смешанных. В них проходили обучение 110 тыс. школьников. По сути дела, к этому времени уже обеспечивалась полная грамотность подрастающего поколения. Общая же неграмотность населения уменьшается с 87 % в 1880 г. до 54 % в 1910 г. Это примерно соответствовало показателям того времени в Трансильвании и Банате (землях Венгерского королевства, где большинство населения составляли румыны) и было заметно выше, нежели в королевской Румынии, а также в Бессарабской губернии Российской империи, где, согласно переписи 1897 г., грамотность составляла примерно 15 % населения.

При этом в 1900 г. 68 % учеников начальной школы составляли православные румыны и русины (украинцы), большинство из которых получало образование на родном языке. К 1913 г. их было 73 %. Причем в главном городе провинции, в Черновцах, среди школьников начальных классов большая доля (около трети) приходилась на иудеев, что отражало этноконфессиональную структуру этого многонационального города. По показателям охвата детей младшего школьного возраста начальным образованием Буковина к этому времени опередила не только так называемое «Старое» Румынское Королевство в его границах до 1918 г. (в которое наряду с объединившимися в 1859 г. Молдовой и Валахией входила после Берлинского конгресса 1878 г. и Добруджа), но также Трансильванию и Банат, относившиеся к землям венгерской половины Габсбургской монархии. Так, к началу первой мировой войны в Румынском королевстве ходили в школы примерно 62 % детей соответствующего возраста, а в российской Бессарабской губернии этот показатель далеко не достигал и половины детей. В Буковине же 95–97 % детей младшего школьного возраста посещали либо церковные, либо частные школы. Тем не менее, Буковина продолжала оставаться одной из самых отсталых по показателям образованности населения австрийских провинций монархии, что вполне объяснимо сохранявшейся экономической отсталостью.

Как показывает автор, в Буковине всегда сохранял актуальность вопрос о языке обучения, особенно в городах, а также селах со смешанным населением. В течение XIX в. в крае формируется сеть смешанных школ, где обучение в разных классах велось на разных языках. Но постепенно в процессе дальнейшей реорганизации системы начального образования количество смешанных школ уменьшалось, возобладала тенденция к созданию национальных школ – русинских, румынских и т.д. Тем самым к началу XX в. у жителей Буковины появилось больше возможностей получения образования на родном языке. Так, после 1910 г. в ряде сел со смешанным населением было образовано 14 румынских начальных школ, где обучалось около 1400 детей. Финансировались они как румынскими культурными

обществами, так и частными лицами. Существовали вместе с тем и государственные дотации. В 1870 г. на государственные средства было создано и первое среднее педагогическое училище, готовившее учителей для начальной школы, в том числе румынской и русинской.

Улучшение жизненного положения учителей и повышение социального статуса этого слоя способствовали возрастанию общественной активности педагогов. В 1872 г. образуется Буковинское педагогическое общество, причем, что показательно, на национальной основе, включив в себя педагогов разных национальностей и религий. Но к началу XX в. также появляются, а в последующие годы активизируют свою деятельность сообщества учителей национальных школ, связанных с теми или иными национальными движениями (русинскими, румынскими, еврейскими). Совсем в канун мировой войны, в июне 1914 г. в Сучаве (городе с преобладающим румынским населением и большими историческими традициями, первой столице Молдавского княжества) прошел съезд румынских учителей Буковины – в нем участвовало 500 человек, более 70 % всех профессиональных румынских педагогов, работавших в крае. Выходят педагогические журналы на немецком, румынском и украинском языках, два последних были тесно связаны с соответствующими национальными сообществами.

Первое светское среднее учебное заведение в Буковине (крае с давними традициями церковного образования) было создано в 1808 г. в Черновцах. Большинство педагогов были выходцами из Галиции. Языком обучения был немецкий: хотя до трети учащихся составляли румыны, на родном языке им преподавали лишь православное богословие. В ходе реорганизации этого учебного заведения (трансформированного в первую черновицкую гимназию) в 1849 г. на волне национального подъема, связанного с европейскими революциями 1848–1849 гг. (не обошедшими, как известно, стороной как Дунайские княжества, так и Трансильванию), вводится курс румынского языка и литературы. Формируется библиотека румынских книг. Однако в этом учебном заведении среди учащихся преобладали лица еврейского происхождения, что вполне соответствовало

месту евреев в экономической элите города. Обучение продолжало вестись на немецком языке, который на протяжении всей рассматриваемой в монографии эпохи однозначно доминировал в гимназическом образовании Буковины. Всего за 100 лет эту гимназию окончило более 3800 человек.

В условиях активизации румынского национального движения в Буковине под давлением снизу в 1898 г. в первой черновицкой гимназии (а через некоторое время и в другой гимназии города) появляются классы с полной программой обучения на румынском языке. Вторая в крае гимназия была основана в Сучаве в 1860 г. В силу особенностей национального состава Южной Буковины (преобладания румынского населения над русинским) большинство учащихся здесь составляли румыны и обучение по многим предметам в румынских классах (существовавших параллельно с немецкими классами) постепенно все больше велось на румынском языке; с середины 1880-х годов этнические румыны преобладали здесь и среди учителей, из той же среды назначались и директора этой гимназии, сыгравшей свою роль в формировании кадров для румынского национального движения в Буковине. Классы с полным курсом обучения на румынском языке возникают также в немецких гимназиях г. Рэдэуцы, другого важного центра средневековой культуры Северной Молдавии, и г. Кымпулунг. В последней в начале XX в. румыны составляли до 70 % учащихся. Требования создания классов с полной программой обучения на родном языке звучали и в русинской среде Северной Буковины. Эти планы были реализованы в предвоенное десятилетие, такие классы существовали в гимназиях гг. Черновцы, Кицмани, перед войной были образованы украинские гимназии в Вижнице и Вашковцах. Таким образом, к началу войны большинство румын и русин, учившихся в средней школе, уже имели возможность пройти полный курс обучения в классах, где не только ученики, но и многие учителя относились к их родной национальности, если даже некоторые предметы и продолжали преподаваться на немецком языке. Существовала в Черновцах и польская гимназия. Согласно приведенным в монографии данным, к 1914 г. в Буковине было 13 мужских гимназий с бо-

лее чем 6 тыс. учащихся. 51 % учащихся (включая евреев) называли своим родным языком немецкий, 23 % – русинский (украинский), 21 % – румынский, 5 % – польский. Если же говорить о конфессиональной структуре, то самую большую группу составляли иудеи – 40 %, православные около 35 %, католики 13 %, униаты 8 %, были представлены также протестанты.

В 1863 г. в Черновцах возникает первая специализированная средняя школа с углубленным преподаванием естественных и технических наук на немецком языке. Румыны и русины вместе составляли в ней менее 15 % учащихся. Однако к 1914 г. среди не только учащихся, но и педагогов этого училища было уже немало румын и русин, а к числу спонсоров относились общественные организации, связанные с православной церковью. Все-таки в малочисленных средних учебных заведениях, ориентированных на естественнонаучное, техническое, практическое знание, доминировало обучение на немецком языке, что являлось препятствием для получения широкого доступа к прикладным наукам румынских и русинских детей. Исключение составляло лесотехническое училище в Кымпулунге с румынским языком обучения. Автор приходит к выводу о том, что и в начале XX в. по масштабам развития профессионального образования Буковина заметно отставала от западных регионов Габсбургской монархии. Вместе с тем уровень образования неуклонно повышался. Весьма продвинутая по общеимперским меркам государственная средняя школа с коммерческим и техническим отделениями была создана в Черновцах. Весь курс обучения в ней проходил на немецком языке, что, конечно же, сдерживало поступление в эту школу румын и русинов.

Система женского гимназического образования в крае начала формироваться в конце XIX в., а уже к 1913 г. в разных городах Буковины имелось 6 женских гимназий, в которых обучалось около 1400 учениц. В женском среднем образовании также доминировал немецкий язык и основную долю гимназисток составляли девочки еврейского и немецкого происхождения. Правда, в женской гимназии Сучавы было немало румынок, а румынский язык все шире входил в педагогическую практику. В 1902 г. в Чернов-

цах было образовано православное женское среднее учебное заведение, где учились только русинские и румынские девушки. Часть предметов и в нем преподавалась на немецком языке. После реорганизации в 1912 г. этого учебного заведения и повышения его статуса доля немецкого языка в программе обучения еще более увеличилась, на родных языках преподавались лишь исторические, филологические и религиозные дисциплины. В целом можно констатировать, что среди румынского, а особенно среди русинского населения Буковины среднее женское образование не получило широкого распространения. Автор показывает, что даже в сравнении с мужскими гимназиями Буковины в женских объем преподавания на немецком языке как не родном был выше.

Один из главных выводов работы заключается в том, что при всем совершенно явном прогрессе в развитии буковинской средней школы в последней трети XIX – начале XX в. представленность в учебном процессе румынского и русинского языков, на каждом из которых говорило более трети населения края (а в Южной либо Северной Буковине – более половины населения), была явно недостаточной. Но это объяснялось в первую очередь уже не школьной политикой (всё менее дискриминационной), а тем, что у выпускников гимназий, получивших среднее образование на немецком языке, было куда больше возможностей продолжить его в школах высшей ступени.

Большое внимание в книге уделено Черновицкому университету, основанному 4 октября 1875 г. Интересно, что, несмотря на сохранявшееся доминирование немецкого языка и преобладание немецкоязычных педагогов в элитарной буковинской системе образования первым ректором был избран выходец из русинского духовенства Константин Томащук, видный юрист, выпускник львовского университета, депутат не только буковинского ландтага, но и австрийского парламента. Еще в начале 1870-х годов он активно выступал в буковинском ландтаге с предложением о создании университета. До 1919 г. в черновицком университете существовали три факультета: православной теологии, юридический и философский. Языком преподавания был немецкий. В отличие от других австрийских университетов

черновицкий не имел медицинского факультета. Теологический факультет с самого начала находился в сооруженном незадолго до этого по проекту крупного чешского архитектора Й. Главки и удостоенном премии на парижской выставке 1867 г. здании резиденции буковинских православных митрополитов (передано потом целиком университету). Университетская библиотека постепенно расширялась и к 1918 г. содержала 230 тыс. книг. Теологический факультет имел собственную библиотеку (около 13 тыс. томов).

В монографии К. Унгурану показаны традиции коллегиальности, с самого начала возобладавшие в деятельности университета. Это проявилось, в частности, в выборности ректоров (избиравшихся на год) и деканов при отсутствии каких-либо ограничений с точки зрения национальности и религии: среди ректоров были и немцы, и евреи, и румыны, и русины. В 1875–1918 гг. в штате университета состояло 127 полных профессоров, среди них преобладали немцы, были евреи, но также 20 румын и менее 10 украинцев. Многие из немецких профессоров связали свою деятельность не только с Черновцами, преподавали и в других университетах монархии. В гораздо меньшей степени это касалось православных теологов – румын и (реже) русин, в подавляющем большинстве своем уроженцев Буковины. Факультет православной теологии был единственным в монархии Габсбургов и имел значение далеко не только для Буковины; его профессора, как правило, пользовались немалым авторитетом в православной церковной среде Габсбургской монархии, а среди студентов были не только коренные буковинцы (в 1911/1912 учебном году составлявшие половину из 200 студентов), но и выходцы из Трансильвании, Румынского королевства, а также из Болгарии, Сербии, Боснии, Далмации. Хотя официально языком обучения на этом факультете (как и на других факультетах) был немецкий, в преподавательской

практике использовались также румынский и украинский языки. Роль факультета в подготовке как румынской, так и русинской национальной интеллигенции Буковины весьма велика. Не менее велика его роль в формировании румынской теологической школы.

Куда сильнее позиции немецкой профессуры были на юридическом факультете, где училось около 70 % студентов черновицкого университета. Что же касается философского факультета, то он объединял как гуманитарные, так и естественнонаучные, а также математические кафедры. Большое значение для формирования национальных движений православных народов Буковины имели кафедры славянской и романской филологии, ставшие к тому же важными центрами изучения не только румынского и украинского языков и литератур, но также истории и всей духовной культуры этих народов. В предвоенном 1913 г. румыны и русины составляли примерно по четверти студентов университета, получая образование по всем университетским специальностям. Общее же количество студентов превышает 1100 человек.

Позитивная динамика развития университета в начале XX в., особенно в годы, непосредственно предшествовавшие первой мировой войне, не была прервана и в последующую историческую эпоху, несмотря на явные изменения, как преподавательского состава, так и студенческого контингента университета. Румынские власти после перехода Буковины под юрисдикцию Румынии проявили заботу о расширении университета, было построено несколько новых корпусов. Хотя немецкий язык продолжал еще занимать достаточно сильные позиции в университете, на первый план все более явно выходит новый государственный язык, румынский, а само учреждение плавно интегрируется в систему элитных учебных заведений межвоенной «Великой Румынии».

А. С. Стыкалин

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Безаров Александр Троянович, кандидат исторических наук, ассистент кафедры истории нового и новейшего времени Черновицкого национального университета имени Юрия Федьковича. E-mail: alex.bezarov@gmail.com

Булыгина Тамара Александровна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Северо-Кавказского федерального университета. E-mail: bul.tamara2011@yandex.ru

Ведерников Михаил Владимирович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела исследований Центральной и Восточной Европы Института Европы РАН. E-mail: vishma@mail.ru

Клопихина Василина Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и методики преподавания исторических и филологических наук Ставропольского государственного педагогического института.

Колин Анжела Ивановна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории АН Молдовы. E-mail: zhurslav@gmail.com

Колонтари Аттила, Ph.D. хабилитированный доцент Педагогического факультета Капошварского университета. E-mail: kolontari68attila@gmail.com

Котов Борис Сергеевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра по изучению XIX века Института всеобщей истории РАН. E-mail: bs.kotov@mail.ru

Крючков Игорь Владимирович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой зарубежной истории, политологии и международных отношений Северо-Кавказского федерального университета. E-mail: igory5@yandex.ru

Миронов Владимир Валерьевич, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей и российской истории Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина. E-mail: mironov.vladimir@hotmail.com

Павленко Ольга Вячеславовна, кандидат исторических наук, проректор по научной работе Российского государственного гуманитарного университета, заведующий кафедрой зарубежного регионоведения и внешней политики факультета международных отношений и зарубежного регионоведения Историко-архивного институту Российского государственного гуманитарного университета. E-mail: pavlenko@rggu.ru

Птицын Андрей Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Северо-Кавказского федерального университета. E-mail: ptandr@gmail.com

Романенко Сергей Александрович, доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики Российского государственного гуманитарного университета. E-mail: serg.hist@gmail.com

Саваи Ференц, доктор исторических наук, профессор, ректор Капошварского университета. E-mail: rektor@ke.hu

Сальков Анатолий Петрович, кандидат исторических наук, доцент заведующий кафедрой истории южных и западных славян Белорусского государственного университета. E-mail: anatsalkov@mail.ru

Сироткина Евгения Викторовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры Государственного управления и гуманитарных дисциплин Тамбовского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ. E-mail: evgsirotkina@yandex.ru

Стыкалин Александр Сергеевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела истории славянских народов периода мировых войн Института славяноведения РАН. E-mail: zhurslav@gmail.com

Тихонова Наталья Михайловна, соискатель кафедры специальных исторических дисциплин и документоведения Южного федерального университета (Ростов-на-Дону). E-mail: lamada1@rambler.ru

Ткаченко Дмитрий Сергеевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Северо-Кавказского федерального университета. E-mail: tkdmsg@rambler.ru

Шварц Искра, доктор философских наук, профессор Института Восточноевропейской истории Венского университета. E-mail: iskra.schwarcz@univie.ac.at

Научное издание

РОССИЙСКО-АВСТРИЙСКИЙ АЛЬМАНАХ: ИСТОРИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Выпуск VI

Технический редактор и компьютерная вёрстка Н. Неговора

Подписано в печать 27.11.2017

Формат 60x84 1/8

Усл. п. л. 21,74

Уч.-изд. л. 21,18

Бумага офсетная

Заказ 173

Тираж 500 экз.

Отпечатано в издательско-полиграфическом комплексе
ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»
355029 г. Ставрополь, пр-т Кулакова, 2